

Дарестанский филиал АН СССР
Институт истории, языка и литературы
им. П. Чагасы

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том III

Магасканы = 1957

72(2P. 264)
И 712

Дагестанский филиал АН СССР

Институт истории, языка и литературы
им. Г. Цадасы

Ученые записки

ТОМ III

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

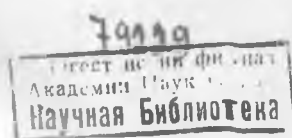

instituteofhistory.ru

Махачкала — 1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АЛИКБЕРОВ, В. Г. ГАДЖИЕВ,
Г.-А. ДАНИЯЛОВ (ответственный редактор), В. И. КАНИВЕЦ,
Ш. И. МИКАИЛОВ, Г. Б. МУРКЕЛИНСКИЙ,
А. С. ОМАРОВ, Е. В. СКАЗИН, Р. Ф. ЮСУФОВ.

instituteofhistory.ru

ИСТОРИЯ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА КИЗЛЯРА В 1918 ГОДУ

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года, свергнувшая самодержавие, не принесла освобождения трудящимся России — к власти пришло буржуазное Временное правительство.

В Кизляре и его обширном отделе¹, входившем тогда в Терскую область, власть и богатство по-прежнему находились в руках небольшой кучки эксплуататоров: помещиков-скотоводов, промышленников-виноделов, торговцев, казачьей верхушки, чиновников.

В марте 1917 г. в Кизляре образовался Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Однако большинство в Совете составляли представители различных соглашательских партий, поддерживавших мероприятия Временного правительства. Так, в «Известиях Кизлярского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» от 6 августа 1917 года была напечатана большая статья одного из деятелей, а затем и председателя этого Совета Г. Меликянца «Временное правительство и голос демократии», в которой он призывал массы к поддержке Временного правительства Керенского. В заметке «Отношение Кизлярского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов к Временному правительству» прямо заявлялось, что Кизлярский Совет полностью поддерживает Временное правительство, считая его революционным правительством.

В Кизляре образовались многочисленные политические группы, союзы и так называемые национальные советы. К ним относились: муссаватисты, дашнаки, эсеры, кадеты, казачий союз, меньшевики, чечело-ингушский союз, еврейский союз, армянский национальный совет, народно-социалистическая группа, мусульманский национальный совет и другие.

¹ Административная единица, соответствующая уезду.

Все эти группы и союзы стояли на страже интересов различных слоев русской и национальной буржуазии и помещиков и были против передачи власти трудящимся. В то же время они вели борьбу за власть между собой.

Несмотря на свою малочисленность, большевики Кизляра вели упорную работу в массах, готовя их к взятию власти в свои руки. В середине октября 1917 г. в Кизляр приехал коммунист А. Ф. Хорошев. Он был направлен сюда по просьбе кизлярских большевиков Ставропольским губкомом партии на усиление местной организации.

Весть о начавшейся в Петрограде пролетарской революции была получена в Кизляре 25 октября (7 ноября) по телеграфу из Владикавказа¹. Большевики Кизляра напечатали в местной типографии воззвание, в котором объявили о низложении Временного правительства и переходе власти к Советам. На состоявшемся на городской площади митинге трудящиеся города горячо приветствовали социалистическую революцию и заявили о своей полной солидарности с ней.

В Кизляре создается Военно-революционный комитет. С созданием его работа большевиков в массах усилилась.

Вскоре состоялось заседание Кизлярского Совета, на котором присутствовали представители демократических организаций города и отдела, а также гарнизона. Заседание приняло резолюцию о признании власти Советов и призвало всех трудящихся выступить на защиту Советской власти.

Однако переход власти к Советам происходил в сложных условиях. Окончательное установление Советской власти здесь тормозилось рядом причин. Широкие массы не были подготовлены к переходу власти в руки народа. Различные политические группы и союзы, образовавшиеся до Октябрьской революции, выступили против установления власти трудящихся. В этих целях они всеми средствами разжигали вражду между казаками и горцами, между казаками и «иногородними» крестьянами. Сказывалось также наличие в отделе казачьих станиц, значительная часть населения которых была настроена контрреволюционно. Контрреволюция опиралась также на прибывшие с фронта части «дикой дивизии», стоявшие в Кизляре, и на казачьи полки.

Опорой большевиков в это время были пролетарии города, крестьянская и казачья беднота, а также большевистски настроенные фронтовики, возвратившиеся с фронтов империалистической войны, преимущественно с Кавказского фронта. Большую поддержку большевикам оказывали образовавшиеся после Февральской революции профессиональные союзы (бондарей, садовых рабочих и др.).

¹ Д. Мосесов, Революционные дни в Кизляре (из воспоминаний участника). «Кизлярская правда» от 7 ноября 1955 г.

Необходимо отметить, что в первый момент революции переход власти к Советам совершался здесь мирным путем. Представители Совета и Военно-революционного комитета явочным порядком занимали местные учреждения, объявляли себя законной властью, хотя сами эти учреждения продолжали исполнять свои функции, поскольку новые органы, которые могли бы их заменить, еще не были созданы. Никаких крупных столкновений в первый момент революции в городе не происходило. Буржуазия и ее прислужники находились в состоянии полной растерянности.

Однако вскоре положение коренным образом изменилось. Уже первые мероприятия Совета вызвали недовольство и решительное противодействие со стороны эксплуататорских классов и их партий. Буржуазия и ее агенты заставляли находившихся у них на службе чиновников и служащих не подчиняться Совету и всячески срывать его мероприятия, направленные на установление новой власти. Враги трудящихся в этих целях организовывали заговоры, сеяли провокационные слухи, устраивали убийства сторонников Советской власти, ухудшали продовольственное снабжение населения и т. д.

Контрреволюционные действия буржуазии и ее агентов привели к резкому осложнению положения в городе. Особенно тяжелым было положение в городе в конце 1917 и начале 1918 г¹. Большинство предприятий и учреждений не работало. Продовольственное и финансовое положение ухудшалось с каждым днем. В то же время процветала спекуляция и анархия. Органы власти Совета были еще слабы и не могли справиться с этим злом.

Чтобы дать Советской власти возможность укрепиться, вновь избранный Военно-революционный комитет получил от Совета чрезвычайные полномочия по борьбе с анархией и контрреволюцией. В состав Военно-революционного комитета вошли: А. Ф. Хорошев, — председатель, А. А. Амирагов — управляющий финансово-экономическим отделом, Д. М. Мосесов — комиссар по военным делам, И. Дрямов — управляющий отделом по охране революции, К. Михеев, В. Горбачев, А. Ф. Захаров, В. Дрямов и др.

Военно-революционный комитет действовал смело и энергично. Первым долгом ревком приступил к созданию красногвардейского отряда. В него вступили наиболее сознательные пролетарии города. Но у ревкома не было оружия для красногвардейцев. Оружие имелось только у частей старой армии, находившихся в то время в Кизляре. Но этим оружием пыта-

¹«Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Кизляра» от 30 мая 1918 г.

лись овладеть контрреволюционеры, и в частности дашнаковцы. Последние сговорились с офицерами и те обещали передать им за известную плату пулеметы и винтовки¹.

Чтобы не допустить перехода оружия в руки врага, были приняты срочные меры. В течение нескольких суток, действуя через солдат, ревком достал необходимое оружие. Вскоре в распоряжении Военно-революционного комитета имелся вооруженный отряд красногвардейцев в количестве 28 человек. В числе вступивших в отряд первыми были: Г. Крикухин, А. П. Игошин, Г. К. Дучевский, И. В. Фролов, Н. Г. Ананьев, братья Маменко, И. А. Шевченко, А. П. Губанов и др.

Примерно в это же время начал формироваться революционный партизанский отряд в районе села Старо-Теречного². В него шла крестьянская беднота, рыбаки и вернувшиеся с фронта солдаты. Оружие для отряда было доставлено на барже из Астрахани. К весне 1918 года партизанский отряд насчитывал около 500 бойцов. Командовали отрядом Рашевский, Дьяков и Береговой. Отряд имел свою артиллерию и кавалерийский эскадрон, которым командовал Павел Шилинский (Каспар). Среди отважных бойцов отряда были пулеметчики Тимофей Коротун и Георгий Чернец, бойцы А. К. Кирсанов, Т. С. Голубицкий, братья Никифор и Нестер Суслы, И. И. Суслов, И. Кирпатенко и многие другие.

Создавались и небольшие местные партизанские отряды (Мареновский, Юрковский и др.).

Уже в первый период своей деятельности Военно-революционный комитет разослал своих уполномоченных в села и станции для организации Советской власти. С каждым днем авторитет Советской власти и большевиков возрастал. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты выборов в Учредительное собрание, проходившие в ноябре 1917 года. В Кизляре выборы в Учредительное собрание проводились в течение недели. Город и около 30 прилегающих к нему населенных пунктов были разделены на 3 избирательных участка. В выборах приняли участие все имевшиеся в Кизляре политические группировки (всего около 15 группировок), каждая из которых агитировала за своих кандидатов. Однако большевики получили голосов больше, чем какая-либо другая партия, участвовавшая в выборах, а именно 38% всех голосов, поданных избирателями³.

¹ Г. Крикухин. Из боевых воспоминаний. «Красный Дагестан» от 8 июля 1928 г.

² Воспоминания участников партизанского отряда А. К. Кирсанова, Т. С. Голубицкого, И. Кирпатенко и др.

³ «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Кизляра» от 21 ноября 1918 г.

Это, несомненно, свидетельствовало о росте влияния большевиков в массах, а также и о том, что народ одобряет их политику. Опираясь на растущую активность масс, Совет и ревком развернули энергичную деятельность по претворению в жизнь первых декретов Советской власти.

Подавляя саботаж чиновников и разрушая старый буржуазно-полицейский аппарат, Совет и ревком создавали новый аппарат. Реализуя декрет II Всероссийского съезда Советов о земле, земельный отдел конфисковывал землю у помещиков и передавал её безвозмездно в распоряжение крестьян; частная собственность на землю отменялась. Была повышена заработная плата рабочим.

В целях выхода из тяжелых финансовых затруднений и обеспечения финансирования организаций и предприятий города, Военно-революционный комитет решил взять необходимые для этого средства у буржуазии. 30 (17) марта 1918 года Военно-революционный комитет издал постановление о введении прогрессивно-подходящего налога на рыбу и вино с имущего класса г. Кизляра и района, а также немедленно чрезвычайного налога с богачей на сумму в один миллион рублей¹. Эта мера особенно пришлась не по душе буржуазии. Буржуазия заявила протест. Но Военно-революционный комитет действовал решительно. У злостных неплательщиков налога конфисковывалось имущество. За счет этих средств финансировались городское самоуправление, школы и т. д. Важную роль в осуществлении этих мероприятий сыграл военно-революционный трибунал во главе с Алиевым.

Стремясь полнее удовлетворить насущные потребности населения, Военно-революционный комитет провел ряд мероприятий, направленных на улучшение быта трудящихся. Было издано постановление об ограничении торговли вином, главным рассадником которой были многочисленные харчевни, спаивавшие трудовой народ и приводившие его к разорению.

Одновременно с этим в целях удовлетворения духовных потребностей трудящихся был создан в реквизированном доме одного богача народный клуб, при котором были организованы библиотека-читальня и буфет без спиртных напитков, в клубе проводились беседы и лекции². В целях борьбы со спекуляцией, принявшей огромные размеры, и обеспечения населения продовольствием Военно-революционный комитет и Совет 20 марта 1918 г. приняли совместное постановление, которым запрещался вывоз из Кизляра продовольственных

¹ «Известия Совдепа и Военно-революционного комитета гор. Кизляра» от 21 апреля 1918 г.

² Там же.

товаров без разрешения Военно-революционного комитета и продовольственной управы¹.

Мероприятия Совета и Военно-революционного комитета были встречены массами с одобрением. Благодаря предпринятым Военно-революционным комитетом решительным мерам сопротивление контрреволюции было сломлено, анархия была подавлена. Советская власть значительно окрепла, в городе наладилась нормальная жизнь. После того, как Военно-революционный комитет выполнил поставленную перед ним задачу, Совет на своем заседании 19 мая 1918 г., полностью одобрив деятельность Военно-революционного комитета, принял решение о слиянии комитета с Советом. При слиянии было образовано три отдела Совета (финансовый, военный и политический) и произведены перевыборы Исполнительного комитета, причем комиссарами (заведующими) этих отделов были избраны те же члены Совета, которые стояли во главе их, когда эти отделы находились при Военно-революционном комитете². В частности, комиссаром (заведующим) военного отдела был избран бывший председатель Военно-революционного комитета А. Ф. Хорошев, комиссаром финансового отдела — А. А. Амирагов. Председателем Совета был избран Гринь.

С самого начала Октябрьской революции Кизляр поддерживал связь с центром провозглашенной весной 1918 года в гор. Владикавказе Терской Советской республики, а также со Ставрополем, Грозным и Астраханью. Тесные связи установил Кизляр с Дагестаном. В Дагестане в этот период происходила борьба за власть между сторонниками Советской власти, возглавляемыми Уллубием Буйнакским и Махачом Дахадаевым, и контрреволюцией, возглавляемой имамом Гоцинским и другими контрреволюционерами. Борьба эта закончилась установлением в Дагестане в мае 1918 года Советской власти. К весне 1918 года Советская власть утвердилась на всем Северном Кавказе.

Но разбитые Октябрьской революцией помещики и капиталисты сговорились с иностранными империалистами об интервенции и свержении власти Советов. Началась упорная борьба рабочих и крестьян России против внешних и внутренних врагов Советской власти. Во главе контрреволюционных сил на Северном Кавказе был царский генерал Деникин; он сформировал большую «добровольческую армию» и начал поход против Советов.

¹ «Известия Совдепа и Военно-революционного комитета гор. Кизляра» от 23 мая 1918 г.

² «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Кизляра» от 30 мая 1918 г.

Отрезанная вследствие интервенции и контрреволюционных мятежей от основных продовольственных районов (Украины, Среднего Поволжья и Сибири), Советская Россия испытывала сильный голод. Одним из важнейших хлебных районов был тогда Северный Кавказ. Из запасов Северного Кавказа снабжался также г. Баку. Последний, в свою очередь, снабжал страну нефтью. При этом единственной артерией, по которой осуществлялась доставка хлеба в центр Советской России, являлась железная дорога Тихорецкая — Царицын, а в сторону Баку — Червленая — Петровск — Баку.

Летом 1918 года Деникин нанес поражение частям Кавказской Красной Армии, захватил Тихорецкую и тем самым отрезал Кубань и Ставрополье от Царицына. Положение усугубилось тем, что в июне на Тереке (в Моздоке) деникинский агент Георгий Бичерахов поднял мятеж против Советской власти. Контрреволюционный мятеж на Тереке и действия разбойничьих банд в Чечне и Дагестане вывели из строя железную дорогу Червленая — Петровск, вследствие чего прекратилась доставка хлеба в Баку¹.

В этот тяжелый для Советской страны момент важное значение приобрел Кизляр. Он оказался единственным пунктом, связывавшим Северный Кавказ с Советской Россией. Теперь приходилось вывозить заготовленный на Северном Кавказе хлеб по новому маршруту: Кизляр — Каспийское море и далее на Баку и Астрахань. В Кизляр съехалось множество продовольственных бригад и уполномоченных, занимавшихся заготовкой хлеба. Много продовольственных отрядов было в Кизляре и из Дагестана, население которого также ощущало нужду в хлебе. В Кизляре же в то время скопилось более 150.000 пудов заготовленного хлеба. От Кизляра до берега моря хлеб доставлялся на подводках.

Важнейшей задачей Кизлярского Совета в этот период было оказание помощи уполномоченным по заготовке и отправке хлеба в Москву и Баку. В эти дни в Кизляре побывал чрезвычайный комиссар юга России Серго Орджоникидзе, уполномоченный Совета Народных Комиссаров Ф. А. Сергеев (Артем), выдающийся революционер П. А. Моисеенко и ряд других советских и партийных работников². В. И. Ленин лично интересовался Кизляром. К Ленину специально выезжал заместитель председателя Кизлярского Совета³.

¹ И. Разгон и А. Мельчин. Борьба за власть Советов в Дагестане. Махачкала, 1945, стр. 45.

² П. А. Моисеенко. Воспоминания. «Красная новь», 1924, стр. 214.

³ Воспоминания А. Ф. Хорошева и К. Михеева.

Перевозка хлеба до моря на подводах очень тормозила его доставку по назначению. С целью ускорения доставки хлеба в промышленные центры Советской России и в Баку по указанию В. И. Ленина был разработан план постройки железной дороги Кизляр — Брянская пристань на берегу Каспийского моря¹. В Кизляр прибыла посланная Лениным проектно-изыскательная экспедиция во главе с инженером Никольским.

Выполняя указания Ленина, Кизлярский Совет принял решение о постройке железной дороги Кизляр — Брянская. Во главе этого дела были поставлены присланные из Москвы специалисты и бакинские рабочие, уполномоченные по заготовке хлеба. Строительство дороги началось в первых числах июня и шло успешно. Однако строительство не было доведено до конца, ибо контрреволюция начала поход на Кизляр.

Как писала в те дни газета «Известия Кизлярского Совета», замысел врага был таков: «Ликвидировать Кизлярский Совдеп, ликвидировать его опору — революционный партизанский отряд, занять побережье и... закрыть последний путь, по которому мог бы голодающий пролетариат Севера получить так нужный ему хлеб, и костлявой рукой голода задуть все разрастающуюся социальную революцию»².

Глава терской контрреволюции Георгий Бичерахов дал указание казачьим офицерам о нападении на советский Кизляр, которое и было совершено в начале июля. Белогвардейцы ультимативно потребовали немедленно распустить Совет и красногвардейский отряд, угрожая в противном случае захватить город штурмом³.

Наглое требование врага вызвало возмущение трудящихся города. Ультиматум был решительно отклонен. Город начал быстро готовиться к обороне. Была проведена мобилизация населения на рытье окопов и объявлен призыв добровольцев в Красную Армию. В самое короткое время город был окружен кольцом окопов. Рабочие, крестьяне и служащие добровольно вступали в Красную Армию, чтобы с оружием в руках защищать Советскую власть.

К началу осады боевое ядро гарнизона состояло из 68 красногвардейцев, а к концу первого дня осады отряд насчитывал уже 250 человек и занял позиции против вражеских цепей.

¹ Железнодорожная линия Кизляр—Астрахань была построена в годы Великой Отечественной войны.

² «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор Кизляра» от 10 ноября 1918 г.

³ Воспоминания М. Киева, Н. Г. Ананьева, И. А. Шевченко и др.

В тот же день по селам были разосланы представители Совета с призывом выступить на защиту Кизляра. Трудящиеся сел и хуторов горячо откликнулись на призыв кизлярцев. Уже в первый день осады в город потянулись в одиночку и группами десятки и сотни людей, готовых отдать жизнь за Советскую власть. В числе их первыми прибыли: отряд серебряковцев (мареновцев) во главе с З. Гончаровым, отряд черняевцев во главе с Тарыкиным, группа сарсаровцев под руководством Г. Л. Плаксина. Несколько позже прибыл отряд юрковцев под командованием П. Альшевского¹.

На помощь Кизляру был срочно вызван революционный партизанский отряд, находившийся в это время возле Бакил (Бабаюртовский район). Бойцы этого отряда имели уже некоторый боевой опыт, полученный ими в боях с бандами Узун-Гаджи и имама Гоцинского, действовавших на территории северного Дагестана, и контрреволюционными казачьими отрядами. Значительным боевым делом партизанского отряда был разгром (в июне 1918 года) большого скопления белоказаков в станице Александрийской (Копай), готовившихся напасть на советский Кизляр. В разгроме гнезда белоказаков в районе этой станицы партизанам помог вызванный ими на помощь из Петровска (ныне Махачкала) вооруженный отряд в 450 человек под командованием Круглова. В результате разгрома белоказаков были захвачены несколько сот винтовок, два орудия, бомбометы, пулеметы. Эти трофеи пополнили вооружение партизанского отряда. Но сам партизанский отряд сильно поредел и к моменту прихода в Кизляр в нем было не больше 300 человек².

Для руководства военными операциями был создан штаб обороны города, а затем и Военный Совет фронта. Первым командующим фронтом был руководитель кизлярских большевиков, способный организатор и командир Александр Федорович Хорошев. В дальнейшем в числе командующих Кизлярским фронтом были Червинский, Машкин, Б. Шеболдаев и др.

Так возник новый, Кизлярский фронт гражданской войны. В течение двух первых недель положение на фронте было относительно спокойным. Серьезные боевые действия начались лишь 22 июля (по ст. стилю). В этот день противник открыл артиллерийский огонь по городу со стороны Таловских мостов. Были повреждены многие здания, имелись убитые и раненые. После артиллерийского обстрела враг намере-

¹ Воспоминания участников обороны Кизляра в 1918 г.: А. К. Кирсанова, И. И. Сулова, А. П. Игошина, Г. П. Чернеца, И. А. Шевченко и др.

² Воспоминания бойцов отряда Г. Чернеца, А. Кирсанова, И. Кирпатенко и др.

вался перейти в атаку. Но вот начала бить красная артиллерия. Враг не заметил, как накануне вечером в город пришел партизанский отряд из Бакил, имевший с собой артиллерию. Огонь советской артиллерии причинил белым значительный урон.

Английский военный флот, находившийся в Каспийском море, блокировал побережье и мешал получению помощи из Астрахани. На о. Чечень находилась база английской военной авиации, производившей отсюда налеты на Кизляр и Астрахань.

Положение города с каждым днем становилось все тяжелее. Прежде всего, не хватало боеприпасов. Трудно было с продовольствием. Питание бойцов и населения города производилось главным образом за счет остатков того продовольствия, которое было свезено в Кизляр уполномоченными по заготовке хлеба, но которое не успели отправить по назначению в связи с блокадой города. Эти запасы с каждым днем уменьшались, а новые не поступали из-за контрреволюционных мятежей и полного расстройтва путей сообщения. Хлеб выдавался только по карточкам. Связь со Ставрополем, Владикавказом, Грозным, Дагестаном и Астраханью была нарушена.

Изъятые ранее у буржуазии деньги кончились. Совету не на что было покупать продовольствие. Нечем было платить зарплату. Совет вынужден был выпустить свои денежные знаки. Они были отпечатаны в местной типографии на простой белой бумаге с правом хождения на территории Кизлярского отдела до 1 января 1919 г.

6 августа штаб обороны Кизляра направил командованию Кавказской Красной Армии в Астрахань телеграмму, в которой сообщал о тяжелом положении города и просил о срочной присылке вооруженной помощи. Но этот документ был перехвачен врагом¹. Тогда в Астрахань была отправлена группа товарищей во главе с В. Дрямовым, но помощь все еще не поступала.

Между тем белогвардейцы получили значительное пополнение в живой силе. Моздокское «правительство» обильно снабжало белоказаков оружием, получая его от Деникина, все время торопившего белоказаков быстрее покончить с советским Кизляром с тем, чтобы после Кизляра захватить Грозный и Владикавказ, которые в этот период также вели героическую борьбу против осаждавших их белогвардейцев.

К этому времени враг насчитывал в своих рядах более 10 тысяч человек, тогда как Кизляр защищало около 1000 бой-

¹ Воспоминания участников обороны Кизляра М. Киева, И. И. Сулова, А. П. Игошина, И. А. Шевченко и др.

цов. Пользуясь тяжелым положением города и своим численным превосходством, белогвардейцы 8 августа начали наступление на город в надежде на то, что им удастся овладеть им. Но враг встретил упорное сопротивление. Завязался кровавый бой. Встретив отпор, враг местами отошел на исходные позиции. Однако под натиском превосходящих сил противника советские войска в конце концов вынуждены были отступить.

В этот критический момент, неожиданно для врага, в бой вступила запасная рота (примерно 100 бойцов) во главе с коммунистом В. Горбачевым. В атаке приняли личное участие А. Ф. Хорошев, А. Ф. Захаров, Д. М. Мосесов, Береговой и многие другие командиры-коммунисты. Атакующие прорвали один из флангов противника, грозя зайти к нему в тыл. Прорыв поднял дух красных бойцов, которые по всему фронту начали теснить белых. Бой, продолжавшийся около 6 часов, закончился полным разгромом в несколько раз превосходящего по численности противника.

Упорное сражение произошло 23 августа на юго-восточной окраине города. В этот день к Кизляру подошел восточный отряд белоказаков под командованием Дроганова. Он также начал с предъявления ультиматума, предлагая сдать город без боя и угрожая в противном случае смертью. В ультиматуме красноармейцам предлагалось «получить у него для своих семей хлеб и немедленно разъехаться по домам»¹. Ультиматум был отклонен. Завязался упорный бой, в котором белоказаки были разбиты.

Однако, несмотря на одержанные победы, положение осажденного города с каждым днем становилось все тяжелее. Кольцо окружения города сжималось все уже. Связь с внешним миром прервалась. Почти каждое утро со стороны Моздока подходил бронепоезд и обстреливал город из орудий. В это время Кизляр представлял собой как бы островок Советской власти среди бушующего моря контрреволюции. Враги пытались взять его не только силой, но и голодом и обманом. Подвоз продовольствия в город из окружающих сел совершенно прекратился, а имевшиеся запасы иссякали.

Недостаток продовольствия заставил Кизлярский Совет принять 28 октября постановление, которым норма выдачи хлеба населению города сокращалась до полфунта на человека². Этим же постановлением была учреждена Чрезвычайная комиссия по продовольствию (Чекапрод). Без санкции Чекапрода никто не вправе был принимать какие-либо мероприятия в деле продовольствия.

¹ Воспоминания участника обороны Кизляра М. Киева. «20 лет освобождения Ставрополя от белых». Пятигорск, 1940 г.

² «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Кизляра» от 10 ноября 1918 г.

31 октября Чекапрод опубликовал объявление, в котором говорилось: «Чрезвычайная комиссия по продовольствию доводит до всеобщего сведения, что, согласно Постановлению Исполнительного Комитета Кизлярского Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов от 28 сего октября, ввиду чрезвычайных условий переживаемого времени, норма выдачи хлеба населению города с 1 ноября с. г. временно сокращена до полфунта на человека»¹.

Несмотря на недостаток продовольствия, снаряжения и вооружения, красноармейцы героически защищали советский Кизляр, отбивая одну атаку врага за другой. В боях росло и крепло мужество защитников города. Из Астрахани спешили на помощь им красные части с вооружением. 23 сентября 1918 г. прибыл отряд конницы, орудия, автоброневик, обозы с боеприпасами². 25 сентября в город вступил Латышский красногвардейский отряд. Два дня спустя, также с боями, пришли части «Железного отряда» с артиллерией и боеприпасами, которым командовал А. Симовский. Храбро действовал прибывший из Астрахани кавалерийский отряд по командованием Григория Сигидина.

Прибытие помощи из Астрахани подняло дух защитников Кизляра. Город превращался в неприступную крепость. Роль Кизляра в развернувшихся событиях гражданской войны возросла еще больше. Он оттянул на себя значительную часть белогвардейских сил, осаждавших Грозный и Владикавказ. Вместе с этими городами Кизляр мешал осуществлению планов врага — соединить силы северо-кавказской контрреволюции с закавказской, и в частности сорвал план объединения сил полковника Лазаря Бичерахова, занявшего в начале сентября Петровск, с контрреволюционными силами его брата Георгия Бичерахова на Тереке. Однако осада Кизляра лишила Баку продовольствия, что помогло бакинским контрреволюционерам, при помощи английского наймита Бичерахова, уничтожить Советскую власть в Баку.

В конце сентября вооруженные на деньги английских империалистов части полковника Лазаря Бичерахова высаживаются в Старо-Теречной, подступают к Кизляру и осаждают его с восточной стороны. Предъявив его защитникам грозный ультиматум и получив решительное отклонение, Бичерахов 13 октября начал наступление на город. Но кизлярцы решили встретить врага по-настоящему. Чтобы можно было разить врага в упор изо всех видов оружия, на передний край обороны были подтянуты и тщательно замаскированы не только пулеметы, но и артиллерия. В завязавшемся упорном

¹ Там же.

² М. К и о в. Из заметок участника. «20 лет освобождения от белых». Пятигорск, 1940 г.

бою перевес сначала был на стороне бичераховцев. Был момент, когда враг уже торжествовал победу. Но он не учел одного — революционного энтузиазма защитников, сражавшихся под лозунгом: победить или умереть за революцию. Отвага и мужество красных воинов взяли свое.

К вечеру бой закончился. На поле боя осталось много разного оружия и снаряжения. Три роты пехоты врага были взяты в плен. Среди трофеев были: автоброневик, 12 пушек, пулеметы, множество винтовок, тысячи патронов. В подбитом броневике оказалось 2 убитых английских офицера.

30 октября 1918 г. из Астрахани в Кизляр прибыл Ленинский полк, в составе которого имелась рота китайцев. Прибытие этого полка ускорило разгром контрреволюции и очищение Кизлярского края от неприятеля¹.

Подводя итоги четырем месяцам борьбы за Кизляр и отмечая героизм защитников города, газета «Известия Кизлярского Совета» писала: «Сегодня 4 месяца, как преступными руководителями казачества нарушена нормальная жизнь Терской республики. Четыре месяца, как господа Бичераховы, Урчукины и все золотопогонное воронье, в погоне за утерянными в Октябрьскую рабоче-крестьянскую революцию паразитическими привилегиями зажгли пожар гражданской войны... Кизлярская беднота Русской и Мусульманской слободок оставила свои темные и грязные хижины, взяла оружие, переселилась в грязные окопы и с помощью героев-борцов за революцию бывшего партизанского отряда образовала гранитную, революционную стену, о которую разбились все преступные замыслы контрреволюционеров»².

Оборона Кизляра продолжалась. Но только к концу 1918 года контрреволюционные мятежи на обширной территории Кизлярского отдела были полностью подавлены. В результате весь путь от Кизляра на Черный Рынок, а также в направлении Грозного и Минеральных Вод был очищен от белогвардейских банд.

Существенную роль в разгроме контрреволюции сыграла созданная в декабре 1918 года Чрезвычайная комиссия Кизлярского фронта, ставившая своей задачей борьбу с контрреволюцией, спекуляцией, преступлениями по должности и пьянством³. Возглавлял комиссию Пугин.

Оборона Кизляра продолжалась около 6 месяцев и проходила в крайне тяжелых условиях. Но благодаря революци-

¹ Ю. Митус. Красногвардейцы (Воспоминания об отряде) Харьков, 1934 г.

² «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Кизляра» от 10 ноября 1918 г.

³ «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Кизляра» от 19 декабря 1918 г.

онному энтузиазму, стойкости и мужеству его защитников, советский Кизляр так и не был взят белыми. Осада была выдержана с честью. Современник и участник событий писал в газете того времени: «История не забудет отметить этой заслуги Кизляра и должна будет отвести ему одно из видных мест в главе подавления контрреволюционного движения на Северном Кавказе»¹.

Однако общая обстановка на Северном Кавказе к концу 1918 года резко ухудшилась. XI армия, дезорганизованная предательством командующего армией Сорокина, плохо вооруженная, разутая, голодная и больная тифом, отступала под натиском превосходящих сил противника. Отступление велось на Астрахань через Кизляр.

22 января 1919 г. в Кизляр прибыл штаб 1-й пехотной дивизии XII армии, который принял командование и дела штаба Кизлярского фронта. К началу февраля здесь сосредоточились почти все части XI армии и отдельные части XII армии со всеми их штабами². Последней вошла в город знаменитая конница Кочубея. В этот момент Кизляр был последним островком Советской власти на всем Северном Кавказе.

Однако организовать дальнейшую оборону Кизляра было невозможно. Продовольствия в Кизляре имелось всего лишь на три дня³. Моральный упадок отступавшей XI армии в какой-то мере передался и частям Кизлярского фронта. Кроме того, многие красноармейцы были больны тифом. 4 февраля 1919 г. в связи с общим отходом войск Красной Армии из пределов Северного Кавказа Кизляр был без боя оставлен красными частями. Из-за недостатка транспорта военное имущество отступавших частей не удалось вывезти, и оно было взорвано. Кизляр пылал в зареве пожаров⁴.

В этих крайне тяжелых условиях отступления красные воины остались до конца верны революции. Несмотря на нечеловеческие трудности, испытываемые ими в пути, и наличие приказа Деникина о помиловании всех красноармейцев, никто из них не пожелал сдать врагу⁵.

4 февраля в Кизляр вошли деникинцы. Сразу же началась расправа с оставшимися в городе больными и ранеными борцами за Советскую власть и их семьями. Участник событий И. Кирпатенко в своих воспоминаниях рассказывает: «К вечеру были поставлены три виселицы для повешения больных красноармейцев, а также был организован обоз для отправки трупов за город. Все оставшиеся больные красноармейцы и их

¹ «Известия...» от 10 ноября 1918 г.

² ЦГАКА, д. 192—251, лл. 48—51.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 10.

⁵ Там же.

семьи были отправлены в подвал, откуда ежедневно палачи уводили по 150—200 человек»¹. Были схвачены и после мучительных пыток повешены председатель Кизлярского Совета большевик Андрей Доценко, большевики Бахметьев, Давыдов, Зуев, учитель Кугатов и др.

Но кизлярцы ни на минуту не примирились с врагом. После занятия города белыми многие коммунисты, оставшиеся в городе, продолжали вести борьбу в тылу врага. Около 400 кизлярцев ушли в камыши, создали на территории Бабаюртовского района свой партизанский штаб и в течение всего периода белогвардейской оккупации вели борьбу в тылу врага, нанося ему чувствительные удары. Среди кизлярских партизан особенно прославился своими геройскими подвигами разведчик Иван Гришко (Сибиряк), именем которого названа одна из улиц города.

Кизлярские партизаны-камышане поддерживали постоянную связь с советской Астраханью и другими партизанскими центрами и подпольными организациями Северного Кавказа и особенно Дагестана. Находившийся в тот период в Астрахани С. М. Киров горячо интересовался борьбой кизлярских партизан, давал свои указания и неоднократно оказывал им материальную помощь.

После ухода Красной Армии с Северного Кавказа в течение всего 1919 года существовало так называемое Кизлярское направление Юго-Восточного фронта и особая Кизлярская группа войск, действовавшая со стороны Астрахани. Одним из командиров Кизлярской группы войск был Бучин.

Грабежи и зверства, чинимые белогвардейцами над населением Северного Кавказа, ускорили начало решительного наступления красных частей. Командованием XI армии было решено организовать экспедиционный корпус с заданием прорвать фронт белых и пройти в тыл противника. Организатором и вдохновителем этого мероприятия был С. М. Киров. В ноябре 1919 года корпус был сформирован. Корпус был разделен на две боевые группы: Кизлярскую и Святокрестовскую.

Наступление на Кизляр и на Святой Крест началось одновременно и проходило успешно. Кизлярская группа в середине декабря 1919 г. взяла Кизляр, отбив у противника бронепоезд «Гром» и много оружия. Части Кизлярской группы стали продвигаться по линии железной дороги на Червленную. Однако дальнейшее продвижение группы было приостановлено. Противник, подтянув резервные части, перешел в контр наступление и опять занял Кизляр. В марте 1920 г. возрожденная XI Красная Армия во главе с С. М. Кировым вместе с другими

¹ «Красный Дагестан» от 23 февраля 1928 г.

красными частями перешла в решительное наступление и при поддержке партизанских отрядов разгромила белогвардейцев и интервентов, освободила Северный Кавказ, в том числе и город Кизляр.

Кизляр был освобожден 24 марта 1920 г. С этого дня в Кизляре вновь и уже навсегда установилась власть Советов, принесящая счастье трудовому народу.

М. КИЧЕВ

Кандидат исторических наук

РАЗГРОМ АНТИСОВЕТСКОГО МЯТЕЖА В ДАГЕСТАНЕ в 1920—1921 гг.

В марте 1920 г. в Дагестане и в апреле 1920 г. в Азербайджане была окончательно установлена Советская власть. Трудящиеся массы Северного Кавказа, Дагестана и Азербайджана приступили к строительству новой жизни. Восстанавливалось хозяйство. Создавались и укреплялись партийные, профсоюзные и комсомольские организации. Однако политическое положение на Кавказе летом и осенью 1920 г. оставалось еще очень напряженным, ибо война между Советской Россией и интервентами продолжалась.

Империалисты устремили свои взоры на Кавказ, хорошо понимая, какое важное значение он имеет для Советской страны не только благодаря наличию топлива, сырья и продовольствия, но и благодаря своему положению между Европой и Азией. Молодой Советской России предстояло дать на Кавказе бой международным империалистам. От исхода этого боя зависело освобождение всех народов Кавказа.

Барон Врангель при содействии западных империалистов финансировал различные контрреволюционные организации на Кавказе и перебрасывал сюда своих шпионов и диверсантов. По этому поводу в одном документе сообщается: «В Батум из Севастополя прибыл на французском миноносце ген. Пиковский, назначенный неофициальным представителем ген. Врангеля в Грузии. Вместе с ним прибыл полковник Кизилбаш, привезший до 10 млн. руб. (донскими) для поддержки восстания на Северном Кавказе»¹. В целях регулярного снабжения Грузии всем необходимым для подготовки антисоветских мятежей на Северном Кавказе в Англии был организован специальный «Комитет помощи Грузии»².

¹ ЦГАКА, ф. 6, оп. 4, д. 623, л. 19.

² «Известия ЦИК» от 26 июня 1925 г.

По указанию Антанты грузинское меньшевистское правительство дало убежище деятелям «Горского правительства», азербайджанскому муссаватистскому правительству, казачьим генералам и офицерам. В 1920 году грузинские меньшевики сформировали из разбитых частей бывшей деникинской армии 12-тысячный белогвардейский отряд и на английских и французских пароходах отправили его в Крым. Кроме того, они снабжали Врангеля оружием, нефтью, углем и пр.

Выполняя волю своих империалистических хозяев, грузинское меньшевистское правительство создало в Лагодехи штаб для подготовки антисоветского мятежа в Дагестане. «Оно снабдило Гоцинского и Алиханова деньгами, — писала газета «Советский юг», — помогло им организовать отряд в 600 всадников и придавало к отряду своих инструкторов»¹.

2 июня 1920 г. полковник Алиханов обратился к грузинскому меньшевистскому правительству с бросьбой присоединить Аварию к Грузии. В своей докладной записке, адресованной грузинскому министру иностранных дел, Алиханов обещал меньшевикам природные богатства Аварии. «С этим воссоединением, — писал Алиханов, — Грузия получает выход и в Каспийское море»². Это обращение было на руку меньшевикам, мечтавшим расширить «свое государство» от моря до моря.

Грузинское меньшевистское правительство отправило в Дагестан своего представителя Джабрашвили для ознакомления с ходом антисоветского мятежа. В октябре 1920 г. он приехал в Гидатль и обещал Гоцинскому и К° помощь боевыми припасами, оружием и воинскими частями. Вскоре грузинские меньшевики отправили в Дагестан 2400 винтовок и 4 пулемета³, а затем один вагон вооружения и мануфактуры. Меньшевистское правительство поддерживало связь с бандами Гоцинского при помощи электрической световой сигнализации⁴.

В то же время деятели «Горского правительства» пытались объединить вокруг себя все горские контрреволюционные силы, чтобы восстановить «независимую» Горскую республику. Они издавали свою газету «Вольный горец», проводили подрывную работу против Советской власти.

«Горское правительство» «не имело решительно никакого влияния на народ, который оно мнимо возглавляет, — писал в своей докладной записке Врангелю поручик Погодин, член диверсионной группы, находившийся в Тифлисе, — и даже

¹ «Советский юг» от 12 декабря 1920 г.

² ЦГАОР Груз. ССР, ф. 13, 1920 г., оп. 1, д. 60, л. 63.

³ ЦГАКА, ф. 195, оп. 4, д. 265, л. 145.

⁴ ЦГАКА, ф. 266, оп. 1, д. 53, л. 169.

сам народ в лице своих представителей решительно отказывается от этих лиц и не допустит их появления на территории горских народов»¹.

Не находя опоры в народе, бамматовы, джабагиевы, цаликовы мечтали с помощью Антанты и Турции отторгнуть Северный Кавказ от Советской России и создать зависимую от Турции «Горскую республику». Для этого они поддерживали непосредственную связь с Турцией через своих агентов, посланных в Трапезунд, а также через турецких представителей, приехавших к ним в Тифлис и Батум для переговоров.² Турецкая печать проявляла большой интерес к антисоветским выступлениям горцев и не скрывала своих симпатий к мятежникам, а реакционная английская газета «Таймс» помещала статьи, в которых одобрялись антисоветские мятежи на Северном Кавказе³.

В документе, хранящемся в ЦГАКА, говорится: «В Ангоре за последнее время часто происходят заседания большого Национального Совета с представителями константинопольского правительства... на заседаниях Совета были представители Дагестана (речь идет о предателях народов Дагестана М. К.), высказавшиеся за присоединение Дагестана к Турции»⁴.

В результате этих переговоров Антанта и Турция прислали в помощь деятелям «Горского правительства» внука Шамиля Саид-бека для руководства восстанием⁵. Саид-бек приехал в Грузию летом 1920 года, когда уже шла подготовка к антисоветскому мятежу в Дагестане. Турция обещала помочь «Горскому правительству» и Саид-беку в борьбе против Советской власти деньгами, обмундированием и вооружением. «Саид-бек говорил нам, — признает в своих воспоминаниях командующий бандами Гоцинского полковник Джафаров, — что его прислали в Дагестан турки и что они обещали ему большую помощь»⁶. Летом же 1920 г. члены «Горского правительства» вместе с Саид-беком основали «Комитет организации восстания на Северном Кавказе и в Дагестане», ставивший своей целью создание «независимой» горской республики под протекторатом Турции.

¹ Ростовский областной госархив, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 43, лл. 131—136.

² Там же.

³ «Красный Дагестан» от 25 декабря 1922 г. и 1 апреля 1923 г.

⁴ ЦГАКА, ф. 4, оп. 1, д. 415, л. 398.

⁵ В документе, хранящемся в ЦГА ДАССР, сообщается, что Саид-бек учился в Париже. Он получил крупную сумму денег для организации антисоветского мятежа в Дагестане.

⁶ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1499, л. 71.

Летом 1920 г. в Тифлисе орудовала белоказачья «Кубанская краевая рада», руководимая агентом Врангеля и Антанты Тимошенко. Французское правительство покровительствовало раде и субсидировало ее¹. «Кубанская краевая рада», являясь послушным орудием в руках Антанты, готовила антисоветский мятеж на Кубани. К таким же антисоветским организациям, созданным с помощью Антанты, грузинских меньшевиков и Врангеля, можно отнести «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков», основателями которого были личные друзья Врангеля генерал Туманов, генерал Меликов, ротмистр Эльдаров и поручик Погодин².

При «Комитете содействия» был создан отдел «по организации восстаний горских народов», в состав которого входили от терских казаков полковник Портянка и генерал Блажнов, от Осетии полковник Багаев, от Дагестана ротмистр Эльдаров и Мавраев (бывший член «Горского правительства»), от Ингушетии Муса Базуртанов, от Чечни ротмистр Сарокаев³.

«Комитет содействия» обратился за помощью к своим хозяевам—империалистам Антанты. «Для успешного выполнения взятой на себя комитетом задачи, — гласит постановление этого комитета, направленное во французскую военную миссию в Тифлисе, — последний, имея недостаток в снабжении партизанских (бандитских — М. К.) отрядов оружием, боевыми припасами... считает долгом предупредить начальника французской миссии, что если теперь же не будут приняты шаги к поднятию восстания и не будет захвачена Военно-Грузинская дорога, то через месяц, самое большее, все остальные пути будут закрыты снегами, и все операции придется отложить до весны, почему комитет обращается с просьбой к полковнику Корбейлю оказать заимообразно денежную субсидию в размере 10 млн рублей грузинскими деньгами или по курсу дня — другими (керенскими и николаевскими) и помочь в вопросе об отпуске грузинским правительством хотя бы в ограниченном количестве пулеметов и винтовок, патронов и т. п. Впоследствии эта сумма будет возвращена французской миссии сырьем, захваченным на Северном Кавказе⁴.

Осенью 1920 года английские и турецкие интервенты образовали в Константинополе еще одну контрреволюционную организацию, ориентирующуюся на Врангеля, под названием

¹ ЦГАКА, ф. 6, оп. 3, д. 72. л. 26 (фонд штаба РВСР).

² Ростовский областной госархив, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 43, лл. 131—136.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Кавказский комитет», куда вошли изгнанные народами Северного Кавказа контрреволюционеры генерал Халилов, князь Бекович-Черкасский, Хабаев и др¹. Организуя этот комитет, империалисты Антанты и Турции рассчитывали с его помощью привлечь в армию Врангеля всех кавказских контрреволюционеров, находившихся в Турции.

14 сентября 1920 г. в Тифлис прибыли лидеры II Интернационала Вандервельде, Макдональд, Рендель и др., а 30 сентября приехал и К. Каутский, считавшийся одним из руководителей этой «социалистической» делегации. Меншевицкое правительство Н. Жордания устроило «делегации» и Каутскому торжественную встречу. Под влиянием «социалистической делегации» грузинское меньшевицкое правительство усилило агитацию против Советской власти в Азербайджане и Дагестане. В одном из официальных документов 10 октября 1920 г. сообщалось, что в «Грузии ведется усиленная агитация по восстановлению народов Азербайджана и Дагестана против Советской власти... на территории Грузии происходят частые митинги, на которых разжигаются массы против русских, возбуждается религиозная и национальная вражда призывом объединить мусульман»¹.

Грузинские меньшевики, охваченные страхом перед социалистической революцией, под прямым воздействием «социалистической делегации» Каутского, 18 октября 1920 г. приняли решение о передаче английским интервентам Батумской области. Только этого и ждала Антанта, ибо, таким образом, интервентам открывалась дорога на Баку. Сразу же в Батумский порт прибыли американские, французские и итальянские военные суда, чтобы занять Батумскую область и подавить революционное движение в Грузии. Это было началом новой открытой вооруженной интервенции Антанты на Кавказе.

Организуя свою интервенцию на Кавказе, Антанта хотела: во-первых, спасти Польшу и Врангеля от полного разгрома, оттянув часть Красной Армии на Кавказ; во-вторых, объединить организованные с помощью грузинских меньшевиков, армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов и «горского правительства» разрозненные антисоветские мятежи на Северном Кавказе в одно общее восстание и в результате создать единый фронт от Балтийского до Каспийского моря; в-третьих, образовать на Северном Кавказе и Азербайджане «независимые республики», затем, отторгнув Кавказ от Советской России, превратить его в свою колонию, овладеть стратегическими и экономическими дорогами, а если это не удастся, закрепить за собой хотя бы Закавказье, как плацдарм для дальнейших действий против Советской России.

¹ ЦГАКА, ф. 266, оп. 1, д. 52, л. 5.

² ЦГАКА, ф. 6, оп. 3, д. 72, л. 13.

Обстановка на Кавказе еще больше осложнилась в связи с наступлением Врангеля. Империалисты рассчитывали, что это наступление облегчит тяжелое положение белополяков и даст возможность Врангелю перебросить на Кавказ часть своей армии в помощь контрреволюционным организациям, готовившим вооруженные восстания на Северном Кавказе.

В августе 1920 г., одновременно с высадкой десанта Врангеля на Кубани, Гоцинский дважды пытался вторгнуться в пределы Дагестана, но эти попытки не увенчались успехом. Но Гоцинский не останавливался ни перед чем. Усилив свою банду, получив деньги от Врангеля и вооружение от меньшевистского правительства Грузии, он готовился к решительной борьбе против Советской власти.

В начале сентября 1920 г. банда Гоцинского (численностью в 600 сабель) вторглась в Дагестан. Под натиском озверелых бандитов незначительные силы пограничной охраны отступили. Вскоре банда Гоцинского захватила значительную часть Андийского и Гунибского округов. По мере продвижения банд в глубь гор к ним присоединялись контрреволюционные отряды кулачества, мусульманского духовенства и горцев, попавших под их влияние. В захваченных районах враги установили жесткий режим и проводили принудительную мобилизацию населения.

В своих воспоминаниях тот же самый Джафаров сообщает: «Все время он (Гоцинский — К. М.) кричал о том, что такого-то надо убить за то, что он угнал его баранту, такого-то надо повесить за то, что он указал большевикам его баранту, такого-то — за то, что он захватил его кутан»¹. Проезжая вблизи селения Телетль, Гоцинский приказал выделить сельчан для пополнения своих бандитских отрядов, но жители селения не дали людей и предупредили его, чтобы он не приезжал к ним. Гоцинский вынужден был проехать мимо селения Телетль.

В ходе мятежа численность банд Гоцинского резко колебалась. Иногда, в зависимости от тех или иных временных успехов, она превышала 10 тыс. человек. Гоцинский называл свою банду «шариатскими войсками горских народов». Общее командование «шариатскими войсками» было сосредоточено в руках полковника Джафарова, который в свою очередь подчинялся «Совету четырех шейхов» и Саид-беку. Как свидетельствуют документы, «Совет четырех шейхов» в составе Ансалтинского, Андийского Дервиша-Магома, Аварского Магомы-Гаджи, Ибрагима-Гаджи Кучринского² был высшей духовной и военной властью мятежников.

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1499, л. 65.

² ЦГАКА, ф. 266, оп. 1, д. 18, п. 9.

Как уже было сказано выше, пытаясь использовать авторитет Шамиля среди горцев, англо-турецкие колонизаторы и лидеры «Горского правительства» в спешном порядке отправили в Дагестан внука Шамиля Саид-бека для руководства антисоветским мятежом. По случаю приезда Саид-бека на Гидатлинском мосту был созван съезд кулаков и мусульманского духовенства, где духовным вождем восстания в Дагестане и Чечне «избрали» агента Антанты и Турции Саид-бека.

После съезда антисоветский мятеж в Дагестане разгорелся еще больше. Банда Гоцинского продвигалась по течению Аварского и Андийского Койсу к Гунибу и Хунзаху.

Областной военкомат направил против наседавшего врага 825 красноармейцев и красных партизан при 14 пулеметах. Командующим частями, действующими против банд Гоцинского, был назначен командир Дагестанской бригады Осиповский. Фронт «боевого нагорного участка» был разделен на три части: Ботлихскую, Хунзахскую и Гунибскую.

Малочисленные части Красной Армии и красных партизан в двадцатых числах сентября 1920 г. продвигались тремя колоннами в сторону Андухо-Капучинского и Дидоевского участков. На правом фланге наступал Ботлихский отряд М. Кандухова, на левом — Гунибский под командой М. Омарова, а в центре — Хунзахский во главе с М. Атаевым и Малышевым.

Ботлихский отряд, двигаясь вверх по Андийскому Койсу, 23 сентября занял Кваршинское ущелье, сел. Кварши и высоты Богосского хребта. В течение двух суток при сильной снежной вьюге он героически сражался против превосходящего по численности врага.

По сигналу Гоцинского кулаки подняли мятеж в тылу Ботлихского отряда в районе селений Эчеда, Цумада, Хуштада. Отряду, окруженному со всех сторон противником, угрожала смертельная опасность. В связи с этим командующий «боевого нагорного участка» отдал Ботлихскому отряду приказ отступить к крепости Хунзах.

3 октября банда Гоцинского захватила Ботлих, зверски расправилась с гарнизоном (30—40 чел.) и преградила дорогу Ботлихскому отряду, отступавшему на Хунзах. Ботлихскому отряду, насчитывающему теперь всего лишь 50 человек, пришлось изменить маршрут отступления, но вскоре банда в 400 штыков окружила его около сел. Карата. Красноармейцы и красные партизаны решили бороться до последней капли крови. Большая часть этого отряда пала в неравной борьбе смертью храбрых, а оставшиеся в живых пробили себе путь к Хунзаху.

Такая же участь постигла Хунзахский и Гунибский отряды.

21 сентября Хунзахский отряд вышел из крепости Хунзах и начал продвигаться вверх по Аваро-Кахетинской дороге. У Анцухской будки к нему должен был присоединиться Гунибский отряд, двигавшийся по реке Кара-Койсу.

Основные силы Хунзахского отряда вскоре встретились с врагом. Противник занимал очень выгодную позицию — Тамсудинские высоты по обеим сторонам Аварского Койсу. Перед красноармейцами и красными партизанами Хунзахского отряда встала очень трудная задача — любой ценой овладеть этими укрепленными высотами.

Рано утром 24 сентября части Хунзахского отряда под прикрытием пулеметов неожиданным штыковым ударом выбили противника из тамсудинских укреплений и штурмом заняли сел. Кособ-Орта. Стремительный штурм «сел. Кособ-Орта останется в истории Красной Армии, — писал участник гражданской войны в Дагестане М. Кундухов, — блестящим доказательством железного духа Красной гвардии Октябрьской революции. Память о доблестной атаке партизан Дербентского полка, состоявшего из старых бойцов XI армии, останется навсегда в горах Дагестана»¹.

Хунзахский отряд добрался до Анцухской будки, откуда двинулся на сел. Кидеро. Но в это время в тылу Хунзахского отряда восстали кулаки. Остатки отряда силой оружия пробили себе путь к Хунзаху.

Гунибский отряд, продвигавшийся вверх по реке Кара-Койсу, не доходя до места назначения — Анцух-Бежта, вынужден был отступить к Гунибу. Таким образом, банда Гоцинского захватила значительную территорию в Гунибском, Аварском и Андийском округах. В начале октября остатки Хунзахского и Ботлихского отрядов в количестве 295 красноармейцев и красных партизан заперлись в крепости Хунзах. 5 октября 1920 г. было созвано совещание гарнизона Хунзаха, которое приняло решение защищать крепость до последней возможности.

5 октября банда заняла аул Б. Гоцатль, находившийся в тылу хунзахского гарнизона. 7 октября для установления связи с хунзахским гарнизоном через Карадахский мост и для охраны этого моста была отправлена из Гуниба рота 176 стрелкового полка в количестве 60—70 человек. К 8 часам утра рота, подойдя к развалинам крепости Карадах, остановилась на отдых. К отдыхающим красноармейцам начали подходить бандиты, выдававшие себя за добровольцев, желающих совместно с ротой бороться за Советскую власть. Выбрав удобный момент, бандиты в количестве 80 человек захватили пулеметы и стоявшие в козлах винтовки и варварски

¹ «Красный Дагестан» от 9 ноября 1923 г.

расправились с безоружными красноармейцами. Только единицы из них спаслись бегством в Гуниб. Таким образом, бандитам удалось прервать связь между крепостями Гуниб и Хунзах.

9 октября 1920 г. Гоцинский повел наступление на Гуниб со стороны сел. Ругуджа, но гунибский гарнизон героически отбил противника. Бандиты с большими потерями отступили. Однако в этот же день им удалось занять Георгиевский мост на реке Кара-Койсу. Застава у этого моста (22 сабли), руководимая М. Мамаевым, под натиском наседавшего врага вынуждена была отойти к Хаджал-Махи. 9 октября была прервана телеграфная связь между Гунибом и Темир-Хан-Шурой.

Полчищам Гоцинского удалось обложить крепости Гуниб и Хунзах. Гунибский и хунзахский гарнизоны оказались в критическом положении.

М. Далгат и М. Омаров руководили обороной крепости Гуниб. На закрытом заседании окружного комитета РКП(б) были намечены мероприятия по укреплению крепости. В Гунибе ощущался острый недостаток в медикаментах, отсутствовали фураж и продовольствие. Вдобавок к этому неприятель обстреливал крепость со всех сторон. Положение крепости осложнялось и тем, что два крепостных орудия были испорчены, запас патронов был на исходе. Несмотря на это, малочисленный гунибский гарнизон (около 200 красноармейцев и красных партизан) героически выдержал осаду, несколько раз отбрасывая врага, терпевшего большие потери.

В сравнительно лучшем положении находился хунзахский гарнизон. Обороной крепости Хунзах руководил Совет обороны. В состав Совета обороны входили Осиповский, М. Атаев, М. Кундухов, Малышев, командир 1-го Дагестанского стрелкового полка Игнатьев. Настроение гарнизона было бодрое. На своем общем собрании осажденные бойцы единодушно заявили: «Умрем все, а крепость не сдадим»¹.

Продуктов питания и боеприпасов в крепости было достаточно, но не хватало фуража, медикаментов и обмундирования. Оборона крепости Хунзах не носила пассивного характера — героический гарнизон делал вылазки, в результате которых врагу были нанесены чувствительные удары.

* * *

Еще в августе 1920 г., после провала первого выступления Гоцинского, Г. К. Орджоникидзе предупреждал советских и партийных работников Дагестана о возможности новых аван-

¹ А. Тодорский. Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. М. 1924, стр. 77.

тюр со стороны врага, о необходимости принятия мер к локализации и разгрому антисоветских выступлений. Однако руководящие работники Дагестана не придали этим указаниям серьезного значения и не приняли мер предосторожности.

Дагвоенкомат в начале антисоветского мятежа недоверчиво относился к горской бедноте, изъявившей желание бороться против банды Гоцинского. На запрос Гунибского военкомата, просившего разрешения привлечь трудящихся горцев к борьбе против банд Гоцинского, был получен отрицательный ответ.

30 сентября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре было созвано совещание ответственных работников Дагобкома РКП(б) и Дагревкома с участием представителей военных организаций. Первым обсуждался вопрос об антисоветском мятеже в горах. Некоторые представители военных организаций (Смирнов, Квириг и Исаев) настаивали на ведении борьбы против банды только лишь силами армейских частей без какого бы то ни было участия в этом деле местного населения, исходя из ошибочного предположения, что привлечение местных краснопартизанских отрядов внесет путаницу в оперативные дела. В противовес этим представителям военных организаций Коркмасов и Самурский предложили «оттянуть красноармейские части из гор» и выдвинули лозунг «партизанской войны»¹.

Оба эти предложения совещание отвергло и приняло правильное решение о необходимости использовать все революционные силы трудящихся Дагестана и части Красной Армии для разгрома врага.

По указанию В. И. Ленина 7 октября 1920 г. в Дагестан приехал Г. К. Орджоникидзе, чтобы принять меры к ликвидации антисоветского мятежа. Г. К. Орджоникидзе созвал совещание ответственных военных и партийных работников Дагестана. 10 октября Дагобком РКП(б) объявил мобилизацию ³/₄ коммунистов и комсомольцев.

Особое значение было придано участию самих горцев в разгроме антисоветского мятежа. С целью объединения всех революционных сил трудящихся в борьбе с бандами Гоцинского в сел. Леваша 9 октября был созван съезд бедноты Дагестана. На этом съезде Г. К. Орджоникидзе призвал горцев к борьбе с врагами революции.

По зову партии большевиков трудящиеся горцы сотнями вступали в краснопартизанские отряды. Казикумухский окружной ревком провел мобилизацию членов всех комячеек в количестве 500 человек.

Революционный энтузиазм молодежи был настолько велик, что некоторые комсомольские организации направились

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1743, л. 186.

на фронт в полном своем составе. Казанищенский союз молодежи в количестве 50 человек и Муслим-аульский союз молодежи в количестве 30 человек добровольно записались в Красную Армию. Большую активность проявила и городская молодежь. Даже в аппарате Дагобкома РКСМ остался только один работник, так как остальные добровольно ушли на фронт¹. В первые же дни вербовки добровольцев комсомольская организация Порт-Петровска отправила на фронт против Гоцинского 14 лучших комсомольцев.

Мобилизация коммунистов, комсомольцев и вербовка добровольцев дали блестящие результаты — горская беднота выделила из своей среды тысячи сознательных бойцов.

В помощь трудящимся Дагестана были переброшены части Красной Армии. 13 октября 1920 г. в Темир-Хан-Шуру прибыла 32 дивизия.

Через несколько дней после мобилизации Г. К. Орджоникидзе получил в Баку сообщение, что «ликвидация банд Гоцинского успешно продвигается вперед.. что со всех сторон к нашему отряду стекаются горские партизаны, которые энергично помогают в быстрой ликвидации черносотенной авантюры. Общее число партизан достигает уже 2000 человек. Из горных округов идут с музыкой и красными знаменами целые отряды добровольцев. Один Кюринский округ дал 500 человек. Значительная часть добровольцев — бывшие партизаны, борющиеся против армии Деникина»².

В начале октября военное командование Дагестана определило два оперативных направления: Хунзахское и Гунибское. Военские части и партизанские отряды, отправляемые для освобождения гунибского гарнизона, получили название Гунибский отряд, а красные части, предназначенные для освобождения хунзахского гарнизона, получили название Хунзахский отряд.

33-й батальон ВОХР'а с резервным эскадром областной милиции и взводом легкой артиллерии 9 октября 1920 г. вышел из Темир-Хан-Шуры в сторону Хунзаха. В этот же день 176 стрелковый полк также выступил из Темир-Хан-Шуры по направлению Гуниба. 13 октября в Темир-Хан-Шуру прибыли из Азербайджана 283 и 284 стрелковые полки. 283 полк под командой Ганюшкина был отправлен вслед за Хунзахским отрядом, 284 стрелковый полк в этот же день был отправлен в сторону Гуниба, причем командованию полка был дан приказ: принять общее командование и объединить все части, действующие в Гунибском направлении, в один отряд.

¹ «Красный Дагестан» от 11 мая 1923 г.

² М. Павлович. На высотах красного Дагестана. Госиздат. 1921, стр. 23.

К Гунибскому отряду в Джегутае присоединился небольшой отряд добровольцев, а в Левашах — партизанский отряд (60 чел.) во главе с А. Богатыревым и М. Карабудаговым и гунибские партизаны.

13 октября 1920 г. Гунибский отряд без боя занял селения Хаджал-Махи, Куппа и громом своих пушек известил гунибский гарнизон о приближении помощи.

В Куппе к Гунибскому отряду присоединились партизанский отряд К. Караева, а затем революционная молодежь из сел. Салты. 16—17 октября 1920 г. красные партизаны неожиданным ударом разгромили на Чохской высоте аванпосты противника.

17 октября партизаны разбили под сел. Чох одну из группировок банды Гоцинского. Гоцинский едва спасся бегством, потеряв знамя, печать, все документы. Жены чохских красных партизан на окраине селения остановили двух его мюридов, обезоружили их и посадили в конюшню.

Преследуя отступающего врага, партизаны повели наступление на селение Кегер. Со стороны сел. Чох выступили партизанские отряды, а со стороны сел. Салта — батальон 284 стрелкового полка. После упорного уличного боя красные части заняли Кегер, захватив 34 пленных и оружие¹.

19 октября 1920 г. в результате совместных действий частей 284 стрелкового полка, выступивших с Куппинского перевала, и красных партизан, двигавшихся со стороны Гуниба и Кегерских высот, был занят Георгиевский мост и восстановлена связь с частями Гунибского отряда и гунибским гарнизоном. Еще 17 октября рота 176 стрелкового полка заняла сел. в Хвартикуни, которое находилось в тылу этого моста.

В связи с освобождением Гуниба Дагревком получил приветственную телеграмму от командования XI Армии: «Приветствуем красных партизан, красные войска и Дагревком с большим успехом по поводу освобождения Гуниба. Это является делом первостепенной важности. Оно показывает, что провокация Гоцинского и К° не только не коснулась сердец дагестанских бедняков, а, наоборот, воспламенила их порывом к свободе, к свету и Советской власти. Уверены, что недалеко полное освобождение всего Дагестана от провокаторов, беков, кулаков и прочих насильников дагестанской бедноты»².

По освобождении гунибского гарнизона военное командование возложило на Гунибский отряд новую задачу — освободить и хуззахский гарнизон. С этой целью Гунибский отряд, оставив в Гунибе 176 стрелковый полк, всеми остальными си-

¹ «Советский юг» от 31 октября 1920 г.

² «Советский юг» от 31 октября 1920 г.

лами начал наступление на Хунзах. Для усиления Гунибского отряда прибыл красно-партизанский отряд Лапина в количестве 100 сабель.

Партизанские отряды разгромили и очистили от банд район Дарада-Мурада и Маали. Части 284 стрелкового полка заняли Карадах. После ночного боя две роты и разведка 176 полка овладели аулом Корода.

Таким образом, в двадцатых числах октября линия фронта проходила вдоль Аварского Койсу. Одна из группировок банды занимала побережье этой реки. Фронтальное наступление красных частей в районе Гочатль-Уздаль-Росо не увенчалось успехом из-за отсутствия удобных путей для перехода через Аварское Койсу.

Ввиду такого положения командование фронта выработало новый план наступления на Хунзах. По новому плану сводный партизанский отряд под командованием К. Караева должен был ударить по тылам противника (Ругуджа—Куяда—Телетль—Голотль), а части Красной Армии должны были вести фронтальное наступление.

Осуществляя эту задачу, сводный партизанский отряд 27 октября занял сел. Ругуджа. 28 октября он освободил сел. Куяда. Преследуя отступающего врага, партизаны вступили на территорию сел. Телетль, жители которого героически оборонялись от наседавших банд Гоцинского.

Телетлинцы остро нуждались в патронах. Необходимо было срочно сообщить об этом в Хунзах. За это дело взялся старик Магомед Маргалилав. Под видом нищего он благополучно пробрался в крепость. Оттуда его с письмом отправили в Хаджал-Махи. Но по дороге его схватили, обыскали и нашли под подошвой чувяка письмо. После долгих пыток старика повесили на Гергебильском мосту.

С приближением красных войск телетлинские партизаны прорвали вражеское кольцо и встретились с сводным партизанским отрядом. Совместными усилиями обоих отрядов банда, окружавшая Телетль, была разгромлена. К сводному партизанскому отряду присоединились телетлинские и гонодинские партизаны.

Сводный партизанский отряд продвигался по направлению к Хунзаху. В ночь с 29 на 30 октября 284 стрелковый полк готовился к наступлению на естественно-укрепленную позицию сел. Уздаль-Росо, овладев которой, банда Гоцинского не давала красным частям возможности продвигаться в районе укрепления Карадах.

30 октября 1920 г. части 284 стрелкового полка под прикрытием пулеметного артиллерийского огня начали наступление. Отбивая яростные контратаки противника, красные части стремительным штыковым ударом в тот же день освободили

сел. Уздал-Росо. Уже к 31 октября линия фронта проходила в районе Телетль—Уздал-Росо. В этот день сводный партизанский отряд без боя овладел сел. Голотль — ключом к крепости Хунзах.

2 ноября гарнизон хунзахской крепости, прорвав вражеское окружение, неожиданным ударом выбил противника из селения Хунзах и разгромил другую бандитскую группировку, преграждавшую путь к Голотль. 3 ноября сводный партизанский отряд совместно с хунзахским гарнизоном, в количестве 400 бойцов при семи пулеметах, без боя занял сел. Батлаич, а затем начал наступление на высоты сел. Уздал-Росо. В это же время 284 стрелковый полк вел фронтальное наступление. 4 ноября одновременным ударом с тыла и с фронта красные части разгромили на высотах сел. Уздал-Росо группировку банды Гоцинского, насчитывавшую 1300 человек, и восстановили связь хунзахского гарнизона с частями Красной Армии.

Хунзахский отряд при 4 орудиях и 24 пулеметах, под командованием командира 283 стрелкового полка Ганюшкина и политического комиссара С. Дударова, 10 октября занял сел. Аркас и аркаские высоты. Этот отряд, загнанный в узкое Араканское ущелье, не сумел предпринять быстрые и решительные меры к разгрому врага. «Дни тянулись безрезультатно, — пишет в своих воспоминаниях участник араканских событий С. Григорьев, — никакой попытки движения вперед батальон еще не предпринимал»¹.

20 октября подразделения 283 полка выступили для обхода сел. Араканы со стороны сел. Кудутль. В это же время 33 батальон ВОХР'а с артиллерией и обозом стоял неподвижно в Араканском ущелье. Подразделения полка, обойденные недалеко от сел. Кудутль противником, вынуждены были с немалыми потерями вернуться к Араканским воротам. В этом бою смертью храбрых погиб командир Хунзахского отряда Ганюшкин. После его смерти командование отрядом принял С. Дударов.

22 октября противник перешел в наступление на Араканском участке. Хунзахский отряд, обойденный со стороны Араканского плато, с большими потерями отступил к Аркасу. 25 октября в помощь Хунзахскому отряду из Темир-Хан-Шуры прибыли части Коммунистического отряда в количестве 200 штыков. После этого отряд снова занял Араканское плато.

27—28 октября банда возобновила наступление, но бойцы Красной Армии отбили все атаки. В ночь с 29 на 30 октября противник, стянув с других фронтов крупные силы (около 1500 человек), окружил Хунзахский отряд. Командир отряда

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1497, л. 49.

С. Дударов вдохновлял красноармейцев. «Товарищи, — говорил он, — будьте стойки. Сегодня нам предстоит дать кровавый ответ врагу»¹

В кровавой рукопашной схватке красные воины до последней капли крови бились с белобандитами. Отряд погиб в неравной борьбе. Погибли его славный командир С. Дударов и молодой коммунист, секретарь Дагестанского Союза молодежи С. Эрлих. Только небольшая горсточка красноармейцев пробилась себе путь к Аркасу. Несколько красноармейцев было спасено араканской беднотой. А старушка по имени Амиту из сел. Араканы в темную ноябрьскую ночь, рискуя жизнью, разыскала труп С. Дударова и, завернув его в единственный в доме кусок бязи, похоронила на краю кладбища. После разгрома антисоветского мятежа останки героя гражданской войны С. Дударова были перевезены в Буйнакск и там похоронены. Араканское ущелье впоследствии получило название «Долина смерти».

В начале ноября банда Гоцинского насчитывала в своих рядах около 10 тыс. штыков и сабель при 4 орудиях.

Командование XI армии срочно приняло меры к разгрому врага. 3 ноября 1920 г. 32 дивизия, в состав которой входили конно-горная батарея, 282 и 285 стрелковые полки, прибыла из Баку в Темир-Хан-Шуру. Начальник 32 дивизии Тодорский принял командование над всеми вооруженными силами, борющимися с бандами Гоцинского в Дагестане.

Части 32 дивизии 4—5 ноября были отправлены на фронт: конная бригада с конно-горной батареей — по Араканскому направлению, 176, 282, 284, 285 стрелковые полки и все дагестанские партизанские отряды — по Ботлихскому направлению.

Кроме того, 9 ноября 1920 г. из Грозного в Ботлих прибыл Первый образцовый революционной дисциплины стрелковый полк. 11 и 12 ноября хунзахский гарнизон, состоящий из подразделений 284 и 280 стрелковых полков и Аварского партизанского отряда М. Атаева с 3 орудиями и 4 пулеметами, дважды наступал на селения Тануси и Обода, но оба раза потерпел неудачу. 14 ноября батальону 284 стрелкового полка и Аварскому партизанскому отряду удалось разгромить численно превосходящие силы неприятеля, занять селения Тануси и Обода. Развивая свой успех, красные части последовательно заняли аулы Верхний и Нижний Ахалчи, а затем очистили от врага аулы Шотота, Сиух и 15 ноября — Матласы. Банда Гоцинского в 700 штыков и 150 сабель под натиском батальона 284 полка и Аварского партизанского отряда М. Атаева с большими потерями отступила к сел. Харахи.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 4, ед. хр. 16, л. 7.

18 ноября отряд М. Омарова освободил сел. Датуна и хутор Заи. 16 ноября 1920 г. Первый образцовый революционной дисциплины стрелковый полк без боя занял сел. Ботлих. 18 же ноября подразделения Революционного полка смелой атакой заняли сел. Муни, а затем, преследуя отступающего врага, освободили сел. Орта-Коло. Но бандам, стянувшим в район Муни—Орта-Коло значительные силы, удалось окружить Революционный полк. В этой неравной борьбе часть отряда была перебита, а оставшиеся в живых бойцы пробили себе путь к Ботлиху. На поле боя смертью храбрых погиб комиссар полка Аузен.

Ночью 18 ноября противник перешел в наступление в районе Ботлиха. Первый образцовый полк мужественно отбивал наступление врага. Противник вынужден был отойти с большими потерями. Командир полка Фурман, несмотря на то, что враг был отброшен от Ботлиха, приказал полку отступить в разрушенную Ботлихскую крепость. В эту же ночь банда возобновила наступление и обложила Ботлих. Ночью командование полка созвало военный совет. Решения этого совета нам неизвестны. Известно только, что «на рассвете помкомполка Линорский отправился к противнику, от которого возвратился с делегацией. В присутствии этой делегации был собран весь полк, которому Линорский и предложил сдать оружие противнику, который гарантировал жизнь и беспрепятственное возвращение в Россию»¹.

Большинство красноармейцев и членов Андийского окружного комитета РКП(б), присутствовавших на собрании, стояло за то, чтобы биться до последнего, предлагая арестовать командира полка Фурмана, помкомполка Линорского и батальонного командира Янушевского, как изменников Родины, и поручить командование полком политруку Полякову. Однако предателям удалось склонить полк сдать оружие врагу.

Банда Гоцинского, ворвавшаяся в крепость, самым бесчеловечным образом истребила отряд безоружных красноармейцев. Часть этого полка была спасена ботлихской революционной беднотой, а некоторые бойцы с большими трудностями, в обмороженном состоянии добрались до Ведено. Очевидец этой катастрофы красный партизан А. Магомедалиев из сел. Карата, Ахвахского района, рассказал, что один безоружный красноармеец, выйдя из этой бойни, направился к реке Андийское Койсу, а в погоню за ним устремились двое бандитов. Добравшись до края скалы, храбрый красноармеец, не долго думая, схватил обоих бандитов и бросился с высоты.

¹ Ростовский областной госархив, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 43, лл. 124—128.

Гибель и этого отряда дала временный перевес противнику и позволила предпринять наступление на отдельных участках фронта. 2 декабря 1920 г. банда Гоцинского в количестве 4 тыс. штыков и сабель, тремя колоннами перешла в наступление. Части Красной Армии и красных партизан, действующие на Ботлихском направлении, вынуждены были отступить.

В первых числах декабря рота 280 стрелкового полка была окружена крупными силами противника. Все 48 красноармейцев во главе с командиром батальона Чернышевым погибли в неравной борьбе.

В сел. Мочох героически погиб партизанский отряд А. Богатырева и М. Карабудагова. Этот отряд три дня бился без воды и еды, но не сдался врагу. Богатырев с оставшимися партизанами заперся в один из домов Мочоха. Враг, видя упорное сопротивление партизан, поджег дом. Остатки отряда во главе с А. Богатыревым и М. Карабудаговым, вырвавшиеся из горящего дома, были зверски расстреляны.

3—4 декабря противник занял Б. Гоцатль, Дарада-Мурада и укрепление Карадах, вторично окружил крепость Хунзах. В первых числах декабря банда Гоцинского обложила также крепость Гуниб. Связь между Гунибом, Хунзахом и Темир-Хан-Шурой была прервана.

Таким образом, недооценка Дагревкомом и военным командованием сил противника пагубно отразилась на всем ходе борьбы с бандами Гоцинского.

Несмотря на самоотверженность, проявленную воинами Красной Армии и красными партизанами, банда Гоцинского не была разгромлена и по-прежнему представляла серьезную опасность для Советской власти в Дагестане. В это трудное время Коммунистическая партия и Советское правительство приняли решение об образовании Дагестанской автономной республики.

* *

13 ноября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре на Чрезвычайном съезде народов Дагестана по поручению ЦК партии большевиков и Советского правительства И. В. Сталин провозгласил Советскую автономию Дагестана. Провозглашение Советской автономии Дагестана явилось переломным моментом не только в разгроме антисоветского мятежа Гоцинского, но и во всей истории Дагестана.

В исторический день провозглашения Советской автономии Дагестана В. И. Ленин телеграфировал И. В. Сталину: «Как идет борьба с бандами? Правда ли, что в них свыше 20.000 штыков и сабель? Достаточно ли назначенные на Кавкфронт подкрепления?...»¹. 12 февраля 1921 г. В. И. Ленин принял

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 375.

делегацию Дагестана. В. И. Ленин расспрашивал членов делегации о ходе борьбы с бандами, о красных партизанах и оказал большую помощь Дагестану.

Обнаглевший враг, мобилизовав свои последние резервы, пошел в наступление на Гунибском, Ботлихском и Кази-Кумухском направлениях. 10 декабря 1920 г. банда Гоцинского вышла к Хаджал-Махи со стороны сел. Куппа. 11 декабря малочисленные красные части после ожесточенного уличного боя отступили в сел. Леваши.

В середине декабря противник, сконцентрировав в районе сел. Аймаки крупные силы и заняв селения Охли и Кулецма, зашел в тыл частей Красной Армии, находящихся в Левашах. Командование 32 дивизии приняло меры к разгрому аймакско-кулецминской группировки противника. На фронт срочно были переброшены дженгутайский гарнизон (100 сабель при 4 пулеметах и двух бронемашинах) и рота 283 стрелкового полка, которые разгромили бандитскую группировку Гоцинского на Кизыльярском перевале и овладели селениями Кулецма и Охли. Враг с большими потерями беспорядочно отступил в Аймаки.

На Казикумухском направлении банда в количестве 600 человек, во главе с Ибрагим-Гаджи Кучринским, 18 декабря захватила сел. Чох. С приближением банды Гоцинского к Кази-Кумуху зашевелилась и лакская контрреволюция во главе с Бадави Саидовым.

25 декабря банда заняла окружной центр Кази-Кумух. Находящимся в Кази-Кумухе 40 красноармейцам и окружным партизанским и советским работникам пришлось отступить в Леваши и Акушу. Банда Гоцинского бесчинствовала в Кази-Кумухе, разграбила и вывезла отсюда все ценности. В «непослушные аулы» был послан разбойничий отряд под названием «Кагач»¹. Необходимо отметить, что жители Унчукатля, все как один, встали на защиту своего селения.

После съезда народов Дагестана были приняты меры для разгрома остатков контрреволюционных банд в горах. По зову партии большевиков горская беднота выделила из своей среды 10 тысяч добровольцев, из которых было сформировано 12 краснопартизанских отрядов. Свыше 75% коммунистов и комсомольцев было мобилизовано на фронт. Из них был создан специальный отряд. Командование XI армии срочно перебросило в Дагестан 52 стрелковую бригаду, 2 Московскую бригаду курсантов, 97 стрелковую бригаду и 14 стрелковую дивизию в составе 40, 41, 43 стрелковых бригад.

Таким образом, после съезда народов Дагестана начался последний этап разгрома врага.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 4, ед. хр. 6, л. 201.

Трудящиеся горцы после образования Дагестанской республики на своих митингах, собраниях и съездах с воодушевлением давали клятву — до последней капли крови биться вместе с русскими товарищами против общего врага. Эта клятва была выполнена с честью.

19 декабря в сел. Леваша была создана Ударная группа для разгрома врага из вновь прибывших и ранее находившихся здесь частей Красной Армии и красных партизан.

Прежде всего необходимо было освободить осажденные гунибский и хунзахский гарнизоны. С этой целью на рассвете 20 декабря Ударная группа, имевшая в своем составе две батареи легкой артиллерии, две бронемашины и 21 пулемет, перешла в наступление на Хаджал-Махи. Главные силы Ударной группы двигались без фланговых прикрытий по ущельям, где проходила шоссейная дорога. Это дало возможность противнику занять естественно-укрепленные вершины и преградить дорогу советским войскам.

В условиях горной войны такое наступление не могло увенчаться успехом. Так и случилось. Противник обошел Ударную группу с обоих флангов и открыл огонь с трех сторон. Ударная группа вынуждена была отступить на исходные позиции.

После этого противник попытался перейти в контр наступление, но огнем бронемашин был остановлен с большими для него потерями. 27 декабря противник снова сделал попытку перейти в наступление со стороны Аймаки на Кулецу, но подоспевшими красными частями был разбит и оттеснен к Аймаки.

28 декабря банда в составе 400 штыков и сабель при 5 пулеметах снова перешла в наступление на Левашинском направлении. На следующий день, стянув на фронт вдвое больше сил, банда стала насаждать на Леваша. Однако Темир-Хан-Шуринскому краснопартизанскому отряду с ротой казикамухских партизан удалось зайти в тыл противника и нанести ему серьезный урон.

На рассвете банда снова возобновила наступление. Она уже была у подступов аула, но Ударная группа стремительной контратакой, при поддержке артиллерии и бронемашин, с большими потерями отбросила противника на Хаджал-Махи. Панически отступавший враг оставил на поле боя более 200 убитых и раненых. Удар, нанесенный бандам Гоцинского, был таким чувствительным, что части Ударной группы вслед за этим без боя заняли селения Чугли, Хахита, Кутиша.

После разгрома одной из группировок банды Гоцинского под сел. Леваша советские войска приступили к освобождению крепостей Гуниб и Хунзах. Для этого командование определило три операционных направления: Хаджал-Махинское,

Гимринское и Аймакинское. 2-я Московская бригада курсантов 31 декабря должна была нанести артиллерийский удар по аулу Гимры в форме огневого нападения и держать противника в этом районе в напряженном состоянии. 94 стрелковая бригада в составе 281 стрелкового полка, учебных батальонов 94 и 95 бригад при легкой батарее должна была вести 1 января 1921 г. со стороны с. Охли демонстративное наступление на Аймаки. Основная задача, поставленная перед этой бригадой, заключалась в том, чтобы сковать противника в этом районе и не давать ему возможности перебросить силы на другие участки. На Хаджал-Махинском оперативном направлении Ударная группа с легким артиллерийским дивизионом и 2 бронемашинами должна была стремительным ударом овладеть сел. Хаджал-Махи и установить связь с укр. Гуниб.

Для осуществления этого плана с юго-восточной стороны выступил 120 стрелковый полк, с северо-восточной стороны — 119 стрелковый полк, с востока — 118 стрелковый полк. Конный полк и сводный партизанский отряд К. Караева левofланговым маршем через Тебек-Махи двинулись на сел. Цудахар. Ранее допущенные ошибки на этот раз были учтены, фланги были усилены.

Успеху этой операции в большой степени способствовало участие краснопартизанских отрядов, дравшихся вместе с частями Красной Армии за освобождение крепостей Гуниб и Хунзах. В ночь с 1 на 2 января, при лютном холоде, части Ударной группы внезапным ударом оттеснили противника с занимаемых им позиций в окрестностях сел. Хаджал-Махи, а с наступлением рассвета, при поддержке дивизиона легкой артиллерии и двух бронемашин, перешли в наступление. К 10 часам утра они на плечах противника ворвались в аул.

Разгромив врага, Ударная группа захватила одно трехдюймовое орудие, 208 снарядов, 3 пулемета и 150 пулеметных лент, более 200 винтовок, а также 140 пленных. Банда потеряла в этих боях убитыми более 100 человек.

Ночью 2 января 1921 г. конный полк совместно с краснопартизанским отрядом Кара Караева занял сел. Цудахар. 3 января, развивая свое наступление, Ударная группа без особого сопротивления со стороны банд освободила сел. Куппа.

Необходимо было оказать срочную помощь гунибскому гарнизону (более 500 красноармейцев и партизан), ибо там создалось критическое положение. Защитники Гуниба получали в сутки по одному фунту кукурузного хлеба и по полфунта мяса павших от истощения лошадей. На почве недоедания вспыхнули эпидемические заболевания, приковавшие многих бойцов к постели. Ощущался острый недостаток в огнеприпасах.

Несмотря на все это, защитники Гуниба под руководством командира 285 стрелкового полка Меньшова и политического руководителя полка Пономарева стойко выдержали месячную осаду.

На помощь голодным и больным красноармейцам и красным партизанам пришла беднота аулов Хоточ и Хиндах. Будучи сами голодными и раздетыми, они под сильным огнем противника добровольно доставляли в укрепление Гуниб продовольствие и фураж.

3 января воинские части и сводный партизанский отряд, пополненный цудахарскими, гунибскими и др. партизанами, через сел. Кудали установили связь с защитниками укрепления Гуниб. 7 января части Ударной группы подошли к Гунибу.

Таким образом, героическими усилиями Красной Армии и красных партизан гунибский гарнизон был освобожден. Теперь встал вопрос — освободить хунзахский гарнизон. С 1 января в Аймакинском направлении части 94 и 95 бригад, поддерживая наступление Ударной группы на Хаджал-Махи, лобовой атакой теснили банды к подступам аула Аймаки, не давая им возможности перебросить подкрепления на Хаджал-Махи. После этого, держа противника под наблюдением, советские войска перешли на более выгодные позиции — в аулы Охли и Чугли.

На Гимринском направлении 2-я Московская бригада курсантов своим метким артиллерийским обстрелом аула Гимры приковала противника в этом районе. По установлении связи с гунибским гарнизоном сводный партизанский отряд получил от командования задание — вести дальнейшие военные действия в Кази-Кумухском округе. 6 января 1921 г. этот отряд совершил неожиданный налет на сел. Унчукатль. Аул Унчукатль был освобожден. Стойкие унчукатлинцы в течение более 12 дней отстаивали свое родное село от нападавших банд.

С раннего утра 7 января части конного полка совместно с сводным партизанским отрядом и унчукатлинскими и другими лакскими партизанами вели наступление на Кази-Кумух. Банда Гоцинского, не выдержав наступления красных частей, в панике отступила. В результате этого было захвачено более 150 пленных. Затем красные части освободили одно за другим все лакские селения. В середине января, после освобождения Кази-Кумухского округа, военные действия были перенесены в Гунибский округ. Для ликвидации антисоветского мятежа в Гунибском округе были сконцентрированы крупные силы Красной Армии и партизан в составе 176, 281, 283, 285 стрелковых полков и Гунибского партизанского отряда во главе с М. Омаровым и М. Абашиловым, сводного партизан-

ского отряда во главе с К. Караевым и легкого артиллерийского дивизиона.

Гунибский округ входил в состав так называемого южного боевого участка. Красные части до начала февраля вели непрерывные бои с бандами. 21 января Гунибский партизанский отряд, заняв сел. Обох, отбросил банду в сторону сел. Согратль. 29 января наступление было возобновлено, но вскоре приостановилось в связи с героической смертью мужественного борца за свободу горской бедноты, начальника Гунибского партизанского отряда М. Омарова.

По поводу смерти М. Омарова его партизанский отряд 5 февраля 1921 г. получил постановление Дагревкома: «Славные товарищи красные партизаны Чоха и Андалаяла! Ваши героические усилия в борьбе с подлыми бандами изменников и предателей Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики Дагестанским Революционным комитетом оцениваются по заслугам и не будут забыты. Героическая смерть вашего командира тов. Омарова, душу свою положившего за революцию, как честный борец за свободу дагестанской бедноты, за раскрепощение народа от вековых оков насилия и рабства, говорит сама за себя. Товарищ ваш, Омаров, доблестно ведший андалаяльских орлов беззаветно вперед, хотя и погиб, представлен к ордену Красного Знамени, а в его лице, товарищи, все вы¹. Но, чтобы увековечить память героя — вашего товарища, Дагревком постановил отныне именовать красный партизанский отряд Гунибского округа — красным отрядом им. тов. Омарова-Чохского»².

9 февраля под натиском красных частей Южного боевого участка банда отступила, оставив селения Куяда и Ругуджа. 10 февраля лакские партизаны совместно с частями конного полка освободили селения Бухты и Шангода. Партизанские отряды Кара Караева и Лапина совместно с частями 281 стрелкового полка 14 февраля без боя заняли сел. Согратль. В этот же день части 285 стрелкового полка освободили селения Унти и Шулани. Банда в панике отступала. В Согратле был организован партизанский отряд и отправлен на фронт против банд Гоцинского.

В непрерывных боях с 18 января по 14 февраля части Южного боевого участка окончательно разгромили банду в 1600 человек и освободили восточную часть Гунибского округа. 15 февраля, преследуя отступающего врага, партизанские отряды К. Караева и Лапина без боя заняли сел. Мугурух. Ночью банда напала на это селение, но партизаны отбросили противника. К 7 марта 1921 г. банда была разбита, и в Гунибском округе была восстановлена Советская власть.

¹ В тексте «вас всех».

² ЦГА ДАССР, ф. 4—р, оп. 3, ед. хр. 45, л. 43.

Командование красных частей в Дагестане подготовило прорыв фронта на Аймакинско-Гергебильском направлении, ибо оперировавшая здесь группировка противника теперь представляла собой главную его силу. Разгром этой группировки имел решающее значение для освобождения крепости Хунзах.

Эта операция была возложена на 41 бригаду. 8 января части бригады перешли в наступление на Аймаки и Гергебиль. Упорные бои за овладение этими важными пунктами продолжались до 25—27 января 1921 г. Большую роль здесь сыграла артиллерия. Разрушая сильно укрепленные позиции противника, артиллерия наносила ему большой урон. 24 января части Ударной группы после непродолжительного боя заняли Георгиевский мост, ведя в то же время демонстративные действия в направлении сел. Хвартикуни. Таким образом, тыл аймакинско-гергебильской группировки Гоцинского с юго-западной стороны был обезврежен.

К 24 января в результате ряда атак, поддержанных мощным артиллерийским огнем, банда в районе Аймаки—Гергебиль была сильно деморализована, а на следующий день части 41 бригады вплотную подошли к этим селениям. Но еще не все трудности были преодолены. Каждая скала, каждая сакля являлись для банд естественным укреплением. Однако это не могло остановить воинов Красной Армии. В два часа ночи 26 января по условному сигналу от каждого полка отделились атакующие колонны, и через несколько минут с трех сторон аула Гергебиль, восточной, юго-восточной и южной, раздались громовое «ура» и разрывы гранат. Ошеломленный неожиданным ударом, противник открыл беспорядочную стрельбу, но сразу же был отброшен в аул.

Целый день шли рукопашные схватки. Каждый квартал приходилось занимать с боем. Однако благодаря героизму красноармейцев Гергебиль был очищен от банд. В этот же день 120 стрелковый полк освободил сел. Кикини. Одна рота 118 стрелкового полка без потерь заняла с. Хвартикуни.

27 января 1921 г. после артиллерийского обстрела 120 стрелковый полк штурмовал аул Аймаки. «С удивительной храбростью все бросились на замерзшую пропасть. Пулеметы тащили на себе, — пишет в своих воспоминаниях участник этого события Д. Стоянцев, — рискуя сорваться каждый момент. Противник ошеломлен смелой атакой, а еще больше шестидюймовыми снарядами. Он уже удирает... С громовым «ура» мы, как львы, бросились в аул вдогонку за отступающим противником»¹. В результате боя сел. Аймаки было освобождено от врага.

¹ «Красный Дагестан» от 23 февраля 1923 г.

С разгромом основной группировки банды Гоцинского на Аймакинско-Гергебильском направлении перед частями Красной Армии и красных партизан открылась дорога к осажденной крепости Хунзах. Враг отступил по всему фронту. 27 января 118 стрелковый полк без больших потерь занял сел. Корода, 120 стрелковый полк — сел. Маали, 119 стрелковый полк — сел. Дарада, а под вечер — укрепление Карадах. В то же время части хунзахского гарнизона, разгромив восточную и юго-восточную группировки банд, окружавших их крепость освободили селения Уздал-Росо, Кахи-Калах, Тахода и М. Гоцатль. В тот же день части хунзахского гарнизона соединились с 120 стрелковым полком в сел. Маали.

Положение хунзахского гарнизона во время второй осады было критическое. С 7 по 20 декабря осажденные питались остатками продовольствия, сохранившимися после первой осады. Красноармейцам и красным партизанам выдавалось по 1 фунту хлеба и $\frac{1}{2}$ фунта мяса в день. С 18 декабря по последний день осады хлеба выдавалось по $\frac{1}{2}$ фунта, а мяса (конины) — по $\frac{1}{4}$ фунта¹. 21 января 1921 г. самолет сбросил в крепость балласт с сообщением о приближении красных частей и приказом командира 32 дивизии А. Тодорского о необходимости обороняться до прихода помощи².

Командный состав прилагал все усилия к тому, чтобы улучшить продовольственное снабжение защитников крепости. В первое время продовольствие добывалось у жителей прилегающих к крепости селений посредством обмена на бязь. В дальнейшем, чтобы хоть частично ослабить острый недостаток в фураже и продовольствии, бойцы производили вылазки в соседние аулы, занятые бандами. Производя такие вылазки, части хунзахского гарнизона одновременно наносили врагу чувствительные удары.

Положение защитников крепости Хунзах ухудшалось с каждым днем, особенно после вспышки эпидемии тифа. В крепости насчитывалось свыше 130 больных. Ощущался острый недостаток в медикаментах и огнеприпасах.

Необходимо особо отметить, что революционная беднота селений Хунзах и Хариколо оказывала хунзахскому гарнизону помощь живой силой и продовольствием. Разоренные и голодные жители революционного аула Хариколо за время осады доставили в крепость 362 пуда картофеля и моркови, 110 пудов яблок для раненых бойцов, 184 бараца, 44 пуда кукурузы, 7 пудов соли, несколько пудов муки и бобов³.

¹ ЦГАКА, ф. 266, оп. 1, д. 31, л. 32—33.

² А. Тодорский. Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. Москва. 1924, стр. 122.

³ ЦГА ДАССР, ф. 175 — р, оп. 4, д. 7, лл. 58—60.

Хунзахские женщины доставляли осажденному гарнизону фураж. Преданность Советской власти, помощь, оказанная гарнизону Хунзаха, заслужили высокую оценку командования 32-й дивизии. «От имени всех своих частей, — писало командование дивизии, — выражаем глубокую благодарность жителям с. Хунзаха и Хариколо за их революционную стойкость и преданность Советской власти. 52 дня революционные селения бок о бок со всеми братьями-красноармейцами отбивали яростные атаки наседавших банд. Но бригада с помощью красных партизан с честью выдержала осаду и с приближением помощи рассеяла окружавшую банду.

Героический подвиг с. Хариколо и Хунзаха знает каждый боец дивизии и шлет братский привет и товарищескую благодарность скромным труженикам хариколинцам и хунзахцам»¹.

В результате разгрома основных группировок Гоцинского Красная Армия и красные партизаны 28 января освободили хунзахский гарнизон. Ни артиллерийский обстрел крепости, ни ночные атаки многотысячной банды озверелых фанатиков, ни голод, ни разразившаяся эпидемия тифа не смогли сломить стойкости и революционного духа мужественного хунзахского гарнизона.

Командование хунзахского гарнизона, отмечая стойкость и мужество красноармейцев и красных партизан, высоко оценило также помощь, оказанную хунзахцами, хариколинцами и ахвахцами защитникам крепости Хунзах, специальным приказом от 31 января 1921 г. В приказе говорится:

«Товарищи красноармейцы, красные партизаны, командиры и комиссары... Проявленные вами за время пятидесятидневной осады доблесть и презрение к опасности и нужде будут занесены в славную историю эпохи борьбы Советской власти в Дагестане с наймитами капитала — Халиловым и Алихановым, князьями и ханами, лже-имамами Гоцинским и Саид-беком. Наряду с этим командование... не может обойти молчанием... великую заслугу революционных селений Дагобласти Хунзаха, Хариколо, Телетль и Ахвахского участка, в значительной мере способствовавших поддержанию крепости Хунзаха живыми силами и продовольствием.

Особенно приходится отметить революционность сел. Хунзаха... горячо поблагодарить всех красноармейцев, красных партизан, командиров и комиссаров за самоотверженность, проявленную во время осады, и революционные селения за оказанную поддержку крепости живой силой и продовольствием. Да здравствует непобедимая могучая Красная Армия! Да здравствует Коммунистическая партия!»².

¹ «Коммунист» от 6 марта 1921 г. (Владикавказ).

² ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 4, д. 7, л. 68.

Остатки банды Гоцинского под ударами красных войск беспорядочно отступали по всему фронту, доживая свои последние дни. Однако главари банды не думали слагать оружие. Чтобы отсрочить свою гибель и отвлечь внимание Красной Армии в Дагестане, они вместе с чеченской контрреволюционной верхушкой решили поднять мятеж против Советской власти в Чечне. Для осуществления своих черных замыслов эти заклятые классовые враги во главе с Саид-беком 4 января 1921 г. созвали в сел. Анди совещание главарей банд Дагестана и Чечни.

На совещании было решено: 1. «Поднять восстание в Чечне, для каковой цели вместе с делегатами чеченцами направить в Чечню агентов из Дагестана от имени Саид-бека. 2. Собрать вновь силы и во что бы то ни стало взять сел. Хунзах и вырезать в этом селении все население. 3. Попытаться взять крепость Хунзах и если это окажется невозможным, то, осадив крепость, направиться на Ахвахский участок и разгромить этот участок, который является основным тормозом по пути в Грузию»¹.

Во второй половине января в Чечне вспыхнул мятеж против Советской власти. Его подготовка и проведение проходили под непосредственным руководством главного штаба банды Гоцинского; военными действиями руководили Саид-бек и Али-Хаджа-Амир, Обреченная на гибель банда Гоцинского решила установить связь с остатками терского белоказачества. С этой целью контрреволюционная верхушка Дагестана и Чечни созвала 30 января 1921 г. второй съезд в сел. Анди. На этом съезде было решено привлечь казаков к участию в восстании против Советской власти. Белоказачество Терека, установив связь с главарами дагестанской контрреволюции, обещало оказать помощь остаткам контрреволюции, скрывающимся в округе.

Одновременно главари банды приступили к насильственной мобилизации горцев в свою банду. У не подчинившихся приказу о мобилизации конфисковали имущество, отбирали скот и хлеб. Внутренняя и внешняя контрреволюция всячески цеплялась за утрачиваемые позиции. Ровно за неделю до свержения меньшевистского правительства в Грузии — 17 февраля 1921 г. — националистическая контрреволюция создала в Тифлисе «Азербайджано-Северо-Кавказский комитет» во главе с Гайдаром Бамматовым, Мустафой Велиловым и К°. Комитет поставил перед собой задачу объединить все контрреволюционные силы для «освобождения» Северного Кавказа и Азербайджана от большевиков. Вскоре комитет выпустил воззвание, в котором призывал все народы Кавказа

¹ ЦГА ДАССР, ф. 175—р, оп. 4, ед. хр. 7, лл. 48—52.

к «всеобщему походу» против Советской власти. Грузинские меньшевистские правители, признав «законность» новоявленного «комитета», всеми силами способствовали осуществлению поставленных им задач.

В конце февраля 1921 г. трудящиеся Грузии восстали против меньшевистского правительства и установили в Грузии Советскую власть. Это окончательно изменило соотношение сил на Кавказе в пользу Советской власти.

Банда Гоцинского, лишенная поддержки со стороны меньшевистского правительства Грузии, оказалась в изоляции. Полковник Джафаров вынужден был признать: «Срыв восстания начался неожиданно и как-то сразу принял катастрофический характер... Трудно было в дальнейшем даже разобраться, где наши враги, а где друзья. Выезжая в тот или иной аул, мы не могли узнать, ни как нас встретят, ни как нас проводят»¹. По этому поводу 3 марта 1921 г. Г. К. Орджоникидзе писал, что авантюра Гоцинского, «подогреваемая из Тифлиса, сейчас же после падения меньшевистской власти пошла на ликвидацию с поразительной быстротой и в настоящее время почти совершенно ликвидирована»².

Таким образом, победа Советской власти в Грузии явилась одним из решающих факторов, обусловивших исход 7—8-месячной гражданской войны в Дагестане.

Командование Кавказским фронтом приказом от 25 января объединило все части Красной Армии, действующие против контрреволюционных банд в Дагестане и Чечне, в одну Терско-Дагестанскую группу войск под единым командованием.

Командование Терско-Дагестанской группы приступило к освобождению стратегически важных аулов Гимры и Аракань. Но гимринская операция, начавшаяся еще в конце декабря 1920 г., как подсобная главной хаджал-махинской операции, из-за отсутствия путей для широкого наступления, ограничивалась артиллерийским обстрелом сел. Гимры.

В ночь на 9 февраля при 20 градусах мороза части 4 и 5 полков московских курсантов решили с помощью стальных тросов спуститься в Гимринское ущелье, обойти противника с фланга и штурмовать селение. Однако курсанты не могли осуществить этот план, так как натолкнулись на непроходимое отвесное место.

После разгрома хаджал-махинской и гергебильско-аймакинской группировок банды, части Ударной группы, действующие на так называемом Северном боевом участке, начали упорные бои за овладение селениями Чалда, Куяда, Аракань.

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1499, лл. 66—67.

² Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи. 1918—1937 гг., стр. 43.

В непрерывных пятидневных боях с 31 января по 4 февраля аул Чалда пять раз переходил из рук в руки. Наконец, 8 февраля части 41 бригады, отбив яростные атаки противника, закрепили аул за собой. В этот же день 118 и 119 полки при содействии партизанского отряда заняли аул Куяда.

В районе селений Кудутль, Аракань, Гимры противник оказывал красным частям упорное сопротивление. Но 10 февраля сопротивление врага было сломлено и сел. Кудутль было освобождено. Развивая успех, части 41 и 42 бригад 13—14 февраля, разбив араканскую группировку банд, ворвались на ее плечах в Аракань. 12 февраля полку 2-й Московской бригады курсантов удалось обойти сел. Гимры с южной стороны. 16 февраля части этого полка вступили в революционный аул Унцукуль, расположенный в тылу аула Гимры.

Жители Унцукуля пришли на помощь московским курсантам. Вечером 18 февраля 1921 г. московские курсанты при содействии унцукульских красных партизан заняли аул Гимры.

Таким образом, задача, поставленная перед московскими курсантами, была блестяще выполнена. Разгром араканогимринской группировки противника способствовал быстрому очищению Аварского округа от банд Гоцинского.

Одновременно с занятием Унцукуля 16 февраля батальон 5 полка курсантов без боя занял сел. Ашильта и расположился здесь на ночлег. Но ночью шайка бандитов с помощью местных кулаков учинила зверскую расправу над курсантами. В ауле было найдено 52 изувеченных трупа курсантов.

19 февраля подошедшие части московских курсантов снова заняли сел. Ашильта. Развивая наступление, московские курсанты 25 февраля заняли аулы Кахаб-Росо, Бетлы и Цатаных. 11 марта курсанты и отряд Хасанова после продолжительных боев очистили сел. Чирката, 13 марта 4 полк курсантов занял Артлух, Данух, а 5 полк курсантов — аулы Аргуани, Гадари.

В то время, когда части Красной Армии и красных партизан преследовали отступающего врага по Аваро-Кахетинской дороге и по направлению Ботлиха, в глубоком тылу врага с ним боролись телетлинско-кахибские и ахвахские партизаны. Телетлинские и кахибские жители не хотели пускать в свои селения бандитов.

Ахвахский партизанский отряд Шамхала Салихова с самого начала восстания в горах стойко оборонял ахвахский участок от наседавшего врага. Основная задача, стоящая перед ахвахскими партизанами, состояла в том, чтобы преградить кратчайший и единственный в зимнее время путь из Андийского округа в Грузию, т. е. отрезать банду от базы ее снабжения. Ахвахская беднота выполнила эту задачу блестяще.

Тактическое значение этого участка состояло не только в том, что он отрезал врагу путь отступления в Грузию, но и в том, что врагу пришлось перебросить против ахвахских партизан артиллерию и более тысячи бандитов, которые в течение ноября, декабря и января безуспешно пытались занять этот участок. Саид-бек несколько раз предъявлял ахвахцам ультимативное требование пропустить их через участок, но ахвахцы ответили на ультиматум Саид-бека коротко и ясно: «Пройдите, если можете»¹.

Банда Гоцинского делала отчаянные попытки захватить ахвахский участок. В декабре двухтысячная банда обрушилась на ахвахский участок со стороны сел. Карата и Куанибских высот, но ахвахский партизанский отряд отбросил противника, причем захватил боеприпасы, в которых он очень нуждался. В начале 1921 г. ахвахский партизанский отряд, узнав, что «к Хунзаху подходят части Красной Армии, перешел в решительное наступление в сторону гидатлинской дороги (долина реки Аварское Койсу) и разгромил отряды бандитов, стоявших в Батлукском участке и у Гидатлинского моста»². На Аваро-Кахетинской дороге партизанский отряд соединился с частями Красной Армии. 28 февраля 1921 г. ахвахский и хунзахский партизанские отряды ночью сняли неприятельские посты и заняли важный стратегический пункт, являвшийся ключом к Андийскому округу — сел. Тукита.

Банда, насчитывавшая в своем составе более тысячи человек, окружила находившихся в сел. Тукита партизанские отряды, но с помощью частей 41 бригады 1 марта эта банда была разгромлена. После этого красные партизаны без боя заняли сел. Карата. 4 марта партизанский отряд Османова с боем занял сел. Тлянуб. 4 марта под неприятельским огнем 124 полк форсировал Андийское Койсу и занял сел. Тад-Инхо, где находился главный штаб банды Гоцинского. В этот же день 124 полк занял сел. Ботлих. 7 марта Аварский партизанский отряд М. Атаева занял аул Ансалта, а Ахвахский партизанский отряд Ш. Салихова — аул Куаниб.

9 марта 1921 г. 121 полк освободил аул Анди. В это же время Дагестанская группа войск восстановила связь с Терской группой. Таким образом, в Андийском округе банда была разгромлена и только разрозненные остатки ее отступили на Дидоевский участок.

7 марта началось наступление частей Аваро-Кахетинской группы в составе 282, 283, 284, 285 стрелковых полков по Аваро-Кахетинской дороге. Аваро-Кахетинская группа натолкнулась в районе Гидатля на одну из группировок банд. Крас-

¹ «Красный Дагестан» от 11 ноября 1923 г.

² «Красный Дагестан» от 5 ноября 1923 г.

ные части несколько раз пытались продвинуться вверх по Аваро-Кахетинской дороге. Но эти попытки не имели успеха, потому что все проходы были закрыты снегом, а тыл и фланги противника были защищены непроходимыми зимой горными хребтами.

6—7 марта 1921 г. партизанские отряды К. Караева и им. Омарова-Чохского, освободив Карахский и Тейслерухский участки и нанося удары противнику, соединились с частями Аваро-Кахетинской группы.

Однажды партизанские отряды им. Омарова-Чохского и К. Караева вели наступление в направлении сел. Кособ. Но банда, занимая выгодные позиции, преградила путь партизанам. После кровопролитного боя партизанам пришлось отступить, причем они не успели вывести с поля боя одно орудие. Необходимо было снять с него затвор, так как в противном случае орудием мог воспользоваться враг. За это дело взялся красный партизан Чирахиллов. Под беглым ружейным огнем противника он снял затвор, но на обратном пути был тяжело ранен. Тем не менее затвор был спасен.

В 10-х числах марта 1921 г. партизанский отряд О. Османова вел наступление по Аваро-Кахетинской дороге с целью освобождения Анцухской будки. С большими трудностями авангард отряда в количестве 40 человек достиг почты Ибрагимчи. Вскоре многочисленная банда обрушилась на отряд, причем часть его, оставленная для прикрытия тыла, была перебита бандами.

Теперь путь отступления оказался отрезанным. Авангард отряда в течение двух суток мужественно отбивал яростные атаки противника. Банда решила во что бы то ни стало уничтожить авангард отряда. На саклю, где оборонялись партизаны, обрушивалась масса камней, сыпался град пуль. Крыша сакли треснула и затем рухнула, похоронив под собой нескольких бойцов. Однако остатки отряда продолжали оказывать упорное сопротивление. В этом неравном бою погибло 33 партизана, в том числе военком отряда Зайнал-Абид Алиев. Остатки героического партизанского отряда в количестве 7 бойцов, в том числе адъютант отряда Ш. И. Микаилов, пробили путь к красным частям.

7 марта 1921 г. части Терской группы после кровопролитных боев заняли аулы Гордали, Цонторой, Терзен-кала и др., затем очистили от банд Дарго, Аллерой и Беной. 11 марта 124 полк освободил аул Мехельта, части 40 бригады — аулы Сиух, Цилитль. Ахвахские партизаны заняли аулы Хуштада, Тинди, Годобери.

Таким образом, к 15 марта 1921 г. ожесточенная 7—8 месячная борьба Красной Армии и горской бедноты против банды Гоцинского завершилась. Героическими усилиями ча-

стей доблестной Красной Армии и партизанских отрядов основные силы банды Гоцинского в Дагестане и Чечне были разгромлены. Их остатки укрылись у Главного Кавказского хребта — в Дидоевском и Анцухо-Капучинском участках.

20 марта 1921 г. Дагревком получил от Г. К. Орджоникидзе поздравительную телеграмму по поводу ликвидации антисоветского мятежа в Дагестане. В этой телеграмме Г. К. Орджоникидзе высоко оценил героизм Красной Армии и красных партизан, проявленный в борьбе с бандами Гоцинского.

«Примите мой братский привет и передайте его горской бедноте Дагестана, славным красным партизанам и непобедимой героической Красной Армии — гордости рабочего-крестьянской России. Поздравляю вас с полным разгромом белогвардейских банд, наемников Антанты и холуев международной буржуазии — грузинских меньшевиков, правительство которых позорно, под прикрытием французских миноносцев, бежало в Константинополь.

Да здравствует Автономная республика Дагестана! Да здравствует героическая Красная Армия!

О р д ж о н и к и д з е»¹.

Окончательная ликвидация остатков банды в Дидоевском и Анцухо-Капучинском участках продолжалась вплоть до конца мая 1921 г. В мае, когда открылись пути к этим участкам, совместным ударом со стороны Аваро-Кახетинской дороги и Андийского округа частей 32 и 14 стрелковых дивизий и сводного партизанского отряда под командой М. Атаева и со стороны Кახетии — 18 кавалерийской дивизии остатки банд в горах Дагестана полностью были уничтожены.

Гражданская война в Дагестане закончилась. Советская власть победила. Тысячи преданных революции русских рабочих и крестьян и сынов Дагестана отдали жизнь за свободу. К ним относятся: А. Богатырев и Омаров-Чохский, С. Дударов и М. Карабудагов, Ганюшкин и Аузен, Чернышев и С. Эрлих, Павлик и Пономарев и тысячи других.

За самоотверженную борьбу за установление и упрочение Советской власти в Дагестане РВС своим специальным приказом № 76 от 26 мая 1923 г. объявил благодарность: Чохской комячейке и аулу Телетль Гунибского округа, Цудахарской комячейке, аулам Мекеги, Урахи и партизанскому отряду А. Богатырева Даргинского округа, Ахвахскому участку Андийского округа, аулам Хунзах, Унцукуль и Хариколо Аварского округа и аулам Дургели, Кадар, Губден, Чиркей, Кумторкала Темир-Хан-Шурина округа².

¹ «Правда Грузии» от 22 марта 1921 г.

² «Красный Дагестан» от 25 июня 1923 г.

ВЦИК наградила грамотой особо отличившихся в боях за Советский Дагестан Чохскую комячейку, аулы Кахиб и Телетль Гунибского округа, Цудахарскую комячейку, партизанский отряд А. Богатырева Даргинского округа; аулы Хунзах, Хариколо, Унцукуль Аварского округа; аулы Черкей, Кумторкала, Кадар, Дургели Темир-Хан-Шурина округа; Ахвахский участок Андийского округа; аул Унчукатль Казикумухского округа¹.

Кроме того, Советское правительство наградило более 70 красных партизан орденами Красного Знамени, свыше 26 партизан — часами, десятки партизан — боевым оружием.

* * *

Героическая Красная Армия оказала братскую помощь трудящимся Дагестана не только в борьбе с внутренними и внешними врагами, но и в советском, партийном строительстве. Большую организаторскую работу провели в Дагестане политотделы 32 и 14 дивизий. Они принимали активное участие в партийном строительстве, в подготовке местных кадров, в проведении культурно-массовой и политико-воспитательной работы.

В конце ноября 1920 г. политотдел 32 дивизии отправил 4 комиссии в различные округа Дагестана для инструктирования и налаживания работы советских органов. Политотделы провели неоценимую работу и по организации и укреплению коммунистических ячеек и ячеек молодежи. В ауле Манас, например, с помощью красноармейских частей и курсантов была организована коммунистическая ячейка из 12 бедняков. Политотдел 32 дивизии привлек всех красноармейцев до 23-летнего возраста к работе по укреплению комсомола².

Большую политико-воспитательную работу среди горской бедноты провела Московская бригада курсантов. По пути продвижения бригады устраивались митинги в аулах, причем речи агитаторов-курсантов переводились на местные языки и всегда встречали дружное одобрение слушателей. «Когда курсанты уходили из аулов, — пишет участник гражданской войны в Дагестане Столяров, — почетные старики торжественно их провожали с возгласами «баркалла» (спасибо)»³.

Политотделы 32 и 14 дивизий регулярно издавали и распространяли воззвания и листовки среди горцев Дагестана. В декабре 1920 г. политотдел 32 дивизии издавал на аварском и

¹ «Красный Дагестан» от 9 апреля 1924 г.

² А. Тодорский. Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. Москва, 1924, стр. 169.

³ Н. Столяров. Борьба Красной Армии в Дагестане в 1920—1921 гг. М.—Л., 1928, стр. 17.

кумыкском языках еженедельную газету «Красный Дагестан». Сотрудники политотдела 14 дивизии помогли наладить работу редакции газеты «Советский Дагестан».

Прибытие частей Красной Армии в какой-либо аул для бедноты было большим праздником; горцы с радостью встречали их. Трудящиеся Дагестана воочию убедились, что русские рабочие и крестьяне — это родные братья горцев, это друзья, при поддержке которых горцы отстаивали свою свободу и независимость.

О ПРОНИКНОВЕНИИ ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА В ДАГЕСТАН

Вопрос о проникновении христианства и ислама в Дагестан представляет большой интерес в деле изучения истории Дагестана. В настоящей работе мы ограничиваемся кратким изложением истории проникновения этих религий в Дагестан в V—X вв.

В IV—V вв. Закавказье стало ареной ожесточенной борьбы двух крупнейших государств—Византии и Персии. В борьбу эту были втянуты народы Закавказья и восточного Кавказа, в том числе и Дагестана.

В последней четверти IV в. сасанидская Персия и Византийская империя усиливают агрессию на Кавказе, и в 387 г. Армения уже была поделена между ними. Албания также подпала под власть сасанидов. Неоднократные попытки албанцев сбросить персидское иго не увенчались успехом. В середине V века власть сасанидов в Албании усилилась, причем еще в 461 г. Албания вошла в состав Персии в качестве отдельной провинции (марзпанство), куда входили Арран, Чор (т. е. район Дербента) и Лбин¹.

Судьбы Дагестана были неразрывно связаны с судьбами Албании и Армении. Вполне понятно, что и вопрос о проникновении христианства в Дагестан нельзя отрывать от такового же в Армении и Албании.

В Армении в IV в. господствующей религией было христианство. Еще в 301 г. армянская григорианская церковь стала государственной. Вплоть до начала VI в. она находилась под непосредственным влиянием византийской церкви. Только в 554 г. армянская церковь (монофизиты) отделилась от византийской.

¹ История СССР. Макет, ч. III—IV, стр. 161.

В Албании в IV в. также господствовало христианство. Албанская церковь находилась в зависимости от армянского католикоса, и еще в 552 г. в Партаве, резиденции албанских царей, была основана кафедра армянского католикоса.

Византия всеми силами старалась использовать христианское население Закавказья в борьбе против Персии, однако разногласия между двумя группами христиан (монофизиты в Армении и Албании и диофизиты в Византии) разрастались с каждым годом и это было наруку только Персии. Наконец, при албанском правителе Вараз-Григоре (590—639) окончательно оформилась албанская монофизитская церковь, и она ориентировалась на Персию.

Таким образом, мы видим, что вплоть до VI в. включительно существовало два очага христианства — это Албания и Армения. Что касается Грузии, то о ее значительной роли в процессе распространения христианства в Дагестане можно говорить только лишь после IX в.

Прежде чем перейти непосредственно к вопросу о христианстве в Дагестане, необходимо остановиться на путях его проникновения.

Наиболее известный в древности путь проходил по прибрежной полосе Дагестана, где расположено было два больших торговых пункта — Дербент и Варачан (Семендер). Однако это не единственный путь в древнем и средневековом Дагестане. Еще Маркварт на основе сведений Приска показал, что гунны после набега на Мидию вернулись к Аланским воротам через внутренний Дагестан¹.

Это не единственное упоминание о дороге через внутренний Дагестан.

О пути, проходившем через внутренний Дагестан, сообщает также армянский историк VII в. Моисей Каганкатваци. По его сообщению, христианское посольство епископа Израиля к гунам, перейдя Куру, прошло границы Агвании (Албании) и прибыло на двенадцатый день в город лпнийцев. Дальше послы перешли страну Джигбов, преодолели «вершины гигантских гор». «Изнуренные и утомленные, они против воли взяли другую дорогу и после долгодневного пути прибыли в древнюю резиденцию царей, в то место, где сподобился св. Григорис... Через несколько дней они достигли ворот Чога, недалеко от Дербенда... и наконец... прибыли в великолепный Варачан накануне сорокадневного поста»².

Из этого описания видно, что первая часть пути посольства лежала через горы Дагестана, а вторая шла вдоль побережья Каспийского моря, от Дербента до Варачана.

¹ J. Marquart. Eransahr... Berlin 1901. S. 96—97.

² Моисей Каганкатваци. История агван. Пер. К. Патканова, СПб. 1861, стр. 191—192.

С. Т. Еремян, анализируя текст Каганкатвази, считает, что христианское посольство проходило через аварские районы: Кадорский перевал — каньон р. Андийского Койсу — Буйнакск-Кафир-Кумух¹. Причем упоминание Каганкатвази о «месте, где сподобился св. Григорис», а также о Дербенте и Чога автором в расчет не принимается. По его мнению, упоминание об этих местностях механически присоединено к основному тексту «с целью упомянуть и показать одну из главных святынь албанской церкви»².

В подтверждение этой мысли автор подчеркивает, что албанские феодалы, отложившись от арабов, не осмелились бы послать миссию через Дербент, потому что, во-первых, Дербент был укреплен арабами и, во-вторых, миссия, направленная против арабов, не могла быть открытой³.

Мнение С. Т. Еремяна нельзя считать окончательным. Для такого серьезного автора, как Каганкатвази, не было необходимости лишний раз «показать одну из главных святынь албанской церкви», тем более, что патриаршего престола к этому времени в Чога не существовало.

Кроме того, миссия проходила не через Дербент, а через Чога. Так что и в случае укрепления города арабами посольство могло пройти мимо него, что и имело место.

Однако само утверждение об укреплении Дербента арабами ко времени прохождения посольства (т. е. 684 г.) не состоятельно. Возобновление войны с Византией (677 г.) и усиление набегов хазар на Закавказье привели к ослаблению власти халифов на Кавказе. Вот что пишет анонимный армянский хроник VII в., цитируемый С. Т. Еремянном: «В первый год царствования его (Юстиниана II) Арменией, Иберией и Албанией завладел северный народ, называемый хазарами. Они убили в битве князей армянских, грузинских и албанских, в десятый день месяца сахли в 133 г. армянской эры (13 июня 684)».

В такой обстановке не могло быть и речи о власти арабов в Дербенте или же об укреплении города. Путь мимо Дербента оказывался самым удобным и безопасным.

Путь через внутренний Дагестан известен и арабским авторам. По сообщению Мукаддаси, торговый путь из Тифлиса в Дербент лежит через страну Лакз: Тифлис—Шекки — через два дневных перехода в страну Лакз — и через три дневных перехода в Дербент. В древности известна также дорога, ведущая из западного Дагестана в Грузию и Армению.

¹ С. Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата... Записки института востоковедения АН СССР, 1939, т. 7, стр. 150.

² Там же, стр. 138.

³ Там же, стр. 150—151.

Первое упоминание о попытках армянской церкви распространить христианство в районе Дербента имеется у Фавстоса Бузанда, автора «Истории Армении», охватывающей события 315—390 гг. По его сведениям «в стан аршакидского царя маскутов, имя которго было Санесан»¹, был отправлен молодой епископ Григорис. «И он пошел и представился маскутскому царю, повелителю многочисленных войск гуннов, встал перед нами и стал проповедывать христово евангелие... Сперва они послушались, приняли и подчинились»². Но тут же Санесан и его войско отказались от христианства, «поймали дикого коня, привязали юного Григориса к хвосту его и пустили по полю вдоль берега великого Северного моря, за пределами своего лагеря, по полю Ватнеан»³.

Интересно отметить, что упоминаемое здесь Ватнеанское поле локализуется в «Истории агван» Каганкатваци недалеко от Дербента. Моисей Хоренский (V в.) местом гибели Григориса считает Ватнеанскую равнину, которую автор локализует также «недалеко от моря, называемого Каспийским». Народное предание также связывает местность недалеко от Дербента с именем святого Григориса.

Как сообщает А. В. Комаров, в часовню возле селения Молла-Халиль, откуда по преданию, тело Григориса было перевезено в Арцах (Карабаг), «два раза в год... собирались на богомолье армяне из Дербента и Кубы, а некоторые даже завещают себя хоронить близ этого места»⁴.

Вернемся к миссии Григориса. Упомянутый выше маскутский царь Санесан не ограничился убийством Григориса. Он собирает племена (в том числе и дагестанские) к северу от Кавказского хребта⁵ и идет походом на армянского царя Хосрова, но был разбит.

Таким образом, первая попытка привлечь на свою сторону племена маскутов путем распространения среди них христианства не увенчалась успехом. В то же время племена северо-кавказских степей продолжали разорительные набеги на Закавказье, что, с одной стороны, мешало проникновению христианства в Дагестан, но, с другой стороны, активизировало деятельность христианских миссионеров.

Активизация их деятельности диктовалась также неурегулированностью взаимоотношений между армянскими царями

¹ Бузанд Фавстос. История Армении. Ереван. 1953, стр. 13—14.

² Там же.

³ Моисей Хоренский. История Армении. М. 1893, стр. 145.

⁴ А. В. Комаров. Пещеры и древние могилы в Дагестане. V археологический съезд в Тифлисе. Труды предварит. ком. М. 1882, стр. 439.

⁵ Бузанд. Указ. соч., стр. 15.

и дагестанскими племенами и необходимостью привлечения их к борьбе против Персии. Горские племена выступали го на стороне армян, то против них.

Как сообщает Хоренский, «храбрый Шэгир, царь леков», совместно с албанским царем Урнайром поддерживал персидского царя Шапуха (Шапух II 309—380) в борьбе против армян и греков»¹.

Или же, как сообщает грузинская летопись, грузинские цари в борьбе против армянского царя призывают на помощь «оссов и леков... Что касается короля леков, то он привел с собой дурдзуков и дидо»².

С другой стороны, при армянском царе Хосрове Великом армяне, грузины и «оссы, леки и хазары» совместно выступают против персидского царя Ануширвана и опустошают Персию³.

Одним из факторов, благоприятствовавших деятельности миссионеров в Дагестане, было усиление политического влияния армянских царей на южный Дагестан в результате борьбы против кочевых племен. Армянские князья «охраняли от гуннов северные врата Дербентские»⁴.

Однако в середине V в. при упомянутом царе Иездигерде, армянскому влиянию в южном Дагестане, а также христианству в Албании и Армении был нанесен серьезный удар.

Начиная с 440 г., персидский царь приступил к преследованию христиан в Армении и других областях и насильственному насаждению религии магов. «Много албанских князей и множество народу» нашло убежище в Кавказских горах.

Как явствует из источников, в районе Джора (Чога) армянское влияние было сведено на нет, и там уже сидел персидский правитель, «пришедший разрушить церкви Албании»⁵.

Преследование христиан вызвало крупное восстание армян, направленное против персов и поддержанное другими областями. Персидские войска были разбиты. Армянские и албанские князья «пошли к воротам гуннским, где персы построили крепость, разрушили ее до основания» и комендантом ворот назначили князя Вагана из албанской царской фамилии⁶.

События, описанные выше, свидетельствуют о том, что благоприятные политические условия для распространения

¹ Хоренский И. Указ. соч., стр. 174—176.

² Histoire de la Géorgie... trad. par M. Brosset. 1 partie. St-Pét., 1849, pp. 66—67.

³ Там же, стр. 78.

⁴ История Егише вардапета. Тифлис 1853, стр. 70.

⁵ Там же, стр. 122.

⁶ Там же, стр. 125—129.

христианства в Дагестане возникли вновь. Кроме того, после смерти Иездигерда II (457 г.), несмотря на укрепление власти Персии в Албании и Армении в последующие годы, со стороны персов не предпринимались попытки насильственного навязывания зороастризма или преследования христиан. Диктовалось это тем, что война с Византией требовала поддержки на самом Кавказе, и потому персидские цари стали поддерживать армян-монофизитов, выступавших за полное отделение от византийской церкви.

Можно предположить, что именно к этому времени и был создан очаг христианства в Чоге. Сведений о времени создания здесь патриаршего престола мы не имеем, но источники дают дату его перенесения из Чога в Партав (552 г.). Под сокрушительным натиском хазар, как сообщает Каганкатвази, «во второй год Хозроя, царя царей, в начале армянского летоисчисления перенесли престол патриарший из города Чога в столицу Партав»¹.

Комаров дает также важные сведения об армянском населении в районе древнего Чога. «К югу от Дербента, — пишет он, — в лесах, прилегающих к Гюргенчаю, есть несколько (я видел три) древних армянских кладбища. На многих надгробных камнях отлично сохранились надписи... На кладбище близ родника Погос-Булах (родник Павла), верстах в 2-х к югу от ст. Белиджи, я видел на одной могильной плите высеченные изображения епископской митры и посоха. Но изображений креста я не встречал ни на одном из кладбищ»².

Армянская версия о христианстве в районе Чога вошла также в один из списков (несомненно древнего) «Дербендаме», где, по словам Козубского, сообщается о принятии христианства жителями Дербента в 355 г. «от имени какого-то Несманшаха»³. И год, и имя миссионера здесь, может быть, не соответствуют действительности, но факт попыток распространения христианства, отразившийся в одной из первых местных исторических хроник, при наличии других подобных сообщений, можно считать заслуживающим доверия.

Возможно, что Чога не переставал быть рассадником христианства и после перенесения патриаршего престола. И недаром католикос Виро и после указанных событий продолжал подписываться «католикос» Агванский, Лбинский и Чога»⁴. Во всяком случае, мы имеем известия о наличии христианских элементов в городе Хайзане и Зирихгеране.

¹ Каганкатвази. Указ. соч., стр. 90.

² А. В. Комаров. Указ. соч., стр. 438.

³ Е. И. Козубский. История Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906, стр. 12.

⁴ Каганкатвази. Указ. соч., стр. 131.

Царь Хайзана по имени Адзернарсе исповедывал, как сообщают авторы X в., три религии: «в пятницу он молился с мусульманами, в субботу — с евреями, а в воскресенье — с христианами». Значит, не только царь здесь был христианин. Но самое интересное в сообщении Ибн Русте это то, что в описываемый момент, как видно из текста, шла мирная проповедь религий: «все последователи этих религий призывают к своей вере и каждый считает, что истина в руках его...»¹.

Здесь под Хайзаном, несомненно, подразумевается Кайтак или Джидан. Текст Ибн Русте позволяет сделать такой вывод: по его описанию, Хайзан расположен в правой стороне от крепости «царя» Серира (Аварии) в 12 остановках от нее, значит к юго-востоку от Серира, ибо «царство» аллан, находящееся к северо-западу от него, Ибн Русте располагает налево от крепости.

Интересно также то обстоятельство, что имя царя Хайзана — Адзернарсе часто встречается в Закавказье, особенно в Грузии и Шекки: под этим именем известны сыновья двух царей Шекки и правители Грузии Адарнас (619—639) и Адзернарсе (881—923)².

Имеется также известие Масуди о том, что часть жителей Зирихгерана (речь идет о середине X в.) принадлежала к христианам³.

Однако и здесь, как везде в Дагестане, господствующим остается язычество. Достоверные сведения ал-Гарнати показывают, что даже в XII в., уже после распространения мусульманства в южных районах Дагестана, жители Зирихгерана остаются язычниками.

По сообщению ал-Гарнати, покойников здесь отдавали в подземные помещения (отдельные для мужчин и женщин), где отделяли мясо от костей и мясо бросали на корм птицам (женское — коршунам, мужское — воронам), а кости, очищенные от мяса, собирали в специальные мешки, на которых писали имя покойника и развешивали их в домах⁴.

Переходим к северному Дагестану. Первые попытки, рассчитанные на распространение здесь христианства, относятся к середине VI в.

¹ Ибн Русте. Книга драгоценных камней. Пер. Н. Караулова. Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа (в дальн. СМОМПК). Вып. 32, стр. 47—49.

² А. Е. Крымский. Страницы из истории северного или Кавказского Азербайджана. Сб. статей к 50-летию Ольденбурга. Л. 1934, стр. 373—377. Известия груз. летописей.. СМОМПК, вып. 22, стр. 3, 30.

³ Масуди. «Луга золота и рудники драгоценных камней». Пер. Н. Караулова. СМОМПК, вып. 38, стр. 52.

⁴ Dorn. В. Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern... «Melanges asiatiques», VI, S. 701.

По сообщению сирийского источника VI века, Каспийское море и Каспийские ворота (т. е. Дербент) находились в «пределах гуннских». «Гуннские» племена, находившиеся за воротами, т. е. Дербентом¹ (перечисляется 13 племен), вели кочевой образ жизни и занимали прибрежную полосу, а также равнинную часть северного Дагестана. Однако в жизни этих кочевых племен происходят большие сдвиги в сторону перехода к оседлости. Эти новые условия и были учтены миссионерами христианства при распространении здесь христианства.

«Гуннские» племена северо-восточного Кавказа постепенно втягивались в сферу византийской политики, направленной против сасанидов. В первой половине VI в. к ним прибыло два христианских посольства (первое — из Аррана, второе — из Армении), основной целью которых было склонить «гуннов» на сторону Византии².

Первое посольство во главе с арранским епископом Кардостом состояло из семи священников, направившихся к византийским пленным, находившимся у гуннов. Дата посольства, по определению Пигулевской, — 537 г. Послы прошли в землю гуннов через южный Дагестан мимо Дербента, по горам. Через несколько лет сюда же прибыло посольство от императора Византии, «чтобы купить воинов для войны (с языческими) народами». Посол императора поддержал деятельность арранского епископа.

Кардост и его священники пробыли в «земле гуннов» 14 лет и на седьмой год своего пребывания (544), как сообщает сирийский источник, «выпустили писание на гуннском языке».

Впоследствии к гуннам прибыл «армянский епископ Маркар, который построил храм и каменное здание в их стране», «совершил знамения и многих крестил». В это же время Византия отправила к гуннам «тридцать мулов с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной уварью»³.

В связи с усилением набегов кочевых племен на Закавказье и в целях борьбы с арабами на совете при албанском князе Вараз-Трдате (669—699) было решено отправить к «гуннам» посольство во главе с епископом Израилем. Послы вышли из Партава 22 декабря 684 г. (18 числа месяца мехекан) и прибыли в Варачан 11 февраля 685 г.⁴.

То, что застали албанские послы в Варачане, столице «гуннов», говорило о том, что не осталось никаких следов

¹ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории СССР. М.-Л., 1941, стр. 165.

² Там же, стр. 96.

³ Там же, стр. 166—167.

⁴ С. Т. Еремян, Указ. соч., стр. 134.

деятельности миссионеров в середине VI века. Епископ «плакал над бедствием и сомнительной религией гушнов». «У них идолопоклоннические нравы»¹.

Как сообщает Каганкатвази, благодаря деятельности послов, гунский князь Алфилутвер и его лагерь «предались игу служения Христу», а затем христианство приняли все «гунны». Алфилутвер теперь сам «преследовал сышовой мрака». По приказу епископа были срублены все священные деревья, из которых в Варачане был построен огромный крест. Были также уничтожены все капища «и погибли скверные кожи жертвенных чучел»².

О дальнейшей судьбе христианства в северном Дагестане мы не имеем сведений, но ясно одно, что посольство Ираиля не прошло безрезультатно. Под властью хазар, которые веротерпимо относились к христианам, часть «гуннов» несомненно сохранила христианскую веру.

В том же самом Варачане (у арабов — Семендере), по мнению арабских авторов, в X в. были христианские храмы³, а по сообщению Мукаддаси, к этому времени большая часть жителей Семендера были христиане⁴.

Крайне скудны письменные сведения о проникновении христианства в западный Дагестан, т. е. аварские районы (Серир) и район Цахура. Однако наличие широких политических связей с Грузией делает вполне вероятным проникновение сюда христианских элементов еще до X в.

Грузинские летописи свидетельствуют, что связи эти крепки в общей борьбе против завоевателей. Грузинский царь Гурам (570—600) вместе «с овсами, дурдзуками и дидойцами» выступает против персов.

Еще раньше по призыву грузинского царя леки вместе с овсами и хазарами присоединяются к армянскому царю в его борьбе против Хосрова Ануширвана. При нашествии арабского полководца Буги в середине IX в. эристав Армении и Гурам, брат царя Багарата (826—876) «послал сказать горцам, чтобы они не пропускали их. «Горцы преградили дорогу сарацинам. Бог им дал победу»⁵. В то же время, как сообщает «Дербенд-наме», аварский царь, сын Сураката, вытесняемый арабами, находит убежище в Тушетии.

¹ Каганкатвази. Указ. соч., стр. 193—198, 200.

² Там же, стр. 203—204, 206.

³ СМОМПК, в. 38, стр. 114, вып. 29, стр. 47.

⁴ Д. Хвольсон. Известия о хазарах, бургасах... Ибн-Даста. Журнал Министерства Народного Просвещения, 1868, № 12, стр. 62—63. Мукаддаси, стр. 5.

⁵ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. 22. Тифлис, 1897, стр. 23, 28—29.

Летописи свидетельствуют также о политическом влиянии Грузии на районы западного Дагестана в VII—X вв.

Как сообщают эти летописи, при царе Арчиле (668—718) «всею Цукетией (т. е. бывшим Цахурским участком Закавказского округа), Тушетией, Хунзахом и горными областями управлял Абухвасро, потомок правителя нагорья, назначенного царем Вахтангом Горгосалом (ум. 499)»¹.

В начале XI в. правитель Кахетии Квирик III (1010—1029) назначает своих правителей «в Тианетии, Тушетии, Дидоэтии, Дзурдзукетии, Глигве, Хунзахе» и др.

В этом отношении интересно также сообщение Вардана Великого: при царе Аббасе (922—951) выходцы из Халдеи приняли христианство и «завладев всеми соседними (с Гардманом, в Утийской провинции Восточной Грузии — А. Ш.) областями» назвали свою область Тцанарк. (Н. Эмин, переводчик Вардана, считает, что эта область находилась к востоку от Иберии в соседстве с Дербентом). Один из этих выходцев вступил в свойство с царем джорджитским, т. е. царем Чора².

Наличие широких политических связей, стремление укрепить свою власть в западных районах Дагестана привело грузинских феодалов к попыткам утвердить здесь христианство. Летописное сообщение о царе Арчиле (668—708), который прибыл в Цукети, т. е. Цахурский участок «и выстроил церковь Касри»³, говорит об этих попытках.

Пожалуй, это единственное известие о попытке распространить христианство в районе Цахура до X в. Судьба этой церкви неизвестна. Между тем, сведения Казвини о Цахуре, относящиеся к XIII в., не оставляют сомнения в том, что в районе Цахура в XIII в. население было мусульманским.

Арабские писатели причисляют Серир к языческим странам. Ибн-Русте оставил нам подробное описание языческих похоронных обрядов и религиозных представлений жителей Серира: «Все они (исключая жителей замка, столицы царя — А. Ш.) поклоняются сухой голове. Когда у них умрет кто-нибудь, то покойника кладут на носилки, выносят его на площадь и оставляют его на носилках в течение трех дней; по прошествии этого срока выезжают верхом жители города в латах и кольчугах и являются на площадь; они заносят над покойником, лежащим на носилках, свои копья и кружатся вокруг носилок, причем угрожают ему (покойнику) копьями, но не наносят ему удара»⁴.

¹ Там же, стр. 26.

² Вардан Великий. Всеобщая история. Пер. с арм. Н. Эмина. М. 1861, стр. 126.

³ Известия груз. летописей, стр. 26.

⁴ Ибн Русте. Указ. соч., стр. 47.

При всем этом нужно указать на одно исключение: привилегированное сословие в Серире в X веке — уже христиане.

Масуди писал, что царь Серира христианин¹, а по словам Ибн-Русте, обитатели замка — все христиане².

Что привилегированное сословие Серира первое приняло христианство — этот факт отразился также и на народном предании об аварском царе Суракге, исповедовавшем христианство³, или о правителях Авари, которые до принятия ислама были христианами⁴.

Следы христианства в Дагестане сохранились в течение столетий господства ислама. Еще в 1814 г. Клапрот писал, что «большая часть лезгинских племен (автор имеет в виду все дагестанские племена. — А. Ш.) ныне принадлежат к суннитской секте ислама, но все же среди них имеются многие, кто живет без религии или же у которых обнаруживаются почти угасшие следы христианства, почитания древних церквей, скал и деревьев»⁵.

В связи с изложенными выше сведениями, а также в подтверждение их, большую ценность приобретают данные топонимики Дагестана, а также народные предания, связывающие с именем армян и грузин происхождение отдельных населенных пунктов, поселений и урочищ.

В южном Дагестане целый ряд древних поселений известен под названием «Эрмени хюр» (армянское селение), «Эрмени шегьер» (армянский город) или «Эрмени къеле» (крепость армян).

В центральном и западном Дагестане целый ряд древних поселений и могил местное население приписывает христианам.

Ко всему этому можно прибавить лингвистические данные, говорящие в пользу бывшего влияния христиан в Дагестане. Так, например, во многих языках Дагестана слово крест заимствовано из армянского языка (хач): у лакцев — ххач, аварцев и даргинцев — хъанч, кумыков — ханч, лезгин — хаш. Данные календаря в аварском и лезгинском языках также свидетельствуют о христианском влиянии. В аварском языке воскресенье обозначают словом «гъатІан кьо», т. е. церковный день. Лезгинское слово «гъяд» (воскресенье) также сходно с аварским «гъатІан».

¹ Масуди. Указ. соч., стр. 52.

² Ибн Русте. Указ. соч., стр. 47.

³ Н. Яковлев. Новое в изучении Северного Кавказа. «Новый Восток», 1924, кн. 5, стр. 244.

⁴ Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, стр. 13.

⁵ J. Klapproth, F. Geographisch — historische Beschreibung des östlichen Kaukasus. Weimar, 1814. S. 117.

В письменных источниках не сохранилось упоминаний о борьбе религий (мусульманства и христианства или же этих последних и язычества) в Дагестане. Однако устное народное творчество дает целый ряд сведений по этому поводу. Во многих районах Дагестана жители часто указывают на «армянские и грузинские» поселения, разрушенные мусульманами. Интересное предание связано также со статуей, находящейся, как сообщают, недалеко от Карабудахкента. «Статуя представляет собой всадника в полном вооружении, сидящего на жеребце. Всадник положил три пальца правой руки на лоб как будто для того, чтобы креститься. Рассказывают, что статуя эта представляет армянина, который обратился в камень, когда мусульмане хотели его убить»¹.

Борьба ислама и христианства отразилась и на религиозных представлениях дидойцев, согласно которым мусульманские и христианские черты находятся в постоянной вражде и дерутся между собой².

Борьба христианства и язычества в «стране» дидойцев в аллегорической форме изображена в грузинской поэме XII в. «Амиран-Дареджиани» — сборнике героических рассказов, написанных Мосе Хонели.

По рассказу одного из участников похода Амирана, им по пути встретился человек по имени Дидо. «Я был, — говорил он, — царь дидойцев, но деви изгнали меня, войска мои перебили, и я остался один». Амиран обещал царю дидойцев вернуть ему царство и отправился туда с войском и бывшим «царем» Дидо. Прибыв на место, Амиран убивает женщину-деви и мужчину-деви вместе с его сыном³.

Согласно преданиям аварцев, христианский князь аварцев Гурхан (или Сурхай) по прибытии мусульманского проповедника вернулся к себе «и наложил штраф по одной курице на каждого, кто будет творить намаз»⁴.

Таким образом, устное народное творчество сохранило нам то, что не нашло отражения в письменных источниках и в основу которого положены действительные факты.

Начиная с конца VII в. вплоть до X в., мы не видим условий, которые привели бы к усилению темпов проникновения христианства в Дагестан. Наоборот, политическое влияние арабов в районе Дербента положило начало проникновению ислама и медленному вытеснению христианства.

¹ Дагестанские сказки. СМОМПК, вып. 2, стр. 140.

² К. Г. Данилина. Дидои. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1549, стр. 35.

³ А. С. Хаханов. Очерки по истории грузинской словесности, вып II, М. 1897, стр. 168.

⁴ Г. Розрителев. Древние христианские памятники на Северном Кавказе. Ставрополь, 1906, стр. 4.

Проникновение ислама в южный Дагестан, особенно в ту часть, которая политически и территориально была связана с мусульманским Ширваном, ослабляло влияние Армении и Грузии на эту область и постепенно сводило на нет позиции христианства.

* * *

Родина ислама — западная часть Аравийского полуострова (Хиджаз), а именно города Мекка и Медина. Упадок торгового значения городов Мекки и Медины и усиление противоречий между родовой аристократией и племенной массой требовали выхода из создавшегося положения в более прогрессивном развитии общества по пути феодализма. Оформлению новых социальных отношений должна была активно содействовать религия. Эта роль была выполнена исламом.

Новая религия, ислам, становится идеологией феодализирующейся знати, а затем и феодального государства, т. е. Арабского халифата, социальный строй которого претерпел в течение VII—X вв. большие изменения в сторону перехода от родо-племенного строя к феодальному государству.

Как известно, движение за объединение различных арабских племен вылилось вскоре в войны за захват чужих территорий. Грабительские цели арабской феодализирующейся знати прикрывались лозунгами распространения в захваченных землях новой религии и избавления населения от социального гнета.

Эпоха первых халифов (30—60 гг. VII в.) была временем победоносного шествия новой религии. Народы Ирана и Малой Азии видели в арабах и исламе средство избавления от гнета иранских и византийских феодалов.

Быстрому распространению ислама способствовала также политика самих завоевателей. За пределами полуострова арабы первоначально не навязывали христианскому или языческому населению свою религию насильственными методами.

Кроме того, всякий, кто принимал ислам, освобождался от подушной подати (джизья) и уравнивался в правах с остальными мусульманами.

Поэтому и не странно, что границы завоеваний арабов часто совпадали с границами распространения ислама.

Однако все это не значит, что везде с охотой принимали ислам. Грузия и Армения, например, сохранили свою религию, христианство, которое не хуже, чем ислам, защищало и охраняло интересы господствующих классов.

В середине VII в., после разгрома сасанидской Персии, началась ожесточенная борьба за захват Закавказья.

В этой борьбе Дагестан интересовал арабов и как важнейший стратегический пункт, и как место сосредоточения в своих руках торговли на Каспийском море.

Укрепление арабов в Дагестане и особенно в Дербенте означало также обеспечение гарантии от хазарских набегов на Закавказье.

Особое значение в этой борьбе приобретал Дербент, и потому первые походы арабов ставили целью захват и укрепление этого стратегического пункта.

Прежде чем перейти к вопросу о проникновении ислама в Дагестан, необходимо вкратце остановиться на вопросах исторической географии и социально-экономических отношений в VII—X вв.

В связи с событиями VII—X вв. источники упоминают о целом ряде политических образований или «царств» на территории Дагестана: Лакз (территория расселения представителей лезгинской группы языков и, возможно, отчасти аварцев), Табасаран, Зирихгеран (район Кубачи), Хайдак (Кайтак), Гумик, Серир (Авария) и Джидан.

Источники также упоминают «царство» Филан, который можно локализовать в Дагестане, где-то севернее Лакза и Табасарана.

Равнинная часть северного Дагестана и прибрежная полоса вплоть до Дербента входили в состав Хазарского каганата.

Небольшая часть юго-восточного Дагестана до Дербента включительно подчинялась Ирану, а впоследствии вошла в состав Арабского халифата.

VI—X вв. в Дагестане — это период быстрого разложения патриархально-родового строя и становления феодальных производственных отношений.

В течение VI—X вв. прослеживаются серьезные изменения в экономической жизни различных племен и народностей. Наблюдается дальнейшее развитие скотоводства и земледелия. Одним из наглядных показателей развития производительных сил в Дагестане является рост ремесла и возникновение городов (Дербент, Семедер, Кубачи).

Мусульманские портовые города на Каспийском море на огромном пространстве от Абескуна и Астерабада на юго-востоке и до Дербента на севере вели оживленную торговлю, а в Дербенте можно было встретить купцов и товары всех прибрежных стран Каспийского моря. Открылся широкий простор для торговли на севере, по течению Волги¹.

Оживление торговых связей в бассейне Каспийского моря, о котором здесь пишется, относится к IX—X вв. Это и есть

¹ W. Heyd. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Bd. I Stuttgart. 1879. S. 53.

период усиленного проникновения мусульманских торговых элементов в Дагестан. Налаживается связь с Дербентом, который, согласно арабским источникам, служил портом для Се-рира, Табасарана, Кайтака и других областей. Установление торговых связей облегчало процесс постепенной исламизации Дагестана.

Мы остановились на краткой характеристике социальных и экономических отношений в Дагестане VI—X вв. лишь потому, что вопрос этот неразрывно связан с процессом исламизации Дагестана.

Первое известие о приходе арабов и насаждении ислама в Дагестане относится к началу VII в. и принадлежит автору «Дербенд-наме».

По сообщению этой хроники, пророк Мухаммед в борьбе против хазар достиг Дербента, и жители города по велению пророка приняли мусульманство¹

Не трудно догадаться, что здесь речь идет о более поздних событиях и что утверждение это принадлежит стороннику признания раннего распространения ислама, т. к. при жизни Мухаммеда (ум. в 632 г.) арабы не предпринимали попыток к захвату территорий за пределами Аравийского полуострова.

Некоторые арабские писатели, а также местные дагестанские хроники переоценивают события в Дагестане начала VIII века. Причем арабские авторы восхваляют силу оружия завоевателей, а местные хроники приписывают им также распространение ислама во всем Дагестане.

Так, например, Якуби (конец IX в.) настойчиво проводит мысль о том, что дагестанские племена без боя принимали арабов и заключали с ними «мирные» договоры. Единственно только Хамзин дважды с оружием встретил арабов².

Если верить «Дербенд-наме», то при походах арабского полководца Масламы в первой половине VIII в. жители Таргу, Анджикала, Дербента, Казикумуха, Каракайтака, Табасарана, «народ Тау» и население Аварии приняли мусульманство³ после недолгого сопротивления. И согласно хронике «Асари-Дагестан», Абумуслим (Маслама) построил соборную мечеть в Дербенте, мечети в отдельных магалах, также в Кайтаке и Табасаране, Даргинском округе (Акуша), в сел. Рича, Фите, Кучхюре, в Самурском округе, Ахты, Казикумухском округе (Кумухе), Аварском, Сюргинском, Цахурском и др. областях⁴, т. е. почти во всем Дагестане.

¹ Дербенд-наме. Тифлис, 1898, стр. 35.

² Якуби. История. Пер. с араб. П. К. Жузе, Баку, 1927, стр. 9.

³ Дербенд-наме, стр. 76—80.

⁴ Асари-Дагестан, стр. 21.

Однако сведения арабских авторов не подтверждают версию о повсеместном принятии ислама в Дагестане в VIII в. Так, например, Белазури (конец IX в), писавший о походах арабов в Дагестан, ни словом не обмолвился о принятии ислама горцами. Из текста мы не видим, что даже такие условия ставились. Следует только подчеркнуть, что при наличии факта признания ислама Белазури всегда об этом упоминает. Так, например, он подробно останавливается на факте принятия ислама хазарским каганом после похода Мервана¹.

Большую ценность в показе событий середины VIII в. имеют сведения Ибн-ал-Асира, арабского автора XIII в. Описывая походы времен Омейядов (732—733, 736—737, 738—739), он старается не скрывать факты борьбы против арабов. Арабам приходится два раза выступать против Серира и три раза — против Туман-шаха. Нигде ни слова о принятии ислама, только заключаются мирные договоры или же разрушаются те крепости, которые не сдаются арабам.

Сама хроника «Дербенд-наме» дает ряд сведений, показывающих, что попытки распространить ислам сталкивались с упорным сопротивлением местного населения: карательный отряд арабов в Кайтак и Табасаран, несмотря на то, что правители этих областей уже были мусульмане²; сопротивление жителей Анджи, Казикумуха («Казикумухцы выступили против него — Масламы — с оружием»), Каракайтаса («Население этой страны также приготовилось к войне с арабами»), Табасарана («Первому приказу они не подчинились»), народы Тау и Аварии (Маслама «обратил их мечами в мусульманство»)³.

Автор работы «Лаки» С. Габиев приводит легенду, указывающую на упорную борьбу местного населения против арабов: предание о старом лакском селении Убра, которое «ни за что не соглашалось принять мусульманство до тех пор, пока у них не кончились маринованные свиные головы, заготовленные на зиму»⁴.

На непрочность арабских завоеваний в районе Дербента и шаткие позиции ислама в VIII в. указывает Андалуси: когда Маслама, «распространив» ислам в странах Лакзан, Филан, Хайдак, Гумик, Дархах и поселив там 24000 семей из Мосула, Дамаска и других городов, собирался уйти в Сирию, табасаранцы выразили ему свое опасение: «О эмир, мы боимся, когда ты удалишься от нас, что (— снова —) отпадут

¹ Белазури. Книга завоевания стран. Пер. с араб. проф. П. К. Жузе, стр. 18.

² Дербенд-наме, стр. 75.

³ Там же, стр. 77—80.

⁴ С. Габиев. Лаки, стр. 14—15.

⁵ Цит. из статьи А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Тр. II сессии ассоциации арабистов. 1941, стр. 103.

от религии эти народы и мы будем бедствовать (находясь) в соседстве с ними»⁵.

Мы здесь указывали на несостоятельность сведений о широком распространении ислама в Дагестане в первую половину VIII в. и об укреплении власти арабов в Дагестане.

Однако справедливости ради нужно указать, что все источники, а также компиляции особенно выделяют первую половину VIII века, и это сделано вполне справедливо.

Авторы, ставившие вопросы распространения ислама в прямую связь с завоеваниями арабов, не могли не сделать этого, тем более, что в ряде других стран время принятия ислама совпадало со временем завоевания данной территории фактически.

Поэтому и придается особое значение началу VIII в., когда почти в течение пятидесяти лет арабы вели упорную борьбу за укрепление своей власти в Дербенте и близлежащих районах. Это было время самой ожесточенной борьбы, которую вели когда-либо арабы на территории Дагестана.

В самом деле, арабские источники оставили нам подробные сведения именно об этом отрезке времени: неудачный поход Масламы в 714 г.; вступление в 722 г. Сабита аль-Нахрани в Дагестан и поражение его войск в борьбе с хазарами¹; нападение правителя Армении Хариса ибн Амр Таййца на страну Лакз²; поход Джерраха в 723 г.; сопротивление жителей Кайтака, Табасарана и Беленджера и расправа с ними; два похода Масламы в течение 727—732 гг.³; трехкратное выступление Мервана за покорение Дагестана в течение 732—739 гг.

Ко всему сказанному следует добавить, что к этому же времени относится усиленная деятельность Масламы по насаждению арабских элементов в районе Дербента для превращения его в опорный пункт и для дальнейших захватов и для насаждения ислама. Как сообщают источники, Маслама построил в городе амбары для провизии и фуража, а также склады для оружия. «Он приказал вычистить цистерну (городскую), исправил разрушенные места в городе и украсил его»⁴.

Опорные пункты близ Дербента были построены также в 50-х годах VIII в.

После поражения своего наместника в Дербенте, правитель Армении Язид ас-Сулами с трудом восстанавливает свою власть в Дербенте; вместе с войсками сюда были направлены рабочие и строители для постройки опорных пунктов. Бы-

¹ D'Ohsson. Peuples du Caucase. Paris 1828, p. 77.

² Белазури. Указ. соч., стр. 16.

³ Якуби. Указ. соч., стр. 6.

⁴ Белазури. Указ. соч., стр. 17.

ли построены Камах, ал-Мухаммедия, Баб-Вак и др. пункты¹.

Можно предполагать, что к этому времени и относятся первые попытки распространить ислам в Дагестане и Дербенте, тем более, что значение последнего неизмеримо выросло в связи с оживлением торговли на Каспийском море.

Кроме того, авторы компиляций несомненно были знакомы с произведениями Андалуси ал-Гарнати, посетившего в XII веке Дербент. Вот что он пишет: «И он (т. е. Маслама) завоевал Баб ул-Абваб, и обратились в ислам при содействии его многие народы, как, например, Лакзан, Филан, Хайдак, Зуклан, Гумик, Дархах».

Имея все это перед собой, сторонники признания раннего распространения ислама отнесли ко времени походов Масламы все события, связанные с принятием ислама и имевшие место гораздо позже, а именно начиная с X—XI веков. По данным дагестанских хроник Маслама в первой половине VIII в. покорил почти весь Дагестан и назначил арабских правителей в Кайтак, Табасаран и Кумух, а потомки этих правителей стали называться уцмиями, майсумами и шамхалами².

Здесь мы сталкиваемся с фактом явного преувеличения успехов арабов и Масламы в Дагестане. Дело в том, что Масламе, как об этом пишут сами арабы, удалось укрепиться только в Дербенте и потому не могло быть и речи о завоевании всего Дагестана. Что касается терминов уцмий, майсум и шамхал, то более всего вероятно, что так стали называть дагестанских правителей не в VIII в., а гораздо позже, не раньше XI века, когда с дальнейшим усилением феодальных отношений в Дагестане и с началом усиленного проникновения сюда религии ислама местные правители стали приписывать себе арабское происхождение и возводили свой род к пророку или халифам.

Как сообщает автор, пять человек из потомков Амир-Гамзы и Аббаса вышли вместе со своими семьями из Центральной Аравии и после пребывания в Константинополе, Индии и Ширване пришли в Дагестан. Вместо местных «вождей» правителем страны («эмиром и валием») был назначен ими потомок Амир-Гамзы и ему был присвоен титул «шамхал по имени своего деда, который родился в селении Хал, одном из селений Шама (Сирии)». Вслед за тем судьей и

¹ Якуби. Указ. соч., стр. 8—9.

² Асари-Дагестан, стр. 22—24; Аббас-Кули Бакиханов. Гюлистан-Ирам, стр. 44; Дербенд-наме, стр. 79—80.

имамом «аварской страны» был утвержден шейх Абу-Муслим¹.

Мы видим, что происхождение титула шамхал и назначение Абу-Муслима относятся к одному и тому же времени.

Между тем, как сообщает Алкадари, шейх Абу-Муслим прибыл в Дагестан в V в. хиджры, т. е. в XI в.².

Касаясь мнения о всеобщем распространении ислама в Дагестане в VIII веке, А. Гасанов в своих примечаниях к «Асари-Дагестан» писал: «Вероятно, кое-где (напр., в Дербенте, в предгорьях Кюринского округа, Табасаране, Кайтаге и вообще на плоскости) арабы действительно построили мечети и поставили кадиев и правителей. Но, чтобы они в VIII веке могли это сделать в Акуше, в Хунзахе, Кумухе, или даже в Ахтах, этому трудно поверить. Все это они могли сделать на 2—3 века позже, когда культура арабская достигла своего кульминационного развития, и когда миссионеры ислама высоко подняли авторитет халифа в глазах кавказских племен»³.

С этим трудно не согласиться, если признать X—XI века не концом деятельности миссионеров, а ее началом.

Мы до сих пор останавливались на вопросе о первых попытках арабов упрочить свое влияние в Дагестане в VIII в. Что касается IX в., то мы уже не имеем к этому времени сообщений о завоевательных походах арабов на Дагестан. Арабы не только не имели возможность вести завоевательные войны, но даже не в силах были управлять самостоятельно отдельными провинциями. Всюду уже в провинциях привлекалась к управлению местная феодальная знать.

В Ширване в это время управляла новая династия, называемая мадьядистско-шейбанитской или ширваншахской с резиденцией в Шемахе и Дербенте⁴.

Таким образом, в IX—X вв. арабы перестали быть носителями ислама в Дагестане. Их место заняли другие, а именно мусульмане Ширвана во главе с чисто мусульманской династией. Ширван и в том числе Дербент, также с чисто мусульманской династией, стал очагом распространения новой религии.

В этом отношении характерно высказывание ал-Хамадани о том, что в X веке одни из ворот дербентских стен носили названия Баб ул-джихад, т. е. «Ворота войны за веру»⁵.

¹ Тарих-Дагестан. Приложение IX к «Дербенд-наме», стр. 164—182.

² Асари-Дагестан, стр. 172—173, прим. 47.

³ Там же, стр. 172.

⁴ E. Sachau. Ein Verzeichniss muhammedanischer Dynastien. Berlin, 1925, s. 12.

⁵ СМОМПК, вып. 38, стр. 25.

Как мы уже говорили, мы не знаем ход проникновения ислама в Дагестан в конце VIII и в IX веке. Однако имеются сведения, говорящие о наличии мусульманских элементов в Дагестане в X веке.

В Дербенте все правители принадлежали к мусульманской династии. С 869 по 1066 г. здесь правили представители династии Бену Хашим (Хашимитской)¹. Как сообщает Масуди, в середине X в. цари Джидана и Табасарана были мусульмане².

К этому времени новую религию исповедывала также часть лакзов³. Царь Хайзана Адернарсе одновременно исповедывал мусульманство, христианство и иудаизм.

Как сообщает Ибн Хаукаль (X в.), Семендер до разрушения его русами (965) «насеяли мусульмане и другие, и в городе у них были мечети, у христиан храмы, а у иудеев синагоги»⁴.

Еще до Ибн Хаукаля о мусульманах в Семендере сообщает Истахри (X в.): «... в Семендере множество мусульман, и у них в этом городе мечети». Однако «царь Семендера иудейского вероисповедания и находится в родстве с царем хазар»⁵.

Что касается проповеди ислама в Дагестане в X веке, то нам известны об этом только два сведения: первое — это о царе Хайзана Адернарсе, о котором упоминали уже при показе проникновения христианства в Дагестан; второе известие относится к концу X в.

Как сообщает Мунаджим-Баши, в 989 г. дербентский правитель Маймун ибн-Ахмед имел дружину или отряд телохранителей из русов, и гиланский проповедник Муса Тузи требует выдачи этих русов для обращения их в ислам⁶.

Вот все сведения о наличии ислама в Дагестане в X веке, из которых можно заключить, что ислам сильнее всего был распространен в районах, прилегающих к Дербенту, и что в основном приняли новое учение правители политических образований.

При описании событий середины VIII века мы видели, что ислам почти нигде не был принят. Поэтому приведенные выше сведения о состоянии ислама в Дагестане к середине X в. свидетельствуют об исключительно медленных темпах его

¹ E. Sachau. S. 13.

² Масуди. Указ. соч., стр. 43, 51.

³ Масуди. Указ. соч., стр. 42.

⁴ Ибн Хаукаль. Книга путей и царств. Пер. с арабск. Н. Караулова. СМОМПК, вып. 38, стр. 114.

⁵ А. Истахри. Книга климатов. Пер. с арабск. Н. Караулова. СМОМПК, вып. 29, стр. 47.

⁶ В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье. «Acta Orientalia», 1953, стр. 209.

проникновения, начиная с конца VIII века до середины X века. Действительно, как сообщает ал-Истахри, к Дербенту прилегают «разные страны кяфиров»¹. Ал-Хамадани также сообщает, что земли мусульман доходили в X в. до Табасарана². По сведениям Мурадшима Баши (XVII), армяне и лакзы, выступавшие в середине X в. против правителя Аррана, были неверными³.

Все эти сведения показывают, насколько далеки были жители южного Дагестана в середине X века от принятия мусульманства. В. В. Бартольд справедливо подчеркивал, что еще «в X веке граница мусульманского мира проходила в 3-х милях, т. е. в 6 верстах от Дербента», а кайтакцы «в конце XIV века... еще не были мусульманами»⁴.

Даже в Дербенте, где ислам нашел прочные позиции, в религиозных представлениях жителей сохранились остатки домусульманских верований, о чем можно судить из описания дербентских стен, оставленного ал-Хамадани (нач. X в.):

«В городе Баб над Баб ул-Джихад (ворота войны за веру) на стене две колонны, на каждой колонне изображение льва из белого камня. Ниже их два камня, на них изображение двух львов. Близ ворот изображение человека из камня, между ногами его статуя лисицы... Над домом правителей — изображение двух львов также из камня... жители Баба говорят, что это талисманы из стены»⁵.

Вполне возможно предположить, что близ Дербента и к X веку сохранило некоторое влияние также христианство.

Раньше мы писали по данным армянских авторов о существовании города Чога близ Дербента с патриаршим престолом в нем. В связи с этим представляет интерес сообщение ал-Хамадания о наличии между Дербентом и Лакзом «царства» Сура⁶. Это христианское название сохранилось в X веке не только за «царством», но также и за воротами Дербента («ворота Сул»).

Что касается центрального, западного и северного Дагестана (за исключением Семендера), то о позициях ислама здесь в X веке не стоит и говорить, ибо ни один из восточных

¹ СМОМПК, вып. 38, стр. 98.

² СМОМПК, вып. 31, стр. 11.

³ V. Minorsky. *Studies in Caucasian history*. London. 1953. стр. 3—4 (араб текст).

⁴ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманства. Баку, 1924, стр. 28.

⁵ СМОМПК, вып. 38, стр. 25.

⁶ Дорн указывал, что в берлинской рукописи текста ал-Хамадания вместо Сура обозначено и что, возможно, это (Сул), Тцор или Джора.

См. В. Auszüge..., S. 649.

авторов не свидетельствует о наличии в указанных областях к X в. мусульманских элементов.

Андалуси ясно указывает, что в Зирихгеране население еще в XII в. придерживается домусульманских верований. «Они (—народ Зирихгерана—) не имеют никакой религии и не платят налогов». Относительно Серира и о господстве там языческих представлений населения мы уже писали выше.

Только в начале XV в. распространяется мусульманство в Кубачах, о чем свидетельствует сообщение Дорна о том, что в Кубачах, на здании медресе обнаружена надпись 807-1404/5 г., сообщающая о строительстве этого медресе во время перехода кубачинцев в ислам¹.

Подкрепляется эта мысль и другим сообщением Дорна о мусульманских надписях Кала-Курейша, самая ранняя из которых относится к 826-1422/23 г.²

Ввиду того, что по сведениям местных хроник и некоторых историков Кумух считается одним из очагов мусульманства, начиная с VIII века, то на вопрос о времени принятия ислама лакцами стоит кратко остановиться.

А. Н. Генко в докладе «Арабский язык и кавказоведение», описывая процесс постепенной исламизации Дагестана, не возражает традиционным сведениям, согласно которым Кумух был обращен в ислам в 161 г. хиджры-777 г.³ Однако данные, приводимые курдом Масудом ибн Наждаром, писавшим в начале XII в., свидетельствуют о более позднем распространении здесь мусульманской религии.

Медленные темпы распространения ислама в Дагестане объясняются также тем, что арабам никогда не удавалось укрепить, вернее установить свое политическое господство. «В отличие от христианства, ислам первоначально не знал миссионерства и распространялся только путем завоеваний; границы мусульманских владений совпадали с границами распространения ислама», причем «насильственного распространения ислама не было, и ни христианство, ни зороастрийцы не подвергались преследованиям»⁴.

Вплоть до X в. включительно мы встречаемся не только с фактом отсутствия преследования христиан в Дагестане, но и с фактом большой веротерпимости мусульман по отношению к ним.

Еще в первую половину VIII века, в 732 г. «Мслиман вторично выстроил Дербенд во имя таджиков, но не разрушил

¹ *Melanges asiatique*, VI, S. 717.

² Там же.

³ А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 99.

⁴ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей... стр. 45, 142.

патриаршего дворца, который еще и до сих пор существует в нем»¹.

Ту же картину мы видим в Хайзана, где мусульмане и христиане свободно проповедуют свою религию, в Дербенте, где наряду с «воротами войны за веру» существуют в X веке «ворота Сура» и, наконец, в Семендере, где рядом живут мусульмане, христиане и иудеи и имеют свои мечети, церкви и синагоги.

Характерной особенностью проникновения ислама в Дагестан является тот факт, что в первую очередь припевают его правители «царств». Тем самым подчеркивается сущность его как орудия усиления эксплуатации основных масс трудящихся.

Так, например, правители Табасарана и Хайзана в X в. являются мусульманами, в то время как преобладающее большинство населения этих областей остается язычниками. Или же христианский царь Серира делает попытку войти в родственные сношения с мусульманскими правителями Закавказья. Как сообщает ибн-ал-Ассир, правитель Серира выдает в X в. (при полководце Буге) свою дочь замуж за клиента омейядов в Сугдебиле.

Медленное проникновение ислама в Дагестан в период до X в. отчасти объясняется слабым развитием социально-экономических отношений в Дагестане.

В истории Дагестана мы сталкиваемся с фактом, когда ислам прежде всего принимается в наиболее развитом в социально-экономическом отношении районе Дагестана, а именно в Дербенте, а также феодализирующимися правителями отдельных «царств».

Чем дальше идет процесс классового расслоения, тем глубже проникает ислам в горы. Причем процесс исламизации горных районов вовсе не связан с арабскими завоеваниями.

В X веке усиливается миссионерская деятельность представителей ислама в Дагестане. Это отражено и в ряде арабских источников и в местных хрониках.

Усиленное проникновение ислама в Дагестан имело место только в XII—XV вв.

Однако исследование процесса проникновения и утверждения ислама после X в. не входит в задачу данной статьи.

¹ Каганкатвази. Указ. соч., стр. 281.

² Ибн ал-Ассир. Указ. соч., стр. 68.

А. ТАМАЙ

Кандидат исторических наук

ВОССТАНИЕ 1711—1722 г. г. В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Восстание 1711—1722 гг. остается одним из недостаточно освещенных вопросов истории Азербайджана. Этому вопросу уделялось некоторое внимание в трудах, посвященных изучению общих или близких проблем. Причем авторы этих произведений, находясь в плену источников, исходящих из лагеря врагов восстания, обычно трактуют его, как разбой отдельных грабительских элементов¹.

С правильной позиции подошел к этому вопросу И. П. Петрушевский. В своей докторской диссертации, в которой сделан краткий экскурс в область истории восстаний изучаемого периода, он, в частности, касаясь восстания 1711 г., дает ему правильную оценку и делает ряд важных выводов².

Впервые значительное место уделено восстанию 1711—1722 годов в Азербайджане в книге В. Левиатова. Им проделана по изучению этого вопроса значительная работа³.

Обнаруженные сейчас дополнительные материалы позволяют остановиться на восстании 1711 г. несколько подробнее, уточнить и полнее осветить ряд важных сторон этого вопроса.

В настоящей статье автор ставит перед собою именно такую задачу.

* * *

¹ Е. Пахомов. Краткий курс истории Азербайджана. Баку, 1923 г.; Очерк истории Азербайджана (Известия Академии наук Азербайджанской ССР). Баку, 1946 г.; П. Аругян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. Москва, 1954 г.; В. Сысоев. Начальный очерк истории Азербайджана. Баку, 1925 г.; Н. Ларуди. Жизнь Надир-шаха. Тегеран, 1940 г. (на перс. языке).

² И. П. Петрушевский. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Ленинград, 1949 г.

³ В. Левиатов. Очерки истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948 г.

Предварительно уместно хотя бы вкратце рассказать о положении вещей в сефевидской монархии первой четверти XVIII века, в состав которой входил тогда Азербайджан, и разобраться в классовых отношениях, определявших причины восстания 1711 г., его характер и масштаб.

Первая четверть XVIII века характеризуется в истории сефевидской державы глубоким экономическим кризисом и резким обострением классовых противоречий. Упадок земледелия, ремесла и внешней торговли, сокращение поступлений в виде военной добычи и контрибуций — все это вызвало уменьшение доходов государственной казны и феодальной знати. Между тем потребности огромного деспотического государства, его бюрократического аппарата, а также феодальной знати не уменьшались. Следствием этого явился рост податей и усиление феодальной эксплуатации, приведшие к катастрофическому ухудшению положения широких народных масс. Прямым результатом этого и явилось учащение народных волнений и восстаний¹. Русский посланник А. Вольтинский писал, что в стране «редко оставалось место, где не было ребелей (восстаний)»². В полном согласии с Вольтинским современник Челеби-заде утверждает, что сефевидская монархия была в это время охвачена раздорами и восстаниями³. «Сколько я видел, — писал Вольтинский в другом месте своего журнала, — то лучше те выиграли, которые чинят бунты, нежели которые по должности подданства себя содержат»⁴.

Учащению и усилению восстаний способствовало и то обстоятельство, что в стране происходил военно-политический распад. «Народ персидский, — писал А. Вольтинский, — зело своеволен, а страха от государя своего никакого не имеет, ибо хотя шах их суверен, но токмо уже сия власть осталась в одном титуле, а не в действии»⁵. «Здесь, — писал он о шахе Гусейне, — такая ныне голова, что он не над подданными, но у своих подданных подданный»⁶. «Здесьнее управление, — отмечал современник Беневени, — самое плохое, а лучше сказать варварское»⁷. В состоянии развала находилась и военно-административная система в провинциях сефевидского государства. В Ширване (северн. Азербайджан), где, по свидетельству Вольтинского, в прежние годы можно было набрать

¹ И. Петрушевский. Указ. соч., стр. 83—84, 332—333.

² Е. Зевакин. Азербайджан в начале XVIII в. «Изв. общ. бсл. и изуч. Азербайджана» № 8, вып. 4, Баку, 1929, стр. 15.

³ Кючюк-Челеби-заде, Тарихи-Челеби-заде. Стамбул, 1153 г. гиджры, лл. 16—17 (на тур. яз.).

⁴ И. Петрушевский. Указ. соч., стр. 332.

⁵ Е. Зевакин. Указ. соч., стр. 6.

⁶ С. Соловьев. История России. Кн. IV, стр. 665.

⁷ Записки импер. русск. географ. общества. Кн. IX, Спб. 1853 г., стр. 342.

10 тысяч воинов, местный хан не смог собрать более 500 человек и то лишь в течение шести месяцев и с большими трудностями¹. С другой стороны, как свидетельствует Есаи, в стране не прекращались феодальные распри и междоусобицы². «Думаю, — говорит Вольтер, — сия корона к последнему разорению приходит... не только от внешних неприятелей (иноземных государств — А. Т.), но и от своих бунтовщиков обороняться не может»³.

Восстания особенно дали о себе знать на окраинах сефевидской монархии с населением иранского происхождения, где гнет местных и иранских феодалов сочетался с религиозным преследованием. Восстания происходили в Курдистане, Хорасане, Армении, в южном Азербайджане, в Грузии и ряде других областей. Восставшим афганцам удалось даже сбросить с себя шахское ярмо⁴.

О том, что народные массы Азербайджана полностью разделяли тяжелую судьбу народных масс остальных владений сефевидов и что именно этим было обусловлено восстание 10-х годов XVIII века, говорят приводимые ниже свидетельства современников, непосредственно относящиеся к Азербайджану. Если в 1698—1701 гг. было проведено очень резкое увеличение налогов и податей, и уже в 1702 году они взимались по вновь назначенному размеру, — пишет католикос Есаи (Исайя) Хасан-Джалалян в своей хронике событий Ширвана (северного Азербайджана), — то не прошло и года, как шах ввел в стране новые налоги⁵. При взимании налогов принимались в расчет размеры земель, количество воды, сады, пастбища, стада, табуны разных животных и все то, что необходимо человеку⁶. «Даже прежние налоги, — констатирует Есаи, — для народа были слишком тяжелы, и теперь вместо того, чтобы облегчить их, еще больше было прибавлено»⁷.

¹ Е. Зевакин. Указ. соч., стр. 15.

² Католикос Есаи (Исайя) Хасан Джалалян. История страны агванов, т. е. Ширвана (северного Азербайджана) и Карабага. Эреван, 1868 (на арм. яз.). Использован перевод Т. И. Тер-Григорьяна, хранящийся в архиве Ин-та истории и философии Азербайджанской ССР, стр. 32.

³ С. Соловьев. Указ. соч., т. IV, стр. 665.

⁴ К. Патканов. Дневник осады Исфахана афганцами, веден Петросом де-Саркис Глянентц в 1722 г. по 1723 г. Спб., 1870 г.; П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Спб., 1869 г., ч. I, стр. 2 и 502—503; А х м е д - Р а с и м, Османли-Тарихи. Стамбул, 1333 г. хиджры, изд. II, т. II, стр. 355—356 (на тур. яз.).

⁵ Есаи. Указ. перев., стр. 14.

⁶ Есаи. Указ. перев., стр. 14; И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 277, 282, 296, 332; Его же, Азербайджан в XVI—XVII вв. Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949, стр. 297.

⁷ Есаи. Указ. перев., стр. 15.

В условиях крайнего разорения народных масс для взимания непомерных налогов шахскому правительству приходилось применять самые варварские меры. Шахом издавались жестокие фирманы (указы), обязывающие население сообщать о скрывающихся налогоплательщиках, грозящие смертной казнью в случае укрывательства и т. д. Обычно при взимании налогов население жестоко истязалось и избивалось. Так, например, один из шахских фирманов гласил: «Если кто найдет укрывавшегося и спрятавшегося (налогоплательщика) и сообщит о нем шаху, то голову укрывавшегося шаху, а имущество станет добычей того лица, которое донесло о нем»¹. Об этом свидетельствует и Есаи: «Так как слишком тяжело было ярмо и переносить его было невозможно, — поэтому мучили, истязали побоями»². Обычно для сборов налогов рассылались войсковые части³.

Рост податей в значительной мере зависел от жадности, вымогательства и произвола местных должностных лиц и феодальной знати. Есаи рассказывает, что ханы, султаны, кулбеки, даруги, тьюльдары и другие, отбросив в сторону народные права и всякое правосудие, обдирали, грабили своих подданных⁴. Порою они отбирали у людей буквально все имущество⁵.

Характерно в этом отношении и сообщение упомянутого выше русского посланника Артемия Волынского, посетившего Азербайджан в первой четверти XVIII века. «Доходов государевых, как сказывают, с Шемахи и со всей провинции Ширванской (охватывавшей территорию Азербайджана к северу от реки Куры — А. Т.) и с прилежащих городов и деревень к Шемахи, — пишет он, — собирается 8000 тюменей персидской монетой (80.000 рублей). Однако же сверх сего оклада управители обыкновенно вдвое или втрое каждый год собирают и по своим карманам делят, как и в бытность мою шемахинский хан Кей Хосрав учинил, который собрал 200 тысяч рублей»⁶. «Оные (народные массы), — пишет тот же автор в другом месте, — великими налогами отягчены и платят чрезмерные поборы, но токмо больше из того корысти управителям, а не государю, которому они приносят токмо листвие, а самые плоды у себя оставляют, что уже у них вошло в обычай»⁷.

5 января 1720 года другой русский посланник Ф. Беневени писал из Шемахи Петру I об одном должностном лице при

¹ Е с а и. Указ. перев., стр. 13.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 13 и 16.

⁵ К ю ч ю к Ч е л е б и - з а д е. Указ. соч., лл. 6—7.

⁶ Е. З е в а к и н. Указ. соч., стр. 12.

⁷ Там же, стр. 6.

шемахинском беглербеке. «Мешается, — пишет Беневени, — в дела, которые до него не надлежат, собирая великие победы с народу бездушно»¹. «Хан из своей головы, — пишет он Петру I из Шемахи в 1719 году, — ничего не делает, другие, которые при нем своевольно управляют делами и обиды великие делают народу»².

С другой стороны, к возрастающему гнету и произволу присоединялись все усиливающиеся религиозные преследования. В осуществлении политики шиитизации азербайджанского населения сефевиды не гнушались никакими средствами вплоть до физического уничтожения тех, кто отказывался стать шиитом. Жители отдельных населенных пунктов Азербайджана подвергались поголовному истреблению. При этом не щадили детей, стариков и ученых с крупными именами³.

Положение народных масс в Азербайджане было настолько трагичным и настолько они были озлоблены, что современники Вольтер, Есаи и Беневени, непосредственно наблюдавшие все это, предсказывали неизбежность выступлений масс и констатировали, что им не оставалось иного выхода⁴.

Первыми поднялись джарцы. Они вторглись в район Шемахи⁵. Собственно, джарцы восстали не из-за тяжести налогов. Они вовсе не платили налогов в шахскую казну; наоборот, они сами получали от сефевидских шахов денежные средства якобы за сторожевую службу на окраине государства, а точнее просто с тем, чтобы они не делали набегов на подвластные Ирану провинции и находились бы в подданстве у шаха⁶. Однако, как сообщает Ханвай, в последние годы из-за неурядиц в Иране и злоупотреблений ширванских беглербеков джарцам полагающегося им жалованья не платили⁷. Это послужило причиной тому, что джарцы напали на резиденцию ширванского беглербека Шемахи. В районе Шемахи к ним присоединились озлобленные жестокими налогами и поборами крестьянские массы. Как пишет В. Левиатов, тут джарцы попали на почву, где было много горючего материала⁸.

¹ Записки импер. русск. географ. общества. Кн. IX, стр. 345.

² Там же, стр. 342—343.

³ Кючюк-Челеби-заде. Указ. соч., лл. 14—17.

⁴ Зевакин. Указ. соч., стр. 15; Записки импер. русск. географ. общества, кн. IX.

⁵ Есаи. Указ. перев., стр. 34; А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку. 1926 г., стр. 102.

⁶ В. Левиатов. Указ. соч., стр. 66.

⁷ Д. Ханвай. Исторический очерк британской торговли на Каспийском море... Лондон, 1762 г., т. II, стр. 215 (использован перевод, наход. в рукоп. фонде Ин-та истории и философии Азерб. Академии наук).

⁸ В. Левиатов. Указ. соч., стр. 66.

Вооруженные толпы крестьян прошли по областям Шекин-ской, Кабалинской, Ганджинской, Казахской, Акстафской, Шемшедилской, Шамхорской и другим¹. С разных сторон стекались к восставшим крестьяне, доведенные до крайности нищетой и разорением. Повстанцы нападали на правительственные отряды и дружины местных феодалов. Бывали случаи истребления местных феодальных родов. Так, например, повстанцами был истреблен весь род кубинского хана Султан-Ахмедхана². «Сколько ни приказывал шах своим войскам в Шемахе и ее районах двинуться против восставших, — писал Есаи, — однако ханы, находившиеся в тех городах, как ни старались, никак не могли противостоять, а, наоборот, сами были поражены и уничтожены»³.

Не подлежит сомнению, что восстание 1711—1722 гг. в Азербайджане вызвано теми же причинами, что и другие восстания того времени в сефевидской монархии, — оно являлось ответом народных масс на усиление феодального гнета. Если принять во внимание утверждение Беневени о том, что контингент восставших состоял «из деревенских жителей»⁴, а также то, что восстание началось в сельских местностях, то станет очевидным, что в нем участвовали главным образом крестьяне.

Все это говорит о том, что мы имеем здесь дело не с «бунтом» и не с «разбоем отдельных грабительских элементов», как пишут иранские авторы, а со стихийным восстанием обездоленных народных масс против своих угнетателей — местных и иранских феодалов, которые во главе с шахом являлись подлинными грабителями и разбойниками.

Впоследствии, когда во главе восстания очутился представитель суннитского духовенства Дауд-Хаджи⁵, оно постепенно приобретает исключительно антииранскую направленность.

Дауд-Хаджи родился в сел. Дедели Мускурского района Азербайджана. Это был знатный⁶, настойчивый и честолюбивый человек, умеющий быстро ориентироваться в политической и военной обстановке. Чуждый интересам повстанцев и ставивший своей целью создание своего государства в северном Азербайджане, Дауд-Хаджи, ловко играя на религиозных чувствах отсталых крестьянских масс, объявил себя человеком, призванным аллахом избавить суннитское население

¹ Там же, стр. 67.

² И. Гербер. Известия о находящ. с западн. стороны Каспийского моря народах и землях. Стр. 116—117; П. Бутков. Указ. соч., т. 1, стр. 96. Спасен был лишь сын Султан-Ахмедхана.

³ Есаи. Указ. перев., стр. 20.

⁴ Записки импер. русск. географ. общества, кн. IX, стр. 352.

⁵ П. Бутков. Указ. соч., ч. 1, стр. 2—3.

⁶ ЦГАДА. Персидские дела, 1718 г., д. № 1, л. 58.

Азербайджана от сефевидской шиитской тирании¹. Он провозгласил среди населения Азербайджана и соседнего Дагестана лозунг газавата против шиитских «гяуров», которых дозволено шариатом грабить, брать в плен, умерщвлять, и тем самым сумел политически дезориентировать повстанцев². В этом играла известную роль и Турция. Готовясь воспользоваться ослаблением сефевидской монархии — векового противника Турции, турки установили связь с Дауд-Хаджи. Они притворно выступали союзниками и покровителями повстанцев и всячески разжигали пожар войны³. По расчетам Дауда-Хаджи, связи с суннитской Турцией должны были укрепить его позиции среди повстанцев и облегчить осуществление его тайных замыслов.

Дауд-Хаджи проявил большую энергию в расширении восстания и старался придать ему возможную организованность. Ему удалось расположить к восставшим Сурхая Казикумухского. Он ездил в Кайтаг, установил контакт с уцмием Ахмедханом и совместно с ним составил план изгнания сефевидов из Азербайджана и Дагестана⁴.

В 1711 году в районе Нухи повстанцами был разгромлен отряд шемахинского беглербека Гасан-хана⁵. Восставшие захватывали города-резиденции сефевидских ставленников. В частности, восставшими был взят главный город северного Азербайджана Шемаха⁶. Но, захватив город, восставшие не позаботились о том, чтобы закрепить его за собой. В этом состоит одна из характерных особенностей движения до 1721 года. В этот период борьбы повстанцы ограничивались неожиданными нападениями на иранские города и иранские отряды.

К сожалению, отсутствие фактических данных не дает возможности полностью проследить ход движения до 1721 года. Известны лишь следующие факты.

В 1715 году, когда русское посольство во главе с Волыньским прибыло в город Нияз-Абад, значительное число повстанцев действовало в соседних населенных пунктах, что сильно встревожило посольство⁷. Несколько позже, когда по-

¹ ЦГАДА. Персидские дела 1721 г., д. № 55, л. 61; И. Гербер. Указ. соч., стр. 228; П. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 7–8.

² А. Расим. Указ. соч., т. II, стр. 353 (на тур. яз.)

³ Кючюк-Челеби-заде. Указ. соч., стр. 61; Мухаммед Хасан-хан. Тарихи-Мунтазами, т. II, Тегеран, 1192 г. гиджры, стр. 229.

⁴ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 102.

⁵ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 102; Г. Алкадари. Ассари-Дагестан. Махачкала, 1929 г., стр. 55.

⁶ ЦГАДА. Персидские дела 1722 г., д. № 14; П. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 3–5; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 102.

⁷ «Беловы путешествия через Россию в разные азиатские земли» СПб, 1776 г., ч. I, стр. 48.

сольство находилось в Шемахе, отряд повстанцев в количестве 8000 человек взял город Акташ. Населенные пункты вокруг Шемахи были на их стороне¹. Шемаха находилась под непосредственной угрозой со стороны повстанцев и в 1717 году². Восстанием был охвачен в это время почти весь северный Азербайджан³. К восставшим присоединились даже жители Мугана, которые не раз разбивали иранские отряды⁴.

Ту же самую картину наблюдал в 1718 году и Лопухин⁵. Восставшие численностью в 17 тысяч человек готовились овладеть Дербентом и районом Нияз-абад⁶. К этому же времени относятся действия повстанческого отряда числом в 7 тысяч человек в районе Шемахи, повторный захват Акташа и попытки повстанцев вторгнуться в город Шемаху⁷.

Не изменилось положение вещей и в 1719 году, а также в первой половине 1721 года. Как писал в 1719 году царский посланник Беневени, восставшие чинили в это время «великие обиды шаховским подданным» и, как прежде, имела место реальная опасность, как бы восставшие «набегом не ударили... на Шемаху»⁸. По шахскому приказу объединенные силы Шемахинского, Ганджинского ханов, а также грузинского царя Вахтанга должны были идти походом против восставших⁹.

Тот же современник писал 5 января 1720 года, что восставшие грозят Шемахе и что немало персиян, посылаемых шемахинским беглербеком против восставших, погибло и захвачено в плен. «Понеже, — писал он, — лезгины в великом собрании и ни во что поставляют персиян»¹⁰.

С другой стороны, в Шемахе опасались восстания самих горожан. Поэтому шемахинский беглербек, несмотря на неоднократные шахские приказы выступить на подавление восстания, не осмеливался на такой шаг¹¹.

1 июня 1720 года Беневени доносит, что восстанием было охвачено население ближайших окрестностей Дербента и что в руках повстанцев находилась Низовая дорога¹². В то же время был взят город Шабран¹³.

¹ ЦГАДА. Персидские дела 1717 г., д. № 2, л. 402.

² Там же.

³ Там же, л. 356.

⁴ Там же, л. 594.

⁵ Там же, 1718 г., д. № 2, л. 59.

⁶ Там же, д. № 3, л. 399; д. № 2, л. 356.

⁷ Там же, д. № 2, л. 402—403; д. № 3, л. 380—381.

⁸ Записки импер. русск. геогр. общества, кн. IX, стр. 343.

⁹ Там же, стр. 344.

¹⁰ Там же, стр. 345.

¹¹ Там же, стр. 344.

¹² Дорога, ведущая к ширванской пристани Нияз-абад.

¹³ Записки импер. русск. геогр. общества, кн. IX, стр. 352—353

К концу 1720 г. восстание теряет наступательный характер, а в отдельных местностях оно пошло на убыль. Дауд-Хаджи был захвачен иранцами и заключен в дербентскую тюрьму¹. Сурхай, подкупленный иранским правительством, находился в Дербенте на службе у шаха в качестве юзбаша².

Лишь в 1721 году, когда вторгшиеся в Иран афганцы, овладевая одной провинцией за другой, стремительно двигались к столице Ирана Исфахану, восстание вновь разгорелось. Выйдя из иранской тюрьмы, Дауд-Хаджи вновь очутился во главе повстанцев.

Правильно оценив обстановку, Дауд-Хаджи напряг все силы, чтобы нанести иранцам решительный удар именно в этот момент. Отказавшись от прежней тактики неожиданных налетов, он готовился к вытеснению иранских захватчиков из Азербайджана. Прежде всего он стремился прочно утвердиться в резиденции главного иранского правителя Азербайджана в Шемахе.

Движение приобрело в это время широкий размах. Вновь вспыхнуло восстание в районах Кубы, в Рустау³, в Куткашинском магале⁴, в уездах Шабрана и Мускура, в Табасаране и др. Как говорит Гербер, «народы приставали к восстанию толпами»⁵. К восставшим присоединился даже отряд, посланный тарковским шамхалом Адиль-Гереем в Иран на помощь своему сюзерену шаху Гусейну против афганцев. Этот отряд возглавлял Сурхай, который в создавшейся благоприятной для успеха восстания обстановке вновь перешел на его сторону⁶.

В различных пунктах Азербайджана восставшие сражались с иранцами. Сражения эти обычно заканчивались победой восставших. Они громили иранские отряды, осаждали и захватывали резиденции иранских правителей и укрепленные пункты страны (Шабран, Худат и др.). Победители брали в плен и убивали иранских чиновников — наивов, калантаров, даргов, кевхов и других. Как выразился царский чиновник Беневени, восставшие «езде кругом пакости чинили»⁷. Отдельные представители шахской администрации, охваченные ужасом, бежали в Иран со своими семьями, бросая поручен-

¹ И. Гербер. Указ. соч., стр. 227; П. Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 4; И. Лерх. Путешествие (2-с). «Новые сжемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», Спб, январь 1790 г.

² И. Гербер. Указ. соч., стр. 121.

³ П. Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 92.

⁴ Есаи. Указ. соч., стр. 24.

⁵ И. Гербер. Указ. соч., стр. 228; П. Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 8.

⁶ И. Гербер. Указ. соч., 227—228; П. Бутков. Указ. соч., стр. 7—8.

⁷ Записки импер. русск. географ. общества, кн. IX, стр. 359.

ные им шахом районы¹. Уцелевшие иранские отряды и иранская знать были заперты в Шемахе, Баку и Дербенте.

21 июня 1721 года был осажден гор. Шемаха². Число осаждающих достигало 30 тысяч человек³. Судя по письму Дауд-Хаджи к Петру I, одновременно с Шемахой были осаждены восставшими «города Баку и Дербент»⁴. Но об этом мы больше ничего не знаем.

Повстанцы пытались взять Шемаху штурмом. Временами им удавалось проникнуть даже в центр города, но овладеть им они не могли. Беневени, находившийся тогда поблизости от Шемахи, так описывает одну из попыток восставших овладеть городом, называя ее «шемахинской трагедией»: «Первоначально подступил к городу небольшой отряд повстанцев, состоящий из 1000 воинов. Против него выступил муганский хан во главе трех тысяч человек. Повстанческий отряд сбил их и гнался за ними до половины города. Но узкие улицы к ханскому двору были преграждены завалами из бревен. Конные повстанцы не могли проникнуть дальше и вынуждены были броситься на большие улицы, куда подъехали и другие части. Продолжалась пушечная и ружейная стрельба с обеих сторон. Но от этого мало кто страдал. Гораздо больше пострадали повстанцы от холодного оружия и камней... Потеряв много людей, они вынуждены были покинуть город»⁵. Но на другой день на заре повстанцы вновь ворвались в Шемаху «великим набегом». Они на этот раз чуть не захватили город. Хан со своими приближенными готов был удалиться из Шемахи⁶. Но все же повстанцы оставили город. Беглербек Гусейн-хан, не доверяя горожанам, не преследовал отступающих и не делал вылазок, а оборонялся в стенах города. Придерживаясь такой тактики, он некоторое время сохранял город за собой⁷.

Борьба за Шемаху продолжалась 25 дней⁸. Лишь переход на сторону восставших части горожан решил судьбу города в пользу осаждавших⁹. Дербентский житель Муртаза-Кули, явившийся в 1722 году в лагерь к Петру I, свидетельствовал,

¹ Ф. Соймонов. Описание Каспийского моря. Спб, 1763 г., стр. 229; И. Гербер. Указ. соч., стр. 202—203.

² ЦГАДА. Персидские дела, 1721 г., д. № 55, л. 61; Е с а и. Указ. перев., стр. 24.

³ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 55; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 102.

⁴ ЦГАДА. Персидские дела, 1721 г., д. № 55, л. 61.

⁵ Записки импер. русск. географ. общества, кн. IX, стр. 361.

⁶ Там же.

⁷ Д. Ханвай. Указ. соч., т. II, стр. 146.

⁸ Там же.

⁹ И. Гербер. Указ. соч., стр. 228; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 103.

что коренные шемахинские жители, соединившись с «бунтовщиками», ввели последних в Шемаху¹.

Дополняя сообщение Муртаза-Кули, Ханвай пишет, что длительность осады утомила бы повстанцев, если бы сунниты, сносившиеся с повстанцами, несмотря на бдительность беглербека, не сумели бы открыть им одни из ворот². Есаи пишет, что жители одного из кварталов Шемахи под названием Саритопрак, где жили сунниты, ночью впустили внутрь города часть осаждающих и на рассвете присоединились к ним³. Но все же восставшие не сразу смогли овладеть городом, хотя местный гарнизон и был застигнут врасплох. Ночью повстанцам удалось лишь соединиться со своими сторонниками и окопаться в их квартале. Раню утром они выступили, намереваясь завершить овладение городом⁴. Наконец, 7 августа 1721 года, после ожесточенной борьбы, Шемаха была взята⁵. В кровавой схватке погибло множество людей. Беглербек Гусейн-хан, его военачальники и чиновники, а также до восьмисот человек городской знати, укрывшейся в главной мечети, были истреблены⁶.

Как пишет Ханвай, «чувство справедливости не допускало их (победителей) смешать армян, евреев, русских с врагом, и, считая их чужеземцами, они сохранили им жизнь и свободу»⁷. Есаи тоже подчеркивает, что армяне не пострадали во время взятия Шемахи. Не понесли никакого ущерба и те армяне, которые жили в сельских местностях⁸. Во время взятия Шемахи пострадали лишь некоторые русские купцы и то по той причине, что они предоставляли убежище иранским купцам и скрывали их ценности⁹.

Приведенные данные о взятии Шемахи с полной очевидностью показывают всю несостоятельность версии о грабежах, разрушении городов и диком разбое восставших.

Осенью 1721 года повстанцами в районе Барды были разгромлены сорокатысячные объединенные военные силы ганджинского и эриванского ханов¹⁰. После этого повстанцами был осажден гор. Ганджа. Но взятию его помешал приход отряда карталинского царя Вахтауга VI. Кроме того, осажден-

¹ ЦГАДА. Персидские дела 1722 г., д. 18, лл. 57—58.

² Д. Ханвай. Указ. соч., стр. 146; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 63.

³ Есаи. Указ. перев., стр. 40.

⁴ Д. Ханвай. Указ. соч., т. II, стр. 146.

⁵ ЦГАДА. Персидские дела 1721 г., д. № 2, л. 6.

⁶ И. Гербер. Указ. соч., стр. 226; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 103.

⁷ Д. Ханвай. Указ. соч., стр. 146.

⁸ Есаи. Указ. перев., стр. 26.

⁹ ЦГАДА. Персидские дела 1722 г., д. 18, лл. 57—58.

¹⁰ Есаи. Указ. перев., стр. 26—27; Д. Ханвай. Указ. соч., стр. 146.

ные находили поддержку со стороны армянских феодалов из Карабага, с которыми они были в союзе¹.

Таким образом, не только территория северного Азербайджана с его богатейшим торгово-ремесленным и административным центром городом Шемахой, но и соседние с ним районы Карабага, Дагестана и Мугана оказались в руках повстанцев. Часть иранских отрядов была разбита и рассеяна, другая же часть укрывалась в крепостях, в Баку, Дербенте и Гандже. Правители городов, в которых укрывались остатки иранской знати со своими приспешниками из местных феодалов, а также остатки разбитых иранских отрядов оборонялись против повстанцев, полагаясь лишь на крепостные сооружения². Иран же, подвергаясь смертельным ударам со стороны афганцев, подходивших уже к самому сердцу страны — Исфахану, не имел возможности выделить против повстанцев какую-либо военную силу.

* *
*

После изгнания сефевидов из Азербайджана Дауд-Хаджи очутился перед альтернативой. Дело в том, что к этому времени наступил в истории сефевидской державы роковой момент. Центральные, наиболее важные ее районы со столицей Исфаханом были захвачены афганцами. Шах-Гусейн со своими приближенными был арестован. Воспользовавшись бедственным положением своего восточного соседа, Турция готовилась к походу. С другой стороны, озабоченный защитой важнейших экономических и политических интересов России на Каспии, выступил Петр I. В такой обстановке представитель суннитского духовенства, Дауд-Гаджи, сделавший карьеру при содействии турок и именно за счет этого толка ислама, являвшегося господствующей религией в Турции, шел на компромисс с турецкими феодалами во главе с султаном.

В то время, когда русская армия во главе с Петром I двигалась вдоль побережья Каспия, Дауд-Хаджи все более усиливал свои связи с Турцией, становясь орудием ее агрессивных планов на Кавказе. Он был утвержден турецким султаном правителем подвассального Турции Ширванского ханства³.

¹ П. Арутянян. Борьба армян и азербайджанцев за присоединение к России. Ученые записки Ин-та востоковедения, III. Москва, 1951 г., стр. 120—126.

² ЦГАДА. Персидские дела 1722 г., дело № 17, л. 152, д. № 20, л. 22.

³ ЦГАДА. Персидские дела 1722 г., дело № 14; И. Гербер. Указ. соч., стр. 227; И. Лерх. Указ. соч., стр. 64.

Когда гор. Баку был уже занят русскими войсками, турки, преодолев неорганизованное сопротивление армян и грузин, подошли к Азербайджану и потребовали освобождения занятых русскими войсками районов. Петр в свою очередь настаивал на том, чтобы турки прекратили поход, и заявлял, что Россия не допустит, чтобы Турция имела владения на берегу Каспийского моря.

Война между Россией и Турцией, казалось, была неизбежна. В конце концов, 12 мая 1724 года, после длительных переговоров, был заключен договор, согласно которому занятые русскими войсками прикаспийские районы Азербайджана и Дагестана были признаны за Россией. Остальные же районы Азербайджана в числе многих других владений сефевидов были уступлены Турции.

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОБЫЧНОГО ПРАВА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Среди дореволюционных русских ученых, изучавших историю и этнографию Дагестана, особое место занимает М. М. Ковалевский.

Выдающийся по широте и многогранности своих научных интересов, глубокий и талантливый исследователь Максим Максимович Ковалевский был одним из ярких деятелей в плеяде русских ученых XIX века, завоевавших для русской культуры мировую славу и признание. Его многочисленные исследования, посвященные изучению общественного и политического строя различных народов, привлекали глубиной исследовательского подхода, обширной эрудицией автора и богатейшим фактическим материалом. Необходимо, однако, отметить, что в его исследованиях заметно проявляется методологическая ограниченность буржуазного ученого — позитивиста, предопределившая ряд значительных ошибок.

Труды М. М. Ковалевского по этнографии Кавказа являются крупным вкладом в русскую этнографию. При этом они сыграли большую роль и в научном формировании кадров этнографов из коренных народностей Кавказа.

Интерес М. М. Ковалевского к этнографии горских народов Северного Кавказа был обусловлен ценностью кавказского историко-этнографического материала для характеристики ранних ступеней развития человеческого общества.

В кавказоведческих работах М. М. Ковалевского основное внимание уделяется проблеме общественного строя горских народов Северного Кавказа в XIX веке. Как правильно отмечает М. О. Косвен, обычное право, анализу которого посвящено большинство кавказоведческих исследований М. М. Ковалевского, в русской литературе XIX в. охватывало весь комплекс вопросов общественных отношений различных народов

в период распада родового строя и упрочения феодальных отношений¹.

Описание М. М. Ковалевским рода у различных кавказских народов имело в то время большое научное значение, о чем свидетельствует высказывание Ф. Энгельса: «Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, сванетов, хевсуров и других кавказских племен»².

В упомянутой работе М. О. Косвена дана обстоятельная оценка исследований М. М. Ковалевского в области этнографии горских народов Северного Кавказа. В настоящей же статье делается попытка дать краткую характеристику взглядов М. М. Ковалевского на обычное право горцев Дагестана.

Труды М. М. Ковалевского в области обычного права народов Дагестана, несмотря на имеющиеся в них серьезные методологические ошибки, представляют большую научную ценность. Несомненной заслугой М. М. Ковалевского является то, что в своих работах он убедительно показал, что обычное право горских народов, в том числе и народов Дагестана, в своем развитии проходило этапы, характерные для обычного права всех других народов.

В своих исследованиях М. М. Ковалевский стремился к широким научным обобщениям, основывая их на богатейшем фактическом материале. Изучая обычное право горцев Дагестана, М. М. Ковалевский побывал в 1887 г. у всех основных народностей Дагестана, кропотливо и вдумчиво собирал полевой этнографический и правовой материал. Им были использованы также архивные материалы окружных управлений Аварского, Андийского, Казикумухского, Гунибского округов.

Вопросы обычного права народов Кавказа, в том числе и Дагестана, рассматриваются М. М. Ковалевским в таких работах, как «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1880), «Первобытное право» (1886), «Современный обычай и древний закон» (1886), «Закон и обычай на Кавказе» (1890) и др.

Наибольшую ценность представляет капитальное исследование М. М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе» (1890 г.), явившееся итогом многолетнего изучения обычного права. Одной из центральных проблем, освещаемых в этой работе, является характер изменений в обычном праве горцев Дагестана под влиянием шариата и политики кавказской администрации в отношении горских адатов. Покровительственная политика кавказской администрации в отношении горских

¹ М. О. Косвен. М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед. «Советская этнография», 1951, 4.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1947, стр. 149.

адатов Дагестана, как правильно замечает М. М. Ковалевский, имела целью уменьшить влияние писаного права, основанного на мусульманской религии.

По его мнению, такая политика по отношению горских адатов упускает из виду, «что точное применение правил народного адата является препятствием к поддержанию внутреннего порядка и спокойствия в едва замиренном нами крае»¹.

С этим положением нельзя согласиться. Царизм, покровительствуя адату, отчетливо сознавал вредные последствия применения горских адатов, но эта политика была основана на поддержке местных феодалов, широко использовавших адаты, во-первых, как прямой источник доходов и, во-вторых, как завуалированные правовые нормы эксплуатации, уже приспособленные к обслуживанию их интересов. Форма адатов, как всеобщих вековых обычаев, была выгодна местным феодалам, так как давала возможность замаскировать действительную сущность горских адатов. Консервативный характер обычного права и отсутствие письменных законов позволяли феодалам использовать патриархально-родовые пережитки адатов в своих классовых интересах и приспособить старые родовые институты для создания аппарата господства и угнетения широких слоев населения.

Признавая большое значение правовой политики царизма в деле изменения характера горского обычая, мы должны заметить, что М. М. Ковалевский явно преувеличивает роль факторов надстроечного порядка в правовом развитии горских народов. Основной недостаток работ М. М. Ковалевского по обычному праву заключается именно в том, что он не осознает, что правовые взгляды и институты — лишь юридическое выражение соответствующих экономических отношений, что правовые институты возникают в результате социально-экономического развития общества и классовой борьбы в обществе. Отсюда и вытекает преувеличение влияния на обычное право горцев как различных систем права, так и политики царской администрации. Причем М. М. Ковалевский совершенно упускает из виду, что позиция администрации в отношении адатов заключалась в их приспособлении к нуждам колониальной политики на Кавказе, а не в просветительной миссии, как утверждает в его работе.

Отмечая влияние шариата на горский адат, он приходит к выводу, что шариат стоит несравненно ближе к местным юридическим воззрениям, чем русское право. Поэтому он полагал, что применение норм шариата в сфере уголовного права было бы более правильным. При этом он указывает на

¹ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. I, стр. 281.

ряд преимуществ шариата перед местным обычным правом, заключающихся главным образом в том, что шариат повлиял на смягчение суровости обычного права¹.

К положительным чертам шариата, оказавшим заметное влияние на адат, М. М. Ковалевский относит идею равного возмездия (принцип талиона), положившую конец безграничности кровной мести, замена мести выкупом (система композиций), принцип представительства женщин в наследовании и допущение женщин к получению доли в оставленном их родственником имуществе, борьба с самоуправством и большее признание в качестве доказательства свидетельских показаний².

История права свидетельствует, что в праве различных народов кровная месть постепенно ограничивалась принципом эквивалентного возмездия (принцип талиона), появлялась система композиций, на смену присяге приходили свидетельские показания и т. д. Поэтому такой же процесс, происходивший в обычном праве горцев, следует рассматривать как закономерное правовое развитие общества.

Влияние шариата, о котором пишет М. М. Ковалевский, вполне очевидно, но появление новых институтов в обычном праве горцев не может быть объяснено лишь влиянием других систем права, в том числе шариата; прежде всего оно является следствием социально-экономического развития общества.

Заслуживают быть отмеченными соображения М. М. Ковалевского о происхождении норм обычного права. Возникновение многих норм уголовного и процессуального права он объясняет развитым в период господства родовых отношений анимизмом, т. е. одухотворением природы и представлением, что смерть не прекращает собою жизни. Это положение М. М. Ковалевский иллюстрирует убедительным примером.

В период господства родовых отношений важнейшим видом судебных доказательств являлась присяга. С ложной присягой у горца было связано представление, что предок отомстит потомку тем, что напустит на него болезни и даже смерть. Это представление было присуще всем народам на известной ступени развития.

Институт присяжничества в обычном праве горцев Дагестана в XIX веке был уже отживающим институтом. В гражданском и уголовном процессе все большее значение приобретали другие доказательства: свидетельские показания, документы и т. д.

¹ Там же, стр. 282.

М. М. Ковалевский в работе «Современный обычай и древний закон» утверждал, что «присяга и присяжники — учреждение, возникшее на почве родовых отношений и возможное поэтому только до тех пор, пока продолжают держаться эти последние»¹. Здесь он допустил очевидную неточность, поскольку учреждение, возникшее на одной почве, может сохраняться известное время и тогда, когда эта почва отсутствует. Процесс отмирания или видоизменения того или иного правового института может продолжаться в течение длительного времени, измеряемого несколькими столетиями. Особенно это касается институтов процессуальных, поскольку речь идет о форме, которая могла сохраняться при изменившемся содержании правовых норм.

М. М. Ковалевский об этом правильно писал в своей ранней работе «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1880): «позднейшие по времени появления форм общежития не вытесняют собою сразу всех следов предшествующего им по времени порядка. Последние продолжают держаться в течение целых столетий в форме обычаев и обрядов»².

То же самое можно сказать и относительно целого ряда других, возникших в древние времена правовых институтов и отдельных норм, которые в период их изучения М. М. Ковалевским утратили свой первоначальный характер.

Эти положения подкрепляются в работе рядом убедительных примеров. Так, насильственный имущественный захват, известный в Дагестане под названием ишкиль, противоречит шариату и является обычаем народов, переходящих или только что перешедших от родового строя к другой общественно-экономической формации. Ишкиль имел место в обществе, где члены рода были связаны между собой круговой порукой, которая обязывает членов рода отвечать своим имуществом за правонарушения родственников так же, как обязывает их отвечать своей жизнью за убийства, насилия и другие действия тех же родственников.

Регламентация насильственного имущественного захвата, условия его правомерности находят широкое отражение в своде уцмий Рустем-хана Кайтагского и кодексе законов Умму-хана Аварского. Ознакомление с указанными памятниками права не оставляет сомнения в том, что этот институт и для XVII столетия представлял собою не характерную пра-

¹ М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон. 1886, т II, стр. 338.

² М. М. Ковалевский. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. 1880, стр. 27—28.

вовую норму той эпохи, а существовал как пережиток патриархально-родовых отношений.

Поэтому нельзя согласиться с М. М. Ковалевским, когда он пишет, что отменяющие шариат постановления адата стоят в непосредственной связи с самими основами общественного быта дагестанских племен и в частности с их родовой организацией¹.

Изучая правовые обычаи народов Дагестана, М. М. Ковалевский пришел к выводу, что они представляют собой единую юридическую систему, хотя и со значительной разницей в частности у отдельных народностей. Причина этого, по мнению М. М. Ковалевского, заключается в том, что различные народности, проходя общие стадии развития, вырабатывают независимо друг от друга одинаковые правовые нормы.

Такое объяснение, разумеется, не вызывает возражений. Однако М. М. Ковалевский главным условием, вызывавшим единство юридических норм, считал повсеместное господство среди горцев родовой организации, известной под наименованием «тухумной»². Поэтому, писал он, «первым шагом к уяснению характера дагестанских адатов является детальное изучение родовой организации горцев; в ней, а не в чем ином, лежит действительный источник всех особенностей их обычного права»³.

Он считал, что народы Дагестана в силу природных условий края сохранили особенности своей древней культуры и что с бытовой стороны они сохранили почти нетронутый источник для изучения древнейшего, если не первобытного, характера общественных отношений и права⁴.

Ошибка М. М. Ковалевского в этом вопросе, по нашему мнению, заключается в том, что он, изучая обычное право народов Дагестана, обращал внимание лишь на те нормы, которые были характерны для родового строя, не замечая, что наряду с ними в обычном праве горцев существовал ряд норм и институтов, возникших уже в процессе становления феодальных отношений. Само обычное право в целом, развиваясь на базе отсталого натурального хозяйства, конечно, не могло не заключать в себе нормы предшествующей эпохи, процесс отмирания которых продолжался в течение длительного периода.

Консерватизм обычного права народов Дагестана, наблюдавшийся еще в XIX веке, не мог быть определяющим явлением для характеристики общественно-экономических отно-

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 136.

² Там же, стр. 140.

³ Там же, стр. 141.

⁴ М. М. Ковалевский. Первобытное право. Вып. I, М. 1866, стр. 6.

шений. Нужно сказать, что многие из норм обычного права в условиях XIX века, при сохранении старой формы, изменили свое содержание. Это обстоятельство также не было учтено М. М. Ковалевским. При анализе обычного семейного и наследственного права Дагестана, регулируемого шариадом, он отмечает, что в тех случаях, когда нормы шариата противоречили вновь возникающим и развивающимся правовым институтам, отношения регулировались адатами. Возникновению новых правовых обычаев в семейном и наследственном праве горцев, кроме других причин, способствовало также то, что эти отрасли являлись самыми запутанными частями мусульманского права.

Характерно, что в связи с процессом имущественной дифференциации получает развитие институт завещания, который в условиях родовой собственности не имел особого значения. Однако М. М. Ковалевский, отмечая восполняющую роль адата в данной области, не раскрывает социально-экономических причин этого явления.

Фактический материал, приводимый им при анализе семейного и наследственного права горцев Дагестана, представляет большой научный интерес и, вопреки концепции М. М. Ковалевского о господстве родового строя в Дагестане в XIX веке, может служить подтверждением того, что здесь задолго до XIX века господствующей формой семьи была малая, индивидуальная семья, наличие которой обусловило как действие норм шариата, так и возникновение местных обычаев в сфере семейно-брачных отношений, дополняющих или видоизменяющих нормы писаного права.

Об этом несомненно свидетельствуют имущественные отношения между супругами, наследование, опека и т. д. имевшие место в Дагестане в начале XIX века. Вместе с тем семейно-брачные отношения в Дагестане и в XIX веке сохраняли архаические черты предшествующей эпохи, выразившиеся главным образом в характере обрядовой стороны институтов семейного и наследственного права.

Наиболее ценным для изучения обычного права народов Дагестана является раздел исследования М. М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе», посвященный обстоятельному рассмотрению уголовного права Дагестана, так как, во-первых, уголовно-правовые отношения в Дагестане регулировались нормами обычного права и, во-вторых, в этом разделе работы ученый приводит некоторые материалы по обычному праву, оставшиеся неизданными в «Сборниках сведений о кавказских горцах». «Ни одна сфера правовой жизни Дагестана, — пишет М. М. Ковалевский, — не представляет доселе такого широкого господства обычая, как уголовная, а между тем ни в одной влияние шариата не могло быть и на са-

мом деле не является более благотворным»¹. Шариат, по его мнению, как уже упоминалось выше, оказал на адат уже при имамах свое смягчающее влияние, главным образом, существенным ограничением начал родового самосуда и кровного возмездия.

М. М. Ковалевский считал, что в обычном праве горцев понятия об умысле, пособничестве, покушении, отягчающих и уменьшающих вину обстоятельствах, простых и квалифицированных видах преступлений и т. д. имеют своим источником мусульманское право. Мы не отрицаем влияния шариата на развитие указанных понятий уголовного права, но согласиться с мнением М. М. Ковалевского нельзя, поскольку он не придает какого-либо значения самостоятельному правовому развитию народов Дагестана, и тем самым игнорирует определяющую основу развития права и правовых взглядов — общественно-экономические отношения.

Уголовно-правовые понятия (умысел, пособничество, стадии развития преступления, отягчающие и смягчающие вину обстоятельства и т. д.) возникали и развивались уже в классовом обществе. «Родовым сообществам, — пишет М. М. Ковалевский, — одинаково чуждо, как понятие о наказуемости покушений, так и различие несчастного случая от преднамеренного злодеяния, а также всех увеличивающих и уменьшающих вину обстоятельств»². Он объясняет это тем, что в родовом обществе в преступлении видели только вред, нанесенный роду, а наказание играло роль возмездия за причиненный урон.

Степень развития уголовного права народов Дагестана показывает, что эта отрасль права, сохраняя пережитки патриархально-родовых обычаев, по своей сущности представляла собой феодальное право. Подтверждением этого могут служить «Постановления» уцмий Рустем-хана Кайтагского, относящиеся к XVIII веку.

В этом памятнике уже ярко проявляются принципы феодального права, права — привилегии, выражающиеся прежде всего в различном подходе к охране жизни феодала и феодально-зависимого крестьянина. Так, например, во второй главе «Постановлений» имеются две статьи: «Если раб прикоснется к жене узденя с прелюбодейной целью, то его убивать» и другая — «Если бек прикоснется к жене узденя, то должен дать штраф в пользу своего общества»³.

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 217.

² М. М. Ковалевский. Современный закон и древний обычай. 1885, стр. 81—82.

³ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. II, стр. 217.

Как видно из этих статей, уже в памятнике XVII столетия довольно отчетливо прослеживается стремление феодализирующейся верхушки оградить свою жизнь системой композиций.

Многое из обычного права народов Дагестана, объясняемое М. М. Ковалевским прямым влиянием шариата, на самом деле является продуктом самостоятельного правового развития, испытавшим некоторое влияние писаного права. Учение шариата. — пишет М. М. Ковалевский, — «не идет непосредственно вразрез с обычаем, а представляет только позднейшую ступень в его развитии»¹.

При исследовании обычного права народов Дагестана он, исходя из своей концепции господства родового строя в Дагестане, несколько умаляет самостоятельное правовое развитие дагестанских народов, что не могло не привести его к известному гипертрофированию роли и значения шариата в возникновении и развитии правовых институтов обычного права.

Уголовное обычное право народов Дагестана, ко времени его изучения М. М. Ковалевским, уже отошло от принципа родового возмездия к принципу личной ответственности. Признавая это явление, он считает, что оно может быть объяснено влиянием шариата и приводит норму Мингаджа (религиозно-юридический свод Навави XIII века): «Убийце (а никому другому) мстить смертью наследующий убитому».

Вместе с тем М. М. Ковалевский обуславливает постепенное ограничение родового возмездия кругом ближайших родственников постепенным распадением рода на более или менее многочисленные группы родственников, сводные семьи и семейные общины.

Нет сомнения, что принцип личной ответственности, выработавшийся в обычном праве горцев Дагестана, был следствием образования индивидуальной семьи. Однако М. М. Ковалевский не признавал господствующей формой семьи в Дагестане малую, индивидуальную семью и в соответствии с этим объяснял становление принципа личной ответственности в обычном праве горцев влиянием шариата, а не новыми социально-экономическими условиями Дагестана, вызвавшими к жизни этот принцип.

«В эпоху господства родовых отношений, — пишет М. М. Ковалевский, — индивидуализм — явление неизвестное». В качестве примера он приводит постановления уцмий Рустем-хана: «если родственники заметят кого-либо в дурных поступках, — они должны его убить; в противном случае отвечают за все противозаконно им содеянное»².

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. II, стр. 217.

² Там же, стр. 219–220.

Такого рода постановлений в кодексе уцмия Кайтагского можно встретить немало, однако их нельзя считать характерными для XVII века. В доказательство можно привести следующие соображения. Во-первых, наряду с нормами о солидарной родовой ответственности в кодексе Рустем-хана имеется ряд институтов и норм, свидетельствующих о довольно значительной классовой дифференциации, что позволяет считать нормы о родовой солидарности архаическим пережитком; во-вторых, кодекс Рустем-хана не есть продукт законодательного творчества уцмия, с именем которого связывается этот памятник права, а представляет собой запись норм обычного права с некоторыми заимствованиями из писаного права мусульман и, в-третьих, в сборнике Рустем-хана были нормы, не имевшие уже практического применения.

Все это позволяет утверждать, что в постановлениях Рустем-хана, как и в других кодексах обычного права, принцип солидарной родовой ответственности уже потерял свое значение и сохранялся как пережиточный институт предшествующей эпохи.

Анализируя постановления кодекса Рустем-хана об убийстве, М. М. Ковалевский писал: «древнейшая запись народных обычаев, сделанная почти за три столетия до нашего времени, заключает в себе буквально те же воззрения на необходимые последствия убийства, какие проводятся современными нам обычаями Дагестана»¹.

Данное положение, наглядно свидетельствующее о живучести патриархально-родовых пережитков, М. М. Ковалевский приводит в доказательство тесной связи обычаев с условиями родового быта, «на которых построено было издревле и доселе опирается общественное устройство туземного населения»².

Рассматривая преимущества шариата над адатом в области уголовного права, М. М. Ковалевский отмечает, что шариат на место прежней неограниченности мести выдвигает учение о равенстве возмездия, вместо всеобщности кровомщения требует мести исключительно в случаях умышленных убийств, увечий и ранений.

Он считает, что благодаря шариату в адатное право постепенно было внесено понятие умысла, неосторожности и случая, стадий развития преступления, а также воззрения, что месть должна быть равномерна обиде и что «похвально простить кровника под условием выкупа или без него»³. В подтверждение этой мысли М. М. Ковалевский приводит много адатов аварцев, даргинцев, южно-дагестанских об-

¹ Там же, стр. 236—237.

² Там же.

³ Там же.

шеств, в которых, как он пишет, можно отметить частные проявления этих несвойственных древнему обычаю нравственно-юридических воззрений.

В известной мере это утверждение правильно, поскольку древнему обычаю указанные понятия неизвестны, но, как уже отмечалось, обычаи не оставались без изменения и развития — по мере общественного развития обычное право дополнялось и включало в себя ряд новых юридических понятий.

М. М. Ковалевский, доказывая, что установление начала личной ответственности есть дело шариата, утверждает: «Тот факт, что оно выступает в полной силе в тех частях Дагестана, которые наиболее проникнуты духом мусульманского учения или издавна, подобно аварским обществам, состояли в подчинении у преданных началам магометанства местных правителей или ханов, как нельзя лучше согласуется с фактом замены родовой ответственности личной под влиянием писанного закона или шариата»¹.

Насколько это утверждение справедливо, можно установить лишь путем тщательного сравнительного изучения адатов аварцев и других народностей Дагестана. Сам автор это положение не подкрепляет фактическим материалом.

Нормы уголовного обычного права, касающиеся имущественных преступлений, рассматривались М. М. Ковалевским как обычаи родовых сообществ. Еще в работе «Современный обычай и древний закон» он высказал взгляд, что в племенах, живущих родовыми сообществами, воровство ничем не отличается от взятия добычи у неприятеля и считается похвальным до тех пор, пока оно направлено против чужеродцев; если же жертвой его являются родственники, воровство принимает характер нарушения внутреннего мира и потому становится действием, опасным для спокойствия и согласия целого кровного сообщества»².

В соответствии с этой точкой зрения он и подходит к изучению норм обычного права по имущественным преступлениям. М. М. Ковалевский считает, что дагестанские роды, рассматривая преступление как действие, причиняющее материальный ущерб, не устанавливают различия между кражей и мошенничеством, а также не принимают во внимание «напряженность злой воли преступника» или, иначе говоря, умысел.

Такая трактовка архаизирует характер адатов по имущественным преступлениям. В обычном праве народов Дагестана уже издавна были известны понятия воровства простого и квалифицированного, грабежа, поджога, умышленной порчи чужого имущества, потравы и т. д.

¹ Там же, стр. 225.

² М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, 1886, т. II, стр. 160.

Анализируя постановления уцмий Рустем-хана, можно установить, что они уже различали простое и квалифицированное воровство, причем к последнему относилось воровство из мечети: «с того кто украдет что-либо из мечети, взыскивается за уворованное вдесятеро и дом его разрушать» или же другая норма — «подозреваемый в воровстве чего-либо из мечети должен очистить себя присягою вместе с сорока родственниками». Для случаев простого воровства были предусмотрены следующие нормы: «обвиняемый в воровстве должен заплатить десятерную цену уворованного», «подозреваемый в воровстве должен очистить себя присягою вместе с семью тусевами».

Как видно, квалифицированное воровство, кроме десятикратного возмещения похищенного, имеет своим последствием разрушение дома вора. Кроме того, в отличие от простого воровства, требуется 40 присягателей. Кодексу Рустем-хана известны также понятия грабежа и некоторых других преступлений против имущественных отношений.

Как известно, в период становления и развития феодализма одно название зачастую объединяет в себе несколько видов имущественных деликтов. Такой известный памятник феодального права как «Русская правда» и даже «Псковская судная грамота» XIV—XV веков не имеют точной классификации имущественных преступлений. Она появляется только в период развития феодальных отношений и роста антагонистических противоречий.

Уголовное обычное право горцев Дагестана в период его изучения М. М. Ковалевским, как часть надстройки, уже явно было приспособлено к защите феодального базиса. Это, в частности, видно из усиленной охраны частной собственности в кодексе Рустем-хана, в котором прямо указывается: «у кадия, чоуша, нарочного, старика и ученика барамты не брать». Отсутствие в этом перечислении бека не говорит об отсутствии у него таких привилегий. Умолчание это скорее свидетельствует об обратном, а именно, что эта привилегия уже была установлена фактически и не находила отражения в письменном памятнике в интересах придания ему общенародного характера.

Кодекс Рустем-хана, как и другие древние памятники, представляет большой интерес для исследователя именно в силу того, что в нем уже отчетливо проявляются черты правопривилегии, которые были затушеваны при записи адатов, проведенной окружающими начальниками в 80-х годах прошлого столетия.

Ценным исследованием в области обычного права народов Дагестана следует признать работу М. М. Ковалевского «Дагестанская «народная правда», опубликованную в 1890

году в журнале «Этнографическое обозрение». Эта статья специально посвящена анализу «Постановлений кайтагского уцмья Рустем-хана», которые, по мнению М. М. Ковалевского, заслуживают не меньшего внимания, чем армянский кодекс Мхитара Гоша или законы грузинских царей Георгия Черного, Агбуги и Вахтанга VI.

Как совершенно правильно отмечает М. М. Ковалевский, излагаемые в «Постановлениях» нормы права отличаются большой архаичностью и относятся к эпохе развития основных юридических институтов¹. В исследовании убедительно доказано, что время составления «Постановлений» — XVII век, а не XII век, как это утверждали другие исследователи этого памятника.

При написании работы в распоряжении М. М. Ковалевского имелись две редакции «Постановлений». Первая рукопись была опубликована А. В. Комаровым в первом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах», вторая рукопись — Дербентская, которая осталась неопубликованной. Обе эти редакции имеют много общего между собой. Но дербентский вариант рукописи «Свод адатов уцмийского владения», имевший пометку, что он составлен кайтагским обществом в память уцмья Рустем-хана, в отличие от опубликованной рукописи, отличался определенной системой изложения правовых норм.

При написании исследования о «Постановлениях кайтагского уцмья Рустем-хана» автор имел в виду определить время их появления, характер влияния на них писаного права и установить значение «Постановлений» для дальнейшего развития норм обычного права.

Определяя природу исследуемого памятника, М. М. Ковалевский пришел к совершенно правильному выводу, что он представляет не официальный свод единоличных постановлений какого-либо правителя, а запись норм обычного права, применявшихся в период Рустем-хана. Вместе с тем в исследовании отмечается, что законодательная деятельность уцмья Рустема не ограничилась простой записью правовых адатов, и что «Постановления» включают ряд норм, заимствованных из шариата.

Хотя М. М. Ковалевский исходил из теории господства родового строя в Дагестане, относительно «Постановлений» он писал: «Интерес, какой свод Рустема представляет для сравнительной истории права, лежит впрочем не в тех заимствованиях, какие сделаны им из писаного права магометан, а в тех переживаниях родовых порядков, которыми так богато его гражданское, уголовное и процессуальное право»².

¹ «Этнографическое обозрение». 1890, № 1, стр. 9.

² Там же, стр. 20.

Данное положение очень характерно тем, что в нем выражена мысль, отличная от общей концепции М. М. Ковалевско-го об уровне правового развития горских народов. В своих работах он развивал теорию господства родового строя в Дагестане, обосновывая ее главным образом материалами обычного права, не вышедшего, по его мнению, из форм права, характерного для родового строя. В приведенном же положении он говорит о пережитках родовых порядков, заключающихся в нормах «Постановлений» Рустем-хана

Ознакомление с «Постановлениями» подтверждает наличие в них ряда норм, которые можно отнести к периоду раннего средневековья, но, наряду с ними, имеются нормы, возникновение которых было вызвано значительной классовой дифференциацией в Дагестане в период составления кодекса Рустем-хана, т. е. в XVII столетии.

На основе анализа содержания кодекса Рустем-хана М. М. Ковалевский делает правильный вывод о том, что в XVII веке уцмий являлся постоянным наследственным судьей и этим же фактом объясняет, что уцмий не был заинтересован в обнародовании своих постановлений, так как обнародование их могло привести к разбирательству тяжб без участия уцмий, стремившегося к обогащению своей казны за счет взысканий с ищущих его посредничества. Это подтверждается самим кодексом, где прямо указывается: «Не читать для того, кто не имеет от бека бумаги с приложением его печати. Если же кадий прочитает для того, у кого нет письменного позволения от бека, то с него, с кадия, взыскивать одну лошадь в пользу бека».

Преобладание в кодексе Рустем-хана норм уголовного права, по мнению М. М. Ковалевского, вытекает из того, «что зарождающаяся государственная власть всего более была озабочена подавлением родового самосуда именно в этой сфере, представляя в то же время разрешение гражданских споров самоуправству сторон»¹.

Между тем более правильно было бы объяснить преобладание норм уголовного права в кодексе Рустем-хана, как и в других древнейших сводах, недостаточным развитием товарно-денежных отношений вследствие господства отсталого натурального хозяйства. В частности, сам М. М. Ковалевский в работе «Родовой быт» писал: «Многие факторы влияют на вымирание родовых порядков и ни один в большей степени, чем упрочение, с одной стороны, государственной власти, а с другой, начала свободного оборота имуществ на рынке»².

¹ Там же.

² М. М. Ковалевский. Родовой быт, 1905, вып. II, стр. 15.

В кодексе Рустем-хана имеется значительное количество норм, регулирующих обычаи кровной мести и ишкиля (т. е. самоуправного захвата чужого имущества, как акта удовлетворения гражданских претензий). Исходя из этого, М. М. Ковалевский делает вывод о наличии в XVII веке в узмийстве солидарной родовой ответственности.

Необходимо заметить, что указанные обычаи к тому времени уже подверглись значительной трансформации, потеряв свой первоначальный характер институтов родового строя.

Кровная месть, так же, как и ишкиль, постепенно ограничивая свое действие сферой ближайших родственников, впоследствии имела применение к непосредственному виновнику. Поэтому многократное упоминание и более или менее детальное их регулирование в кодексе Рустем-хана не доказывает, по нашему мнению, господство родового строя на территории узмийства и эти институты в «Постановлениях» следует рассматривать как пережиточные. Тем более, как это отмечает и сам М. М. Ковалевский, что в кодексе Рустем-хана имелись архаические нормы, уже не находившие применения, вроде, например, следующих: «за убийство еврея виновный должен наполнить кожу убитого серебром и дать беку», «за убийство кем-либо бекского раба взыскивать с каждого дома всего общества по одной паре обуви и по мешку самана» и др.

Об архаичности многих норм «Постановлений» говорит, как уже ранее упомянуто, наличие в кодексе ряда институтов, свойственных более развитым системам права. Так, кодексу известно убийство при необходимой обороне — в случаях защиты жизни, жилища и имущества. В кодексе предусмотрена не только ответственность непосредственного виновника убийства, но и подстрекателя, что противоречит обычаям родовых сообществ. Известны кодексу также отягчающие вину обстоятельства.

Мы считаем, что наличие в кодексе Рустем-хана таких норм, не свойственных обычаям родового строя, нельзя объяснить, как это делает М. М. Ковалевский, только влиянием норм писаного права.

Весь кодекс в целом является памятником, свидетельствующим о довольно значительном уровне развития правовых норм Кайтагского узмийства.

М. М. Ковалевский, исследуя кодекс Рустем-хана, без всякого для того основания, придает большое значение чертам патриархально-родового строя, оставляя без должного внимания имеющиеся в кодексе черты феодального общества. В этом и заключается коренной недостаток данного исследования. В то же время юридический анализ отдельных правовых норм кодекса отличается четкостью и логичностью. Поэтому

исследование «Дагестанская «народная правда», как и другие его работы в области обычного права народов Дагестана, в целом представляет большую ценность и принесет несомненную пользу изучающему обычное право народов Дагестана.

Р. Г. МАРШАЕВ.

Кандидат исторических наук

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СТРОЕ АХТЫПАРИНСКОГО «ВОЛЬНОГО» ОБЩЕСТВА В XVIII — нач. XIX вв.

В исторической литературе до недавнего времени господствовала неверная точка зрения на так называемые «вольные» общества, существовавшие в Дагестане в XVIII—начале XIX вв. Многие авторы при определении уровня социально-экономического развития этих политических объединений исходили из того лишь обстоятельства, что сельская община сохраняла формы видимого народоправства.

С. М. Броневский в своей работе, посвященной описанию Кавказа, характеризовал государственный строй «вольных» обществ (Анди, Цудахар, Акуша, Алтипара, Докузпара, Ахтыпара и др.) как демократический федеративно-республиканский¹.

Вслед за Броневским в 40-е годы XIX в. А. Н. Неверовский утверждал, что в «вольных» обществах среднего и северного Дагестана жители «составляют один общий класс зависящих собственно от самих себя, без подразделения дворян или князей»².

Известный собиратель кавказских адатов А. Комаров считал, что «вольное» общество являлось объединением, основанным на родо-племенных отношениях³.

Характеристика «вольных» обществ как демократических объединений была принята и многими другими представителями дореволюционной историографии.

Эта ошибочная концепция получила широкое хождение и в советской исторической литературе. В частности П. А. Брю-

¹ С. М. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823, ч. I, стр. 40.

² А. Н. Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан. Баку, стр. 26.

³ «Военный сборник», 1863. № 8, стр. 387.

ханов утверждает, что «вольные» общества Дагестана представляли собой демократические республики¹.

В советской литературе эта точка зрения впервые подверглась критике в работе Х. О. Хашаева «Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в.»

Х. О. Хашаев, на наш взгляд, своевременно поднял вопрос о пересмотре неверной оценки общественно-политической структуры «вольных» обществ. По мнению Х. О. Хашаева, так называемые «вольные» общества представляли собой территориальные объединения с наличием категорий господства и подчинения. К сожалению, данный автор при оценке степени развития этих обществ не подходил дифференцированно к каждому из них в отдельности. Между тем эти общества стояли на разном уровне общественного развития.

Мы избрали для исследования одно из наименее изученных лезгинских политических объединений — Ахтыпара (южный Дагестан).

* *

Для того, чтобы правильно охарактеризовать Ахтыпаринское «вольное» общество, прежде всего необходимо выяснить, что представлял собой в рассматриваемое время тухум.

Дореволюционные историки сравнивали дагестанский тухум XIX в. с родом и выдвигали ошибочный тезис о наличии в Дагестане родовой строй. При этом они исходили не из экономических явлений того времени, а из пережитков родовых отношений.

Крупнейший исследователь Кавказа М. М. Ковалевский в своих трудах сравнивал дагестанский тухум XIX в. с ирокезским родом и утверждал, что в Дагестане повсеместно господствовал родовой строй. Наиболее распространенным термином, который характеризует существование родовой организации в Дагестане, является тухум. «Им выражают понятие рода, как общее правило, и в Табасаране, и в Кайтаге, и в Даргинском округе, и в Кюринском, и во всех горных аулах, занятых лезгинской народностью»².

Семейную общину Ковалевский не отрывал от тухума-рода в целом. По его мнению, семейная община — последнее из разветвлений рода или, вернее, предпоследнее, если считать завершение процесса образования малых семей путем разделов. Род является первоначальной единицей, а семейная

¹ П. А. Брюханов. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой половине XIX в. Сборник трудов Пятигорского гос. пединститута. Вып. I, 1947, стр. 163.

² М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. II, М. 1890, стр. 146—147.

община — не более как позднейшая представительница того же кровного начала»¹. Возникновение и существование семейной общины не обязательно вызывает ликвидацию рода, ибо последний «уживается с фактором одновременного господства семейной общины или большой семьи»².

Наличие семейной общины у лезгин Ковалевский аргументирует только тем, что в адатах Дагестана не обнаружен институт завещания, наследования женщинами, право продажи земли частным лицам.

Правда, Ковалевский не мог отрицать наличие в XIX в. процесса социальной дифференциации в Дагестане, где землевладельческими единицами, как правило, являлись большие и малые семьи. В большинстве аулов, как свидетельствует М. М. Ковалевский, на базе разложения кровно-родственных отношений возникли соседские.

Ошибки М. М. Ковалевского, как нам кажется, были обусловлены, в частности, тем, что пережитки родовой или семейной общины он нередко принимал за живое их бытование в Дагестане. При этом он не учел, что распад родовых отношений и возникновение сельской общины не вызывает сразу ликвидации семейной общины или большой патриархальной семьи. Семейная община в течение длительного периода продолжает существовать в сельской общине, испытывая на себе не только влияние внутриобщинных процессов, но и воздействие государства; приспособляясь к его требованиям, она изменяется сама³.

Ошибочные взгляды дореволюционных исследователей подверглись критике в советской исторической науке, в частности в работах С. В. Юшкова⁴, Р. М. Магомедова⁵, Х. О. Хашаева⁶ и др.

В результате многочисленных материалов советские исследователи пришли к выводу, что в Дагестане в XVIII в. господствующим социально-экономическим укладом являлся феодальный с наличием значительных пережитков патриархально-родовых отношений.

Однако в определении социально-экономической структуры тухума и сельской общины все еще допускаются неточности.

¹ М. М. Ковалевский. Родовой быт. Вып. I, стр. 87.

² М. М. Ковалевский. Первобытное право. М. 1886, ч. I, стр. 67.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1949, стр. 76.

⁴ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Свердловск, 1938.

⁵ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX вв. (Рук. докт. диссертации); К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды второй научной сессии Даг. базы АН СССР. 1949 и др.

⁶ Х. О. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954.

Некоторые исследователи, сравнивая дагестанский тухум XVIII—XIX вв. с южно-славянской задругой, неверно утверждают, что главным и решающим, на чем зиждились в Дагестане тухумные отношения, была коллективная собственность на землю и на скот.

Между тем известно, что еще задолго до XVIII в. в дагестанском ауле произошли существенные изменения: выделилась индивидуальная собственность отдельных семей на пахотную землю и на скот при наличии общинной собственности на пастбища и луга. Об этом свидетельствуют, в частности, «Постановления» Кайтагского уцмия Рустем-хана и свод законов Уммахана Аварского¹, где мюльк фигурирует наравне с домом, как имущество, находящееся в индивидуальном подворном владении отдельных семей.

Исследованию тухума посвящено несколько работ М. О. Косвена. По его мнению, дагестанский тухум в XIX в. представлял собою патронимию, т. е. группу родственных семей, происшедших от сегментации или разделения одной большой семьи и сохранивших между собой хозяйственную, общественную и идеологическую связь².

М. О. Косвен, сравнивая дагестанский тухум с патронимией, не учел тех существенных изменений, которые происходили в дагестанском ауле. К XIX в. основа экономического единства тухума была подорвана, так как значительная часть пахотной земли уже находилась в частной собственности.

В связи с распадом хозяйственного единства тухума значительным изменениям подверглись адатно-правовые нормы. В XIX в. кровная месть, соприсяжничество потеряли свою прежнюю силу. Мстить могли только до определенного колена родства, а в некоторых аулах месть была заменена выкупом.

Бесспорно то, что дагестанский тухум в XVIII — начале XIX вв. имел много характерных особенностей, присущих низовой ячейке патриархально-родового строя. Конкретный материал (см. ниже) дает возможность предположить, что древние поселения в Дагестане были малочисленны и представляли собой определенную группу членов родственных семей-тухумов.

В процессе общественного экономического развития группы кровно-родственных семей-тухумов сегментировались на малые семьи, которые располагались рядом с большой

¹ Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана. «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. II, 1868, стр. 81—88. Свод законов Уммахана Аварского. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР.

² М. О. Косвен. Программа для собирания сведений о патриархате в структуре рода. «Краткие сообщения института этнографии», 1951, № 13, стр. 20.

семьей, либо переселялись в другие места, создавая новые поселения, либо присоединялись к существующим селениям, образуя новые кварталы. Например, селения Гдунг и Калуг образовались из выходцев сел. Ахты¹. Гдунцы хотя и отделились от ахтынцев, тем не менее поддерживали экономические связи с сел. Ахты. В 50-е годы XIX столетия гдунцы, как жители отселка, владели совместно с ахтыдцами пашнями и сепокосами².

Предания рассказывают, что несколько мирасов (группа близких родственников) селений Зрых, Караку и Убарын переселились под защиту сел. Ахты в Пелтуярский квартал; сюда переселились также цахурцы. Об этом свидетельствуют и лингвистические данные. В ахтынском диалекте сохранилось слово цвийшур, обозначающее выходцев из цахурских селений.

М. М. Ковалевский в своем труде «Закон и обычай на Кавказе» указывает, что в Ахтынском обществе главой тухума считался старший в роде; он избирался на собрании всех членов тухума. Каждый член тухума обязан был сообщать старшему обо всем случившемся и обращаться за советом даже в делах семейных. «Если случится, что обратившийся к главе за советом поступит затем вопреки его мнению, то делу обыкновенно не дается дальнейшего хода. В немногих случаях, когда имеет место обратное, глава тухума делает виновному выговор; если же последствием уклонения от совета будет какой-нибудь существенный вред, старейшина наказывает виновного выговором и побоями; кроме наказания, налагаемого на него старейшиной, виновный подвергается презрению всего тухума. Высшей мерой наказания является изгнание из среды рода»³.

Изгнание из рода может состояться только в силу общего постановления главы тухума и всех его членов. Почти не бывает примера, чтобы мнение старейшины не было поддержано всеми членами⁴.

Добровольный выход из рода не дозволялся обычаем, и ахтынские адаты строго соблюдали эти нормы. Во всех брачно-семейных вопросах решающее слово принадлежало главе рода. Если один из членов рода проявлял желание покинуть свой род, то все члены тухума уговаривали не делать этого. Отказ со стороны такого члена тухума приводил к угрозам и убийству⁵.

¹ ЦГА ДАССР, фонд 148, оп. 3, д. 6.

² Там же.

³ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. II, стр. 152—153.

⁴ Там же, стр. 155.

⁵ Там же, стр. 144.

Принцип круговой родовой поруки, взаимная ответственность сородичей, характерные для патриархально-родового строя, действовали еще в пережиточных формах, хотя и вступили уже в противоречие с новыми тенденциями. Например, в адатах лезгин Самурского округа мы читаем, что «если у истца не будет свидетелей, то подозреваемый в убийстве должен очистить себя присягою родственников, из коих 20 назначаются по выбору истца и 20 — по выбору ответчика; если все 40 выборных очистят его присягою, то он освобождается от всякого обвинения»¹.

О существовании в далеком прошлом тухумной собственности на землю и скот свидетельствуют следы пережиточных форм родового землепользования, сохранившиеся к периоду присоединения Дагестана к России.

В начале XIX века можно было проследить такие институты, как преимущественное право родичей на покупку продаваемой или покупаемой земли², наличие родовых загонов для скота и т. д.

Но все это не превалировало над хозяйственной самостоятельностью отдельной семьи. Малая индивидуальная семья была совершенно самостоятельной ячейкой, слабо связанной с соседними и даже родственными такими же семьями. Но зато такие действия, как отгон скота на летние и зимние пастбища, военные столкновения и столкновения на почве кровной мести очень часто спланивали родственные семьи. В подобных формах единства выражались те социальные связи, которые дают возможность говорить о большой семье или о тухуме. Большая семья у лезгин была той кровно-родственной группой, по поводу которой Маркс говорил, что более ранние родовые общины покоятся на кровном родстве своих членов³.

Этнографические данные показывают, что каждое лезгинское селение состояло из нескольких кварталов, представлявших собой в древние времена поселения большой родственной группы, насчитывавшей от 10 до 30 и более дворов. Такие родственные группы, которые охватывали близких и дальних родственников, назывались тухумами. Внутри тухума наиболее близкой родственной группой были миресар, образовавшиеся в результате распада большой патриархальной семьи.

Очевидно, в ранний период хозяйственное и идеологическое единство как внутри миресар, так и внутри тухума было значительно развито.

¹ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899, стр. 528.

² М. М. Ковалевский, Указ соч., стр. 129.

³ К. Маркс. Ответ Засулич. Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 272.

Даже в рассматриваемое время можно заметить проявления борьбы членов малой и большой семьи или тухума в вопросах наследования имущества.

После смерти Гаджи Алхаса Джафар-оглы из сел. Ахты в конце 50-х годов XIX в. и его жены в 1884 г. единственным наследником имущества стал Гайбаттула-Мирза. Против этого выступили его племянники по матери. При опросе ответчик Гайбаттула показал, что «спорное имущество (земля, дом и т. д.) отдано в вакуф покойным по мужскому поколению и получено им по наследству», а сельский кадий сообщал, что «спорное имущество отдано в вакуф по наследству покойного и поэтому подлежит разделу между наследниками». Окружной суд 17 мая 1911 г. вынес решение: «Признать спорное имущество подлежащим разделу между наследниками согласно решению окружного суда 1884 года»¹.

Интересным фактом проявления этой борьбы служили также способы регулирования имущественных споров.

Во всем Дагестане взаимные споры и конфликты разрешались способом «барамты»². Барамта рассматривалась с точки зрения обычного права народов Дагестана как частное дело, отнюдь не нарушающее общественных интересов. Объясняется это тем, что обычное право Дагестана сохраняло еще в себе многие черты патриархально-родового строя, приспособившиеся к данному времени к тем новым отношениям, которые основывались на частной собственности. К рассматриваемому времени кровно-родственные отношения уступили место территориально-хозяйственному союзу. Ахтыпаринское общество было заселено по территориальному признаку. Например, аул Ахты состоял из шести кварталов: хамам мяхле, вини мяхле, кежах мяхле, базар мяхле, кулияр мяхле и пелтуяр мяхле. В каждом из них жили выходцы из разных тухумов, ведущих свое индивидуальное частное хозяйство.

Если при родовом строе погрыва или хищение тухумной коллективной собственности рассматривалось как возмездие и приводило к нескончаемым распрям и убийствам между тухумами, то в связи с заменой кровно-родственного союза союзом территориальным воровство рассматривалось как материальный ущерб, причиненный отдельному лицу.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 148, оп. 4, д. 24.

² Барамтой (или ишкил) называлось «право истца, потерявшего надежду на миролюбивое удовлетворение со стороны ответчика нападать на его родственника или односельца и силой отнимать у него какую-нибудь вещь, которую не возвращает до тех пор, пока ответчик, принуждаемый родственником своим и односельцем, не удовлетворит сполна истца. По удовлетворении же ответчиком истца, взятая последним от кого-либо вещь возвращалась по принадлежности». См. «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, вып. I. 1868, стр. 81.

Частная собственность на землю и скот считалась незабываемым общественным институтом и строго охранялась существующими адатами и правовыми нормами шариата. «Кто подожжет... дом, саманник, хлебные скирды, сено и т. д. или вырубит деревья в чужом саду, — говорится в адатах, — тот должен заплатить убытки, понесенные хозяйству. За воровство вещей и другого имущества, как-то лошади, коровы и т. д., из дома или с поля с виновного взыскивается вдвое против стоимости украденной вещи и муштумук — деньги, употребленные хозяином уворованной вещи на розыскание ее»¹.

Если при родовом строе члены общины были экономически связаны с родом, то в последующее время развивающаяся частная собственность нарушила эти связи. Индивидуальная семья связывается экономическими и общественными узами с сельской общиной. Эти связи заключались в совместном владении горными пастбищами, покосными лугами, лесом и гумнами-харманами. Все члены общины имели равные права пользования ими. Пастбищные земли, как летние, так и зимние, находились в пользовании целых селений, а часто и целого магала, т. е. в нераздельном пользовании группы селений. Такие земли считались сельской, общественной или магальской собственностью².

Один из адатов Самурского округа гласит, что «если несколько человек (не связанные родственными узами — Р. М.) владеют одним харманом (гумном), то никто из совладельцев не может отделить своей части для возведения на ней постройки, а только пользуется этим харманом для молотбы хлеба»³.

Посторонний человек, обосновавшись в селении, становился членом общества: получал право голоса на сходе, обязан был участвовать в общественных работах (проведение дорог, сооружение мостов), оказывать соседскую помощь и т. д.⁴.

Начало процесса имущественной дифференциации и образования классов в Ахтыпаринском обществе относится к глубокой древности.

Народные предания рассказывают о длительной борьбе Ахты с Ялджухом, окончившейся победой Ахты. Ялджухцы вынуждены были подчиниться Ахты и выполнять разные повинности — сеять и убирать хлеб, пасти овец⁵.

¹ Адаты южно-дагестанских обществ. ССОКГ. Вып. VIII, 1875, стр. 68—69.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, лл. 49—52.

³ Адаты Дагестанской области и Закаталского округа, Тифлис, 1899, стр. 538.

⁴ Адаты южно-дагестанских обществ ССОКГ. Вып. VIII, 1875, стр. 68—69.

⁵ Рук. фонд ИИЯЛ. Даг. филиала АН СССР, д. 1722, л. 120.

Этнографический материал, собранный Л. В. Панек, свидетельствует о том, что в бассейне р. Самура в далеком прошлом происходил процесс переселения, вызванный внутренними и внешними причинами. В период этого переселения Ахты предоставлял свои услуги: брал переселенцев под свое покровительство и разрешал им на определенных условиях селиться на своей территории.

Так, например, жители цахурских селений, подвергавшиеся постоянным грабежам рутульцев из сел. Хнов, будучи не в силах защищаться, обратились за помощью в Ахты. Ахтынская знать разрешила им переселиться в Ахты при условии внесения налога (хардж) и бесплатного выполнения некоторых полевых работ. И в настоящее время квартал, в котором живут цахурцы, называется кулиярским. Жители Гюнейской стороны Ахты производят это название от слова «кьул» — раб, а сами кулиярцы связывают это название со словом «кьюл» пшеница¹.

Подобным же образом переселились под защиту Ахты и жители сел. Зрых. Со временем они также попали в зависимость от ахтынской феодальной знати. На стене одного из домов, переделанного из крепости, сохранились следы надписи об их обязательствах платить дань гюнейцам².

Ахтынское общество, владевшее большим количеством пастбищных или покосных земель, очень часто сдавало эти земли обществам, нуждавшимся в них, за определенную плату. «Порядок неравномерного пользования пастбищными местами, — отмечала сословно-поземельная комиссия, — утверждался давно, когда сила определяла всякое право и первенствующие общества, покровительствуя меньшим, приурочивали их земли к своим владениям»³.

Частые военные столкновения, происходившие между обществами, также приводили к подчинению слабых более сильным. Ахтынская патриархально-феодалная знать во всех военных мероприятиях выступала в союзе с феодалами соседних политических образований и с их помощью стремилась увеличить число зависимых сельских обществ. Так, например, рутульское общество в XVIII в. затеяло войну с хрюкцами из-за отказа последних отбывать пахту рутульцам. Рутульская знать, договорившись с ахтынской знатью, напала на хрюкцев и дотла сожгла аул. Из числа ахтынцев было убито 12 человек. За участие ахтынцев в нападении на Хрюк ру-

¹ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1722, л. 119.

² Там же, л. 120.

³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, л. 25.

тульцы уступили ахтынцам «пахту» от селений Гогаз, Усур и Кака¹.

Так, в ходе исторического развития привилегированные сословия в результате насильственного подчинения или помощи в борьбе против внешних притязаний распространили свое влияние над населением 11 лезгинских селений.

Ахтынская феодальная знать в начале XIX в. пользовалась большими правами. Все дела военного и гражданского характера были сосредоточены в руках аксакалов. Они ежегодно получали с каждого дома по одному барану и имели право требовать от подчиненных им аулов «пахту», пользовались узденскими лошадьми для поездки по служебным делам, при выдаче своих дочерей замуж за жителей одного из одиннадцати подчиненных им селений весь аул (имеется в виду Гюнейская часть Ахты — Р. М.) получал особый платеж — так называемый «барху».

Принадлежность к родственному и территориальному союзу определяла общественное положение человека. В случае убийства ахтынца из Гюнейской части за его кровь взимался в два раза больший платеж, чем за кровь жителя подчиненного селения.

Ахтынские аксакалы наблюдали за своевременным несением повинностей и податей с подчиненных селений. При разбирательстве гражданских и уголовных дел ахтынским аксакалам принадлежала ведущая роль, без их посредничества нельзя было выносить решения. За посредничество аксакалы получали также соответствующее вознаграждение. Например, по решению дел о кровной мести аксакал получал от истца какую-нибудь вещь из оружия или посуды или же кусок ткани².

Во время войны эти селения обязаны были подчиняться аксакалам, занимавшим эту должность наследственно в прямой нисходящей линии³.

К привилегированному сословию принадлежали также так называемые бахтачияры, приобретшие богатства путем грабежа соседних лезгинских селений и набегов в другие места. Бахтачияры, в основном, являлись выходцами из богатых узденских тухумов Кабанар, Кифияр и Сирияр. Частым нападениям бахтачияров подвергались селения Кучах, Хкем, Хуля, Миджак, Хал, Джаба, Балуджа и Ялдждук.

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 146, д. 10, лл. 1—12. «Пахта» — обязательное угощение (раз в год) в течение суток.

² Х. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 67.

³ Социальное положение бахтачияров близко подходит к положению первостепенных узденей в феодальных ханствах Дагестана.

Таким образом, под старой патриархальной оболочкой произошло выделение господствующего класса в лице аксакалов и бахтачяров, в руках которых была сосредоточена большая часть поголовья крупного и мелкого рогатого скота.

Собственность на скот создала такую глубокую дифференциацию, что в Ахтынском обществе еще до XIX в. выделялась верхушка узденей, имевших от 4 до 12 тысяч баранов, по 100 и более лошадей и владевших большими пастбищными, пахотными и сенокосными участками¹.

Накопление богатств в руках отдельных лиц, естественно, приводило к усилению их экономического и политического влияния. По мере того как феодализирующаяся знать усиливалась и противопоставляла свои интересы интересам общества, разгоралась классовая борьба внутри общества.

Свободные члены общества, не желая мириться с засильем феодализирующейся верхушки, выступают против нее, отстаивая свою частную и общинную собственность. Чтобы упрочить свое положение и приглушить эту борьбу, феодальная знать ведет ожесточенные войны с соседними народами за пастбища и луга и организует грабительские набеги на земледельческие районы.

Участник персидского похода Петра I И. Гербер (1728) писал, что «лезгины полагаются на то, что на них работают другие и совершают грабительские набеги на мушкурцев, табасаранцев, кубинцев, шабранцев, и все, что могут схватить, уводят с собой, особенно лошадей и скот»².

Ахтынские аксакалы и бахтачяры присоединились к соседним феодальным владельцам и под их начальством также совершали набеги.

В своем описании Дагестана Гербер далее пишет, что «Сурхай хан... с самого юношества много разбоя чинил с подданными своими и... разорением всего Ширвана, Ардебилла, Шемахи и Карабага столь много имущества собрал, что тавлинцев, лезгинов и кюрелов (кюринцев) и другие разбойничьи народы так себе обязанными учинить мог, что они всегда готовы были повиноваться его желаниям»³. Эти непрерывные набеги и грабежи способствовали накоплению богатств в руках отдельных лиц.

¹ М. В. Саидова. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Рукопись канд. диссертации, стр. 119—137; ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, лл. 24.

² И. Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и р. Курою народах и землях и об их состоянии в 1728 г. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1760, стр. 109; см. также рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1186, л. 83.

³ Там же.

К привилегированному сословию относилось и мусульманское духовенство, сосредоточившее в своих руках большие богатства и являвшееся распорядителем мечетских вакуфных земель. Крестьяне обязаны были обрабатывать мечетские земли и полученный урожай доставлять в мечеть.

Эксплуатация крестьянства духовенством была замаскирована правовыми нормами шариата. Каждый мусульманин обязан был ежегодно вносить в пользу мечети десятую часть годового урожая и сотую часть определенного количества скота. Эта подать называлась *закят*. За своевременным взносом *закята* следили *аксакалы*¹, тесно связанные с представителями мусульманского духовенства.

В Ахтыпаринском обществе к периоду присоединения Дагестана к России имелаась феодальная классовая верхушка в лице так называемых *аксакалов*, *бахтачяров* и представителей мусульманского духовенства, жившая за счет эксплуатации трудового населения. Основное же сельское население в Ахтынском обществе состояло из *узденей*, владеющих средствами производства и ведущих свое собственное хозяйство.

Приведенные данные о правах *аксакалов*, *бахтачяров* и духовенства свидетельствуют о том, что население 11 селений Ахтыпаринского общества находилось в феодальной экономической и политической зависимости. Правда, эта зависимость не успела еще оформиться в юридическую категорию. Политическая власть феодальной верхушки (*аксакалов*, *бахтачяров*) определялась здесь не размерами их ренты, а числом подданных. При этом форма эксплуатации *узденей* в Ахтыпаринском обществе была завуалирована сильными пережитками патриархально-родовых порядков.

Феодальная верхушка в целях эксплуатации рядовых членов общества — *узденей* — использовала также привычные формы «родовой помощи».

В Ахтыпаринском обществе «родовая помощь» известна под названием «*мел*». Под «родовой помощью» скрывалась эксплуатация феодальной верхушкой трудящихся масс. Крупные *барановоды* и *землевладельцы* пользовались помощью рядовых членов общины, главным образом, во время сельскохозяйственных работ.

В феодальную зависимость попадали также путем долгового обязательства. «Если кто-либо из должников, — говорится в *адатах* Ахтынских обществ, — окажется несостоятельным, то все имущество его делится между его кредиторами пропорционально должной каждому сумме и затем предоставляется право кредиторам *секвестровать* имущество должника»².

¹ М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 164.

² *Адаты* южно-дагестанских обществ ССОКГ. Вып. VIII, 1875, стр. 70.

При таком положении, если должник не состоятелен, он, естественно, должен был оплачиваться путем разнообразных работ в хозяйстве кредитора.

В процессе феодализации многие сельские общества попадали в зависимость от соседних феодальных владетелей. Например, в первой половине XVIII в. лезгишские селения Ялах, Луткун приняли покровительство Сурхай-хана Казикумухского и за это должны были платить ему подати и повинности. В качестве правителей Сурхай-хан поселил своих братьев Шуаиб-бека и Исах-бека в сел. Кака, расположенном недалеко от этих двух селений, и приобрел там земельные участки. Луткунцы платили ежегодно в пользу какинских беков по 75 рублей пшеницы и по 75 рублей ячменя, а ялахцы — по одной рубе пшеницы.

Кроме того, оба селения обязаны были выставлять от каждого дыма на обработку бекских полей и для разных работ по одному работнику в течение трех дней в году¹.

В процессе становления феодальных отношений в Ахтыпаре немаловажное значение имело также длительное взаимодействие с феодальным политическим окружением, способствовавшим разложению доклассовых общественных отношений.

Наряду со свободным и феодально-зависимым крестьянством известное значение в общественных отношениях имело патриархальное рабство. К XIX в. рабство не занимало большого места в системе феодальной эксплуатации. Но на ранних ступенях общественного развития рабство играло большую роль в качестве классово-организующей силы. Об этом свидетельствуют историко-этнографические данные.

В XIX в. и даже в начале XX в. в Ахтах при выборе невесты исходили из ее имущественного и социального положения. Члены состоятельных узденских тухумов брали невесту из своего круга. Вхождение в брачные отношения с сословием рабов считалось унижительным для всего тухума и строго запрещалось.

Рабство не играло особой роли в системе производства. Большая часть рабов шла на продажу. Известный путешественник А. Олеарий в своем описании гор. Шемахи сообщает о том, что на рынке этого города имелся «лезги каравансарай», где наряду с другими товарами продавались «малолетние и взрослые мальчики, девицы и девочки, частью купленные ими (лезгинами — Р. М.), частью захваченные у кого-нибудь из своих соплеменников»². Рабы использовались также

¹ Материалы о поземельном устройстве населения Дагестанской области. ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 236.

² А. О л е а р и й. Описание путешествия в Московию. СПб, 1906, стр. 463.

в качестве прислуги, а часть из них сажалась на землю. Последние со временем становились феодально-зависимыми крестьянами.

Становление феодальных отношений в Ахтыпаре происходило в условиях классовой борьбы. Притязания феодальных сословий Ахтов, направленные на подчинение соседних сельских обществ, приводили к выступлениям крестьянских масс в защиту своих свобод.

Приведенные примеры говорят о стремлении ахтынской феодальной знати распространить свою власть на жителей соседних сельских обществ и о стремлении последних найти покровительство у соседних феодальных хапств. Все это свидетельствует о классовых антагонистических противоречиях внутри общества.

Ахтыпара в политическом отношении накануне присоединения Дагестана к России представляла собой общество патриархально-феодального типа. По сравнению со старой родовой организацией этот строй отличался, во-первых, делением всего населения по территориальному признаку. К началу XIX в. в состав союза обществ входили джамааты, совершенно не связанные друг с другом родством. Так, в Ахтыпаринский союз обществ входили не только лезгинские селения, а и два рутульских селения Хнов и Борч. Территориальные связи, возникшие на основе частной собственности, давали возможность членам этого политического образования осуществлять свои общественные права и обязанности по месту поселения независимо от принадлежности к роду или племени.

Ахтыпаринское общество, хотя и сохранило различные формы родо-племенной организации, но по своему социальному содержанию оно служило орудием классового угнетения. Носителями власти были аксакалы, совет аксакалов, кази (кади), народное собрание. Для управления всем Ахтыпаринским обществом из наиболее состоятельных ахтынских тухумов выдвигались 10 представителей, должность которых переходила наследственно по нисходящей прямой линии¹.

Во время войн наиболее храбрый и состоятельный аксакал брал на себя роль военачальника. При этом все селения должны были подчиняться ахтынскому аксакалу.

Ахтынские аксакалы, несмотря на наследственное замещение этих должностей, формально, по установившимся обычаям, выбирались на народном собрании. Но народное собрание еще задолго до присоединения Дагестана к России не являлось политической силой периода военной демократии, т. к. оно находилось в руках знати и ей принадлежало решающее право.

¹ Башир Долгат. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1584, л. 12.

Непосредственным помощником ахтынских аксакалов по управлению был главный кадий, который занимал влиятельное положение при аксакалах.

В местные органы управления входили сельские аксакалы (ковхаяр), кади и курухчи. Эти лица занимались решением самых разнообразных вопросов хозяйственного и судебно-административного характера внутри общины.

Сельские аксакалы, выбиравшиеся от каждого квартала по одному, занимались решением судебных дел по адатам. Исключение составляли дела гражданского характера, которые решались по шариату, поэтому на суде присутствовал кази.

Решения суда приводили в исполнение чауши. Они выбирались обществом по рекомендации аксакалов и получали в год по одному быку. Кроме того, при свадьбах и поминках они получали масло, мясо, крупу и дрова¹.

Для охраны общественных полей от потрав назначались сторожа (курухчи)², которые имели право брать в свою пользу одного барана или стоимость его с хозяина скота, найденного на общественных землях³.

Ахтынские аксакалы и бахтачияры использовали народное войско в своих личных интересах. Войско собиралось по мере надобности и не имело прежней «демократичности», т. е. не привлекалось к решению дел.

Вплоть до присоединения Дагестана к России ахтынская феодальная знать вела постоянные войны с соседями.

Интересен в этом отношении документ, извлеченный Р. Магомедовым из «Ахты-намэ». В этом документе рассказывается о том, как шла борьба Ахтыпаринского общества с Курахским нуцал-ханом. Курахский нуцал-хан потребовал от правителей Ахтыпаринского общества, чтобы они подчинились ему. Отказ ахтынцев привел к военному столкновению. Вблизи аула Гра произошло ожесточенное сражение. Несмотря на большие потери со стороны ахтынцев курахский хан не мог взять верх над вооруженной народной массой. «И однажды, когда хан обратился к ахтынцам, чтобы они дали согласие пропустить его большой караван в Нуху, они согласились пропустить, но на обратном пути из Нухи ахтынцы напали и убили сопровождающих, захватили ханское добро и разделили между собой»⁴.

¹ Х. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 67.

² Адаты южно-дагестанских обществ ССОКГ, вып. 8, 1875, стр. 71.

³ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1889, стр. 538.

⁴ Р. М. Магомедов. Крестьянские восстания в Дагестане в XVIII веке. «Ученые записки» Даг. гос. пединститута, вып. II, Махачкала, 1956, стр. 36—38.

Для борьбы с непокорными общинами, для организации набегов и защиты своих владений ахтынские аксакалы и бахтачияры нуждались в войске.

Постоянной и, если можно так выразиться, профессиональной армии феодальная знать не имела. В случае войны ахтынские аксакалы обращались к знати, которая приводила с собой военные отряды, выставляемые селами. Во время войны эти отряды находились под непосредственным командованием аксакалов и бахтачияров. Выйти на войну по адатам считалось обязанностью каждого человека.

Итак, термин «вольное» общество не приемлем при определении уровня развития населения Ахтыпары в XVIII—начале XIX вв., так как он не соответствует социально-экономической и политической структуре общества. Ахтыпаринское общество в XVIII — начале XIX вв. не было вольной, демократической, родоплеменной организацией, объединяющей равноправных членов. В нем еще задолго до XVIII века шел процесс имущественного расслоения, в результате которого ахтынские аксакалы и бахтачияры, богатые уздени и представители мусульманского духовенства заняли господствующее положение.

Особенностью общественного строя Ахтыпаринского общества являлось то, что классовые отношения в нем были более опутаны патриархально-родовыми пережитками, чем в окружающих феодальных ханствах Дагестана.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

О НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛАКСКИХ РАЙОНАХ ДАССР

В исторической литературе неоднократно высказывалось мнение о распространении ислама в Дагестане еще в VII — VIII веках н. э. Согласно распространенной в Дагестане легенде лакцы даже получили у арабов прозвище гази (борец за веру) за то, что они в период арабского завоевания Дагестана не отказались содействовать арабам в обращении неверных в ислам.

В 1954 г. мы побывали в лакских районах с целью выявить и расшифровать старинные надписи на арабском языке. Самый большой материал дал Кумух. Кумухцы охотно рассказывали нам о своих достопримечательностях — каменных плитах с арабскими надписями, о своих иеменских шейхах, о каком-то Мандалае, о мечете, якобы построенной Абумуслимом и т. д. и т. п. При этом кумухцы утверждали, что данные памятники относятся к более раннему периоду, чем это оказалось на самом деле.

Первым долгом мы отправились на кладбище иеменитов и ознакомились с надписью на плите могилы Ахмеда, умершего в 854 г. хиджры (1451 г. н. э.). Могила эта расположена на краю большого обрыва рядом с интернатом. Плита из белого твердого камня находится в вертикальном положении. Надписи на арабском языке, прекрасно исполненные насхталиком. Читаются они так:

ففى انسلاخ شهر رمضان المبارك المعظم سنة ٨٥٤ مات
 بالطاعون السيد الشريف الحسين شهاب الملة والحق والدنيا
 والدين مصنف كتاب وفق المراد فى الفقه و غيره العالم
 العلامة السيد احمد اليمانى الحسينى بن السيد ابراهيم بن
 السيد محمد بن السيد ابراهيم بن السيد محمد بن السيد
 سليمان المرتقى نسبه الى عبدالله بن الحسن بن الحسين بن
 على بن ابي طالب كرم الله وجهه ورضى الله تعالى عنه و عنهم

وعنا اجمعين * ومات بالطاعون المذكور من اولاده ايضا فى ذلك الوقت ابو الهدى ومضى السنة وحجة الاسلام وابو الفتوح وذات الحياة والنجاة قت وذات الدر حبيبة وام حسنة ودفنوا هنا * ومن اولاده ايضا العالم عبدالقادر و عبدالرحمن وام هانى ونفيسة ثم من اولاده بواسطة ابنه عبدالرحمن ابنه ابراهيم ابنه شيخ على ابنه عبداللطيف ابنه عبدالرحمن ابنه محمد ابنه علش ابنه نورالدين ابنه حسين و محمد الملقب بمدن ابنه احمد المؤذن محمود ابنه محمد و عبداللطيف وقد انقطع نسله بموت هذين ولم يبق من نسله احد من دولة عبدالرحمن خان فمن سنة ١٢٤٩ وان هؤلاء دفنوا فى هذه المقبرة *
 و هذه التواريخ كتبت من تواريخ على كتبهم لاجل رسمها على احجار زيارته حين تجديدها فى سنة ١٣١٧.

Перевод: «В конце великого благородного месяца Рамазана в 854 г. (1451 г. н. э.) скончался от холеры благородный, родовитый, почтенный потомок пророка, светоч народа, правды, мира и веры, автор книги **Вефк-уль Мурад** по фикх (мусульманская юрисдикция — М. С.) и других, глубокий ученый иеменит хусейнит сейид Ахмед сын сейида Ибрагима, сын сейида Магомеда, сын сейида Ибрагима, сын сейида Магомеда, сын сейида Сулеймана, родословие которого доходит до Абдуллы сына Гасана, сына Гусейна, сына Алия, сына Абиталиба, да просветит аллах его лицо и благословит великий аллах его и их и нас всех.

От той же холеры тогда померли из его детей обладатель правоверного пути, воскрешающий путь пророка, путеводитель ислама, отец завоеваний (прозвища — М. С.), обладательница скромности и спасения Къатч, Зат-ад-дурр Хабибат, Ум-Хасанат. Они были погребены тут же; также из его сыновей ученый Абдулкадир, Абдурахман, Умуганий, Нафисат. Из его потомства со стороны сына Абдурахмана померли сыновья Ибрагим, Шейхали, Абдулатиф, Абдурахман, Магомед, Алеш, Нурудин, его два сына Гусейн и Магомед с прозвищем Мудун Мамма, его сын Ахмед, его сын муэдзин Махмуд, его два сына Магомед и Абдулатиф; их потомство прекратилось смертью этих двух и не сохранилось никакого рода Абдурахмана хана с 1249 (1834 г. н. э.). Все они похоронены на этом кладбище.

Эти даты написаны согласно записям, имеющимся в книгах, при реставрации надмогильного камня в 1317 г.» (1900 г. н. э.).

Затем мы осмотрели соборную мечеть. Стены ее, колонны и своды массивны, сделаны они из тесаного местного камня.

Внутри мечети в западной ее части на стене имеются надписи на арабском языке, так называемые паспортные данные. Эти надписи сделаны в 1906 году хорошим каллиграфом Абдулхаликом Кажлаевым, родом из Кумуха. Он излагает историю мечети, отмечает, когда и кем она была построена, когда была реставрирована, затем вновь построена и т. д. По Кажлаеву выходит, что первоначально эта мечеть была построена в VIII веке Абумуслимом. К сожалению, Кажлаев не приводит никаких доказательств в пользу этой версии. Поэтому придется верить ему на слово.

Надписи гласят:

في سنة ١٦٢ مسجد اسس بناؤه على تقوى من الله تعالى
بيد ولي الله ابي المسلم رحمه الله تعالى و في سنة ٨٢٥
جعل فيه بعض الاصلاحات وفي سنة ١٢٠٣ جده الامير محمدخان
وكان من قبل على هيئتها الدرج التي اقام الباب الشرقي فيه
و في سنة ١٣٢٣ جدته الجماعة باجتهاد عمر الله بالطاعة.
كاتبه عبد الخالق فجلايوف

Перевод: «В 162 г. (778 г. н. э.) по велению богоугодного Абумуслима, да помилует его великий аллах, была основана мечеть, заложенная ради господина. В 725 году (1422 г. н. э.) был произведен некоторый ремонт и в 1203 году (1789 г. н. э.) ее возобновил правитель Магомедхан. Раньше была ниша там, где сейчас стоят восточные ворота, и в 1323 (1906 г. н. э.) ее возобновили по инициативе джамаата, да продлит аллах жизнь джамаата в покорности. Писал настоящее Абдулхалик Кажлаев».

В другом месте стены имеется надпись следующего содержания:

قد بنى هذا المسجد سليمان محمد و عمر في سنة ثلاث وخمسين
بعد الف و مائة من هجرة...

Перевод: «Действительно настоящая мечеть построена Сулейманом, Магомедом и Омаром в 1151 году хиджры» (1740 г. н. э.).

Самым ранним из осмотренных нами письменных памятников является надгробный камень с надписью на арабском языке, сохранившийся на старом кладбище аула Сумбатль на месте, где сейчас размещена животноводческая ферма колхоза. Высота камня 1 м, ширина 1 м, толщина 10 см. Надписи с трудом читаются, но дата четкая. Письмо куфическое. Камень подвергся разрушению, с левой стороны трещина проходит вдоль плиты.

Надпись гласит: هذا القبر مسلم ابن سلمن كل من عليها فان
و يبقى وجه ربك ذو الجلال والاکرام سنة خمس و ثمانمائة و عشرين.

Перевод: «Эта могила Муслима сына Сальмана. Все, что на ней (земле — М. С.) существует подвержено тлению, остается только мощь твоего бога, обладателя величия и власти». Год 825 (1422 г. н. э.).

На этом же заброшенном кладбище имеется еще одна надгробная плита с куфическими письмецами (переходного периода), но без даты:

هذا القبر فطية

هذا القبر فطية

بنت...

بنت...

نور الله قبرها و

نور الله قبرها و

سع الله لحدها

سع الله لحدها

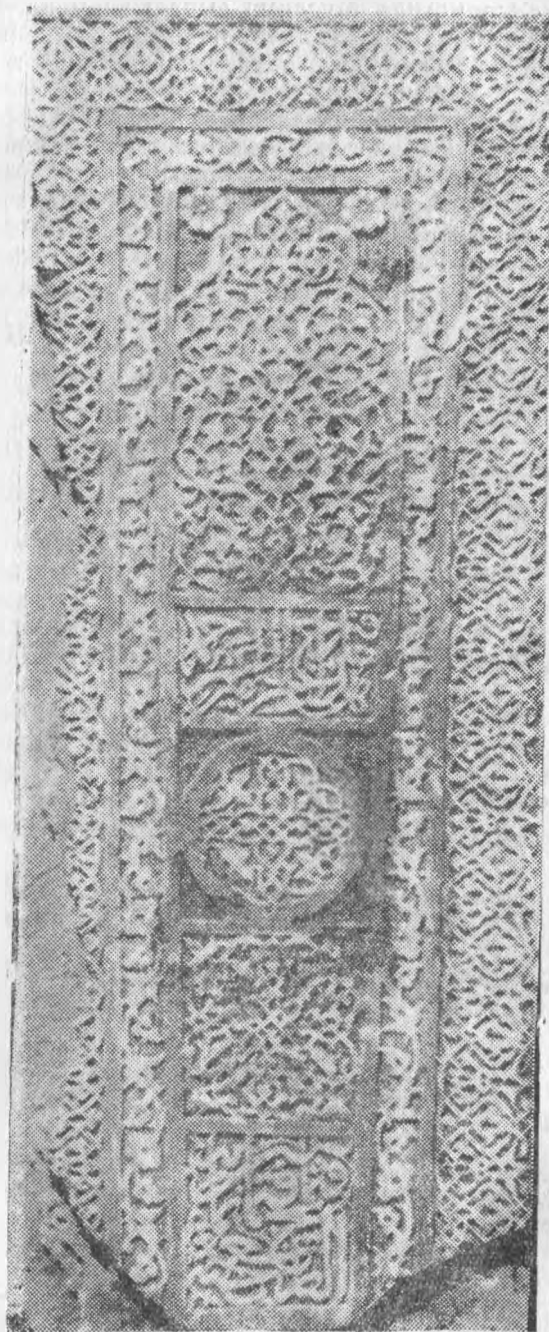
واربع عدا

واربع عدا

هاكل من عليها
فان و سفا و
حدرك دو الحلا
ل والاكرام

هاكل من عليها

فان و سفا و
حدرك دو الحلا
ل والاكرام

Перевод: «Это могила дочери Патимат... да просветит аллах ее гроб, расширит ее могилу, истребит ее врагов. Все, что на ней (земле — М. С.) существует, подвержено тлению; остается только мощь твоего бога, обладателя величия и мощи».

В ауле Хури (Хьури) на кладбище также имеются надмогильные камни и плиты с арабскими надписями. Самая ранняя из них датирована 867 г. (1422 г. н. э.):

هذا قبر محمد ابن بدي التاريخ سبع و ستين و ثمانائة

Перевод: «Это могила Магомеда сына Буддая. 867».

В Кумухе на кладбище Табахлу имеется надмогильный камень с надписью на арабском языке:

هذا قبر حاج الحرمين عمر احمد
التاريخ سنة تسع و ثمانائة و ثمانين

Перевод: «Это могила Гаджия Омара Ахмеда». Дата 889 г. (1484 г. н. э.).

Камень богато орнаментирован (см. стр. 126).

На ханском кладбище, где похоронены кумухские шамхалы, есть надгробная плита с надписью:

الموت حق والحياة باطل هذا القبر ... غفر الله لهما
تاريخ سنة تسعة و تسعمائة

Перевод: «Смерть — действительна, жизнь — недействительна. Эта могила... да помилует ее аллах». Дата 909 г. (1573 г. н. э. ц.).

В Кумухе на кладбище Чилайнал хАтталу имеется надгробный камень с надписью:

هذا قبر ميرزا ابن يعقوب كان و فاته في سنة ستين و تسعمائة

Перевод: «Это могила Мирзы сына Якуба. Скончался 960 г.» (1550 г. н. э.).

По краям камня имеются надписи религиозного содержания.

На том же кладбище имеется надмогильный камень с надписью:

... سقيم صراط الدين
اعمت عليهم غير المغضوب
عليهم ولا الضالين...

هذا قبر فاطمة بنت عائشة
غفر الله لها وجميع المسلمين

التاريخ سنة سبع وستون و تسعمائة

... الرحمن الرحيم
الرحمن الرحيم
الرحمن الرحيم

Перевод: «Это могила Патимат дочери Айшат, да помилует ее аллах и всех мусульман». Дата 967 г.» (1557 г. н. э.).

На ханском кладбище в Кумухе имеется могила Сурхая сына Умил (Пумил) Магомеда. Надпись на камне гласит:

هذا قبر سرخى بن عمل محمد
التاريخ سنة اربع وسبعين و تسعمائة

Перевод: «Это могила Сурхая сына Умил Магомеда». Дата 974 г.» (1567 г. н. э.).

На этом же кладбище находится могила Бугдая шамхала. Надпись на камне гласит:

القبر باب وكل الناس داخله
هذا قبر بجدى شمخال بن عمل محمد غفرلهما...
المقتول فى معركة الكفار... الشجاع

Перевод: «Смерть — ворота, и все люди входят туда. Это могила Бугдая шамхала сына Умил Магомеда, да помилует их обоих (аллах — М. С.). Убит в боях с кяфирами... храбрый».

Нижняя часть камня повреждена.

Здесь же имеется могила с надписью на камне:

هذا قبر مسدينت شمخال التاريخ سنة ثمان و تسعمائة
عجلوا بالتوبة قبل الممات

Перевод: «Это могила Мисиду дочери шамхала». Дата 908 г. (1572 г. н. э.). До смерти торопитесь с проповедью».

На ханском кладбище есть могила Сурхая со следующей надписью на камне:

هذا قبر سرخى بن حاجى مم غفرلهما
التاريخ اثنى و ستين و تسعمائة
عجلوا بالصلوة قبل الفواة و (ال) توبة قبل الممات

Перевод: «Это могила Сурхая сына Хаджи Мамма, да помилует их обоих (аллах — М. С.)». Дата 962 г. (1552 г. н. э.). Торопитесь с молитвой, пока не поздно, и проповедью до смерти».

На кладбище Чилайнал хатталу в Кумухе есть камень с надписью:

هذا قبر حسن ابن اسبى غفراللهما
التاريخ سنة ثمان و تسعمائة وسبعين

Перевод: «Это могила Гасана сына Исбай, да помилует их обоих аллах. Дата 978 г.» (1563 г. н. э.).

В селении Хосрек в стене бывшей мечети имеются два камня с куфической надписью:

Перевод: «Во имя аллаха милостивого, милосердного. Это могила Ахмеда... Изделие Суфьяна сына Гасана... Мощь и сила принадлежит единому всеильному аллаху».

بِسْمِ

الله الرحمن

الرَّحِيمِ هَذَا

قَبْرُ أَحْمَدَ

كُصْرُ

حَمَلُ

سَفِيَانُ

بَنِ حَسَنِ

مَاعَمَلُ

الْمَلِكِ

اللَّهُ الْو

أَحَدًا

لِقُو

أَب

129

В Кумухе есть источник Луртуциял зиул с водопроводом, крытый камнями. На переднем плане написано:

كان بنى هذا اولافى سنة ١٥٥
ثم جدد فى سنة ١٢٧٧ والان
جدد فى سنة ١٣٢٥ من نقد
الجماعة

هل الدنيا وما فيها جميعا
سوى ظل يزول مع النهار
صانعه عمر بن بد المحي
جدد هذا الينبوع
١٢٧٧

تذكر ايها الانسان هادم اللذات
و موت الاتراب ودفن الاموات

Перевод: «Разве мир и все, что в нем существует, не является чем-либо иным, кроме как тенью, которая проходит с окончанием дня. Строитель сего Омар сын Буда из Мегеба. Источник заново построен в 1277 г. (1860 г. н. э.). Первоначально он был построен в 155 г. (771 г. н. э.), затем возобновлен в 1277 г. (1860 г.) и теперь он возобновлен в 1325 г. (1908 г. н. э.) на средства джамаата. Вспомни, эй человек, разрушитель благ, смерть ровесников, похороны покойников».

В Кумухе в квартале Цувади (Цувади) в местности Чилайми есть надмогильный камень серого цвета с надписью

فى سنة ٣١١
هذا حجر المندل ابن
مات شهيدا
عبدالله

Перевод: «Это камень Аль-Мандала сына Абдуллы, умер мучеником в 311 (925 г. н. э.)».

По рассказу местного старожила Абдуева подлинный камень с куфическим письмом, как сообщил ему его дед, действительно существовал. Но, к сожалению, проверить это невозможно.

Последнее, что привлекло наше внимание, — это надпись на большой каменной плите, которая сохранилась в стене куллы (бассейна) у пруда. Второй экземпляр такой же плиты и с точно такой же надписью был обнаружен в помещении Кумухского сельсовета.

Вот эта надпись:

بنى هذا المسجد سرخى بن كرى فاتح الشماخى و الشروان
فى سنة ١١٣٩ و تحرك فى تلك السنين آل عثمان و الروس
واخرج حجره من درفكن (Дярукъухьин)

Перевод: «Настоящая мечеть сооружена Сурхаем сыном Герая, завоевателем Шемахи и Ширвана в 1139 г. (1726 г.

н. э.). В эти годы появились османцы и русские. Камень для стройки мечети был добыт из Дяркъухьин» (дяркъу по-лакски холодно, хьин по-аварски вода, вместе — холодная вода — М. С.).

ВЫВОДЫ

Ознакомление с памятниками лакских районов приводит к следующим выводам:

1. Самый ранний датированный памятник в лакских районах относится к XV веку н. э.

2. Куфические надписи обнаружены в очень ограниченном количестве. Все они без даты, поэтому доказательством раннего проникновения сюда ислама они служить не могут.

3. По сообщению арабских авторов (Ибн Руста), еще в X веке н. э. население Кумуха исповедывало иудейство, христианство и ислам, следовательно ислам еще не был там господствующей религией (см. СМОМПК, вып. 32, стр. 47).

4. Лакцы приняли ислам не раньше X века. Письменных памятников ислама раньше XV века в лакских районах пока не обнаружено.

5. В последнее время (1956 г.) мы ознакомились с материалами и статьей проф. Минорского, опубликованных в *Journal Asiatique*, том ССXXXVII, I, 1949 о принятии жителями Гумика и других горских населенных пунктов мусульманства в 505 г. х. = 1111 г. н. э., что подтверждает наше предположение.

АРХЕОЛОГИЯ

ЧОХСКАЯ СТОЯНКА — ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ

(Предварительное сообщение)

До недавнего времени в Дагестане не было известно памятников каменного века. Это обстоятельство давало повод некоторым исследователям считать, что заселение его территории произошло сравнительно поздно, уже в те времена, когда люди овладели искусством обработки металлов.

Новые данные, полученные за последние годы в результате археологического изучения Дагестана, показывают полную несостоятельность этой точки зрения.

В настоящее время в разных районах Дагестана выявлены памятники различных эпох каменного века: палеолита, мезолита и неолита. Среди этих памятников, число которых в настоящее время приближается к десяти, раскопки производились лишь на Чохской стоянке, обнаруженной автором в 1954 г.

Стоянка расположена примерно в 2-х км к северу от сел. Чох, Гунибского района, в небольшой горной долине, на высоте около 1800 м над уровнем моря. Долина протянулась в направлении с запада на восток на расстояние 8—10 км. С севера и юга она ограничена невысокими горными кряжами, представляющими собой выходы известняков, из которых сложен весь этот район. По долине течет небольшой, стремительный горный поток, впадающий около сел. Гуниб в реку Кара-Койсу.

Узкое каньонообразное русло потока глубоко врежется в известняки. Стенки русла почти на всем его протяжении очень круты и обрывисты. Лишь в отдельных местах, где поток делает изгибы, оно расширяется, а края становятся положе.

Занятое стоянкой место находится в одном из расширений русла, на правом берегу потока Маарда-тлар, возвышающем-

ся над уровнем на 15—20 метров (рис. 1). Стоянка расположена у подножья высокой (около 15 м) обрывистой известняковой скалы, обращенной своим зеркалом к югу.

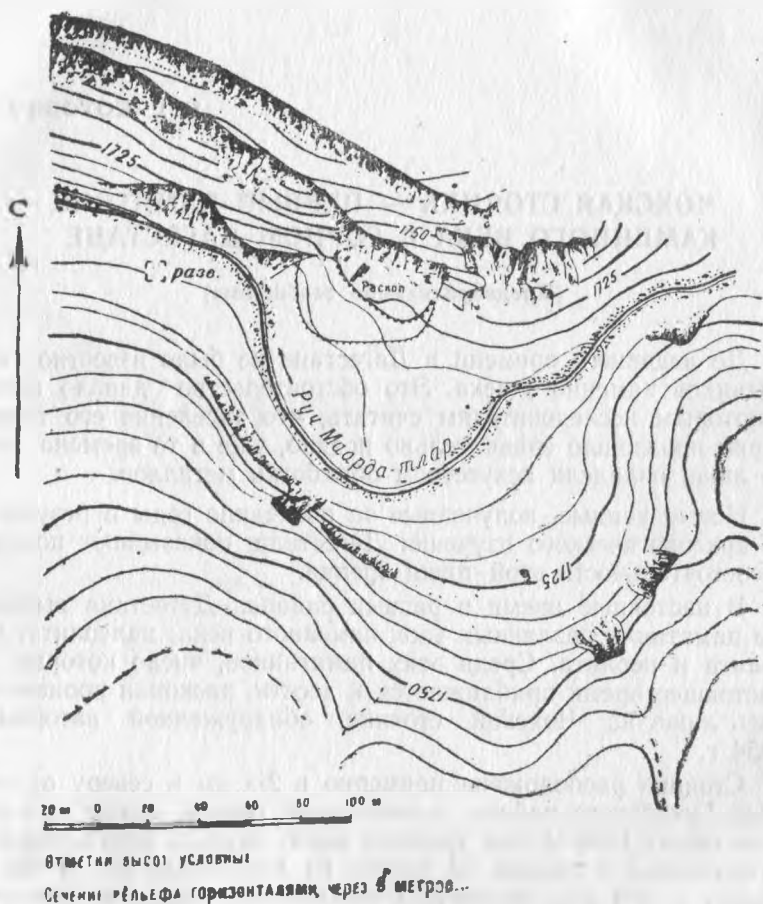

Рис. 1

Долина, где расположена стоянка, богата субальпийской растительностью, что в сочетании с превосходной питьевой водой делает её прекрасным пастбищным угодьем, бесспорно привлекавшим в древности стада диких животных.

Такое расположение стоянки нельзя не признать удачным, так как здесь использованы все преимущества окружающего рельефа. В самом деле, благодаря такому расположению, она была надежно защищена от преобладающих в Гупибском районе холодных северных ветров, постоянно обогре-

ваема солнечными лучами, достаточно хорошо замаскирована и трудно доступна. В почти аналогичных условиях расположена другая мезолитическая стоянка, обнаруженная в 1956 г. близ с. Ругуджа, Гунибского района.

Расположение дагестанских мезолитических стоянок, прослеженное теперь уже на двух примерах, отличается некоторыми устойчивыми чертами, которые никак нельзя считать случайными.

Для стоянок обычно выбирались естественно защищенные от ветров укромные места, хорошо обогреваемые солнцем, достаточно замаскированные и труднодоступные, располагавшиеся в долинах горных речек, поблизости от охотничьих угодий.

В аналогичных условиях располагалась Бармаксызская стоянка близ Триалети (Грузия), исследованная Б. А. Куфтиным¹.

Отмеченные особенности в выборе места для стоянок характерны также для целого ряда позднепалеолитических стоянок юго-востока Европейской части нашей страны. Такое расположение стоянок принято увязывать со спецификой охотничьего быта населения этой эпохи².

В 1954—1956 гг. на Чохской стоянке разведочными раскопами была вскрыта площадь около 35 кв. м.³ Полученные материалы позволяют дать предварительную характеристику памятника и представленной в нем культуры.

Занятый стоянкой участок имеет довольно крутой наклон по направлению с СВ к ЮЗ, от скалы к потоку. Его верхняя часть, расположенная у основания скалы, в настоящее время используется под посевы. С этой целью здесь сделана небольшая терраса, при сооружении которой в некоторых местах был разрушен культурный слой стоянки.

Терраса огорожена невысокой оградой, сложенной насухо из крупных обломков известняка. Другая аналогичная ограда опоясывает её несколько ниже по склону. Границы стоянки в настоящее время еще не определены. Можно предположить, что занятый ею участок в основном совпадает с площадью террасы или несколько больше её. Следует отметить,

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 122, табл. СХХVI

² П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА № 40, М-Л, 1953, стр. 141; С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. СА, I, М-Л, 1936, стр. 195, 199, рис. 2.

³ В 1954—1956 гг. раскопки Чохской стоянки производил горный отряд Дагестанской археологической экспедиции. Отряд работал в следующем составе: В. Г. Котович — нач. отряда, М. И. Исаков — зав. отделом Даг. музея, А. Османов, Б. Абдулмагомедов, М. Гаджиев, М. Агларов и И. Абакаров — студенты Даг. пединститута. В 1955 г. в раскопках стоянки принимал участие действительный член АН Укр ССР П. П. Ефименко.

что раскопочные работы проводились преимущественно в северо-западной части террасы, где культурный слой ближе всего подходит к современной поверхности.

На непотревоженных участках стоянки установлена ниже-следующая стратиграфия слоев. Верхний слой представляет собой мягкий гумусированный суглинок комковатой структуры, мощностью 0,2—0,5 м. Его подстилает слой темноцветного рыхлого суглинка, обильно насыщенного угловатой известняковой щебенкой и обломками известняка. Мощность этого слоя, возрастающая по направлению от скалы к реке, варьирует в пределах 0,15—1,4 м. Ниже него идет слой плотного суглинка, имеющего светло-желтую окраску во влажном состоянии и несколько сереющего по мере высыхания. В этом слое залегают культурные остатки. Его характерной особенностью является крайне незначительное содержание известняковой щебенки. Мощность слоя 0,8—1,2 м. Ниже него залегает слой, совершенно аналогичного по своему характеру суглинка, не содержащего однако культурных остатков и обильно насыщенного известняковой щебенкой и обломками известняка. Он прослежен на глубину 1 м.

Все слои, следуя естественному уклону местности на этом участке, залегают наклонно, в направлении от скалы к реке.

Культурным слоем стоянки является третий сверху слой плотного светло-желтого суглинка, содержащий остатки кострищ, кремневые поделки, кости животных, древесные угольки, золу, охру и т. п. Керамика в культурном слое совершенно отсутствует.

В местах соприкосновения с кострищем суглинок приобретает более темный оттенок. Местами он имеет характерный красноватый цвет, образовавшийся от распустившихся комочков охры.

Никаких следов, которые могли бы указывать на то, что в древности культурный слой был потревожен, обнаружить не удалось. Наоборот, все признаки свидетельствуют о его хорошей сохранности. В числе их следует отметить хорошую сохранность кострищ, паличие мелких древесных угольков, комочков охры и очень мелких чешуек кремня.

Лишь в одном месте, очевидно, значительно позже, культурный слой был срезан в процессе земляных работ при сооружении упомянутой террасы. Культурные остатки (преимущественно — кремль) встречаются около этого места в верхнем гумусированном слое. Кроме того, здесь найдены обломки керамики как современной, так и архаической, близко напоминающей керамику располагающегося неподалеку могильника эпохи бронзы (конец II тыс. до н. э.). Это позволяет предположить, что сооружение террасы относится, возможно, к эпохе бронзы.

Возвращаясь к описанию культурного слоя, следует подчеркнуть, что его характерной особенностью является наличие большого количества остатков кострищ. Несмотря на сравнительно небольшие размеры раскопанного участка, здесь обнаружено 17 различных по величине и мощности кострищ. Все они располагались в непосредственной близости от скалы (не далее 3—4 м от нее), где наклон культурного слоя сравнительно невелик. Кострища располагались на различной глубине и нередко перекрывали друг друга.

Такое их расположение, очевидно, отмечает различные горизонты обитания стоянки. К сожалению, в плотном, однородном суглинке, равномерно насыщенном культурными остатками, пока не удалось их точно фиксировать. В известной степени это зависело и от незначительных размеров раскапываемых участков. Однако имеющиеся наблюдения позволяют утверждать, что таких горизонтов было несколько (не менее трех). В свою очередь это позволяет считать Чохскую стоянку многослойным памятником.

В настоящее время, до уточнения стратиграфического распределения культурных остатков по определенным горизонтам, что станет возможным после проведения новых раскопок, представляется возможным разделить культурный слой стоянки на два условных горизонта. Такое разделение оправдано теми изменениями кремневого инвентаря, которые весьма отчетливо прослеживаются при его рассмотрении по слоям. Из семи слоев, на которые в процессе раскопок была расчленена однородная толща культурного слоя, три верхних объединены в верхний условный горизонт, а четыре следующих — в нижний, более древний.

В ходе дальнейшего изложения материалы обоих горизонтов рассматриваются совместно; однако, при этом отмечаются как сближающие, так и разделяющие их особенности.

Для культурного слоя стоянки в целом характерны некоторые другие особенности, на которых следует остановиться особо.

Определенную закономерность можно наблюдать в распространении охры в культурном слое. На участке, прилегающем к скале, она встречается в сравнительно большом количестве в виде распустившихся пятен и отдельных комочков и крупинок темнобордового и, реже, желтоватого цвета. На расстоянии 7—10 м от скалы охра встречается реже, а еще дальше — она исчезает совсем. Не исключена возможность, что окрашенные охрой участки культурного слоя являются частями каких-то жилых комплексов.

Своеобразием Чохской стоянки следует считать исключительную насыщенность ее культурного слоя различными кремневыми поделками. Достаточно указать, что на раскопан-

ном сравнительно небольшом участке найдено более 30 тысяч разнообразных кремней, представляющих почти все стадии его обработки.

Наряду с законченными орудиями и их обломками здесь найдены нуклеусы, отбойники, ретушеры, различные отщепы, пластины и их сечения, обломки, осколки и чешуйки кремня. Процент законченных орудий в общем количестве кремня невелик. Все это позволяет утверждать, что стоянка является одновременно и кремневой мастерской.

Для изготовления орудий использовался кремень трех сортов. Большинство орудий изготовлено из мутносерого, полупрозрачного кремня, отличающегося хорошим качеством. Выходы этого сорта кремня отсутствуют в окрестностях стоянки. Ближайшие месторождения такого кремня известны в окрестностях с. Цудахар и с. Куппа (Цудахарский район), на расстоянии 15—20 км по прямой от стоянки. Там он, по-видимому, и добывался.

Часть орудий изготовлена из чёрного кремня, несколько более худшего качества, часто встречающегося в виде гальки в окрестностях стоянки. Реже употреблялся желтовато-серый метаморфический кремень, по-видимому, окремненный известняк, часто встречаемый в окрестностях стоянки в виде плитчатостей и желваков.

Первичная обработка кремня производилась на стоянке. Об этом свидетельствуют находки большого количества краевых отщепов, сохраняющих покрывавшую желвак корку. Из упоминавшихся выше сортов кремня, особенно цепился наиболее качественный привозной кремень. На раскопанных участках не найдено ни одного нуклеуса или крупного куска этого кремня, хотя встречаются и краевые отщепы и сколотые ударные площадки нуклеусов, указывающие на то, что обработка его производилась здесь же, на стоянке.

Нуклеусы из обоих горизонтов ничем существенным не различаются между собой. Наиболее часто встречается тип нуклеуса, по форме отдаленно напоминающий пирамиду. Сколы производились с одной стороны. Скалывались короткие отщепы и пластины с непараллельным ограничением. С противоположной стороны нуклеуса несколькими сколами специально оформлялся выступ, по-видимому, предназначенный для удобства удерживания его в руках. Высота их варьирует в пределах 24—45 мм.

Подобные нуклеусы известны в верхнепалеолитических комплексах Ахштырской пещеры¹.

¹ С. Н. Замятин. Изучение палеолитического периода на Кавказе в 1936—1948 гг. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, М.-Л., 1950, стр. 134, рис. 15, 15.

Реже встречаются нуклеусы, приближающиеся по форме к пирамидальным. Сколы производились также с одной стороны; скалывались микропластины с непараллельным ограничением. Единичными экземплярами представлены нуклеусы кубовидной и дисковидной формы, встреченные в обоих горизонтах. С кубовидных нуклеусов скалывались короткие отщепы и пластины. Дисковидные нуклеусы обычно двусторонние. Скалывание производилось в одном или в двух противоположных направлениях с каждой стороны, но не радиально. Скалывались удлиненные суживающиеся пластины.

Наряду с описанными довольно архаичными типами встречаются нуклеусы правильной пирамидальной и, реже, призматической формы, предназначенные для скалывания правильных микропластин с параллельным ограничением. Как правило, скалывание с них производилось со всех сторон. В нижнем горизонте они встречаются в единичных экземплярах, в верхнем — число их возрастает.

Подавляющее большинство сработанных нуклеусов использовалось впоследствии в качестве орудий труда. С этой целью они подвергались дополнительной подправке. Особенно часто из них изготовлялись орудия с зубчатым краем. (рис. 3, 1), употреблявшиеся, по-видимому, в качестве скобелей. Рабочий край орудия оформлен в виде более или менее четко выраженных зубцов. Такого рода орудия изготовлялись также из нуклеовидных кусков кремня и массивных отщепов (рис. 3, 2). Они характерны для обоих горизонтов стоянки.

Рубящие орудия, чрезвычайно близкие орудиям типа *piece ecaillé* из верхнепалеолитических стоянок Восточной Европы, встречаются по всей глубине культурного слоя стоянки. Они изготовлялись либо из массивных отщепов (рис. 2, 1), либо из нуклеовидных кусков (рис. 2, 3). Путем тщательного двустороннего подтесывания им придавалась округлая или овальная форма. В некоторых случаях рабочий край дополнительно подправлен крупной плоской ретушью. Подобные орудия, насколько нам известно, до сих пор не были встречены в палеолитических и мезолитических комплексах Кавказа.

Этой же техникой выполнены орудия типа стамесок, найденные в обоих горизонтах стоянки. Они изготовлялись как на коротких, сравнительно небольших и тонких отщепах (рис. 2, 2), так и на удлиненных пластинах. Подтесывание обычно производилось со стороны брюшка. Орудия типа стамесок являются характерной принадлежностью инвентаря

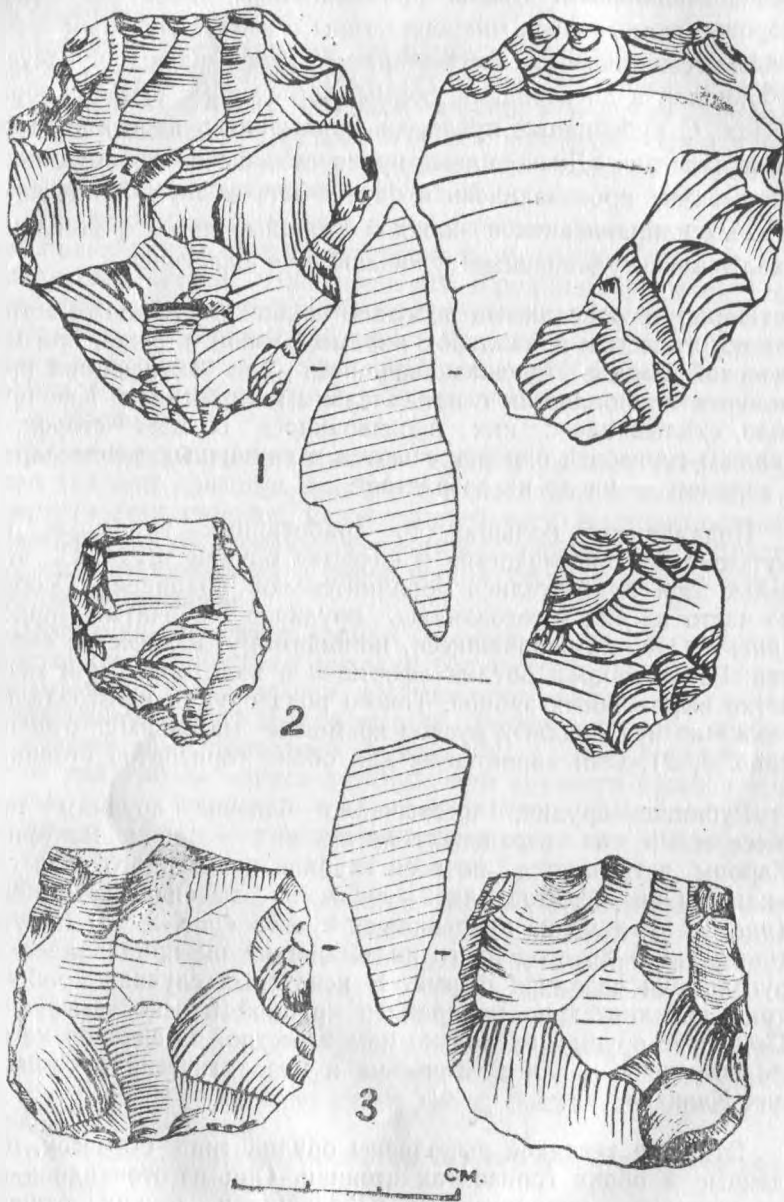

Рис. 2

позднепалеолитических комплексов Закавказья¹ и Северного Кавказа².

Преобладающее большинство орудий Чохской стоянки изготовлено из удлинённых ножевидных пластин и их сечений. В верхнем горизонте ножевидные пластины встречаются в сравнительно небольшом количестве. Ширина найденных здесь пластин варьирует в пределах 10—14 и 15—20 мм (рис. 4, 5), причем крупные экземпляры встречаются весьма редко. В нижнем горизонте, и в этом заключается одно из характерных отличий его от верхнего, удлинённые ножевидные пластины встречаются в значительно большем количестве. Часто встречаются крупные пластины (рис. 4, 6, 7), в том числе и такие, ширина которых превышает 20 мм (у отдельных экземпляров она достигает 34 мм).

Ножевидные пластины из обоих горизонтов в большинстве своем имеют неправильную форму, непараллельное ограничение спинки, суживающийся конец. В продольном сечении слегка изогнуты.

Ножевидные пластины служили двоякой цели. С одной стороны, они использовались в качестве заготовок для изготовления различных орудий: скребков, резцов, острий, микролитов и др.; с другой стороны, употреблялись в качестве специальных орудий, предназначенных, по-видимому, для резания. Большинство их не имеет вторичной обработки. На длинных гранях заметны следы сработанности в виде залощенности и зацербинки. Отдельные экземпляры имеют подправку, заостривающей ретушью, которая наносилась обычно небольшими участками. Нередко встречаются пластины, у которых на длинных гранях тщательной ретушью образованы одна—две неглубокие выемки (рис. 4, 7).

Резцы из обоих горизонтов стоянки не имеют устойчивых серий. Среди них преобладают простые угловые однофасеточные резцы (рис. 3, 7, 11). Нередко встречаются угловые резцы с двумя и более сколами (рис. 3, 8). Угловые резцы в большинстве своём изготовлены на массивных отщепках, пластинах и их сечениях, реже, — на более миниатюрных пластинах. Весьма своеобразными представляются резцы на углу ударной площадки пластины, нередко находимые в обоих горизонтах стоянки. Обычны находки резцов на углу сломанной пластинки (рис. 3, 9, 10) и срединных резцов. Последние изготовлялись либо из массивных пластин и их сечений (рис. 3, 6), либо из сработанных нуклеусов или нуклеидных кусков (рис. 3, 5). Несколько экземпляров боковых резцов с

¹ М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Л. 1950, стр. 93, 96, рис. 27, 12, 18.

² С. Н. Замятин. Изучение палеолитического периода на Кавказе, стр. 134, рис. 4, 10, 13, 14.

подретушированным концом найдено в нижнем горизонте стоянки (рис. 3, 3, 4). Отдельными экземплярами представлены и полиэдрические резцы, изготовлявшиеся как из пластин, так и из нуклевидных кусков. В целом коллекция резцов Чохской стоянки находит себе параллели среди аналогичных орудий из верхнепалеолитических памятников Кавказа и Закавказья.

Наряду с описанными типами резцов на стоянке встречаются микрорезцы весьма своеобразного облика (рис. 4, 12, 13). Они изготовлены на небольших отщепах. На рабочем конце микрорезца имеется обычно небольшое углубление, сделанное крутой затупливающей ретушью, нанесенной со стороны спинки. Со стороны брюшка рабочий конец оформлен плоским широким резцовым сколом, направленным под углом к продольной оси отщепа. Этот тип микрорезца принято считать довольно поздним, характерным, главным образом, для тарденуазской эпохи. Однако орудия этого типа существовали и раньше. Так, например, в многослойном сирийском гроте Шутцаг-III, они встречаются в слоях, относящихся к позднепалеолитическому и раннемезолитическому времени¹. Микрорезцы описанного типа более характерны для нижнего горизонта стоянки. В верхнем горизонте они представлены единичными экземплярами.

Скребки наряду с резцами являются одним из наиболее распространенных типов орудий. Среди них в обоих горизонтах преобладают небольшие скребки округлой и овальной формы, изготовленные на коротких широких отщепах или на сечениях широких пластин (рис. 4, 2, 3). У скребков этого типа рабочий край имеет дугообразную форму. Он тщательно обработан крутой ретушью, нередко заходящей на боковые грани орудия. Встречаются скребки с суживающимся рабочим краем. В нижнем горизонте нередки концевые скребки на удлиненных пластинках (рис. 4, 1), которые в верхнем горизонте встречаются в единичных экземплярах. Дугообразный рабочий край обработан крутой ретушью. Среди скребков этого типа особый интерес представляют несколько экземпляров, сработанных до такой степени, что рабочий край не имеет острой режущей грани и заполирован до блеска. По-видимому, они предназначены для каких-то особых трудовых операций, отличных от тех, для которых употреблялась основная масса скребков. Возможно, что они служили заглаживателями швов на меховой одежде.

В нижнем горизонте стоянки встречены единичные экземпляры скребков высокой формы и двусторонних скребков

¹ Alfred Rust. Die Höhlenfunde von Jabrud. Neumünster. 1950. т. 101, 63—66, т. 102, 21, т. 103, 34, 35, т. 104, 30, 31.

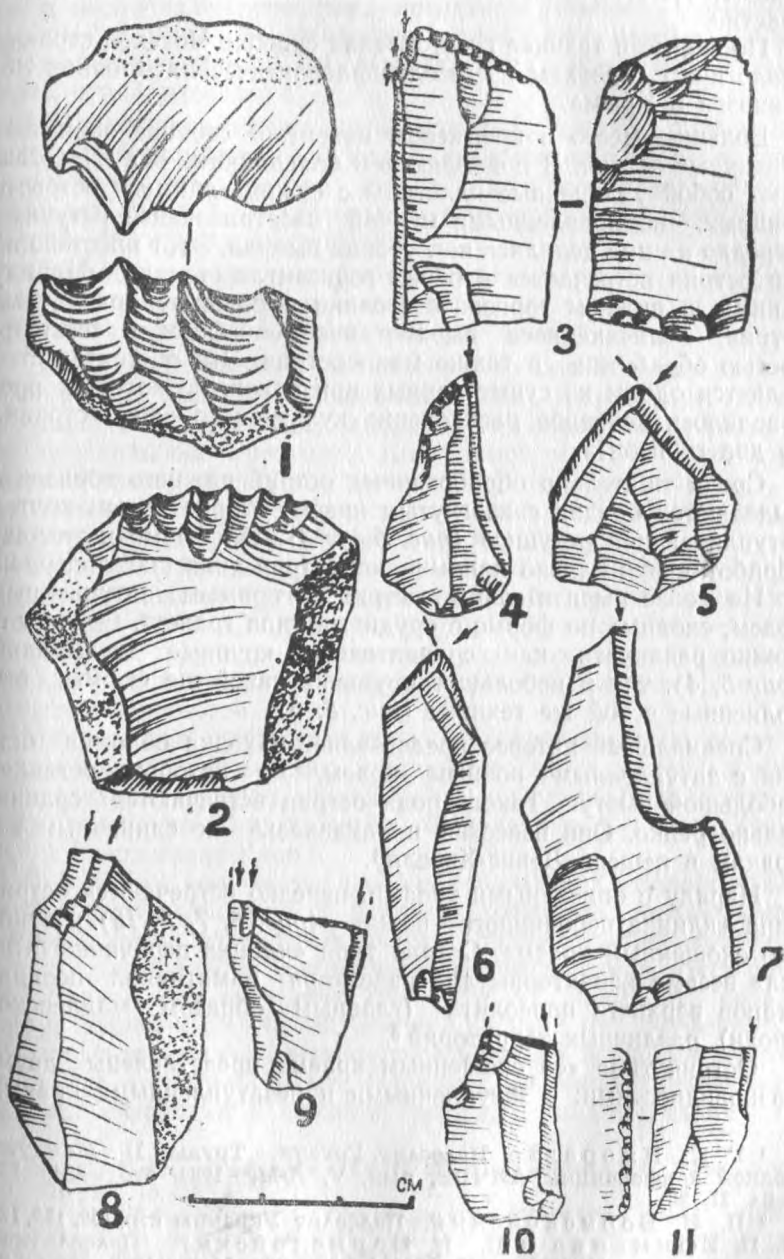

Рис. 3

(рис. 4, 4). Последние изготовлялись из сечений крупных пластин.

По форме и технике изготовления скребки Чохской стоянки аналогичны скребкам из позднепалеолитических стоянок Закавказья и Крыма.

Большое место в кремневом инвентаре стоянки занимают различные острия. В подавляющем большинстве они представляют собой удлиненные пластины с суживающимися острыми концами, подправленными мелкой заостривающей ретушью. Нередко на них делались неглубокие выемки. Этот простейший тип острия встречается в обоих горизонтах стоянки. Наряду с ними, в нижнем горизонте стоянки встречаются различные острия, отличающиеся выработанностью форм и тщательностью обработки, а также микроострия. Это обстоятельство является одним из существенных признаков, по которым производилось условное расчленение культурного слоя стоянки на два горизонта.

Среди тщательно обработанных острий нижнего горизонта выделяются орудия с изогнутым краем, обработанным крутой затупливающей ретушью (рис. 5, 1, 3). По форме и технике обработки они близко напоминают острия типа шательперрон.

Не менее выразительны острия с прямым затупленным краем, сходные по форме с орудиями типа граветт. Среди них можно различать как сравнительно крупные экземпляры (рис. 5, 4), так и небольшие орудья такой же формы, выполненные в той же технике (рис. 5, 5).

Специальный интерес представляет находка обломка острия с затупленным ровным краем, на котором оставлен небольшой выступ. Такого рода острия встречаются сравнительно редко. Они известны в Закавказье по единичным находкам в пещере Девис-Хврели¹.

Наряду с описанными типами, нередко встречаются острия типа «клинка перочинного ножа» (рис. 5, 7, 8, 12) и типа «со скошенным краем». Острия типа «клинка перочинного ножа» весьма характерны для инвентаря памятников поздних этапов верхнего палеолита (главным образом мадленской эпохи) различных территорий².

Острия типа «со скошенным краем» представлены двумя разновидностями: с затупленными и незатупленными краями.

¹ Г. К. Ниорадзе. Палеолит Грузии. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, Л-М, 1934, стр. 224, 225, табл. II, 25.

² П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 108, 122, 128. П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Борщево II. МИА № 39. М-Л, 1953, стр. 91; П. И. Борисковский. Палеолитические местонахождения в Туркмении. КС ИИМК, XVIII, стр. 7.

Острия с затупленным и скошенным краем (рис. 5, 9) известны в позднепалеолитическом инвентаре стоянок Восточной Европы¹. Острия со скошенным краем без притупливания длинной грани (рис. 5, 10, 11) считаются характерными для палеолита Закавказья².

Не исключена возможность, что часть орудий описанных типов употреблялась не только в качестве острий, но и как режущие орудия. Все они имеют одну достаточно острую грань, на которой у отдельных экземпляров имеются даже участки приострающей ретуши.

Несомненный интерес представляют микроострия, находящиеся только в нижних горизонтах стоянки. Большая часть их изготовлялась на сечениях пластин (рис. 5, 13, 14).

Для этого использовались сечения, по форме отдаленно напоминающие вытянутый равнобедренный треугольник. Рассеченная грань и, иногда, основание его обрабатывались крутой затупливающей ретушью. Получаемое таким образом орудие снабжено вытянутым чрезвычайно острым жальцем. В некоторых случаях острие подправлялось с необработанной стороны миниатюрным резцовым сколом.

Некоторые микроострия изготовлялись на микропластинах путем скашивания крутой затупливающей ретушью одного края (рис. 5, 15). Они как бы повторяют в миниатюре вышеописанные крупные острия типа «со скошенным краем». Жальце у микроострий этого типа также отличается вытянутостью и остротой.

Микроострия описанных типов, неизвестные в палеолитических или мезолитических местонахождениях нашей страны за пределами Кавказа, чрезвычайно характерны для кавказского палеолита. Они известны по находкам в Девис-Хврели³ и Гварджилас-Клде⁴.

В большом количестве в обоих горизонтах стоянки обнаружены микропластины. В верхнем горизонте преобладают микропластины правильных форм с параллельным ограничением, плоской спинкой, трапецевидным поперечным и почти ровным продольным сечениями (рис. 4, 8, 9). Длина их варьирует в пределах 35—45 мм, ширина — 6—8 мм. Встречаются отдельные экземпляры микропластин длиной до 50 мм, ширина других достигает 10 мм. Наряду с микропластинами правильных очертаний в верхнем горизонте найдены единичные

¹ П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 82, рис. 15, 15.

² П. П. Ефименко. Первообытное общество. Киев, 1953, стр. 601.

³ Г. К. Ниорадзе. Ук. соч., табл. III, 64—66.

⁴ С. Н. Замятин. Новые данные по палеолиту Закавказья «Советская этнография», 1935, № 2, стр. 116—123

экземпляры микропластин с непараллельными неровными краями, обычно, с суживающимися концами, с гребнем на спинке. Поперечное сечение их имеет подтреугольную форму, в продольном сечении они изогнуты (рис. 4, 10, 11).

В нижнем горизонте среди микропластин, наоборот, преобладают экземпляры неправильной формы, в то время как правильные микропластины представлены единичными находками.

Микропластины, подобно крупным ножевидным пластинам, предназначались для двояких целей. Часть их использовалась в качестве заготовок для изготовления других орудий, часть употреблялась в качестве вкладышей. Последние, в большинстве своем, употреблялись без специальной обработки. На острых боковых гранях заметны следы залощенности, а также изъязы и защербинки. У отдельных экземпляров, обычно правильной формы, режущие края подправлялись тщательной заостривающей ретушью, наносимой участками или сплошь со стороны спинки либо брюшка, а иногда — с обеих сторон.

Микролитические орудия геометрических форм составляют сравнительно небольшую, но достаточно выразительную часть коллекции закопченных орудий Чохской стоянки. Большинство их употреблялось в качестве вкладышей составных орудий.

Наиболее распространенной формой геометрических вкладышей являются орудьяца в виде удлинённых ассиметричных треугольников (рис. 5, 18, 24). Они изготовлялись обычно из сечений ножевидных пластин. Рассеченные грани обрабатывались крутой затупливающей ретушью. В отдельных случаях они изготовлялись из микропластин с суживающимся концом. В обоих горизонтах стоянки этот тип вкладышей встречается часто. Их длина варьирует в пределах 18—38 мм. Этот тип микролитического вкладыша, восходящего, по-видимому, к остриям типа граветт, характерен для кавказского палеолита.

Подобные орудия найдены в большом количестве в пещере Гварджилас-Клде¹ и на Бармаксызской стоянке². На территории нашей страны вне пределов Кавказа они не известны. За пределами нашей страны они широко известны в позднепалеолитических и мезолитических памятниках средиземноморско-африканской области, особенно, в памятниках так называемой капсийской культуры.

¹ С. Н. Замятин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. В ст. «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества», М. 1951, стр. 136.

² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 122, 123, рис. 128.

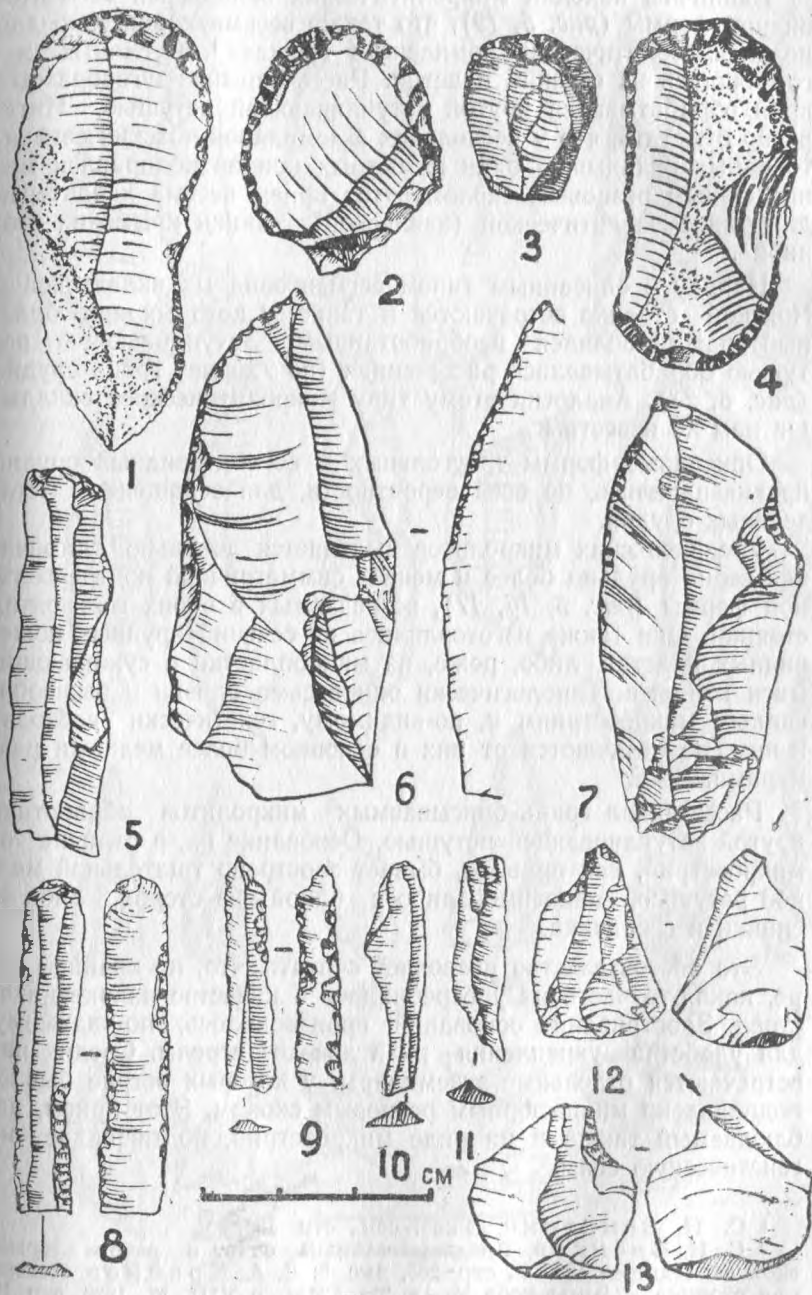

Рис. 4

Единичны находки микролитических вкладышей сегментовидной формы (рис. 5, 19), что также весьма характерно для позднепалеолитических комплексов Кавказа¹. Сегменты изготовлялись из сечений пластин. Рассеченный, дугообразный край обрабатывался крутой затупливающей ретушью. Интересно отметить, что у нескольких экземпляров чохских сегментовидных вкладышей один из острых концов подправлен миниатюрным резцовым сколом. Этот прием весьма характерен для раннемезолитической (азильской) техники крымских стоянок².

Наряду с описанным типом сегментовидных вкладышей в Чохской стоянке встречаются и такие, у которых дугообразный край оставался необработанным. Затупливающей ретушью обрабатывалась рассеченная (по хорде) грань орудия (рис. 5, 23). Аналогии этому типу микролитического вкладыша нам не известны.

Описанные формы треугольных и сегментовидных орудий предназначались, по всей вероятности, для оснащения метательных орудий.

Среди чохских микролитов выделяется довольно устойчивая серия орудий более и менее симметричной подтреугольной формы (рис. 5, 16, 17), встречаемых в обоих горизонтах стоянки. Они также изготовлялись из сечений крупных ножевидных пластин, либо, реже, из микропластин с суживающимися концами. Типологически они весьма близки к вышеописанным микроостриям и, по-видимому, генетически восходят к ним, но отличаются от них в основном более мелкими размерами.

Рассеченная грань описываемых микролитов обработана крутой затупливающей ретушью. Основание их, в отличие от микроострий, как правило, бывает заострено тщательной мелкой ретушью, наносимой либо с одной из сторон, либо со спинки и с брюшка.

Это обстоятельство позволяет считать, что, по крайней мере, какая-то часть их употреблялась в качестве наконечников стрел. Заостривание оснований производилось, по-видимому, для удобства укрепления их в древке стрелы. Среди них встречаются отдельные экземпляры, у которых острие бывает подправлено миниатюрным резцовым сколом. Этот прием, наблюдаемый также и на ряде микроострий, подтверждает их генетическую связь.

¹ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 136.

² С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г., стр. 205, рис. 5; Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка «Замиль-коба № 1». Тр. ГИМ, в VIII, М. 1938, стр. 19, 20, табл. III, 10-12.

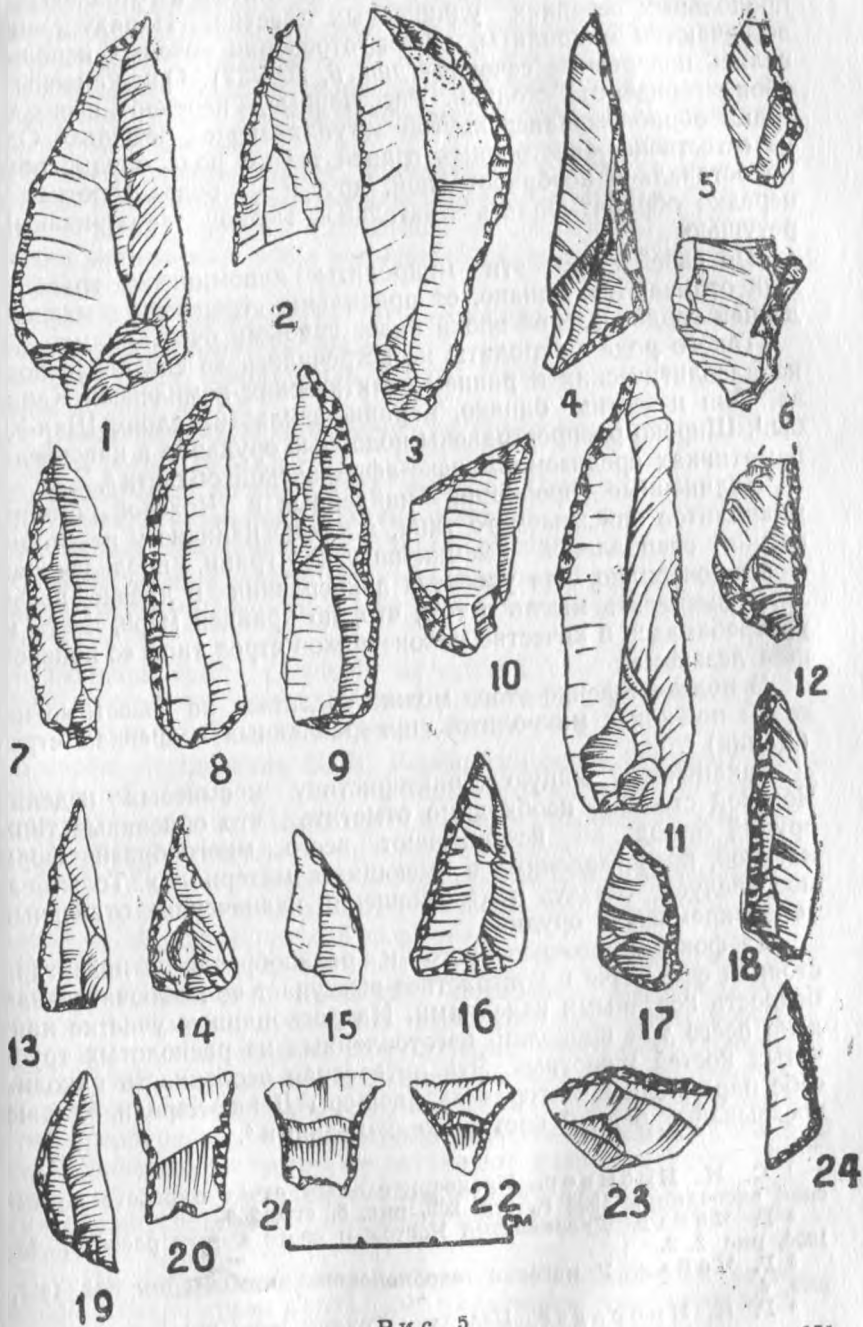

Рис. 5

Все описанные выше формы микролитов изготовлены на продольных сечениях удлинённых пластин. Наряду с ними встречаются микролиты, для изготовления которых использовались поперечные сечения (рис. 5, 20—22). Они найдены в обоих горизонтах стоянки. Рассечённые, нередко изогнутые грани обрабатывались крутой затупливающей ретушью. Одна из естественно-заостренных граней такого рода орудий обычно оставалась необработанной, другая — более короткая — нередко обрабатывалась тщательной мелкой заостривающей ретушью.

По своей форме эти микролиты напоминают трапеции. Они отличаются, однако, от правильных трапецевидных вкладышей тарденуазской эпохи более грубыми очертаниями.

Такого рода микролиты не встречались до сих пор в позднепалеолитических и раннемезолитических комплексах Кавказа. Они известны, однако, в ранне-азильских слоях Шан-Кобы¹. Широко распространены подобные орудья в капсийских памятниках средиземноморско-африканской области².

Удлинённые пропорции найденных в Чохской стоянке микролитов описываемого типа, а также наличие у некоторых из них специальной выемки на узкой грани, предназначавшейся, очевидно, для удобства закрепления в древке, позволяют высказать мысль о том, что, по крайней мере, часть их употреблялась в качестве наконечников стрел типа «с поперечным лезвием».

В подтверждение этого можно сослаться на известные находки подобных микролитов, прикрепленных к древкам стрел (Дания)³.

Заканчивая общую характеристику кремневых изделий Чохской стоянки, необходимо отметить, что описанные типы орудий отнюдь не исчерпывают всего многообразия форм и типов, представленных в имеющихся материалах. То же самое следует сказать и в отношении назначения отдельных типов кремневых орудий.

На фоне многочисленного и разнообразного инвентаря стоянки еще резче и контрастнее выступает ее исключительная бедность костяными изделиями. На раскопанном участке найдено всего три проколки, изготовленных из расколотых трубчатых костей животных. Эта интересная особенность находит себе параллели в материалах пещеры Девис-Хврели, также чрезвычайно бедной костяными изделиями⁴.

¹ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г., стр. 205, рис. 5, стр. 206.

² Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М. 1956, рис. 2, 3.

³ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М. 1952, рис. 4.

⁴ Г. К. Ниорадзе. Палеолит Грузии, стр. 228.

Фаунистические остатки из культурного слоя стоянки представлены большим количеством сильно раздробленных костей, отличающихся к тому же плохой сохранностью.

В настоящее время определены остеологические материалы из раскопок 1955 г. Определения производили Н. К. Верещагин и А. И. Шевченко.

Из 2144 обломков костей, найденных в 1955 г. (в 16 квадратах), 712 экземпляров оказались неопределимыми. Определимые остатки крупных животных — астрагалы, фаланги, обломки метаподий, зубы копытных распределяются следующим образом:

1. Бараны и козлы дикие (?), домашние (?) (*Caprovinae*), ближе неопределимые — 1343.
2. Восточный баран или баран Гмелина (*Ovis sp.*, cf. *gmelini* Blyth.) — 70.
3. Восточно-кавказский козел или кавказский тур (*Capra cf. cylindricornis* Blyth.) — 7.
4. Безоаровый козел (*Capra aegagrus* Gmel.) — 1.
5. Олень благородный (*Cervus elaphus*) — 4.
6. Лошадь домашняя (?) (*Equus caballus* L.) — 1.

Остатки мелких животных, по-видимому, сброшенных на стоянку хищными птицами, распределяются следующим образом:

1. Водяная крыса (*Arvicola terrestris* L.) — 3.
2. Дагестанский хомяк (*Mesocricetus raddey* Nehr.) — 2.
3. Заяц русак (*Lepus europaeus* Pall.) — 1.

В своём определении Н. К. Верещагин особо отмечает находку костей дикого (?) барана типа муфлона. «Дело в том, — пишет он, — что на Большом Кавказе муфлонообразные бараны не были известны ни в плейстоценовой, ни в современной фауне. По имеющемуся материалу (астрагалы, фаланги) нельзя, однако, утверждать категорически, что мы имеем дело с дикой, а не одомашненной формой».

Однако глубокая древность стоянки, устанавливаемая по характеру кремневого инвентаря, позволяет поставить под сомнение возможность наличия одомашненных форм животных в непотревоженных горизонтах культурного слоя стоянки.

Более 99% определявшихся костей принадлежит некрупным парнокопытным — баранам и козлам. Среди определяемых костей преобладают остатки муфлонообразного барана (более 78%). Приведенные цифры не оставляют сомнения в том, что главным объектом охоты древних обитателей стоянки служили дикие бараны и козлы, преимущественно муфлонообразные бараны.

В установлении относительной даты и определении места Чохской стоянки среди кавказских памятников каменного века решающая роль принадлежит кремневому инвентарю.

Кремневый инвентарь нижнего горизонта стоянки, в котором весьма отчетливо прослеживаются элементы верхнепалеолитической культуры, носит «ориньякоподобный» характер. Это выражается в палиции разнообразных по форме острий с притупленным краем, двусторонне обработанных орудий (рубящих и типа стамесок) и пуклевидных форм. Указанные особенности, равно как и бедность костяными изделиями, сближает его с инвентарем кавказских палеолитических стоянок типа Девис-Хврели¹.

Однако наличие геометрических форм (многочисленных удлинённых треугольников и единичных сегментов) позволяет поставить нижний горизонт Чохской стоянки в один ряд с такими памятниками, как пещера Гварджилас-Клде и Бармаксызская стоянка.

В то же время в описываемом инвентаре встречаются в большом количестве крупные пожевидные пластины, а также наконечники стрел типа «с поперечным лезвием», что в сочетании с удлинёнными треугольниками и сегментами сближает его с ранне-капсийскими и более древними комплексами средиземноморско-африканской области².

Таким образом, рассмотрение кремневого инвентаря, сочетающего в себе как палеолитические, так и мезолитические элементы, дает возможность отнести нижний горизонт Чохской стоянки к третьей, поздней группе кавказских палеолитических памятников по периодизации С. Н. Замятнина.

Иными словами, относительная дата стоянки определяется концом мадлена — ранним азилом.

Такой датировке не противоречат и другие данные. Выше отмечалось, что расположение стоянки характерно для памятников именно этого времени. Позже, как это установлено, например, для Крыма, в выборе мест для стоянок население руководствовалось уже иными критериями³.

Для кремневого инвентаря верхнего горизонта стоянки характерно исчезновение острий с затупленным краем, микроострий и крупных ножевидных пластин, увеличение количества правильных микропластин, их сечений и пирамидальных («карандашевидных») нуклеусов. Вместе с тем для него характерно полное отсутствие правильных трапецевидных вкладышей, столь обычных в тарденуазских комплексах, а также палиция двусторонне-обработанных орудий (рубящих и типа стамесок).

¹ С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, стр. 135.

² Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 48, рис. 2; С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 125, рис. 12, стр. 126.

³ С. Н. Бибииков. Позднейший палеолит Крыма. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 120.

В целом, материалы верхнего горизонта, очевидно, характеризуют ту же культуру на более позднем этапе ее развития. По этим признакам представляется возможным датировать верхний горизонт концом азиля, переходной порой к тарденуазу.

Предлагаемая датировка условных горизонтов Чохской стоянки является предварительной. Не вызывает сомнения, что в ходе дальнейших раскопок стоянки, особенно при более детальном расчленении культурных остатков в соответствии с действительными горизонтами обитания, появится реальная возможность её уточнения.

Для большей полноты картины необходимо дать краткую характеристику другой мезолитической стоянки, расположенной в урочище Козьма-нохо, на реке Багар-ор, примерно в 8—10 км по прямой к западу от с. Ругуджа. При осмотре ее были обнаружены вкладыши в виде удлинённых ассимметричных треугольников, микролиты симметрично-треугольной формы, угловой резец, микропластины и их сечения. По форме и приемам обработки они совершенно аналогичны соответствующим изделиям Чохской стоянки.

Это обстоятельство, наряду с характерным расположением стоянки, позволяет отнести ее к мезолиту. Раскопки этого памятника, начало которым будет положено в 1957 г., дадут возможность ближе познакомиться с представленной в нем культурой и уточнить его датировку.

Выявление мезолитических памятников в горном Дагестане трудно переоценить. Они впервые документируют заселение гор подвижными охотничьими коллективами не позже конца ледниковой эпохи.

Признание этого кладет конец хождению различного рода теорий о позднем появлении людей в горном Дагестане, якобы вызванном не экономическими, а политическими причинами. С другой стороны, это отнюдь не означает, что заселение гор началось в мезолите. Наоборот, есть все основания полагать, что в горном Дагестане могут быть найдены следы обитания палеолитического человека, в том числе и памятники нижнего палеолита.

Вместе с тем, значение мезолитических памятников горного Дагестана выходит за пределы собственно дагестанской истории и археологии. Они впервые знакомят нас с мезолитической культурой северо-восточного Кавказа в целом.

Предварительное изучение материалов Чохской стоянки показывает, что северо-восточный Кавказ и, очевидно, восточное Закавказье должны быть включены в область распространения культур средиземноморско-африканского типа. Об этом свидетельствует близость дагестанских материалов материалам западно-кавказских и, в несколько меньшей степени,

крымских позднепалеолитических и мезолитических памятников.

Материалы Чохской стоянки позволяют судить также о несомненном своеобразии мезолитических культур Северо-Восточного Кавказа. Оно заключается, на наш взгляд, в значительном переживании палеолитических традиций в кремневом инвентаре (если только это не является показателем более древнего возраста стоянки, возможность чего не исключена), а также в наличии ряда специфических форм кремневых орудий.

В свете сказанного становится совершенно очевидной необходимость дальнейшего изучения выявленных памятников, а также расширения поисков новых следов каменного века в горном Дагестане.

В. И. КАНИВЕЦ

Кандидат исторических наук

ДАГЕСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1956 ГОДУ

Из года в год расширяются археологические исследования, ведущиеся Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Одна из важнейших задач, стоящих перед экспедицией, — сохранить для науки археологические памятники, оказавшиеся в зоне строительства Чир-Юртовской ГЭС на Сулаке. Вместе с тем все большее место в работе экспедиции занимает изучение нагорного Дагестана. В 1956 г. археологические исследования охватили памятники всех основных эпох древней и средневековой истории Дагестана, начиная с каменного века.

Силы экспедиции были распределены следующим образом. Один отряд продолжал начатые в прошлом году раскопки в зоне строительства Чир-Юртовской ГЭС, два других отряда вели маршрутную разведку и раскопки в бассейнах Аварского и Андийского Койсу в западной части нагорного Дагестана¹.

В настоящей статье вкратце изложены результаты работы экспедиции в 1956 г.

Раскопки на Сулаке

Второй полевой сезон археологических исследований в районе Чир-Юртовской ГЭС во многом отличается от предыдущего. Прежде всего, почти втрое увеличились масштабы работ и значительно расширился круг изучаемых памятников.

¹ Научный состав экспедиции: В. И. Канивец (начальник экспедиции и Чир-Юртовского отряда), В. Г. Котович (начальник 1-го горного отряда), М. И. Пикуль (начальник 2-го горного отряда), Д. М. Атаев, К. А. Бредз, Г. М. Буров, И. П. Костюченко, В. М. Котович, В. Тюрин, А. Р. Шихсаидов. Как и в предыдущем году, в экспедиции участвовали студенты-историки Дагестанского пединститута М. Абакаров, Б. Абдулмагомедов, М. Агларов, М. Гаджиев, Д. Мутагиров и А. Османов.

Если прежде раскопки были сосредоточены, главным образом, в верхней (южной) части водохранилища, у сел. Миатли, Казбековского района, то в 1956 г. основное внимание было уделено северной части зоны строительства (окрестности сел. Верхний Чир-Юрт, Кизил-Юртовского района).

Наиболее ранние из открытых пока археологических памятников на Сулаке относятся к началу бронзового века (первые века II тыс. до н. э.). Долгие поиски поселений этой эпохи недавно увенчались успехом. На правом берегу Сулака в 3 км к югу от сел. Верхний Чир-Юрт на горе Сигитма открыто небольшое поселение, состоявшее из нескольких углубленных в скалу жилищ. Поселение расположено на северном склоне у гребня и занимает площадь около 500 кв. м. Скалистая гряда почти отвесно обрывается к югу и круто падает к северу. Поселение было надежным убежищем, хорошо укрепленным природой, и потому его обитатели примирились с неудобствами жизни на труднодоступной скале, открытой для северных ветров, находящейся на довольно значительном расстоянии от реки.

По своей планировке это было горное селение, напоминающее современные аулы Кавказа. Строения располагались по склону горы, по-видимому, в два ряда, таким образом, что верхний ряд возвышался над нижним. В 1956 г. почти полностью раскопан верхний ряд, состоявший из трех жилищ (очертания их сохранились отчётливо) и двух площадок, вероятно, служивших основаниями жилищ или летних навесов. Жилища и площадки являлись смежными помещениями и по существу составляли один сложный жилой комплекс.

Одно из жилищ (№ 1) углублено южным краем в скалу на 1 м. В плане оно имело не вполне правильную форму, близкую к квадрату с закругленными углами, длиной 4 м и шириной 3,6 м. Стены, судя по некоторым признакам (например, отсутствие глиняной обмазки стен), состояли целиком из камня. От восточной стены сохранилось до 4 рядов сухой кладки колотого песчаника. Для поддержания кровли, видимо, служили деревянные столбы, закрепленные в углублениях в скале.

Внутри жилища, направо от входа, у южной стены находилась печь и лежанка, высеченная в скале, а прямо, у восточной стены, располагался открытый очаг. Исключительный интерес представляет небольшая сводчатая печь, сложенная из глины. Это почти квадратное в плане сооружение размером 1,3 x 1,2 м, основание которого состоит из пода и лежащего слева от него капала. Эта печь очень напоминает современные аварские «коры» или кумыкские «корюки», служившие для выпечки хлеба и сушки зерна. Вне помещения, у восточной

стены, открыты остатки еще одной глинобитной печи, украшенной нарезным орнаментом.

Другие жилища этого поселения в принципе мало отличались от описанного выше. В жилище № 3, наряду с обычными «корами», оказался открытый круглый очаг, сложенный из глины. Верхний его край был украшен симметрично расположенными выступами в виде стилизованных рогов барана и кружков. Возможно, этот очаг имел культовое назначение.

Раскопки дали разнообразные орудия труда — каменные зернотерки, кремневый вкладыш серпа, костяные шилья и наконечник гарпуна, глиняные пряслица для веретена, оружие — обломок медного наконечника копья, очевидно, месопотамского происхождения, костяной топорик, кремневые и костяные наконечники стрел, своеобразные изделия из песчаника, обычно называемые «выпрямителями древков стрел», и, наконец, большое количество обломков посуды.

Хозяйственную деятельность жителей поселения освещают находки земледельческих орудий, большое число костей мелкого и крупного рогатого скота, лошадей, а также диких животных, служивших объектом охоты, — оленя, дагестанского тура и безоарового козла.

Раскопки Сигитминского поселения заполнили пробел в наших знаниях о начале бронзового века на Сулаке. Но особенно важным является открытие здесь таких форм материальной культуры, которые существуют в наше время на той же территории.

У подножия Сигитминских скал на второй надпойменной террасе исследовано поселение, очевидно, относящееся к позднему периоду бронзового века (раскопки К. А. Бредэ). На одном участке раскрыты два многокамерных многоугольных жилых комплекса, каждый из которых состоял (в пределах раскопа) из 5 помещений разных размеров (от 5 до 50 кв. м.), соединенных проходами. Одни помещения служили для жилья, другие — для хозяйственных надобностей. Эти камеры имели не вполне правильную квадратную или округлую форму.

Основания домов сооружены из крупных камней, выше стены, очевидно, были глинобитными. Внутри помещений находились небольшие открытые очаги, имевшие в некоторых случаях оригинальную шестигранную форму. Находки ограничиваются зернотеркой, костями крупного и мелкого рогатого скота и керамикой.

Второе Сигитминское поселение дает типичные образцы жилищ большой патриархальной семьи. По мере роста семьи и усложнения ее хозяйства к первоначальному сооружению пристраивались новые помещения.

Внутри одного из помещений и в кладке стен другого найдены обломки скалы с высеченными на плоской стороне изображениями животных. На первом камне можно узнать изображения дагестанских туров с характерным для них изгибом рогов. Подобные, но более сложные рисунки были также открыты на скалах, окружающих поселение. Здесь мы видим не только изображения отдельных животных — оленей и горных козлов, возможно, серпы, — но и целые охотничьи сцены, в которых принимают участие всадники, вооруженные луками и копьями. Наскальные изображения имеют исключительный интерес, так как дают наглядное представление о жизни населения и духовной культуре определенной эпохи. Однако по стилю рисунка не всегда с полной достоверностью можно определить его возраст. Из открытых прежде на территории Дагестана наскальных изображений (Капчугай, Лепинкент, Лучек, Чирката), только лучекские были твердо датированы (эпоха средневековья). Теперь мы приобретаем новый опорный памятник. По крайней мере часть сигитминских изображений возникла не позже конца бронзового века. Характерно, что на скалах изображены именно те животные, на которых охотились жители Сигитминского поселения.

Наряду с поселениями, исследовались и могильники бронзового века. В 1956 г. продолжались раскопки Миатлинского курганного поля. В этом, втором по счету, сезоне раскопано 9 курганов и часть рядового могильника на правом берегу Сулака. Всего открыто 19 погребений различных периодов бронзового века, находившихся в грунтовых ямах, каменных гробницах и каменных ящиках.

Инвентарь погребений очень скромнен. Это сосуды, встреченные почти во всех могилах, медные или бронзовые браслеты, височные кольца и пуговица, костяная булавка и мелкие украшения из меди, раковин и различных пород камня.

Если в этом инвентаре нельзя увидеть признаков социального или имущественного неравенства, то в формах погребальных сооружений, напротив, наблюдаются большие различия. Наряду с могилами, едва прикрытыми насыпью, встречаются большие сооружения из камня, воздвигнутые в память о погребенном. Так, под курганом № 2 группы VII, сложенном почти целиком из валунов и заметно выделявшимся на местности, помещался каменный ящик из цельных песчаниковых плит, перекрытый еще более крупной многопудовой плитой. Погребенный находился в сидячем положении, на деревянных носилках, поставленных на дно могилы. Инвентарь ограничивался одним сосудом.

В результате раскопок удалось установить, что каякентско-хорочоевская культура на Сулаке представлена не только

обычными округлыми курганами, что характерно для предшествующего периода бронзового века, но и своеобразными большими рядовыми могильниками, отмеченными длинными каменными насыпями. Это наблюдение позволяет поставить вопрос об изменении условий жизни местных племен во второй половине II тысячелетия до н. э. Очевидно вместе с переходом к более оседлому образу жизни значительно возросла численность населения долины Сулака. С этого времени можно говорить о густом заселении описываемого района.

Единственным исследованным в 1956 г. памятником раннего железного века на Сулаке является поселение первых веков н. э. у сел. Верхний Чир-Юрт. Здесь удалось открыть две гончарные печи простой одноярусной конструкции. Каждая печь состояла из двух частей — топки и камеры обжига, расположенных рядом. В этих печах производился обжиг высококачественной посуды, вылепленной от руки. Печи более совершенной конструкции открыты на раннесредневековом городище у сел. Верхний Чир-Юрт. Здесь исследованы две небольших двухярусных печи, при сооружении которых был использован кирпич-сырец.

В раскопках на Сулаке наибольшее внимание было уделено памятникам средневековья, в особенности, его ранней поры. На Северном Кавказе начало средневековья ознаменовалось вторжениями гуннов, а затем и других народов, преимущественно восточного происхождения. До последнего времени этот богатый событиями период был представлен на территории Дагестана единичными памятниками, к тому же исключительно погребальными (например, большой Буйнакский курган). В 1956 г. были предприняты значительные раскопки городища этой поры, расположенного на правом берегу Сулака к югу от сел. Верхний Чир-Юрт у подножия упоминавшейся уже скалистой гряды Сигитма.

Городище возникло около середины I тысячелетия н. э. на месте описанного выше древнего селища, но занимало гораздо меньшую площадь и выглядело совершенно иначе. Наиболее важным результатом раскопок явилось открытие мощной и сложной по своему замыслу оборонительной системы, наглядно свидетельствующей о тревожном в ту пору положении на южной окраине степи. Городище находится на выступе скалистой второй надпойменной террасы и с трех сторон ограничено крутым склоном, местами переходящим в совершенно неприступные обрывы. С наиболее уязвимой напольной (восточной) стороны была возведена мощная стена с каменным основанием шириной до 4 м. Верхняя часть стены по всем признакам была глинобитной. В юго-восточном углу, неподалеку от предполагаемого въезда в городище, на повороте

стены возвышалась круглая башня также с каменным основанием диаметром 11 м. С башни, выступавшей за линию стены, можно было вести боковой обстрел. Северный край городища ограждала стена с каменным основанием шириной до 1,3 м.

С юга склон террасы был прикрыт небольшим укреплением, расположенным на узком мысу. Доступ в укрепление преграждали прямоугольная башня и стена с каменным основанием. В башне сохранились остатки каменной лестницы, которая вела на второй ярус. Внутренняя, прилегающая к реке часть городища была отделена валом и возможно служила цитаделью. На гребне горы Сигитма, уже вне стен городища, также обнаружены следы укреплений, дополнявших основную оборонительную систему.

Удалось выяснить в общих чертах план городища. Его южная часть была свободна от построек и очевидно служила для загона скота. Северная часть была густо застроена рядами однотипных наземных домов. В одном из таких рядов раскопано 5 жилищ, шестое жилище раскрыто в небольшом укреплении на мысу. Дома имели прямоугольную (7,15 × 4,60 м) или квадратную (5,10 × 5,05 м) форму. Стены возводились из камня, причем основание состояло из колотого песчаника, а верхняя часть — из булыжника на глиняном растворе. Вход в дом всегда был с южной стороны. Жилище состояло из одного помещения, в котором находились печь (в северо-западном углу) и связанная с нею камера, нагревавшаяся теплым воздухом. В одном доме открыто еще более совершенное отопительное устройство — жаропроводящий канал из камня, идущий вдоль всей северной стены.

Вещественный материал очень беден, и это обстоятельство дает повод думать, что городище не погибло внезапно, а было оставлено жителями, которые унесли все свое имущество. На площади городища найдены кости домашних животных, а также каменные зернотерки, грузило (очевидно для сети), пряслица, оселки и обломки сосудов, сохранивших некоторые черты стиля сарматского времени.

Материальная культура раннего средневековья во всем своем богатстве освещена раскопками большого могильника V—VII вв. у сел. Верхний Чир-Юрт. Могильник насчитывал сотни погребений, из которых в 1956 г. раскопано 150. Захоронения производились в подземных камерах-катакомбах с боковыми коридорами—дромосами и в простых грунтовых ямах. Вход в катакомбу закрывался каменными плитами или сырцовый кладкой и наглухо замуровывался. В большинстве случаев это были индивидуальные погребения, но нередко встречались групповые, видимо, семейные захоронения (до 9 человек в одной катакомбе). Погребенные, ориентированные

по-разному, находились в вытянутом положении на спине, иногда с перекрещенными ногами.

Благодаря хорошей сохранности погребений собран обширный антропологический материал, который позволит воссоздать внешний облик населения начала эпохи средневековья. Установлено существование обычая деформации черепа, т. е. искусственного удлинения головы человека в младенческом возрасте. Как известно, такой же обычай существовал у соседних племен Северного Кавказа (аланы) и Азербайджана.

Верхне-Чир-Юртовский могильник оставлен местным оседлым населением в период расцвета его экономической жизни. Материалы раскопок дают представление о многих сторонах хозяйственной деятельности обитателей долины Сулака — земледелии, виноградарстве, скотоводстве и ремеслах. Различия в составе инвентаря и характере погребальных сооружений указывают на существование имущественного и социального неравенства, хотя выраженного еще довольно слабо. Примером погребения рядового общинника может быть захоронение земледельца с железным серпом и ножом за поясом. В катакомбах, наиболее богатых инвентарем, представлены мелкие украшения из золота и цветных камней.

В Чир-Юрте нередко встречаются погребения воинов, вооруженных копьями со втульчатыми железными наконечниками, деревянным луком, снабженным костяными накладками, и стрелами с трехлопастными наконечниками. В мужских погребениях найдены также остатки одежды и головного убора из шелка, бронзовые и железные поясные пряжки, бляшки от поясных наборов, железные удила, стремяна и ножи, а в некоторых случаях глиняные сосуды.

В женских и детских погребениях обнаружены остатки шелковых и шерстяных тканей, сосуды, предметы туалета (бронзовые зеркала и пинцеты) и сотни предметов украшения, в том числе бронзовые шейные гривны, серьги, подвески, фибулы, браслеты, перстни, бусы из сердолика, янтаря, гагата и различных цветных камней. Некоторые предметы украшены инкрустацией из стекла. На одной из подвесок отлито изображение женщины с ребенком на руках. Обращают на себя внимание золотые монеты, использованные в качестве подвесок. Они представляют собой почти точные копии византийских монет времени Ираклия и Константина (первая половина VII в.). Уже сам факт находок монет византийского облика при полном отсутствии иранских указывает на северо-кавказское направление политических связей местного населения в это время.

Глиняная посуда, изготовленная, как правило, на круге, и значительная часть бронзовых предметов являются продукцией местных мастеров. К числу безусловно привозных изделий

относятся шелковые ткани, сердоликовые и некоторые другие каменные бусы и резные печати с изображением животных (льва, орла и др.).

В целом Верхне-Чир-Юртовский могильник дает редкую по своей полноте картину культуры населения северо-восточного Кавказа в эпоху сложения и ранней истории хазарского каганата.

Нагорный Дагестан

Внутренний горный Дагестан все еще принадлежит к числу мало изученных в археологическом отношении районов Кавказа. Не удивительно, что вопросы происхождения и древней истории большинства дагестанских народов, говорящих на языках кавказской группы, остаются почти не разработанными. С тем, чтобы заполнить этот пробел, Дагестанская археологическая экспедиция продолжает расширять свои работы в горных районах. В 1956 г. туда были направлены два отряда, из которых один продолжал раскопки в Кахибском, Гунибском и Хунзахском районах, а другой вел маршрутную разведку в бассейнах Аварского и Андийского Койсу.

Второй год В. Г. Котовичем ведутся раскопки стоянки каменного века у Чоха, Гунибского района, являющейся древнейшим из открытых пока археологических памятников нагорного Дагестана. Изучение полученного ранее материала и новые данные подтвердили правильность прежней датировки стоянки мезолитическим временем. Некоторые особенности состава кремневых орудий и техники их изготовления указывают на раннемезолитический характер культуры обитателей Чохской стоянки.

В 1956 г. закончены раскопки начатой прежде площади и вновь исследованы еще 16 кв. м. Культурный слой содержал большое количество кремня, кости диких животных и другие остатки. Общее число кремневых изделий и отходов их производства, собранных за время раскопок, превышает 30 тысяч. Здесь представлены нуклеусы различных форм, скребки, разнообразны резцы, небольшие рубящие орудия, пластинки со скошенным краем, острия с затупленной спинкой, сравнительно немногочисленные вкладыши геометрических очертаний (треугольной и сегментовидной формы) и другие орудия. Редкой находкой является сланцевая плитка, украшенная врезным геометрическим орнаментом.

В урочище Козьма-нохо аула Ругуджа, Гунибского района, открыта еще одна мезолитическая стоянка. На двух других стоянках в том же районе, в урочищах Архинда и Малин-Карат, найдены кремневые орудия и обломки керамики неолитического или ранне-энеолитического возраста.

Интересные результаты достигнуты в изучении эпохи меди и бронзы. Закончены раскопки небольшого могильника раннего бронзового века в урочище Гоно в Кахибском районе. Здесь исследовано погребальное сооружение в виде низкой каменной ограды, примыкавшей к скале и ограничивавшей узкую площадку. Ограда сложена из кусков известняка без скрепляющего материала. Внутри ограды отделены места для совершения захоронений и для выполнения обрядов заупокойного культа (погребальные костры). По мнению В. Г. Котовича, исследовавшего памятник, погребенные находились в расчлененном состоянии. Подобное явление и раньше наблюдалось археологами в горных и плоскостных районах Дагестана, например, у Чоха и Дербента. Новые находки (сосуды, медные височные кольца, браслет и др.) дополняют комплекс прошлого года и позволяют уточнить дату этого памятника (начало II тысячелетия до н. э.).

В том же районе, в урочище Гинчи, открыт другой могильник бронзового века. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с родовой усыпальницей. Внутри ограждения из каменных плит, вероятно, имевшего округлые очертания и диаметр около 7 м, находились погребения, расположенные в несколько ярусов. В 1956 г. на площади 9 кв. м обнаружены остатки около 20 погребений в скорченном, сидячем и расчлененном положении. В нескольких местах наблюдались следы желтой минеральной краски.

Инвентарь обильный, но ограниченный, в основном, керамикой. Среди найденных здесь 70 с лишним сосудов много круглодонных. Металлические изделия представлены только булавкой, иглой, височным кольцом в полтора оборота и браслетом из меди или бронзы. Дата могильника и его место в ряду других памятников эпохи меди и бронзы на Кавказе остаются пока не вполне ясными. Предположительная дата этого памятника — середина II тысячелетия до н. э.

Сделаны первые шаги в изучении памятников раннего железного века в нагорном Дагестане. Раскопки 1956 г. были очень небольшими по масштабам, но все же они дали представление о культуре, ранее совершенно неизвестной. К числу памятников этого времени относится грунтовый могильник в урочище Хобада вблизи Ругуджи, Гунибского района. Здесь открыто 9 одиночных и парных погребений, которые находились в овальных ямах, частично обложенных камнем. Умершим придали характерное для рассматриваемой эпохи скорченное положение. Обращает на себя внимание одно, вероятно, женское захоронение с конем. В инвентаре почти отсутствует керамика, но представлены предметы быта и украшения (железный нож, каменный оселок, бронзовые булавки и браслет, бусы из стекловидной массы и др.). На площади могильника

также найдена большая ажурная бронзовая поясная пряжка, искусно отлитая и богато орнаментированная. Дата могильника определяется второй половиной I тысячелетия до н. э.

Особого внимания заслуживает новый памятник железного века, открытый у сел. Бежта, на северном склоне Главного Кавказского хребта. В настоящее время еще трудно сказать, имеем ли мы дело с могильником или культовым местом.

На исследованной в 1956 г. площади обнаружены остатки одного черепа и на редкость обильный инвентарь. Большим разнообразием отличается железное оружие, представленное мечом с обоюдоострым лезвием и прямым перекрестием, кинжалами, втульчатыми наконечниками копий и трехлопастными наконечниками стрел. Здесь найдено также много украшений, предметов туалета и принадлежностей одежды (пряжки, браслеты, ажурные бляжки, бронзовый диск, напоминающий зеркало, бусы из бронзы, пасты, сердолика, горного хрусталя и др.). Этот памятник, видимо, возник в первой половине I тысячелетия н. э.

Большинство известных в настоящее время археологических памятников в горах принадлежит к различным периодам средневековья. Только в 1956 г. открыто более 40 новых средневековых поселений и могильников.

К раннему средневековью (VII—X вв.) относятся гробницы с погребениями в вытянутом положении, открытые у Большого Гоцатля, Хунзахского района. В исследованной в 1956 г. детской могиле найдены бронзовые украшения.

Еще в предыдущем году обратил на себя внимание большой могильник в урочище Гала вблизи Хунзаха. Судя по имеющимся материалам, этот могильник функционировал длительное время, вероятно, несколько столетий. В 1956 г. раскопано 5 погребений в глубоких грунтовых могилах, отмеченных на поверхности каменными вымостками. Найденные здесь украшения (стеклянные браслеты и кольца, серебряные, иногда золоченые булавки) типичны для IX—XI вв.

Специальной частью работы экспедиции в горах было изучение памятников христианства. Связанные с христианством архитектурные памятники, могильники и произведения изобразительного искусства найдены в Кахибском, Хунзахском, Гунибском, Тляратинском, Цунтинском, Цумадинском, Унцукульском и Гумбетовском районах. На могильнике в урочище Тад Раал в окрестностях Хунзаха, где прежде были найдены 4 каменных креста, в том числе два с древнегрузинскими надписями, в 1956 г. раскопано 5 грунтовых христианских погребений.

Большой интерес представляют собранные экспедицией многочисленные (свыше 150) средневековые изображения на каменных плитах. На этих плитах, обнаруженных в стенах

домов в сел. Тидиб, Урада, Мачада, Ругуджа и др., можно видеть изображения сцен охоты, людей, вооруженных луками и копьями, различных животных, лабиринтов и крестов.

Таковы вкратце результаты второго года больших археологических работ, начатых Институтом истории, языка и литературы в Дагестане. Накануне нового полевого сезона перед Дагестанской археологической экспедицией стоит ряд серьезных задач, ранее не нашедших своего разрешения. Особенного внимания заслуживает задача изучения раннего железного века — эпохи, в которую современные народности Дагестана впервые появляются в свете письменных источников.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЛИТЕРАТУРА

Р. ЮСУФОВ

Кандидат филологических наук

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭСТЕТИКЕ БЕЛИНСКОГО (40-е годы)

Советскими литературоведами проделана большая работа по изучению наследия Белинского. Созданы монографии, вышли тома «Литературного наследства», посвященные критике, издан ряд сборников, написано множество статей о различных сторонах деятельности Белинского. В 1957 г. завершается издание академического полного собрания сочинений критика. Значительным вкладом в изучение наследия Белинского явились работы А. Лаврецкого, Н. Мордовченко, Б. Бурсова, С. Машинского и других авторов.

Однако до сих пор изучению главным образом подвергались литературно-критические взгляды Белинского. Его эстетика оставалась вне центра внимания исследователей.

В свете итогов, которые мы теперь можем подвести, становится очевидным и другой недостаток. В работах о Белинском, это в особенности относится к статьям о нем, подлинно творческое исследование нередко уступало место прокламированию застывших схем, общие философские положения механически распространялись на область эстетических воззрений. Взгляды критика иногда подвергались модернизации. Во многих статьях о Белинском проявилось явное стремление приукрасить и выпрямить сложный путь критика. Как часто общая формулировка заслоняла живую эстетическую мысль! Идеино-эстетическая эволюция Белинского 40-х годов на всех ее этапах окрашивалась в одинаковые тона. Сложился даже своеобразный канон, изображающий многотрудный и сложный творческий путь критика в 40 годы, как победное восхождение, без трудностей и колебаний. Но искусственное устранение с пути Белинского великих трудностей принижало значение поистине титанической работы великого критика, заложившего основы материализма в русской эстетике.

К числу наименее изученных вопросов литературно-критического творчества Белинского относится проблема национальной самобытности. На ней мы и хотим остановиться. Настоящая статья предлагает только предварительный набросок картины развития взглядов критика на эту проблему в 40-е годы.

Понимание национальной самобытности русской культуры и литературы созревало у Белинского в процессе осмысления всего исторического хода развития России. В начале 40-х годов одним из центральных вопросов в его концепции становился вопрос о национальном характере русского народа и национальной самобытности русского искусства. Эти острые общественно-политические проблемы волновали все русское общество, все прогрессивно настроенные умы. Это был не только исторический или чисто литературный спор. Это был спор между молодой поднимающейся в качестве новой исторической силы революционной демократией и реакционным лагерем о путях развития России и судьбах русского народа.

В 40-е годы реакционный лагерь активно пытался помешать росту национального самосознания. Защитники феодально-крепостного строя перехватывали национальную тему. Сторонники «официальной народности» и славянофилы выступали со своими концепциями русской истории и национального характера. В литературе, критике и эстетике они якобы боролись за «народность» национального искусства, а на самом деле ратовали за ложную, или, как говорил Белинский, «площадную простонародность». Они делали свои теории орудием борьбы с революционной демократией, а в литературе — с критическим реализмом.

В статьях, написанных в период окончательного утверждения на позициях революционного демократизма и материализма (1840—1843 гг.), Белинский стремился постигнуть русский национальный характер как явление, сложившееся исторически, как результат данной социальной среды и истории народа. В поисках ясного ответа на вопрос, он пытался уяснить, каковы те наиболее важные объективные факторы, которые образуют национальный характер и формируют национальную специфику.

К мысли об определяющей роли социального и исторического факторов в образовании национальной специфики Белинский пришел далеко не сразу. В начале сороковых годов материалистическая трактовка проблемы часто уживается с идеалистическими формулировками 30-х годов и периода «примирения». Эстетическая мысль критика не всегда движется по прямой линии, временами она уходит в сторону, возвращается назад, теряет найденное, вновь обретает его, и затем вдохновленная неудержимо рвется вперед в поисках синтеза.

В непосредственных высказываниях об объективных причинах, влияющих на образование национальной специфики, Белинский все еще придает природе, географическому положению и климату страны, если не более, то не менее важное значение, чем социальным и историческим условиям. Это в конечных выводах. Но в самих статьях всегда видна борьба двух линий, материализма и идеализма. С формулировками вступают в противоречие методология анализа, конкретный разбор художественных произведений. И здесь дело не только в тонкости и силе непосредственного проникновения в образы, а в принципиальной новизне и глубине постановки вопросов, открывшихся с переходом критика на позиции философского материализма и революционного демократизма. Точка зрения материалиста и убеждения последовательного революционно-демократа даже в пределах одной статьи оказывают влияние на непосредственный анализ. По своему содержанию он оказывается неизмеримо более широким, идет дальше конечных выводов, полемизирует с ними. Мы видим, как прежние положения наполняются новым глубоко материалистическим и революционно-демократическим содержанием, освобождаясь путем диалектического снятия от узости и односторонности, как открываются качественно новые ранее недоступные причинные связи и взаимообусловленность нации и действительности, национального своеобразия и истории.

Рассмотрим с интересующей нас точки зрения знаменитый цикл статей Белинского «Древние российские стихотворения» Кириши Данилова. Он был напечатан в 1841 году и целиком посвящен вопросу о национальном характере русской народной поэзии и чертах русской национальной специфики.

В этих статьях великий критик характеризует героический эпос и песни народа. Но это не просто характеристика, это изумительное вживание в образы, чувства и мысли народной поэзии. Только подлинно национальный критик-художник мог с таким мастерством и непосредственностью донести до читателя глубокую страсть, силу и широту русского национального характера. • Патриот и революционный демократ, он ставит перед собой задачу «из памятников русской народной поэзии... доказать великий и могучий дух народа» (V, 329) ¹. И первое, что утверждает Белинский — это тесную связь поэзии народа с его историей. «Поэзия всякого народа находится в тесном соотношении с его историей: в поэзии и в истории равным образом заключается таинственная психея народа, и потому его история может объясняться поэзией, а поэзия историей» (V, 328). По памятникам народной поэзии «можно судить

¹ Здесь и в дальнейшем цитируется полное собрание сочинений В. Г. Белинского. Изд. Академии наук СССР Москва, 1953—1956 г.

о том, чем будет народ, что и как может из него развиться впоследствии», они «показывают историческую судьбу народа» (V, 329).

Критический разбор произведений народной поэзии Белинский основывает на истории народа, которую он рассматривает как ключ к пониманию народной поэзии. Критик утверждает, что в народной поэзии исторически выразилось миросозерцание народа, отразились национальные чаяния, стремление к государственности и независимости.

Мысль о тесной связи поэзии народа с его историей открывала путь к историческому пониманию национальной специфики. Русская народная поэзия «кипит» богатырями. В их образах отражаются идеалы народа. «Отвага, удалство и молодечество» в русских былинах являются «в таких широких размерах, в такой несокрушимой, исполинской силе, что перед ними невольно преклоняешься», — писал Белинский (V, 427). Везде в былинах виден русский национальный характер, который смотрит на мир удивительно трезво и спокойно, и как будто без увлечения, без экстаза рассказывает о необычайных подвигах богатырей. Идеалы русских богатырей просветлены чувствами долга, правды и доблести, и потому их сила решительно торжествует над всеми препятствиями. Русь в народной поэзии является «телом огромным, великим, кипящим избытком исполинских физических сил, жаждущим приять в себя великий дух и вполне способным и достойным заключить его в себе» (V, 427).

Коренными свойствами русского народа, исторически отразившимися в народной поэзии, Белинский считал ясность ума, талантливость, силу и сосредоточенность чувства, трезвый реализм, смелость, жизнелюбие, бодрость, сметливость и другие качества.

Определяющими чертами русского национального характера являются также отвага, «эта удаль, этот широкий размах души, которому море по колено, для которого и радость и горе — равно торжество, которое на огне не горит, на воде не тонет», «убийственный сарказм», «простодушно-язвительная ирония над жизнью, над собственной и чужою удалью, над собственной и чужою бедою», «способность не торолясь, не задыхаясь, воспользоваться удачею и так же точно поплатиться и счастьем и жизнью», «несокрушимая мощь и крепость духа», «которые есть как бы исключительное достояние русской природы» (V, 399).

В статье «Древние российские стихотворения» Белинский указывает, что важнейшие черты русской национальной специфики получили свое художественное выражение и в необыкновенно широком миросозерцании народной поэзии и в самом

характере ее исполинских образов. В художественном пересказе критика оживает мир русской былины с его необъятными просторами и глубокими горизонтами.

Белинский указывает, что былинный рассказ о рождении богатыря превращается в настоящую «апофеозу» богатырского рождения, полную величия, силы и того размахистого чувства, которому море по колено и которое есть исключительное достояние русского народа.

«А на небе просветя светел месяц, а в Киеве родился могуч богатырь, как бы молодой Волх Всеславьевич: подражала сыра земля, сотряслось славно царство Индийское, а и сине море сколебалося для ради рожденья богатырского молодца Волха Всеславьевича; рыба пошла в морскую глубину, птица полетела высоко в небеса, туры да олени за горы пошли, зайцы, лисицы по чащицам, а волки, медведи по ельникам, соболи и куницы по островам...» (V, 397).

Читая эти строки, нельзя не подивиться силе и размаху народной фантазии, той свободе, с какой она переносится из одной земли в другую, из стольного Киева в славно царство Индийское, опускается на дно морское и поднимается в небеса, охватывая единым взглядом всю необъятную ширь земли. Поражает и та полнота перевоплощения, которую обнаруживает критик, воспроизводя образы народной поэзии. Весь отрывок пронизывает ощущение необыкновенного простора. Самый подбор образов передает широту народного мирозерцания. Неспокойное синее море, бездонное голубое небо с высоко летящей в нем белой птицей, горы и дремучие леса, темные ельники, по которым «пошли» волки и медведи, все это создает ощущение такого широкого раздолья. Выражение коренных свойств национального характера Белинский видит и в особенностях казачьих исторических песен, в которых, по словам критика, отразились весь быт и вся история этой «военной общины, где русская удаль, отвага, молодечество и разгулье нашли себе гнездо широкое, раздольное и привольное» (V, 436). «Какая широкая и размахистая поэзия, сколько в ней силы и простору душевного!» — писал он (V, 436).

Прослеживая отличительные свойства русского национального характера в народной поэзии и форму их выражения, Белинский убедительно и тонко раскрывает определяющую роль общественных условий и тяжелых исторических испытаний, выпавших на долю русского народа. В этом весь пафос монументальной работы о народной поэзии. К этой мысли критик приходит и в других своих статьях 1840—1843 гг.

Приступая к характеристике русской народной лирической поэзии в статье «Древние российские стихотворения», Белинский исходит из географических факторов. Природа, географическое положение и климат страны, по его мнению,

оказывают сильное влияние на образование характера нации, на особенности ее лирического чувства. Так, своеобразные особенности русской природы определили бесконечно грустный характер лирической поэзии русского народа. Чтобы читатель полнее ощутил связь лирического чувства нации с родной природой, Белинский описывает природу и климат России. Вначале следует ряд картин, изображающих пейзажи, проникнутые тайной музыкой тонкого лирического переживания. Настроение светлой грусти при воспоминании о холодных днях поздней осени, когда обнаженные леса сквозят на холодном небе, сменяется чувством глубокой печали при мысли о снежных равнинах с потонувшими в них бедными деревеньками. Скрытый подтекст глубоким общественным пафосом насыщает лирические пейзажи Белинского. За картинами и образами русской природы встает другой эмоциональный образ — обобщенный образ великой Руси, широко раскинувшейся на необозримых пространствах своих печальных равнин, но опутанной цепями крепостничества.

Выпишем эти замечательные строки: «Как отличительный характер эпической поэзии — дух удайства, отваги, молодечества, так отличительный характер лирической поэзии — заунывность, тоска и грусть души сильной и мощной. Климат и географическое положение страны имеют сильное влияние на образование характера нации. Ровное, степное положение России, этот климат срединный, ни южный, ни северный, ни жаркий, ни холодный, этот год, состоящий из краткого лета, длинной осени и длинной зимы, — все это не могло не способствовать развитию в русском народе чувства бесконечной и глубокой грусти, как основного мотива его поэзии и музыки. Не забудьте, что колыбелью настоящей, коренной Руси были Новгород, Владимир, Рязань, Москва и Тверь, где небо так часто бывает свинцово и мелкий дождь однообразно падает на скользкую траву и уличную слякоть... А продолжительная русская зима с ее трескучими морозами и усеянным звездами небом, с ее пушистыми метелями, залепляющими очи путника, и ее заунывным ветром, который свободно гуляет по необозримой снежной равнине, унылсе однообразие которой изредка нарушается то печально зеленоющеюся елкою, то нагим лесом и беловатыми от инея сучьями!.. Вот скачет удалая тройка... путник глубоко забился в кибитку..., колокольчик надрывает ему сердце своим утомительным звоном; извозчик дает вздохнуть *родимым* — медленно идут они, он затягивает заунывную песню, — впереди ничего — только бесконечная снежная скатерть слизается вдаль с свинцовым небом... Да, тут необходима заунывная, протяжная песня ямщика — душа упивается полнотою собст-

венной грусти, ей так привольно в однообразной мелодии этих задушевных звуков» (V, 440—441).

Далее поле наблюдения расширяется. На смену тонко написанной картине приходит характеристика истории России. Белинский называет исторические и общественные причины, влиявшие на характер лирической поэзии. И дальше на протяжении всей статьи мы видим, как в ходе анализа географическое положение, природа и климат все более отодвигаются назад, и в повествование врывается мощный голос истории. Собственно, здесь нет детальной характеристики, продолжается все то же обобщенное описание. Белинский называет наиболее трагические эпохи русской истории, вызывающие широкий круг ассоциаций и представлений. Различные образы сменяют друг друга. Здесь и феодальные междоусобицы, и татарское иго, и кровавое правление Грозного, и Смутное время. Меняется и самый стиль повествования: сообщения становятся краткими, прерывистыми, язык — лаконичным. Все повествование овеивается ощущением мрачного величия сурового русского средневековья.

«Присовокупите ко всему этому медленное, тяжкое, испытательное историческое развитие Руси: междоусобия и темное владычество татар, которые приучили русского крестьянина считать свою жизнь, свое поле, свою жену и дочь, и все свое скудное достояние, считать их чужою собственностью, которая ежеминутно готова отойти во владение первого, кто, с железом в руке, вздумает объявить на нее свое право... Далее, кровавое самовластительство Грозного, смуты междуцарствия — все это так гармонировало и с суровой зимою, и с свинцовым небом холодной весны и печальной осени, и с бесконечностью ровных и однообразных степей... Вспомните быт русского крестьянина того времени, его дымную, неопрятную хижину, так похожую на хлев, его поле, то орошаемое кровавым потом своего владельца, то пустое, незасеянное, или затоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовою охотою помещика... Вспомните привычку русского человека, зашибив деньгу, зарывать ее в землю — и ходить в лохмотьях, есть черствый хлеб пополам с мякиной, стояя и жалуясь на нищету, — и поймите причину этой привычки...» (V, 441).

Какой же политический и социальный критерий отбирает явления из массы встающих в сознании критика картин истории и дает им оценку? Это прежде всего критерий исторической закономерности и исторической обусловленности национального характера особенностями истории народа. И здесь едва ли не первая роль принадлежит вековечному социальному угнетению русского крестьянина. Но более всего повлияла на грустный характер лирической поэзии тяжесть семейного быта древней Руси, в котором так или иначе отразились обществен-

ные отношения. И в этом смысле лирическая поэзия — «зеркало семейного быта древней Руси». «Лирическая поэзия...», — писал Белинский — вся посвящена семейному быту, вся выходит из него, — и потому она так грустна, так заунывна и нередко дышит таким сокрушительным чувством отчаяния и ожесточения» (V, 441—442).

В семейном быту происходила та же вечная борьба с враждебными обстоятельствами. Социальное угнетение, нищета, тяжелый труд крестьянина, зависимого от воли помещика, страшный гнет косного патриархального быта, при котором жена — то жертва насильственного брака, то жестокости мужа и его родни.

Все это оказывало огромное влияние на сложные человеческие отношения и положение личности в русском обществе. От того так печальны русские песни. В них выражается грусть — тоска могучей природы, беспощадной к себе в своём страдании. Но это чувство не обессилило русского человека, а только закалило его: «Здесь кстати мы должны заметить, что грусть русской души имеет особенный характер: русский человек не расплывается в грусти, не падает под ее томительным бременем, но упивается ее муками с полным сосредоточением всех духовных сил своих. Грусть у него не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселью, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой» (V, 442).

Объясняя национальное своеобразие и мотивы исторических песен и песен о разбойниках, Белинский также выдвигает на первый план социальные причины. Люди с сильным характером, не уживавшиеся с общественным порядком, бежали от социального и духовного гнета в привольные степи, на берега Волги-матушки, в низовья Дона. Это были бунтари-протестанты. В их подвигах, удалстве и разбойничестве выражался протест против социального строя и общественной морали. Сильная и широкая натура этих людей требовала и размаха для своей деятельности, но сдавленная формами общественной жизни, лишенная возможности употребить свои силы, искала выхода в упоении удалой жизнью и бранных подвигах.

«Стесненность и ограниченность условий общественной жизни, безусловная зависимость слабого и бедного от произвола сильного и богатого, словом, *кошихинский* характер администрации и общественной нравственности: все это заставляло людей, чаще всего с сильными натурами, искать какого бы то ни было выхода из тесноты и духоты на простор и приволье души» (V, 439). Отсюда и такие особенности русских песен о разбойничестве как «удальство и молодечество», «ироническая веселость, как одна из характеристических черт народа русского» (V, 439).

Через все статьи о народной поэзии проходит точка зрения убежденного революционного демократа — страстная мысль о противоречии форм общественной жизни богатырскому размаху и талантливости русского народа. По мысли критика, памятники фольклора красноречиво свидетельствуют о глубочайшем веками существовавшем трагическом противоречии между силой и одаренностью русского народа и общественными отношениями, основанными на тирании и подавлении личности. Эта исключительная неблагоприятность исторических условий, в которых проходило развитие русской нации, определили грустный характер национальной народной поэзии. Народная поэзия — живое свидетельство как русский человек рвется из тисков, из нескладных условий, требует чего-то своего, стремится к жизни по правде. Все задохнувшееся в нищете и голоде, в деспотизме отца, мужа, свекрови рвется на свободу, бунтует, не хочет покоряться и выражает свой протест то в кабацком разгуле, то в безумной удали, то в дерзких выходках просто так и для собственного удовольствия. За всей этой дикой сумятицей, именуемой русской жизнью, чувствуется горячая душа великого народа, которая жаждет правды, справедливости и размаха для своего творческого гения.

«Противоречие общественности с разумными потребностями и стремлениями человеческой природы, — писал Белинский, — становится обществом в трагическое положение. В нашей народной поэзии бездна трагических элементов, свидетельствующих о глубине и страшной силе русского духа, который, попавшись в противоречие, мстил и себе самому и всему окружающему» (V, 446).

Идеологи «официальной народности» доказывали, что русский народ был и остается верной опорой трону и православью. От этой теории почти не отличалась и славянофильская доктрина. И те и другие идеализировали отсталость и темноту забитого крестьянства, его долготерпение и религиозную созерцательность.

В 1845 г. М. П. Погодин напечатал в «Москвитянине» статью под таким громким заглавием: «Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала». В ответ на нее появилась статья П. В. Киреевского «О древней русской истории», а также статьи А. С. Хомякова «Мнение иностранцев о России» («Москвитянин», 1845) и «Мнение русских об иностранцах» («Московский литературный и учебный сборник на 1846 год»). В этих статьях «смирение» и «покорность» объявлялись коренными чертами русского национального характера. Славянофилы и защитники «официальной народности» утверждали, что эти качества выгодно отличают русский народ от народов Европы,

с их губительным безверием и растлевающим душу рационализмом.

М. П. Погодин в заметке «За русскую старину» печатно заявил, что русская земля смочена слезами, и что слезами, а не кровью русский народ отделался и от «варягов и татар, и Литвы, и жестокостей Иоанна Грозного... и нашествия двадцяти язык»¹. Славянофилы и убежденные приверженцы «официальной народности» доказывали, что «смирению» и «любви» соответствуют исконно национальные идеалы общественного и государственного устройства — общинное землевладение, монархическое правление и спасительное православие.

Эта реакционная концепция призывала к покорности и терпению, оправдывала самодержавие и крепостное право. Она возводила в национальное достоинство не «разум» нации, а ее «предрассудки», идеализировала косность отживших форм социально-экономической жизни, все то, что представляло, по словам Белинского, «недостатки нашей народности», вышедшие «не из духа и крови нации, но из неблагоприятного исторического развития» (V, 128).

Белинский выступил со страстной критикой этих псевдоисторических теорий. В борьбе со славянофилами критик создал свою революционно-демократическую концепцию русского национального характера. Она утверждала в качестве типичных национальных черт русского характера народную силу и духовную красоту.

Белинский решительно отвергал наветы о глубокой религиозности русского народа, о якобы присущем ему мистицизме. Русский народ реалистически воспринимает окружающую действительность такой, какова она есть, без прикрас и искусственности. Это его национальное отношение к ней. И в этом Белинский видел огромность исторических судеб русского народа в будущем. В рецензии на книгу Голикова «Деяния Петра Великого», — Белинский писал, что важное отличие русского мира — «отсутствие мистицизма и религиозной созерцательности» (V, 133).

Эту мысль он выдвигал с присущей ему страстностью и в «Письме к Гоголю»: «По-Вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиитизм, благоговение, страх божий... Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними» (X, 215). И несколько ниже заключал: «Русский народ не таков: мистиче-

¹ «Москвитянин», 1845, № 3, отд. V, стр. 32.

ская экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем» (X, 215).

Следующая задача, которая встала перед Белинским, состояла в том, чтобы, исходя из исторического понимания национальной специфики, постигнуть национальную самобытность художественной литературы. Как решал эту задачу Белинский в начале 40-х гг., можно проследить по статьям «Сочинения Державина» (1843), в основу которых была положена «историческая и социальная точка зрения». Белинский писал: «Так как искусство, со стороны своего содержания, есть выражение исторической жизни народа, то эта жизнь и имеет на него великое влияние...» (VI, 611).

Иллюстрируя эту мысль, он создает сжатые, но очень выразительные характеристики национальной физиономии европейских наций — итальянцев, французов, немцев и англичан. Вот как, например, описываются основные черты общественной жизни и национального характера Англии: «Человек в этом обществе ничего не значит сам по себе, но получает большее или меньшее значение от того, что он имеет или чем он владеет. Покорение сил природы на службу обществу, победа над материей, пространством и временем, развитие промышленности, как основной общественной стихии, как краеугольного камня здания общества, — вот в чем сила и величие Англии и ее заслуги перед человечеством» (VI, 615).

Немногом ранее в статье «Общее значение слова литература» (1840) Белинский так характеризовал Англию: «Английская национальность доселе представляет собою зрелище самых поразительных противоположностей. Всегда живя и действуя вне человечества, погруженная в свой национальный эгоизм, Англия тем не менее служит человечеству, заботясь только о собственных выгодах на чужой счет. Распространяя свою всемирную торговлю, а для этого распространяя свои завоевания на всем земном шаре, она по всему лицу его разносит семена европейской цивилизации. Опередивши всю Европу в общественных учреждениях, на совершенно новых основаниях, Англия в то же время упорно держится феодальных форм и чтит букву закона, потерявшего смысл и давно замененного другим. Политическое и религиозное ханжество англичане считают своею обязанностью, своею добродетелью, потому что оно им полезно, как опора их *statu quo*. ...Нигде нет ни такого чудовищного богатства, ни такой чудовищной нищеты, как в Англии. Нигде так не прочны общественные основы, как в Англии и нигде, как в ней же, не пахотятся они в такой опасности ежеминутно разрушиться, подобно чересчур крепко натянутым струнам инструмента, ежеминутно готовым лопнуть» (V, 644—645).

Мы прибегли к помощи этих довольно пространных выписок, чтобы показать, как глубоко понимал Белинский основные противоречия действительности, в данном случае английской, и их влияние на национальность. Утверждая решающую роль социально-исторических обстоятельств в образовании национальной специфики, Белинский ставит вопрос: «Что же, какая же сторона английской национальности преимущественно отразилась в английской литературе?». Он отмечает, что «Энергия национального духа англичан... трагически выражалась в политических и религиозных переворотах. Отсюда эта мрачность и суровое величие их поэзии; отсюда же происходят и их великие успехи в драматической поэзии: сама история Англии есть ряд трагедий, — и Шекспиру легко могла войти в голову мысль писать трагические хроники Англии» (VI, 617).

Перед нами отдельные высказывания критика о национальном облике Англии, английской литературе и творчестве её писателей. Но какое точное и меткое соотнесение особенностей национального характера с особенностями истории страны! И как концентрированное выражение этой связи и единства выступает характеристика своеобразия творчества великих писателей Англии Шекспира, В. Скотта, Байрона. «Читая Шекспира и Вальтера Скотта, видишь, что такие поэты могли явиться только в стране, которая развилась под влиянием страшных политических бурь, и еще более внутренних, чем внешних; в стране общественной и практической». (V, 645). И далее: «Читая Байрона, видишь в нем поэта глубоко лирического, глубоко субъективного, а в его поэзии — энергическое отрицание английской действительности; и в то же время в Байроне все-таки нельзя не видеть англичанина и притом лорда, хотя, вместе с тем, и демократа» (V, 645).

Национальное своеобразие английской литературы, её «мрачный титанический юмор» Белинский также объяснял противоречиями социально-исторической жизни.

Так Белинский пришел к выводу, что национальная специфика художественной литературы объективно обусловлена самим содержанием, своеобразием условий жизни и исторического прошлого нации. Это было материалистическое решение проблемы.

Мы уже отмечали, что в статьях 1840—1843 гг. наряду с материалистическим толкованием проблемы национальной самобытности встречаются пережитки идеализма. Вот как, например, во второй статье о «Деяниях Петра Великого» Голицына (1841) Белинский определял «субстанцию» народа. «Сущность всякой национальности, — писал он, — состоит в ее *субстанции*. Субстанция есть то непреходимое и вечное в духе

парода, которое, само не изменяясь, выдерживает все изменения, целостно и невредимо проходит через все фазисы исторического развития. Это зерно, в котором заключается всякая возможность будущего развития» (V, 123).

Здесь сущность национальной специфики признается категорией вечной, неизменной и в значительной степени предопределяющей характер и самый ход исторического процесса. Конечно, такое определение противоречило материалистическому пониманию.

Еще один пример. Разбирая памятники фольклора и показывая в непосредственном конкретном анализе глубокую национальную самобытность их идейного содержания, Белинский, однако, в «Древних российских стихотворениях» считает национальность качеством, которое является естественным следствием реализма художественного произведения. Здесь еще нет теоретически осознанной и сформулированной мысли о роли общественной тенденции. Но посмотрим, что говорит сам критик. «Если художник изображает в своем произведении людей, то, во-первых, каждый из них должен быть человеком, а не призраком, должен иметь физиономию, характер, нрав, свои привычки, словом все индивидуальные признаки, какими каждая личность отличается в действительности от всякой другой личности. Потом, каждый из них должен принадлежать к известной нации и к известной эпохе, ибо человек, вне национальности, есть не действительное существо, а отвлеченное понятие. Из этого ясно видно, что национальность в художественном произведении есть не заслуга, а только необходимая принадлежность творчества, являющаяся без всякого усилия со стороны поэта» (V, 317).

Не свободны от налета идеализма и суждения критика о соотношении общечеловеческого и национального содержания в искусстве. Но материалистическое существо в этих суждениях является решающим. Элементы идеализма присутствуют в определениях в виде устойчивых клише, сохранившихся от прежних философских воззрений, но утративших органическую связь с целым.

Материалистическое решение проблемы хотя и было обусловлено самоопределением критика на революционных и социалистических позициях, но оно подготавливалось завоеваниями его эстетической теории 30-х гг., всей предшествующей идейно-эстетической эволюцией. В частности, важные шаги были сделаны в период, когда поиски революционного мировоззрения временно привели Белинского к отказу от борьбы с самодержавием, к реакционному так называемому «примирению с действительностью».

Однако при изложении взглядов Белинского на проблему национальной самобытности искусства период «примирения

с действительностью», как правило, совершенно замалчивался. Такой подход к вопросу исключал возможность проследить преемственность развития эстетической мысли критика, которая всегда с удивительной последовательностью вырастала из прошлого и сохраняла с ним непосредственную связь. Но нарушалась не только преемственность, происходило выпрямление сложного пути Белинского. К сожалению, в идейном и эстетическом развитии Белинского «примирение» до сих пор остается наименее изученным вопросом.

Еще Г. В. Плеханов в своих трудах о Белинском подчеркивал, что в «примирительный период» критик целиком был поглощен решением первоочередной задачи, которую ставило общественное развитие России — преодолением рационалистического взгляда на историю и изучением общественного развития как законосообразного процесса¹.

Столь же плодотворная работа, вопреки примирительным настроениям, совершалась и в области эстетических воззрений. Именно в этот период углубляют и уточняют свое конкретное содержание многие из тех принципов, которые в последующем войдут в теорию реализма 40-х годов. Так, например, верное изображение действительности во времена «примирения» означало всестороннее воспроизведение объективной действительности как разумной и необходимой данности, но оно всегда предполагало раскрытие ее сущности в типическом. Это позволило Белинскому сделать значительный шаг в понимании самого принципа правдивости. Белинский вплотную подошел к пониманию обусловленности человека общественной средой. Конкретная логика анализа «Ревизора» в статье «Горе от ума» (1839) показывает зависимость гоголевских персонажей от среды и наглядно прослеживает влияние этой среды на человеческий характер.

Серьезные завоевания были сделаны и в разрешении проблемы национальной самобытности.

Правда, в статьях «Бородинская годовщина» (1839), «Очерки Бородинского сражения» (1839), «Менцель, критик Гёте» (1840) и других работах примирительного периода национальная самобытность искусства трактовалась с идеалистических позиций. По мнению Белинского, национальная жизнь всякого народа есть «разумно-необходимая форма общемировой идеи», а разумное сознание этой идеи есть цель жизни народа. Столь же абстрактно мыслилась критиком са-

¹ Г. В. Плеханов, Соч. Т. X, 223. См. А. Мясников. Борьба Плеханова за Белинского с реакционной критикой «Белинский — историк и теоретик литературы», М.—Л. 1949; Б. Бурсов. Плеханов и Белинский «Литературное наследство» т. 55, М. 1948.

мая специфика нации. Она выражается в мирозерцании народа, в его духовной «субстанции».

Белинский писал: «Особенность сознания, принадлежащего одному народу и отличающего его от всех других народов, состоит в его мирозерцании... А мирозерцание народа — это та «умственная призма», с несколькими первосушными цветами радуги», сквозь которую народ «созерцает тайну бытия всего сущего», это «тот инстинктивный внутренний взгляд на мир», с которым народ родится «как с непосредственным откровением истины» (IV, 418).

Мировоззрение народа Белинский считал той внутренней двигательной силой, которая предопределяет развитие исторического процесса и его особенности.

В соответствии с этими взглядами национальная специфика искусства понималась как отражение в литературе тайной непознаваемой «психеи» народа. Но, несмотря на абстрактное понимание самого существа вопроса, здесь имелись свои точки роста.

Все же определяющая роль в образовании «субстанционального начала» нации отводилась не мистическим силам, а объективным условиям.

«Исходный пункт жизни каждого народа, — писал Белинский в статье «Очерки Бородинского сражения», — скрывается в географических, этнографических, геологических и климатических условиях» (III, 329).

В период «примирения» особенно детальную разработку получает тезис о том, что национальная специфика заключается прежде всего в мирозерцании народа, а не только в обычаях, как это утверждали сторонники «травивальной простонародности». Именно с этих позиций Белинский вел последовательную борьбу с ложно-величавой школой «официальной народности».

* *

Еще в «Литературных мечтаниях» (1834) Белинский выступил против попыток реакционной печати свести национальную специфику к обычаям и нравам, к воспроизведению внешних сторон простонародного быта.

Уже тогда существование русской литературы для Белинского было неотделимо от ее народности. Под народностью в «Литературных мечтаниях» критик подразумевал самобытность. Отвечая на вопрос, в каких сторонах народной жизни наиболее ярко проявляется национальная специфика, Белинский сначала выдвигает следующее определение: «В чем же состоит эта самобытность каждого народа? В особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на пред-

меты, в религии, языке и более всего в *обычаях*. Все эти обстоятельства чрезвычайно важны, тесно соединены между собой и обуславливают друг друга, и все проистекают из одного общего источника — причины всех причин — *климата и местности*. Между сими отличиями каждого народа *обычай* играют едва ли не самую важную роль, составляют едва ли не самую характеристическую черту оных. Невозможно представить себе народа без религиозных понятий, облеченных в формы богослужения; невозможно представить себе народа, не имеющего одного общего для всех сословий языка; но еще менее возможно представить себе народ, не имеющий особенных, одному ему свойственных обычаев» (I, 35).

Какой же вывод следует из этого высказывания? Не вправе ли мы заключить, что в «Литературных мечтаниях» Белинский склонен был связывать национальную самобытность с изображением нравов и обычаев, в которых больше всего проявляются особенности народа? Но такой вывод был бы глубоко ошибочным! Весь дух «элегии в прозе» утверждает иные критерии национальной самобытности. В стремлении осмыслить всю русскую литературу с точки зрения выражения в ней народного мирозерцания Белинский тут же выдвинул новое определение, заставившее его сделать прямо противоположный вывод. «Истинная народность» (национальная самобытность — Р. Ю.), утверждает критик, состоит «в образе мыслей и чувствований, свойственных тому или иному народу». В качестве главного признака национального своеобразия Белинский выдвигает не обычаи, а образ мыслей и взгляд на предметы.

Такая постановка вопроса отличает Белинского от всей современной ему критики 30-х годов.

В соответствии с этим определением Белинский объявляет самобытной литературу, которая состоит из произведений писателей, «вполне выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнью которого они живут и духом которого дышат, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и биений» (I, 24).

Выражение такой стихийной и бессознательной народности Белинский видит в творчестве Крылова, Грибоедова и Пушкина.

* *
*

В 40-х годах главной сферой проявления национального критик считал особенности национального характера, мировоззрение народа, которые в свою очередь определяются особенностями социально-политического строя. Приступая к критическому разбору «Евгения Онегина» в VIII статье

о Пушкине (1844). Белинский четко формулировал эту мысль: «*Тайна национальности* каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи. Чтоб верно изображать какое-нибудь общество, надо сперва постигнуть его сущность, его особность — а этого нельзя иначе сделать, как узнав фактически и оценив философски ту сумму правил, которыми держится общество» (VII—443).

При этом Белинский подчеркивал, что национальная специфика проявляется не прямо и непосредственно в категориях социальной жизни, а существует как «сумма понятий и правил общества», пронизывает всю духовную жизнь народа, воплощается в морали, в нравственных убеждениях, этических и эстетических представлениях. Она «дает себя чувствовать даже в самых, по-видимому, мелочных обычаях и нравах».

«Для доказательства сошлемся на статью «Сочинения Державина» (1843), в которой Белинский, в период своего окончательного разрыва с Гегелем, писал: «Таким образом, основная идея национально-исторического значения народа, как воздух — основной элемент всякого существования, — проникает насквозь и внутреннюю и внешнюю жизнь народа, давая себя чувствовать и как сумма нравственных убеждений и принципов общества, и как образ и форма жизни, — то есть как нравы и обычаи народа» (VI, 618).

Чем глубже Белинский проникал в произведения национальных поэтов, тем яснее ему становилось, что исконно национальной формой эстетического освоения действительности для русского народа был реализм. Критический реализм как литературное направление Белинский считал той непревзойденной национальной художественной формой, которую создал русский народ.

Наше литературоведение убедительно показало, что важнейшим условием национальной самобытности литературы Белинский считал правдивое воспроизведение действительности. В освещение этого вопроса ряд исследователей внес интересные наблюдения и соображения, особенно А. Лаврецкий, Н. Мордовченко, Б. Бурсов. Но до сих пор речь шла главным образом о самом утверждении этого тезиса, и, естественно, исследователи ограничивали свою задачу обоснованием этого принципиального положения.

Между тем перед литературоведами давно уже встала весьма важная задача, разрешение которой необходимо для освоения наследия Белинского — всесторонний анализ тех эстетических закономерностей, которые связывают реализм и национальную самобытность в его эстетике в неразрывное целое.

Для доказательства тесной связи реализма и национальной самобытности у Белинского очень часто ссылаются на известное высказывание в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» («Если изображение жизни верно, то и народно») как на формулу в целом, замечательно точно выражающую существо проблемы в эстетике Белинского 40-х гг. Во многих статьях все аргументы исчерпываются этой формулой. Это высказывание Белинского 30-х гг. переходит без всяких пояснений из статьи в статью, где только идет речь о народности или национальности. Какой же смысл вкладывал Белинский в формулу «если изображение жизни верно, то и народно» в 30-е годы? И насколько ее содержание совпадает с трактовкой 40-х гг.?

Многое из философско-эстетических взглядов Белинского, добытое в 30-е гг. ценою мучительных идейных кризисов и поисков активной действительной истины, как уже найденное, входит в реалистическую теорию сороковых годов. Трудно говорить о путях, какими шло преодоление идеалистической концепции национального своеобразия у Белинского в 30 годы, как критик шел от абстрактного понимания «психеи» народа к подлинному историзму 40-х годов и что нового он дал по сравнению со своими предшественниками в мировой эстетической мысли, если не изучать со всею серьезностью не только передовую современную русскую критику и материалистические теории зарубежной эстетики, но и не говорить в полный голос о концепции национального в классическом идеализме, в особенности у Гегеля.

В последние годы в литературе о Белинском усиленно культивировалась точка зрения, согласно которой Белинский только и знал, что критиковал Гегеля. Все, что им было достигнуто, оказывается завоеванным *вопреки* Гегелю и *против* Гегеля. Эта ложная концепция в корне противоречила истории мысли в России, она искажала действительную картину развития эстетических воззрений Белинского и отрывала русскую эстетику от величайших достижений мировой культуры.

Без правильной, объективной оценки философско-эстетического наследия Гегеля в развитии Белинского невозможно определить место критика в мировой эстетической мысли. Без этого нельзя понять, какие великие проблемы эстетики, оказавшиеся непреодолимыми для идеализма, были разрешены русским мыслителем. Ведь Белинский вывел искусство из того тупика, куда вела его эстетика идеализма, и выход был найден в реализме.

В первый период деятельности критика его концепция национальной самобытности развивалась под влиянием теории «реальной поэзии» и идеалистической философии. В период идеализма природа таких категорий, как «дух народа», на-

циональная специфика, историческая жизнь нации мыслилась как идеальная, так же как сущность объективной действительности. В 30-е годы у Белинского не было конкретно-исторического понимания национальной специфики, не было и понимания исторической обусловленности национальной самобытности литературы. С другой стороны, концепция национальной самобытности литературы тесно связывается с реализмом. Уже в «Литературных мечтаниях» Белинский ставил в зависимость национальную самобытность русской литературы от правдивого изображения русской действительности: *«Итак, наша народность, — писал он, — состоит в верности изображения картин русской жизни»*. (I, 94).

Это не могло не порождать и на деле порождало глубокие внутренние противоречия в самой концепции национальной самобытности. Но влияние реализма было определяющим. Критик опирался на художественный опыт русской литературы. Глубокое проникновение в национальное своеобразие творчества писателя приходило в столкновение с отвлеченным содержанием таких понятий, как «дух народа», историческая жизнь нации и т. д.

Белинский остро «ощущал» это противоречие. Позиция просветителя-демократа, живое развитие литературы, как самая жизнь, брали верх. Они были той двигательной силой, которая определяла развитие концепции национальной самобытности и ее сильных сторон. И мы видим, как под влиянием произведений русских писателей в могучем порыве мысль критика прорывается сквозь идеалистический туман. Лучшие страницы критических статей Белинского 30-х годов «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835), «Стихотворения Кольцова» (1835), «Ничто о ничем» (1836) овеяны мощным дыханием и глубоким чувством национальной самобытности Гоголя и Пушкина.

От статьи к статье в течение 1835—1836 гг. все более конкретизируется и уточняется понятие национального характера народа и своеобразия его литературы. В конкретном анализе Белинский может показать национальность созданных писателем образов, но в теоретическом осмыслении проблемы начинает вступать в свои права идеализм.

Какой же смысл вкладывался Белинским в 30 гг. в понятие верного воспроизведения картин русской жизни, как необходимого условия национальной самобытности литературы? Реализм мыслился Белинским как раскрытие в образах — типах общих свойств и закономерностей действительности. Объективно изображая действительность, искусство раскрывает её сущность, ее идеальную природу, скрытую от повседневного наблюдения. Реалистическое искусство представлялось Белинскому свободным от общественной тенденции.

Говоря о проблеме национальности искусства, нужно помнить, что вопрос этот тесно связан в эстетике Белинского с проблемой типического. В 30-е годы критик понимал типичность как выражение сущности, в индивидуальном, в конкретном, разумея под сущностью «идею».

Правдивое изображение действительности в эстетической теории Белинского 30-х годов требует объективного всестороннего изображения её типических сторон. Связь между реализмом и национальной самобытностью выступает в теории критика в такой ведущей закономерности «реальной поэзии», которая предполагает изображение существенных сторон национальной жизни в типических характерах. Статьи «О русской повести» и «Ничто о ничем» показывают, что национальность Гоголя и Пушкина Белинский связывал с образами Татьяны, Онегина, Ольги, стариков Лариных, Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича как «лицами типическими», принадлежащими «исключительно к русскому миру».

И все же разрыв между реализмом изображения национальной жизни у классиков и его истолкованием в теории Белинским оставался. Он выражал слабые стороны эстетической теории тридцатых годов. Объясняя национальность Пушкина и Гоголя правдивым изображением действительности, Белинский оказывается не в силах раскрыть связь их народности с реалистическим методом изображения человека в его общественных взаимоотношениях со средой.

В 30-е годы реализм еще не был понят и теоретически истолкован как правдивое изображение человека в обществе и общества в человеке, как метод, открывающий широкие возможности для проникновения в глубь общественных отношений, анализа и оценки социальной действительности.

Выход был найден в мысли о том, что художник, принадлежа к определенному народу, правдиво воспроизводя действительность, не может не показать характер нации. Белинский считал, что национальная самобытность выражается в творении художника бессознательно, самопроизвольно. Ведь вся теория реализма 30-х годов исходила из представления об искусстве как проявлении стихии «бессознательного», а затем и «непосредственного» творчества.

Именно такой смысл имеет высказывание Белинского в статье «О русской повести». «Повести г. Гоголя народны в высочайшей степени; но я не хочу слишком распространяться о их народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условие истинно художественного произведения, если под народностью должно разуместь верность изображения нравов, обычаев и характера того или другого народа, той или другой страны. Жизнь всякого народа проявляется в своих, ей одной свойственных, формах, следовательно, если изобраа-

жение жизни *верно*, то и *народно*. Народность, чтобы отразиться в поэтическом произведении, не требует такого глубокого изучения со стороны художника, как обыкновенно думают» (I, 295).

Вывод совершенно ясен!

В 40-е годы Белинский по-прежнему видел национальную самобытность литературы в правдивом воспроизведении действительности. Для Белинского Пушкин и Гоголь — великие национальные поэты постольку, поскольку они «поэты действительности».

Однако теперь связь национальной специфики искусства с реализмом мыслится на новой основе. Критический реализм как национальную художественную форму с ее ярко выраженной социальной тенденцией Белинский обосновал самими внутренними закономерностями метода художественного реализма, показывающего человека как продукт социальной среды и национальной истории во всей его внутренней психологической сложности и противоречивости.

Проблема национальной самобытности, таким образом, становится на прочные основы разработанной в 40-е годы теории реализма.

Такое понимание национальной самобытности вытекает из материалистического истолкования сущности искусства. Выдвигая реализм как художественный метод, который обеспечивает национальность и народность, Белинский исходит из того, что главное достоинство реализма заключается в его способности давать объективное всестороннее и перспективное изображение действительности.

В 30 г. самая природа человека понималась Белинским абстрактно, зависимость человека от среды еще не была осмыслена критиком как социальная, общественная, историческая. В 40-е годы материализм Белинского рассматривает человека как существо общественное, активное, целиком зависящее от социальной среды¹. Причиной отрицательных явлений в жизни является не испорченность отдельных людей или природы человека вообще, а неправильное устройство общественной и политической среды. «Зло скрывается не в человеке, но в обществе».

В статье о Пушкине Белинский писал: «Создает человека природа, но развивает и образует его общество. Никакие обстоятельства жизни не спасут и не защитят человека от влияния общества, нигде не скрыться, никуда не уйти ему от него» (VII, 485). Осознав тесную связь частной жизни отдельного человека с жизнью общества и его историей, он, естественно,

¹ См. М. Поляков. Проблема «природы» человека в социологии Белинского. В. Г. Белинский. Сборник статей и документов к биографии. Пенза, 1948 г.

приходил к выводу, что при изменении общественных порядков и среды должен измениться и человек. Рассматривая с таких позиций литературные произведения, он глубоко постиг метод художественного реализма и понял социально-историческую обусловленность его принципов.

В статье «Русская литература в 1843 году» Белинский писал: «как как действительные люди обитают на земле и в обществе, а не на воздухе, не в облаках, где живут одни призраки, то, естественно, писатели нашего времени вместе с людьми изображают и общество. Общество также — нечто действительное, а не воображаемое, и потому его сущность составляют не одни костюмы и прически, но и нравы, обычаи, понятия, отношения и т. д. Человек, живущий в обществе, зависит от него и в образе мыслей и в образе своего действия. Писатели нашего времени не могут не понимать этой простой, очевидной истины, и потому, изображая человека, они стараются вникать в причины, отчего он таков или не таков, и т. д. Вследствие этого, естественно, они изображают не частные достоинства или недостатки, свойственные тому или другому лицу, отдельно взятому, но явления общие». (VIII. 82).

Таким образом, принцип правдивости в эстетике Белинского 40-х годов предполагает изображение человека и общества в их социальных, исторических и национальных взаимосвязях.

Критический разбор произведений великих национальных поэтов построен у Белинского на разрешении вопроса, виновата ли во всех описанных несчастиях злая воля отдельных людей, как это пытались представить противники гоголевского направления, или же объективная сила общественно-политических обстоятельств.

Используя конкретный материал художественных произведений, Белинский доказывает, что виноваты не люди, а социальные порядки, и, следовательно, задача состоит в том, чтобы изменить основы общественно-политического строя. Героя Гоголя дурны не по натуре, а по воспитанию, и вина за это лежит на обществе, ибо таковы господствующие в нем моральные, этические и эстетические представления. ...«Находя лица, изображенные Гоголем, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличивают дело и грубо его понимают. Эти лица дурны по воспитанию, по невежественности, а не по натуре, и не их вина, что со дня смерти Петра Великого прошло только 116, а не 300 лет». (VI, 359—360).

Эту национальную особенность критического реализма Белинский отмечал и у Герцена. Как художник и социолог, Герцен прослеживает влияние крепостнической действитель-

ности на человеческую личность. «Выводимые им (Герце-ном — Р. Ю.) на сцену лица — люди не злые, даже большею частью добрые, которые мучат и преследуют самих себя и других чаще с хорошими, нежели с дурными намерениями, больше по невежеству, нежели по злости. Даже те из его лиц, которые отталкивают от себя низостью чувств и гадостью поступков, представляются автором больше как жертвы их собственного невежества и той среды, в которой они живут, нежели их злой натуры. Он изображает преступления, не подлежащие ведомству законов и понимаемые большинством, как действия разумные и нравственные» (X, 325).

Советское литературоведение показало неразрывную связь проблемы национальной самобытности в теории Белинского с учением об общественной тенденции¹. В рамках данной статьи нет никакой нужды повторять то, что уже установлено. Однако, следует отметить, что *зависимость* между национальной самобытностью и общественной тенденцией все же осталась недостаточно раскрытой.

С самоопределением на революционных и социалистических позициях Белинский стал отчетливо сознавать, что основным пороком его взглядов на национальную самобытность («народность») в тридцатые годы была трактовка последней как бессознательного выражения в искусстве абстрактно понятого миросозерцания народа, его «субстанции» или, как часто говорил Белинский, «психеи народа».

В сороковые годы эволюция Белинского идет не только по линии материалистического понимания национальной специфики. Обосновывая зависимость национального характера искусства от действительности и особенностей исторического прошлого, он соединяет понятие национальной самобытности с идеями патриотизма и освободительной борьбы, с учением о роли общественной тенденции в искусстве.

Главную роль в раскрытии основного противоречия национальной жизни — противоречия между формами общественной жизни и возможностями национального характера — Белинский отводил идейным позициям писателя, а в самом искусстве — социальной тенденции.

В работах сороковых годов он показал, что осознанная общественная тенденция становится в национальном искусстве условием его эстетической значимости и что это, в свою очередь, приводит к развитию национальной художественной

¹ См. А. Лаврецкий. О мировом значении критики Белинского «Литературное наследство», т. 55, М. 1948; Б. Бурсов. Проблема реализма в эстетике революционных демократов. М.—Л. 1953.

формы¹. Передовая общественная позиция писателя расширяет возможности реалистического метода, она позволяет глубже раскрыть влияние среды на национальный характер, а тем самым и сущность национальной действительности. Таким образом, преодоление слабых сторон концепции национальной самобытности искусства тридцатых годов тесно связано с преодолением ошибочных представлений о художественном творчестве как стихии бессознательного. Именно на этих путях Белинский утверждает понимание национально-самобытного искусства как искусства передового, тесно связанного с интересами масс.

В статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1841) Белинский выдвинул новое понимание «субъективности», как способности художника откликаться на общественные запросы своего времени и произносить суд над явлениями жизни. Это новое понимание «субъективности» тесно связывается с «социальностью», с идеей отрицания, без которой было бы невозможно критическое изображение крепостнической действительности.

В этой статье Белинский впервые соединяет понятия «субъективности» и «народности». Народность Лермонтова Белинский истолковал как его гражданский пафос, как волнующую думу поэта о судьбах родины и народа, как беспокойно страстное отношение поэта к изображаемым явлениям русской жизни: «По этому признаку мы узнаем в нем поэта русского, *народного*, в высшем и благороднейшем значении этого слова, — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества» (IV. 521).

В том, что в эстетике Белинского национальная самобытность соединяется с передовой идейностью, убеждает и концепция национальной самобытности творчества Гоголя. Согласно взглядам Белинского, после написания «Мертвых душ» Гоголь «стал русским национальным поэтом во всем пространстве этого слова».

В чем же усматривает Белинский национальную самобытность «Мертвых душ»?

В смелом и прямом взгляде на русскую жизнь; в бесстрашном протесте против окружающей пошлости и несправедливости, в глубоком юморе, в их бесконечной иронии, в субъективности. «Величайшим успехом и шагом вперед считаем мы со стороны автора то, — писал Белинский, — что в «Мертвых душах» везде ощущаемо и, так сказать, осязаемо проступает его субъективность». (VI. 217). Белинский имел в виду «не ту субъективность, которая по своей ограничен-

¹ См. А. Лаврецкий, В. Г. Белинский. М.—Л. 1948. Б. Бурсов, «Вопросы реализма в эстетике революционных демократов». М. 1953.

ности или односторонности, искажает объективную действительность изображаемых поэтом предметов; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность», которая не допускает писателя «с апатическим равнодушием быть чуждым миру им рисуемому...» (VI. 217—218).

Национальное значение «Мертвых душ» Белинский связывал с их реализмом, с характерами действующих лиц и подробностями русского быта, с их пафосом бесстрашного обличения, социальным, общественным, историческим содержанием.

Показав теоретическую несостоятельность идеалистической концепции искусства как иррационального проявления творческого духа, Белинский выдвинул тезис о необходимости сознательной связи искусства с передовыми идеями общества. В этом убеждала логика развития русской литературы, и особенно трагический пример Гоголя.

В критическом разборе Белинского 40-х годов сливаются в едином синтезе все стороны проблемы. Так, например, показать национальную самобытность «Евгения Онегина», значит для Белинского «раскрыть по возможности отношение поэмы к обществу, которое она изображает» и говорить о вопросах, которых «сумел коснуться» Пушкин. Анализ включает в себя раскрытие реализма и идейного содержания, и изумительно тонкое ощущение в индивидуальном облике героя черт национальной психологии.

Белинский показал ту незаметную, не яркую, не бросающуюся в глаза, часто скрытую от поверхностного взгляда, но тем более истинную привлекательную красоту национального характера, носителями которого являются не гениальные, а обыкновенные, хотя и недюжинные русские люди, такие, как Онегин, Печорин, Бельтов и многие другие более скромные герои литературных повестей и рассказов. Поэтому статьи о творчестве великих национальных художников имеют и второй поэтически обобщенный план. Он создается мыслями о глубине и одаренности русского человека, грустной и скорбной думой о напрасно пропадающей красоте. Эти раздумья критика перерастают в страстную революционную проповедь, в гневный призыв к ниспровержению строя, искажающего и уродующего человеческую личность.

Онегина и Татьяну, Печорина и Бельтова сближает страстное стремление к полноценной и осмысленной жизни, к единству красоты и правды, беспокойные искания, глубокое презрение. Замечательные русские люди становятся жертвами собственного превосходства. Они родились на добро, но их естественное стремление к разумной достойной жизни не находит удовлетворения, обращается против них, становится источником страданий.

Создав образы лучших представителей дворянской интеллигенции, русские писатели подняли на огромную высоту критику крепостнической действительности. Они показали противоречие между современным обществом и подлинной красотой человека. Они раскрыли несоответствие и враждебность феодально-крепостного строя национальному характеру, мучительный разрыв между красотой и действительностью, между подлинно человеческим и нравственным, который существует в обществе.

В сороковые годы Белинский считал, что подлинно национальное искусство не должно ограничивать себя жизнью одного какого-нибудь сословия, его содержанием должна стать жизнь всей нации во всем ее многообразии, жизнь всех социальных слоев и классов. Для подлинно национального искусства важно в первую очередь идейное освещение изображаемых явлений, в соответствии с которым воспроизводится жизнь того или иного класса.

Национальный поэт может постигнуть сущность национальной действительности, раскрыть ее важнейшие тенденции, если он умеет верно воспроизводить жизнь и высших, и низших сословий. Поэт, чьи произведения вращаются в тесном круге патриархальной крестьянской жизни, не может претендовать на звание великого национального художника. Художник не имеет материала для полного освещения жизни всей нации, если из художественного интереса исключается жизнь «образованных сословий», т. е. передовой части русского общества. «Разгадать тайну народной психеи — для поэта значит уметь равно быть верным действительности при изображении и низших, и средних, и высших сословий. Кто умеет схватывать резкие оттенки только грубой простонародной жизни, не умея схватывать более тонких и сложных оттенков образованной жизни, тот никогда не будет великим поэтом и еще менее имеет право на громкое титло национального поэта. Великий национальный поэт равно умеет заставить говорить и барина и мужика их языком» (VII, 439).

Усиливающийся в середине 40-х годов интерес к изображению жизни народа реакционный лагерь стремился использовать в своих целях. Приверженцы «официальной народности» и объективно смыкавшиеся с ними славянофилы ограничивали национальную самобытность литературы изображением жизни крестьянства¹. Попытка славянофилов и защитников «официальной народности» отождествить национальную самобытность литературы с изображением жизни крестьянства Белинский характеризует как «выгодную литературную спекуляцию на имя народа».

¹ См. В. Я. Пропп. Белинский о народной поэзии «Вестник Ленинградского университета» № 12, 1953.

В VIII статье о Пушкине критик писал: «Все сказанное нами было необходимым отступлением для опровержения неосновательного мнения, будто бы в деле литературы чисто русскую народность должно искать только в сочинениях, которых содержание заимствовано из жизни низших и необразованных классов». И далее: «Вследствие этого странного мнения, оглашающего «не русским» все, что есть в России лучшего и образованнейшего, — вследствие этого лапотно-сермяжного мнения какой-нибудь грубый фарс с мужиками и бабами есть национально-русское произведение, а «Горе от ума» есть тоже русское, но только уже не национальное произведение: какой-нибудь площадный роман, вроде «Разгуля купеческих сынков в «Марьиной роще», есть хотя и плохое, однако, тем не менее национально-русское произведение, а «Герой нашего времени», хотя и превосходное, однако, тем не менее русское, но не национальное произведение... Нет, и тысячу раз нет!» (VII, 438—439).

Критик призывал вооружиться против псевдонационального направления в литературе «всею силою здравого смысла, всею энергиею неумолимой логики». Он доказывал, что славянофильское понимание национальной самобытности призывало «омужичиться», опуститься до уровня патриархального крестьянства. Этой узкосословной, в конечном счете, дворянской точке зрения Белинский противопоставлял свою революционно-демократическую точку зрения. В пылу полемики критик даже намеренно заострял свои формулировки, утверждая, что для подлинного национального искусства изображение жизни «образованных», высших сословий обязательно. «Пора, наконец, догадаться, что, напротив, русский поэт может себя показать истинно национальным поэтом, только изображая в своих произведениях жизнь образованных сословий» (VII, 439).

В середине 40-х гг., настаивая на необходимости воспроизводить жизнь всей нации, всех сословий, он считал, что в центре национального искусства должна стоять именно жизнь образованных сословий, наиболее прогрессивных кругов русского общества, в деятельности которых национальные стремления и чаяния народа получают свое идеальное, идейное осознание. Она должна изображаться не изолированно от жизни других слоев и классов, от народного быта, но как подлинный центр общественной жизни. «Наша поэзия, напротив, должна искать для себя материалов почти исключительно в том классе, который, по своему образу жизни и обычаям, представляет более развития и умственного движения. И если национальность составляет одно из высочайших достоинств поэтических произведений, — то, без сомнения, истинно национальных произведений должно искать у нас только между

такими поэтическими созданиями, которых содержание взято из жизни сословия, создававшегося по реформе Петра Великого и усвоившего себе формы образованного быта» (VII, 435).

Национальную особенность пушкинского романа Белинский видел и в изображении жизни той передовой части общества, откуда вышли первые русские революционеры из дворян. «В этой решимости молодого поэта представить нравственную физиономию наиболее оевропеившегося в России сословия нельзя не видеть доказательство, что он был и глубоко сознавал себя национальным поэтом» (VII, 440). Принадлежность Пушкина к просвещенному дворянству дала ему возможность подняться до служения всей нации, а значит и всему народу. Художественное воспроизведение «внутренней жизни» наиболее передовой части русского дворянского сословия, «в котором почти исключительно выразился прогресс русского общества» (VII, 447), позволило Пушкину раскрыть сущность крепостнической действительности.

Эти положения тесно связаны у Белинского с концепцией об исторической роли дворянства в первой четверти XIX века. Вслед за Пушкиным и декабристами Белинский видел в передовой части дворянства единственного носителя прогресса в исторических условиях первых десятилетий XIX века. Идея Белинского о представительстве декабристами народных интересов может быть понята в свете высказываний Ленина о дворянском периоде освободительного движения.

* *

*

В связи с тем, что в концепцию национальной самобытности вошла на правах эстетической категории общественная тенденция, перед критиком встала необходимость согласовать это новое понимание с искусством как искусством. Именно поэтому Белинский усиленно и настойчиво подчеркивал, что народность это особая способность не всегда равнозначная таланту творчества.

В статье «Иван Андреевич Крылов» (1845) Белинский писал: «...народность есть своего рода талант, который, как всякий талант, дается природою, а не приобретается какими бы то ни было усилиями со стороны писателя. И потому способность творчества есть талант, а способность быть народным в творчестве — другой талант, не всегда, а, напротив, очень редко являющийся вместе с первым» (VIII, 565).

Это положение эстетики Белинского глубоко раскрывает ту специфическую взаимосвязь, которая существует между талантом и народностью писателя в смысле национального своеобразия его созданий. Без таланта творчества, утверждает критик, невозможно быть народным. Подлинный талант — это первое условие народности писателя. Однако, имея талант

творчества, можно еще и не быть народным. Талант народности есть способность художника выражать своею личностью характерные свойства своих соотечественников.

Национальным делает художника его общественная позиция, его мировоззрение, его натура. Художник должен обладать острым видением национальной действительности, должен ощущать всем своим существом противоречия жизни и чувствовать их тем глубоко национальным чувством, как чувствует и переживает сам народ, все общество, вся нация. «Без натуры же, как ни бейтесь — народным не будете». А когда способность творчества соединяется с талантом народности, то «нет ничего легче, как быть народным». В этом случае национальность является естественным следствием настоящего таланта.

В строгом смысле всякий художник, принадлежа к той или иной национальности, несет в себе черты национальной психологии. Принадлежа нации, он не может не быть национальным. Но весь вопрос заключается в том, какие черты своей национальности и национальной жизни своего народа ярко и сильно выражает он в своих произведениях. В соответствии с этим могут быть «таланты обыкновенные», «великие» и «гении». «Это зависит от степени, в которой известная личность выражает собою дух своей нации. Организация одного вмещает в себе лучшие, высшие стороны национального духа; организация другого обнимает собою менее характеристические стороны народности; один выражает собою многие, другой весьма немногие стороны субстанции своего народа». (VIII, 570).

Эти положения своей эстетической теории Белинский разъясняет, сравнивая творчество Пушкина с поэзией Кольцова и Крылова. Пушкин — поэт народный, и Кольцов — поэт народный, разница между ними, утверждает Белинский, заключается в объеме не одного таланта, но и самой народности. Белинский всегда подчеркивал, что поэт, талант которого лишен национальной самобытности, есть явление «временное и преходящее». И напротив, «народный поэт есть явление *действительное* в философском значении этого слова... он всегда опирается на прочное основание — на натуру своего народа, и во внимании к нему выражается акт самосознания народа» (VIII, 570).

В произведениях великого писателя нация познает свою жизнь, осознает потребности своего национального развития. Эти произведения становятся актом национального самосознания. «Народность» в большом национальном поэте «есть своего рода гениальность».

Национальная самобытность литературы неотделима в эстетике Белинского от ее мирового, общечеловеческого зна-

чения. «Противоположная сторона «народности» — есть «общее» в смысле «общечеловеческого». Как ни один человек не должен существовать отдельно от общества, так ни один народ не должен существовать вне человечества... Народ, не сознающий себя живым членом в семействе человечества, есть не нация, но племя» (V, 305).

Белинский считал, что истинной самобытностью обладает только та литература, которая имеет общечеловеческое содержание. В статье «Древние российские стихотворения» Белинский писал: «Очевидно, что только та литература есть истинно народная, которая, в то же время, есть общечеловеческая; и только та литература есть истинно человеческая, которая в то же время есть и народная» (V, 306).

В 40-е годы «общечеловеческое» содержание означало у Белинского не проявление абстрактного «абсолютного» и «мирового», а заключало в себе конкретно-историческое содержание. Под общечеловеческим содержанием прежде всего подразумевались прогрессивные идеи, выражающие дух и интересы времени. «Что такое общечеловеческое?» — спрашивал критик. И отвечал: «Разумеется, то, что составляет общий интерес всех и каждого, то, что всех волнует, во всяком находит отзыв, служит невидимым рычагом деятельности всех и каждого» (V, 313).

Общечеловеческие идеи Белинский раскрывал в моральных категориях, приобретающих в мировоззрении революционной демократии глубокий смысл. «Общее» Белинский определяет как идеи «блага», истины, красоты, долга, чести, славы, доблести, знания и т. д.

Все эти понятия входили в систему мировоззрения формирующейся революционной демократии, образуя прочный идейный комплекс. Идеология революционеров-разночинцев, опираясь на идейное наследие декабристов, вырабатывала новые понятия о «гражданине», отечестве, гражданском долге, чести, истине, знании, красоте и т. д. Этические и эстетические нормы революционной демократии всем своим внутренним смыслом отрицали устой русского крепостнического строя, открыто противостояли самовластию, отстаивали свободу личности, выступали против сословности. Формируя национальное сознание на новом этапе освободительного движения, они разрушали сознание феодальное. В мировоззрении революционеров-демократов весь этот комплекс идей неразрывно был связан с понятием о «человечестве». Выступать против феодально-крепостнического строя в России значило для Белинского быть горячим другом и защитником «человечества».

В своих статьях Белинский глубоко раскрыл и обосновал диалектику взаимоотношения общечеловеческого и национального. Общечеловеческое содержание искусства существует только в национальной форме и определяется всемирно-

историческим значением, которое приобретает историческая действительность той или иной нации. «Человеческое... приходит к народу не извне, а из него же самого и всегда проявляется в нем национально». Общечеловеческое и национальное настолько взаимосвязаны, что их отношение Белинский часто представляет как отношение содержания и формы. Общечеловеческое без национальной специфики — это содержание без формы, так же как национальная самобытность, лишенная общечеловеческого содержания, — это форма без содержания.

Общечеловеческое, мировое содержание живет в искусстве только в национальной форме. «Чтобы народ был действительно историческим явлением, необходимо, чтобы его народность была только формой, проявлением идеи человечества, а не самую идею» (V, 306).

Общечеловеческое значение национальной, русской литературы Белинский измерял тем всемирно-историческим значением, какое приобретала борьба русского народа и его литературы против абсолютизма.

Свои взгляды об отношении «общечеловеческого» и «национального» в искусстве Белинский отстаивал в борьбе против западников, космополитов и националистических идей славянофилов.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» Белинский выступает с последовательной критикой взглядов В. Майкова, рассматривавшего «национальное» и «общечеловеческое», как взаимоисключающие начала. В этой связи первостепенное значение приобретает вопрос об отношении личности к национальности, как к определяющему ее развитие началу. Космополиты разделяли нацию на большинство (народ) и меньшинство (гениальные личности). Гению они приписывали качества, отличные от народа. Как и славянофилы, космополиты отождествляли с идеей народности обычай и предрассудки, косность и отсталость.

Белинский утверждал общественную, историческую зависимость личности от нации. А то, что космополиты и резонеры называют борьбой общечеловеческого элемента с якобы консервативным национальным началом, на самом деле есть борьба «нового со старым», «разума с предрассудками».

Однако в сороковых годах можно встретить и противоречивые высказывания Белинского, в которых выражаются слабые стороны его мировоззрения. С одной стороны, Белинский ставил Пушкина в один ряд с мировыми гениями Шекспиром, Сервантесом, Гете и Байроном. С другой стороны, Белинский заявлял, что творчество Пушкина не имеет мирового значения,

поскольку еще не сложилась русская национальность и не определилось ее общечеловеческое содержание.

Многие исследователи Белинского, следуя его субъективной терминологии, отождествляют понятия народности и национальности в эстетике критика, мало обращая внимания на эволюцию объективного содержания самих эстетических принципов. Так поступает в своей содержательной статье «Белинский и русская народная поэзия» М. Азадовский; народность и национальность почти полностью отождествляются и в ряде диссертаций о Белинском. Такой наивно-реалистический подход к вопросу, естественно, не позволял видеть те тенденции, которые вели к научному определению в теории Белинского понятий народного и национального в искусстве. Но именно этот процесс мы наблюдаем в эстетике Белинского 40-х годов.

Содержание терминов народность и национальность на различных этапах развития Белинского далеко не одинаково. Известно, что словом «народность» Белинский в 30 и 40-ые годы чаще всего обозначал понятие национальной самобытности искусства. Что касается категории народности, то отдельные стороны этого критерия включались в понятие национальной самобытности, в то время как другие обозначались иными словами и осмысливались в аспектах, отличных от идеи национального своеобразия искусства. И ещё один важный момент. Вопрос о народном и национальном в эстетике Белинского, как правило, рассматривается в полном отрыве от социологических взглядов критика. Между тем, не выяснив границы содержания категорий «племя», «народность», «нация», нельзя решать вопрос о народности и самобытности искусства в критике Белинского.

В начале 40-х гг. Белинский разграничивал понятия «национальность» и «народность». В рецензии на труд Голикова «Деяния Петра Великого» критик писал: «Слова *народность* и *национальность* только сходственны по своему значению, но отнюдь не тождественны, и между ними есть не только оттенок, но и большое различие» (V, 121).

Эта разница определялась историческими категориями нации и народности. Под «народом» Белинский подразумевал «низший слой государства», тогда как «нация» выражает собою понятие о совокупности всех сословий государства» (V, 121).

Определение нации как высшей совокупности всех сословий выражает у Белинского идею национальной общности. Рево-

люционное движение на новом разночинском этапе продолжало работать над созданием национальной общности и формированием национального сознания. Феодално-крепостной строй разделял общество на сословия, разобщал людей резкими сословными преградами. Формировать национальную общность значило выступать против крепостничества. «Революционный лозунг всеобщего равенства, противопоставленный феодальной сословности, — пишет М. В. Нечкина об эпохе революционной ситуации 1818—1819 гг. в России и Европе, — работает на создание национальной общности»¹. Этот лозунг сохраняет свою силу и в эпоху Белинского. Понятие национальности в мировоззрении критика, выражая революционную идею национальной общности, включает в себя требование ликвидации сословного строя.

Отсюда «народность» относится к «национальности», как видовое, низшее понятие — к родовому, высшему, более общему понятию» (V, 121). Народность несет в себе возможность нации. «В народе ещё нет нации, но в нации есть и народ» (V, 121).

В начале 40-х годов Белинский определял содержание народности так: «Народность... предполагает что-то недвижимое, раз навсегда установившееся, не идущее вперед; показывает собою только то, что есть в народе налицо в настоящем его положении» (V, 123).

Отношение Белинского к «народности» определялось его позицией просветителя, борца против средневековой косной патриархальности. В позитивное понимание существующей категория народности в то же время включает её отрицание. По своему существу это была революционная точка зрения, направленная на революционное преобразование действительности.

Народность Белинский считал первым моментом национальности, первой ступенью в развитии нации. Завершение процесса становления русской нации Белинский связывал с эпохой и реформами Петра I. В отличие от народности национальность в своем развитии «сближает самые противоположные явления». «Под «нацией» разумеют весь народ, все сословия, от низшего до высшего, составляющие государственное тело» (VII, 333). Национальность обеспечивает обществу внутреннюю непосредственную органическую связь, без которой немыслима никакая устойчивая общность. Нация нужна государству, но и государство нужно нации, иначе оно будет механическим конгломератом, а не жизнеспособной общностью людей.

¹ М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М, 1951, стр. 327.

По мысли Белинского, именно народные массы являются подлинным носителем истинно национальных стремлений и силой, способной осуществить национальные чаяния. Великий русский революционный демократ неустанно подчеркивал, что «многочисленнейший и низший класс в государстве, обыкновенно называемый народом», в противоположность «обществу», под которым критик подразумевал среднее и высшее сословия, есть «хранитель сущности духа народной жизни».

О том, что нация для Белинского — это её большинство, народ, свидетельствуют и статьи о Пушкине, в которых критик, определяя понятия народный и национальный поэт, писал: «Под «народом» всегда разумеют массу народонаселения, самый низший и основной слой государства» (VII. 333).

Белинский стремится установить связь понятий народного и национального. «Но из сего отнюдь не следует, чтобы там, где есть народность, не было национальности: напротив, общество есть всегда *нация*, еще и будучи только *народом*, по *нация* в возможности, а не в действительности». (V, 124). Белинский приходит к мысли, что «национальность и субстанция народа есть одно и то же». (V, 124).

Поэтому национальное начало в искусстве мыслится Белинским как высшее, но оно не исчерпывается в теории критика идеей национального своеобразия, а включает в себя и содержание, которое обозначается понятием народности.

Таким образом, в эстетике Белинского происходит демократизация содержания национальной самобытности.

В последний период деятельности критика одним из принципов народности литературы в его эстетике становится принцип демократизма. Появление в литературе, наряду с образами лучших представителей дворянской интеллигенции, героев из социальных низов, знаменует демократизацию русской литературы. Обобщающая мысль Белинского с присущей ей социальной и эстетической чуткостью уловила то, что, начиная с Пушкина и Гоголя, еще только прокладывало себе дорогу в русском реализме.

Метод многостороннего и широкого изображения человека и действительности приводил ко все большему проникновению литературы в глубины социальных противоречий современного общества и человеческой личности. Анализируя содержание общественных отношений, русская литература все больше приближалась к «прозе жизни», к «толпе»; ширились рамки охвата национального содержания. Различные слои народа становились объектом художественного исследования. Литература проникала в глубь положения и психологии социальных

низов. Этот процесс составлял содержание не только русского, но и мирового искусства. Демократизация литературы становилась одной из важнейших закономерностей литературного процесса XIX века. Между тем авторы статей и диссертаций принцип демократизма у Белинского нередко сводили к вопросу о доступности литературы народным массам. Трудно согласиться с таким толкованием. Вопрос о демократизации литературы для Белинского — это прежде всего вопрос о характере литературы, вопрос об обращении литературы к новым темам и новому литературному герою, к обыденной повседневной действительности с её темными и светлыми сторонами, к быту и психологии широких народных масс. Осуществление этих принципов критик видел в произведениях «натуральной школы».

В статье «Русская литература в 1845 году» существенную заслугу «новой литературной школы» Белинский видит в том, что «от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой «толпе», исключительно избрала ее своим героем, изучает ее с глубоким вниманием и знакомит её с нею же самою» (IX. 388). Обращение русской литературы к воспроизведению жизни народа Белинский расценивал как её демократизацию, как утверждение на началах подлинной народности и национальности. «Это значило, — писал Белинский, — повершить окончательно стремление нашей литературы, желавшей сделаться вполне национальной, русскою, оригинальною и самобытною; это значило сделать её выражением и зеркалом русского общества, одушевить её живым национальным интересом». (IX. 388).

Значение литературного манифеста «натуральной школы» имели сборники «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846). Здесь были напечатаны «Бедные люди» Достоевского, «Капризы и раздумье» Герцена, «Три портрета» и «Помещик» Тургенева, стихотворения Некрасова, «Парижские увеселения» Панаева, статья Белинского «Мысли и заметки о русской литературе». Теоретическому обоснованию принципов гоголевского направления Белинский посвятил две программные статьи «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846).

Выступая с боевой антикрепостнической программой, Белинский требовал от современной литературы более последовательного раскрытия крестьянской темы, чем это было до сих пор в произведениях Пушкина, Гоголя и Крылова. Насколько можно судить по отдельным высказываниям, гораздо более удовлетворяли его в этом отношении «Записки охотника» И. С. Тургенева. По словам критика, Тургенев в рассказе «Хорь и Калиныч» зашел к народу с такой стороны, с какой

до него к нему никто ещё не заходил». (X, 346). В «Записках охотника» Белинский ценит критику крепостнических отношений и глубокое раскрытие духовной красоты народного характера. В обзоре 1847 г. и в «Ответе «Москвитянину» он сочувственно отозвался о произведениях Григоровича «Деревня» и «Антон-Горемыка». Подлинный интерес к разработке крестьянской темы Белинский отмечал и в физиологических очерках Даля.

Разбирая проблему демократизации русской литературы, Белинский придавал важное значение теме «маленького» человека. Показ судьбы и положения обыкновенного человека в современном обществе разоблачает всякую идеализацию существующих общественных отношений. Скучная своим драматизмом, и потому более потрясающая правда о человеке, страдающем от своей социальной приниженности, отвечала эстетическим установкам и социалистическим воззрениям Белинского¹. В трактовке этой темы Белинский выдвигал на первый план её гуманистическую основу. «Благороднейшую миссию» русского поэта Белинский видел в «оправдании благородной человеческой природы» и «преследовании ложных и неразумных основ общественности, искажающей человека».

Гуманизм автора Белинский подчеркивал в «Бедных людях» Достоевского. В статье «Петербургский сборник» критик писал: «Мысль автора гораздо глубже и гуманнее; он в лице Макара Алексеевича показал нам, как много прекрасного, благородного и святого лежит в самой ограниченной человеческой натуре» (IX, 554). Муза Достоевского «любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: «Ведь это тоже люди, ваши братья!». (IX, 554).

В художественном воспроизведении народной жизни в качестве главной задачи критик выдвигал требование изображения социальных отношений в крепостной деревне. Об этом можно судить по статьям последних лет. В статье «Русская литература в 1845 году» критик-демократ требует от литературы изучения «характера, положения, потребностей, нужд крестьянской массы».

Правдивое изображение тяжелого экономического положения народа и мирозерцания крестьянина Белинский отмечал у Кольцова, в песни которого вошли, по выражению критика, «и другие, может быть, еще более общие элементы, из которых слагается русский простонародный быт. Мотив многих его песен составляет то нужда и бедность, то борьба из копейки, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу-мачеху» (IX, 534).

¹ См. Н. Мордовченко. Белинский и русская литература его времени. М.—Л. 1950.

Белинский заложил и эстетические основы демократизации русской литературы. Апологеты «высокого» искусства отвергали так называемую «низкую» природу, утверждая, что для подлинного искусства интерес может представлять судьба и сложная психика образованного человека.

В борьбе с реакционной критикой, защищающей «чистое искусство», Белинский провозглашал принципы, согласно которым народное реалистическое искусство должно изображать человека любого сословия и звания. В статье «Ответ Москвитянину» Белинский писал: «Всякий человек, на какой бы низкой ступени общества и даже человеческого достоинства ни стоял он, имеет полное право на внимание искусства потому только, что он человек». (X, 242).

Гуманизм и народность искусства должны проявляться в «симпатии к человеку во всяком состоянии и звании». Отстаивая демократический характер национального искусства, Белинский боролся за нового героя — человека из народа, считая, что только появление в литературе представителя низов может повернуть её лицом к народу.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г», обосновывая право «мужика» быть объектом художественного изображения, он писал: «Природа — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик — не человек? — Но что может быть интересного в грубом, необразованном человеке? — Как что? — Его душа, ум, сердце, страсти, склонности, — словом, все то же, что и в образованном человеке». (X, 300).

Превосходство светского, «образованного» человека над мужиком состоит только в образовании. И это отнюдь не исключает, что крестьянин может быть выше светского человека по уму, богатству чувства и характеру.

Национальная литература должна изучать жизнь народа, рассказывать обществу, что думает, переживает, чувствует народ, каковы его чаяния и надежды. Тогда она внесет свой вклад в дело его освобождения. Именно поэтому Белинский и считал, что героем современной литературы должен стать мужик, положение которого она должна освещать с позиций передовой идейности. «Мужик — человек, и этого довольно, чтобы мы интересовались им так же, как и всяким баринном. Мужик — наш брат по Христу и этого довольно, чтобы мы изучали его жизнь и быт его, имея в виду их улучшение. Если мужик не учен, не образован — это не его вина (X, 81), — писал Белинский в рецензии на «Повести и сказки казака Луганского».

В своих выступлениях против апостолов невежества и рабства Белинский раскрывал узкосословную сущность их взглядов на назначение искусства. Он доказывал, что, ограничивая

содержание искусства жизнью высших сословий, защитники «чистого искусства» хотят целиком поставить его на службу командующим классам. Искусство превращается в их руках в «невинное и полезное занятие, которое должно тешить читателя, представляя ему только приятные картины жизни, рисуя только образованных людей» (X, 242). Само собой разумеется, неотесанным мужикам в зипунах и лаптях нет места в таком искусстве.

Другим принципом народности литературы в 40-е годы Белинский считал доступность. Опираясь на этот критерий, он иногда разделял понятия народного и национального. «Национальный поэт выражает в своих творениях и основную, безразличную, неуловимую для определения субстанциальную стихию, которой представителем бывает масса народа, и определенное значение этой субстанциальной стихии, развившейся в жизни образованнейших сословий нации» (VII, 333). И дальше выдвигал такое определение народности, которое было основано на принципе известности: «Народный поэт — тот, которого весь народ знает» (VII, 332).

Белинский считал, что литература не может служить выражением народного сознания, если она не доступна широким народным массам. В этом смысле доступность в понимании критика отождествляется с «публичностью». Там, где существует связь литературы с народными массами, писатель выражает народное сознание.

В статье «Взгляд на русскую литературу в 1840 году» Белинский ставит в непосредственную зависимость народность от «публичности»: «Где есть публика, там писатели выговаривают народное содержание, вытекающее из народного мирозерпцания...» (IV, 427).

Принцип доступности выдвигался им ещё в 30-е годы. В 1835 г. в рецензии «О жизни и произведениях сира Вальтера Скотта. Соч. Аллана Каннингама» Белинский оценивает народность Пушкина, Грибоедова и Крылова с точки зрения известности их произведений народу.

Одним из бесспорных доказательств народности Гоголя и направления «натуральной школы» Белинский считал широчайшую известность их произведений всей читающей России¹.

Критерий известности не был решающим у Белинского. Но иногда в оценке народности писателя критик исходил из этого принципа. Но в этом случае он приходил к ошибочным выводам. Не в силах разрешить противоречие между подлинной народностью русской литературы и недоступностью её в условиях крепостнического строя широким массам, Белинский отказывал в народности Пушкину¹. Он заявлял, что

¹ См. Д. Д. Благой. Белинский и Пушкин. «Белинский — историк и теоретик литературы». М.—Л. 1949.

место народного поэта ещё никем не занято в русской литературе, что оно будет занято тогда, «когда русский народ весь сделается грамотным народом».

В последние годы критической деятельности Белинского национальное все более осмысливается им на основе народного. Под нацией Белинский подразумевал народ. Одной из ведущих тенденций в его эстетике являлось все большее подчинение национальной самобытности принципу народности.

Критерием народности литературы становится в эстетике Белинского степень выражения литературой интересов народа и соответствия её идейного содержания стремлениям широких народных масс.

Конечный результат, к которому шла мысль Белинского, можно выразить словами: подлинно народное искусство всегда национально — подлинно национальное искусство всегда народно.

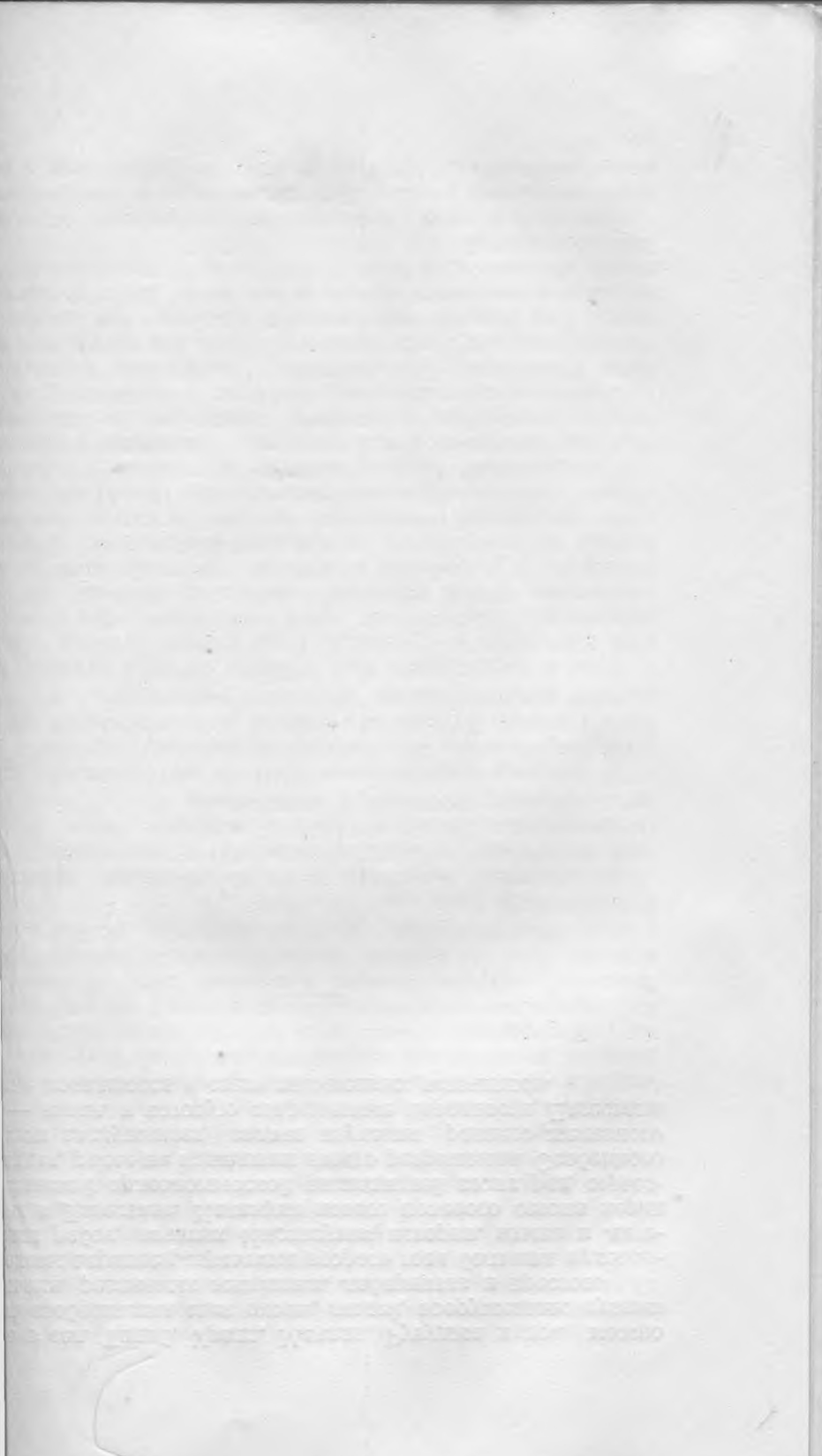
Проницательно и убедительно просто указал Белинский на демократизм искусства как единственно верный путь к его национальной самобытности и народности: «Для всего должно существовать наслаждение прекрасным. Для этого наука и искусство должны быть сведены с их высокого недоступного для толпы пьедестала и через это приближены к понятию масс».

instituteofhistory.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

У. А. МЕЙЛАНОВА

Кандидат филологических наук

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЮНЕЙСКОГО ДИАЛЕКТА ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

Лезгинский язык, как и другие языки Дагестана, имеет ряд диалектов. В настоящее время известны пять диалектов: гюнейский, яркинский, курахский, ахтынский и кубинский. Исследование этих диалектов имеет важное значение для изучения истории лезгинского языка, для разработки его научной грамматики и т. д. Между тем диалекты лезгинского языка до последних лет оставались почти не изученными.

Исследователи лезгинского языка П. К. Услар и профессор Л. И. Жирков ограничивались отдельными попутными замечаниями по поводу того или иного диалекта лезгинского языка. Профессор А. Н. Генко оставил после себя небольшой труд, посвященный диалектологии лезгинского языка¹.

Известная работа П. К. Услара «Кюринский язык»² построена на материалах одного из говоров яркинского диалекта лезгинского языка. В работе П. К. Услара, однако, приводятся отдельные языковые факты, имеющие место в том или ином говоре гюнейского диалекта, например, в стальском или касумкентском говорах, которые ближе к яркинскому диалекту по сравнению с другими говорами гюнейского диалекта.

П. К. Услар делит лезгинский язык на два диалекта — кюринский и ахтынский, но и эти два диалекта, по мнению Услара, «мало различаются между собой». В самом деле, диалекты лезгинского языка, сравнительно с диалектами других языков Дагестана, меньше разнятся между собой. Это относительно большее единообразие диалектов лезгинского языка и заставило одного из популяризаторов трудов П. К. Услара Л. Загурского отрицать самостоятельность ах-

¹ А. Н. Генко. Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие. Изв. АН СССР, 1929 г.

² П. К. Услар. Кюринский язык, Тифлис, 1896 г.

тынского диалекта и считать его «говором кюринского наречия»¹.

Позже профессор А. Н. Генко, занимавшийся, в частности, языками лезгинской группы, обнаружил в лезгинском языке еще третий диалект — кубинский, который он считал промежуточным между двумя первыми². Но и А. Н. Генко не исследовал ни одного из диалектов лезгинского языка — его работа представляет собой лишь некоторые материалы по исследованию ахтынского и кубинского диалектов.

В дальнейшем это число диалектов лезгинского языка не оспаривал ни один исследователь. Больше того, чем глубже изучался лезгинский язык, чем шире анализировались его факты, тем сильнее крепло мнение о наличии в нем трех самостоятельных диалектов.

Профессор Л. И. Жирков, написавший грамматику лезгинского литературного языка, нашел возможным разбить диалект, называемый кюринским, на три самостоятельных диалекта: гюнейский (лежащий в основе литературного языка), северный (один говор которого описан П. К. Усларом) и курахский. Мнение профессора Л. И. Жиркова не было целиком поддержано последующими исследователями лезгинского языка. М. М. Гаджиев¹ и Е. А. Бокарев² различают в лезгинском языке три диалекта: кюринский, ахтынский и кубинский, а основой литературного языка считают один из говоров кюринского диалекта, а именно гюнейский говор.

Такая противоречивость во взглядах на число диалектов лезгинского языка объясняется тем, что эти диалекты никем полностью не исследовались.

Непосредственное исследование диалектов, распространенных на территории бывшего Кюринского округа, название которого было дано диалекту, позволяет согласиться с мнением Л. И. Жиркова о наличии в так называемом кюринском диалекте трех самостоятельных диалектов, один из которых — гюнейский и является объектом данной работы.

Понятно, что между диалектами, распространенными на территории бывшего Кюринского округа, наблюдается меньше расхождений, чем в диалектах, распространенных на отдаленных друг от друга территориях. Естественно поэтому, что между кюринскими диалектами труднее провести резкие гра-

¹ Л. Загурский. Заметки о кюринском языке. Сб. свед. о Кавк. горцах, вып. VIII, 1875, стр. 6.

² А. Н. Генко. Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие. Изв. АН СССР, 1929 г.

³ М. М. Гаджиев. Лезги чІалан грамматика. Синтаксис, Дагудпедгиз, 1950 г.

⁴ Е. А. Бокарев. Краткие сведения о языках Дагестана, Махачкала, 1949 г.

пицы, чем, скажем, между одним из кюринских диалектов и ахтынским или кубинским диалектом.

Дальнейшее глубокое исследование диалектов лезгинского языка, надо думать, даст возможность окончательно разрешить этот и другие вопросы лезгинской диалектологии.

Известно, что в момент становления литературного языка, выбор диалекта для его основы обуславливается обстоятельствами не чисто лингвистическими, а обстоятельствами общественно-политического, экономического и культурного характера. Эти обстоятельства в основном и предопределяют судьбу литературного языка. Гюнейский диалект в этом отношении не составляет исключения.

Территория бывшего Гюнейского участка Кюринского округа¹ представляла из себя узел, где перекрещивались важнейшие шоссейные и грунтовые дороги, ведущие на северо-запад к Южно-Табасаранскому участку (ныне Хивский район), Курахскому участку (ныне Агульский район), а также в Казикумухский округ (ныне Кумухский и Лакский районы), на запад к Курахскому и Кутуркюринскому участкам (ныне Курахский район и горная часть Касумкентского района) Кюринского округа; на юго-запад к Самурскому округу (ныне Докузпаринский, Ахтынский и Рутульский районы) и в Кубинский уезд Бакинской губернии (ныне составляет несколько районов, в том числе Кусарский и Кубинский, Азербайджанской ССР).

Жители Гюнейского участка, расположенного в плоскостной зоне и частью в предгорьях Южного Дагестана, занимались в основном хлебопашеством, а также садоводством и частично животноводством. Селение Касумкент — центр бывшего Гюнейского участка и Кюринского округа — был и торговым центром местности. Здесь происходили крупные воскресные ярмарки, куда съезжалось население не только из Кюринского, но и из всех близлежащих округов — Самурского, Кайтаго-Табасаранского и Казикумухского, а также из Кубинского уезда Бакинской губернии.

В Гюнейском участке было развито также мелкое кустарное производство, особенно ковроткачество.

Что касается речи жителей Гюнейского участка, то исследование ее фонетических, грамматических и лексических особенностей показывает, что именно она послужила базой для создания лезгинского литературного языка.

Необходимость исследования гюнейского диалекта как основы литературного языка диктуется соображениями и тео-

¹ Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г., ч. VI. Дагестанская область. Тифлис, 1899 г.

ретического и практического порядка. Оно поможет обогащению и дальнейшему развитию его орфографических и орфоэпических норм и т. д.

Территория распространения гюнейского диалекта простирается от Курахского и Докузпаринского районов с юго-запада на юго-восток до границ Азербайджанской ССР и на восток к Хошмензилю и Белиджи до самого Каспийского моря. С севера граница гюнейского диалекта идет по северо-западной и северо-восточной части Касумкентского района, к северу от реки Курах-чай (селения Ялцугар, Хутарг, Рухун, Цициг, Цмур, Векеляр, Куркент, Нютюг, Зизик, Корчаг).

Территория распространения гюнейского диалекта охватывает почти весь Магарамкентский район, расположенный по нижнему течению реки Самур от селения Мугерган до Каспийского моря, за исключением селений Гильяр и Куйсун. Сюда входят селения Мугерган, Кирка, Хорель, Джебель, Магарамкент, Хакикент, Яраг-Казмаляр, Юхари-Яраг, Оружба, Азад-Оглы, Тагиркент-Казмаляр, Целегюн-Казмаляр, Хтун-Казмаляр, Биль-Биль-Казмаляр, Чахчах-Казмаляр, Пиперкент-Казмаляр.

Кроме Магарамкентского района, гюнейский диалект охватывает большую часть Касумкентского района: Касумкент в центральной части района, а также селения Ашага-Стал, Орта-Стал и Юхари-Стал — на северо-востоке, селения Ашага-Араг, Юхари-Араг, Ашага-Картас, Юхари-Картас, Кахцуг, Зухрабкент, Даркуш, Татарханкент, Уллу-Гатаг (Гатаг), Испик, Буткент, Шихикент, Сальян, Сайтаркент, Птикент и др.

Гюнейский диалект, таким образом, объединяет речь свыше сорока населенных пунктов, расположенных на крайнем юго-востоке лезгинской территории Дагестана. Однако, границы территории гюнейского диалекта нельзя считать окончательно установленными до тех пор, пока не будут исследованы соседние диалекты с их говорами.

Перейдем к краткой характеристике особенностей гюнейского диалекта. Гюнейский диалект разбивается нами на пять говоров: магарамкентский, касумкентский, стальский, испикский и гатагский. Каждый говор, за исключением касумкентского, который в силу особого положения сел. Касумкент как центра бывшего Кюринского округа, объединяет речь нескольких населенных пунктов. Речь жителей селения Касумкент носит несколько смешанный характер и выделена нами в отдельный говор.

Сравнительно большим единообразием отличается речь населенных пунктов, расположенных на территории Магарамкентского района (если не считать речь двух селений Гильяр и Куйсун, которые по известным нам данным обнаруживают

сходство с кубинским диалектом и выходят за пределы диалекта гюнейского).

К магарамкентскому говору мы относим речь четырнадцати селений, вместе с рядом выселков или хуторов, жители которых являются сравнительно давними переселенцами из соответствующих селений. Жители всех этих селений говорят на том же магарамкентском говоре с отдельными мелкими различиями фонетического или лексического порядка. Основной особенностью, отличающей этот говор, является отсутствие в нем звонкой свистящей аффрикаты **дз**. Гласный **аь**, общий вариант фонем **а** и **э** в данном говоре отличается от этого звука других говоров гюнейского диалекта — он менее открытый, без гортанного оттенка, ближе к **э**. Говор этот отличается еще тем, что здесь гласным компонентом аффиксов местных падежей V серии является звук **е**, а не **аь**, а гласный компонент у аффикса эргативного и всех производных от него падежей множественного числа субстантивированных притяжательных местоимений, прилагательных, числительных и других склоняющихся слов с аффиксом субстантивации **бур** в этом говоре превращается в гласный **и**: **абри** — они эргативный падеж, в литературном языке **абру** и т. д. Эти черты, не говоря уже о других мелких фонетических и лексических особенностях, и положены нами в основу классификации говоров данного диалекта.

Говор селения Касумкент отличается наличием в нем звонкой свистящей аффрикаты **дз**, которая здесь употребляется во всех без исключения словах, в которых по некоторым другим говорам мы наблюдаем факультативное употребление **дз** и **з** или только последнего звука.

Гласный **аь** в касумкентском говоре, более открытый, чем в магарамкентском, имеет несколько гортанный оттенок. Он встречается в большом количестве слов и выступает в качестве компонента аффиксов местных падежей V серии.

В касумкентском говоре, правда, в очень ограниченном количестве слов (таких, как **гачурун** — пачкать, **гачун** — брать и др.) встречается очень близкий к заднеязычному шумному смычному глухому **къ**. Звук этот можно характеризовать как заднеязычный шумный звонкий согласный, средний между **къ** и **г**, с переходом от глухости к звонкости, что схематически можно изобразить так: **къ > гг > г**.

В лексике касумкентского говора имеется ряд слов, характерных для яркинского диалекта: **шун** — итти, **куьр** — хлев, **кIвэгь** — рассол брынзы.

К стальскому говору относится речь трех селений Ашага-Стал, Орта-Стал и Юхари-Стал, расположенных на северо-востоке территории гюнейского диалекта, на границе с яркинским диалектом. Следующий населенный пункт Куркент

по своим фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям относится к яркинскому диалекту. Стальский говор можно назвать в некотором смысле переходным говором от гюнейского к яркинскому диалекту, особенно по речи самого северного селения Юхари-Стал.

В стальском говоре имеется ряд особенностей, сближающих его с яркинским диалектом, — очень открытый и гортанный характер гласного **аь**, употребление этого звука в аффиксах местных падежей пятой серии, наращение сонорного вибранта **р** на конце формы повелительного наклонения отдельных глаголов: **акур** — смотри, **повидай**, **джузур** — спроси и др. Эта повелительная форма глагола как диалектная встречается и в стихотворении С. Стальского «Ответ Г. Ахтынскому».

В этом говоре имеет место целый ряд случаев делабиализации отдельных звуков как гласных, так и согласных. Так, например, слово **тлуьн** — есть, кушать, **тлуьна** — съел, в говоре встречается и в форме **тлина**. Такая форма слова **тлуьн** совершенно не характерна для гюнейского диалекта.

Кроме того, в этом же говоре мы находим ряд лексических единиц в форме, зафиксированной в работе П. К. Услара: **гизаф** — много (литературное **гзаф**), **хъисен** — хорошо, хороший (литературное **хъсан**), **запун*** — мыло (литературное **запун**).

В лексике стальского говора встречается группа слов, заимствованных из азербайджанского языка, которая имеет в лезгинском языке соответствующие эквиваленты. Например: **давшан** — заяц (лезгинское **кьюьр**), **къенчи** — ножницы (лезгинское **мукIратI**), **чефтел** — персик (лезгинское **гугъри**), **тава** — сковорода (лезгинское **ягълав**), **къирмиз** — красный (лезгинское **яру**).

Несмотря на эти частные особенности, по основным своим данным стальский говор следует отнести к гюнейскому диалекту.

Говоры испикский и гатагский занимают центральную и юго-западную часть территории гюнейского диалекта.

Испикский говор объединяет речь селений Испик, Шихикент, Буткент, Сайтаркент. В этом говоре имеется звук **аь**, по характеру своему такой же как **аь** касумкентского говора, а также аффриката **дз**. В местных падежах V серии здесь употребляется гласный **е** так же, как и в литературном языке. В этом говоре формативом аффиксов местных падежей

---

* Ввиду ограниченности типографских возможностей долгота гласных будет обозначаться двойным гласным звуком.

I серии является только звук — г, который в других говорах употребляется факультативно с литературным — в.

Гатагский говор объединяет речь селений Уллу-Гагаг (центральное на этой территории селение, по имени которого назван говор), Татарханкент, Даркуш, Птикент, Ашага-Араг, Юхари-Араг, Ашага-Картас, Юхари-Картас, Зухрабкент, Кахцуг и др.

Гласный **аь** гатагского говора несколько отличается от этого звука магарамкентского и касумкентского говоров. Он произносится более открыто, чем магарамкентский и менее открыто, чем касумкентский или стальский **аь**. В отличие от **аь** магарамкентского говора здесь чувствуется некоторая глоттизация.

Звук **аь** в данном говоре имеет несколько большее значение и употребление, чем в магарамкентском или в испикском говорах. Этот звук входит в аффиксы местных падежей V серии.

В некоторых словах гатагского говора встречается и **дз** (не во всех словах, где мы имеем этот звук в касумкентском, стальском и испикском говорах).

Гласный **у**, компонент аффиксов эргативного и производных от него падежей субстантивированных местоимений, прилагательных, причастий и т. д. в гатагском говоре переходит в **и**: **ибри** — эти (эргативный падеж) литературное **ибру**; **муькуьбриз** — другим (дательный падеж) литературное **муькуьбруз** и т. д.

Гюнейский диалект в целом имеет ряд фонетических, грамматических и лексических особенностей, отличных от норм литературного языка.

Фонетика

Звуковой состав гюнейского диалекта в основном совпадает со звуковым составом лезгинского литературного языка. Здесь та же система гласных, что и в литературном языке: **а**, **у**, **уь**, **и**, **э**. В гюнейском диалекте немалое значение имеет и звук **аь** — вариант фонем **а** и **э** (охарактеризованный выше). В нескольких словах, таких, как **менфят** — польза, **сят** — час, часы и др., мы имеем йотированный **а**, который графически изображается знаком **я** и в лезгинском алфавите. В начале слов, в целом ряде односложных слов и в аффиксах местных падежей V серии в литературном языке звук **аь** не встречается. Его заменяет звук **е**. Гласного **ы**, который в литературном языке встречается только в словах, заимствованных из русского языка, в гюнейском диалекте нет, а гласный **о** употребляется факультативно с **у** в отдельных словах, также заимствованных из русского языка.

В системе согласных гюнейского диалекта имеется звонкая шипящая аффриката **дж**, звонкая свистящая аффриката **дз** и гортанный звонкий щелевой **гI** (арабский айн), который в данном говоре фонематического значения не имеет и встречается лишь в некоторых словах арабо-персидского происхождения.

В целом ряде слов гюнейского диалекта и литературного языка имеют место соответствия гласных и согласных звуков. Наиболее характерными для гюнейского диалекта являются соответствия следующих звуков.

В ряде односложных и многосложных слов, там где в литературном языке мы имеем гласный переднего ряда **е**, в гюнейском диалекте (за исключением некоторых слов по магарамкентскому говору) встречается гласный переднего ряда **аь**:

Диалект	Литер. язык	Перевод
ваькь	векь	трава
раьхь	рехь	дорога
паьл	пел	лоб
кIаьл	кIел	ягненок
эваьл, аьваьл	эвел	сперва, сначала, раньше
эраькь	эрекь	водка
теспаьгьар	теспегьар	четки
кьераьх, кьаьраьх	кьерех	берег
кIаьлун	кIелун	учеба, чтение.

В большинстве говоров гюнейского диалекта (касумкентский, стальский, гатагский) гласный **аь** соответствует литературному **е** и в аффиксах местного **У** и направительного **У** (инструментального) падежей в словах с корневым гласным переднего ряда, в основном односложных:

гьилаьл	гьилел	на руке
ччилаьл	ччилел	на земле
винаьлди	винелди	вверх, по направлению вверх;
хьуьтIаьлди	хьуьтIелди	до зимы.

И || Е

дигишвал	дегишвал	перемена, изменчивость
гитIе	гетIе	крынка
мийит	мейит	труп
фийила	фейила	когда пошел

а || и

масмар	мисмар	большой гвоздь
лашан	лишан	метка
афна, афни	афни	огурец
залняр, зиляяр	зиляяр	пиявки

а || е

маьгталвал	мягтелвал	удивление
къенси, къайси	къайси	сорт абрикос
бина	бине	основа, фундамент
гьалбетда	гьелбетда	копечпо.

Соответствие наблюдается и между лабиальными гласными диалекта и литературного языка:

аь || у

гуьджуьналди	гужуналди	силой, насильно
хъурт	хъурт	свалка
къуьнши, къунши	къунши	сосед
хуьрлинкI	хурлинкI	водяная ящерица
чуьгуьн	чугун	чугун

уь || е

кIуьзри, кIизри	кIезри	рыба (мелкая)
экъуьчIун	экъечIун	выходить
тIуьтIвер	тIветIвер	мухи
чуьнуьруг, чинеруг	чинеруг	ястреб

и || уь

мици, муькуь	муькуь	другой
гицIна, гуьцIна	гуьцIна	вытер, обтер

у||а

пукумахъ, пакамахъ	пакамахъ	утром
бурут, барут	барут	порох
гъаб, гъуб	гъаб	горсть
джуваб	жаваб	ответ

у || и

лиф, луф	лиф	голубь
гурва	гирве	перевал
гъануз, гъаниз	гъаниз	туда

и || у

чубарик, чубарук	чубарук	ласточка
------------------	---------	----------

В отдельных словах соответствия наблюдаются между дифтонгами и между некоторыми другими гласными.

По согласным звукам соответствия между аффрикатами диалекта и литературного языка встречаются только в единичных словах. Например, переднеязычная глухая шипящая аффриката ч соответствует переднеязычной надгортанной аффрикату чI в слове

чкьи, чIехьи   чIехи   большой

и некоторых других.

Более закономерно соответствие аффрикат диалекта звонким шипящим и свистящим согласным литературного языка:

дж || ж

1. джуваб	жаваб	ответ
джанавур	жанавур	волк
2. кьуджа	кьужа	старик
леджбер	лежбер	крестьянин
3. бурдж	бурж	долг
лудж	луж	стая

дз || з

медз	мез	язык (биол.)
вардз	варз	месяц
дзгъам	цагъам	колючка.

В отдельных случаях наблюдается соответствие переднеязычных, заднеязычных и смычногортанных согласных диалекта переднеязычной глухой свистящей аффрикаты **ц** и смычногортанной переднеязычной глухой свистящей аффрикаты **цI**:

з || ц

загъ, цагъ	цагъ	квасцы
азукьун	ацукьун	садиться
изигун, ицигун	эцигун	класть, ставить

к || ц

куьн	цун	шить
куьр, цур	цур	хлев
куьлер	цуюлер	снопы
кIуькуь, кIуьцIуь	кIуьцуь	глиняный кувшин
руьк, руьц	руьц	уж

кI || цI

кIуь хьун	уьцIуь хьун	пересолить
кIвегъ, цIвегъ	цIвегъ	рассол брынзы
кIуьлуьн ттар	цIвелин ттар	верба.

Последние из названных соответствий не имеют места в магарамкентском говоре гюнейского диалекта. Там, наоборот, обнаруживаются слова, в которых литературному **к** соответствует аффриката **ц**; в Тагиркенте **цуьнуь** — **улей** (литературное **куьнуь**), в Хореле **цверелди** — **короча**, коротко (литературное **кверелди**), во многих пунктах **мици**, **мициди** — другой (литературное **муькуьди**) и т. д.

Соответствие заднеязычных звонких диалекта заднеязычным глухим литературного языка и наоборот:

г || к

гагъраба, кагъраба	кагъраба	бусинка янтаря
гац, кац	кац	кошка
гару, гагъру	кару	куропатка
чичIекар, чичIегар	чичIекар	лук

к || г

калгугун	галтугун	догонять, бежать
кадра	гадра	брось за к. л.
катуз, гатуз	гатуз	летом

Соответствие губно-губных звонких, глухих и смычно-гор-
танных в диалекте и литературном языке:

б || п

бархъулар, паркъулар	паркъулар	лопухи
башман хьун, пашман хьун	пашман хьун	грустить
беш, пеш	пеш	лист растений
бахълахъан, пахлахан	пахлахан	головастик и рак

п || б

питIиш	битIиш	курносый
Паку, Баку	Баку	Баку
пучка	бочка	бочка
пармак, бармак	бармак	шапка

пI||б

пIипIинар, биIипIинар	пIипIинар	сажа
цIипI, цIиб	цIиб	кувшинчик
тIипI, тIиб	тIиб	сова
цIицIипI, цицIиб	цицIиб	цыплекок.

Соответствие переднеязычного звонкого согласного диалек-
та переднеязычному глухому согласному литературного языка:

д || т

дегъенг	тегъенг	лоза (вино- градная)
дасмал, тасмал	дасмал	полотенце
Дашкент, Ташкент	Ташкент	Ташкент.

Соответствие между глухими щелевыми шипящими, сви-
стящими и губно-зубными диалекта и литературного языка:

с || ш

псст, пшт	пшт	брысь (окрик на кошку)
-----------	-----	------------------------

с || ф

мастI, мефтI	мефтI	мозг
--------------	-------	------

ш || ф

фин, шун	фин	итти.
----------	-----	-------

Соответствие последних звуков является характерным для
ахтынского диалекта лезгинского языка: шуру нек — пресное
молоко (литературное фири нек), машт — мозг (литератур-
ное мефтI), кшул — зурна (литературное кфил), кьуш —
мышь (литературное кьиф) и т. д.

Соответствие заднеязычного звонкого смычного согласного
г диалекта губно-губному продувному согласному -в литера-
турного языка в аффиксах местных падежей I серии:

дидедиг, дидедив
вичигваа
загди, завди

дидедив
вичивай
завди

к матери
сам, от самого
ко мне.

На ряде других соответствий более частного порядка мы не имеем возможности остановиться ввиду ограниченных размеров данной статьи.

Бросается в глаза тот факт, что многие из приведенных форм употребляются в диалекте наряду с литературными формами слов. Это станет вполне понятным, если учесть, что гюнейский диалект являлся базой для создания лезгинского литературного языка.

Известно, что ударение лезгинского языка силовое и позиционно связанное. Оно, как правило, падает на второй от начала слог слова. Этот закон лезгинского ударения действует также в говоре.

Любопытно отметить, что закон лезгинского ударения распространяется и на некоторые заимствованные из русского языка слова, у которых в родном языке ударный слог был иной. По всему диалекту проходит русское слово **вишни'яр** — вишня в форме множественного числа с ударением, перешедшим на второй от начала слог. То же самое происходит и с рядом других слов: **иши'кI** — ящик, **пама'дур** — помидор, **пара'хут** — пароход и т. д.

При изменении слов в диалекте наблюдается чередование гласных и согласных. Во всех именах с корневым гласным **аь** при изменении их по числам и падежам этот звук переходит в **е**:

ваькь	>	векьер	трава
паьхь	>	пехьер	ворона.

В отдельных словах диалекта корневой гласный заднего ряда **а** в косвенных падежах чередуется с гласным заднего ряда **у**:

паб	>	пупар	женщины
		папар	
гад	>	гутуз	летом
		гатуз	
квар	>	курцелаа	с кувшина.
		кварцелаа	

В таких словах, как **къван** — камень, **кIвач** — нога, **кIвал** — комната в диалекте наблюдается чередование гласных, направленное к установлению гармонии гласных согласно гласному аффикса множественного числа и косвенных падежей. Эти слова меняют и свой корневой гласный:

кIвечер		кIвачер	ноги
къвенце, къвендзе		къванце	в камне
кIвелиз		кIвализ	домой.

Характернейшим явлением для гюнейского диалекта, как и для литературного языка, является назализация. Здесь мы останавливаемся на назализации потому, что назализация с рядом явлений фонетического и морфологического порядка характеризует гюнейский диалект в отличие от других диалектов. Имеются все основания утверждать, что отсутствие назализации в каком-либо говоре или диалекте может служить критерием для отмежевания его от гюнейского диалекта.

Назализация заключается в том, что сонант **н** может отпадать на конце всех слов, оканчивающихся этим звуком, на конце основных форм глагола или масдара, как согласный компонент аффикса родительного падежа и в середине слов, даже если этот звук закрывает слог, за исключением случаев, когда **н** находится в слове в интервокальном положении. Но во всех без исключения случаях **н**, ослабляясь или выпадая, не исчезает бесследно, а оставляет носовой оттенок в предыдущем гласном звуке, каким бы по характеру ни был этот звук. Например: **балклан** — лошадь; **ван хьун** — слышать, **Сарухан** — имя собственное, **райондиз** — в район, **тапанчи** — пистолет, **хундуз** — выдра.

Как в лезгинском литературном языке, так и в гюнейском диалекте наблюдается монофтонгизация нисходящих дифтонгов **ай**, **ей**, **айй**. Это явление так же, как и предыдущие, отличает гюнейский диалект от других диалектов лезгинского языка. Заключается оно в том, что полугласный **й**, последний компонент этих нисходящих дифтонгов, в середине и на конце слов отпадает и за счет этого меняется артикуляция предыдущего согласного — увеличивается долгота оставшегося гласного, рефлекса этого дифтонга.

Полугласный **й** входит как компонент в аффиксы исходных падежей имен, наречий, причастий, ряда глагольных форм и т. д. Например:

аваа	— было
къведаа суз	— в будущем году
тамухъаа	— из-за леса
салаа	— с огорода
атанаатла	— если бы пришел
чίδαабур	— знающие
халирал	— на арбузах.

Однако правило это не распространяется на слова, в которых дифтонги **ай**, **ей**, **ий** входят в основу слов и замыкают собой слог. Например: **гъайван** — животное, **майдан** — площадь, **пайдах** — знамя, **къайгъу** — забота и другие, а также на причастия типа **гъайиди** — принесший, **хъайиди** — ставший, в которых за дифтонгом следует гласный звук.

Нужно заметить, что в отдельных случаях (например, в глагольных формах, образованных от давнопрошедшего времени) долгота и краткость конечного гласного играет фонематическую роль.

къведалдаа	— говорил, что придет
къведалда	— говорит, что придет
акуналдаа	— говорил, что видел
акуналда	— говорит, что видел.

В диалекте наблюдается ассимиляция гласных. При этом ассимиляция бывает как полная, так и частичная. Чаше встречается ассимиляция регрессивная. Так, гласный заднего ряда у в ряде слов полностью ассимилирует первый гласный в слове:

макъун ттар	макъун ттар	ольха
мукъун ттар		
бурут	барут	порох
барут		
джугъурун	жагъурун	найти
рухкурун	рахкурун	отослать.

Гласный переднего ряда и может ассимилировать гласный того же ряда е:

мийит	мейит	труп
джигьил	жегьил	молодой
фийибур	фейибур	ушедшие
кьийила, кьейила	кьейила	когда умрет.

Ассимиляции подвергаются не только гласные одного и того же ряда, но и разных рядов образования. Так, гласный переднего ряда и может ассимилировать гласный заднего ряда а:

кIвалер	кIвалер	дома
шиидар	шагьидар	свидетели
тирих, тарих	тарих	летопись, история.

Реже встречается прогрессивная ассимиляция гласных. Так, гласный заднего ряда а ассимилирует гласные переднего ряда и, е:

афна	афни	огурец
афни		
аларар	алерар	сани
памадур	помидор	помидор.

Из приведенных примеров видно, что в результате устанавливается некоторая гармония гласных, т. е. в слове все гласные или полностью уподобляются или становятся гласными одного ряда. Таким образом, есть полное основание считать ассимиляцию гласных частным случаем гармонии гласных или сингармонизма.

В диалекте имеет место и диссимилиация, своего рода нарушение гармонии гласных. Диссимилиации подвергаются гласные и переднего и заднего ряда:

ц иругуд	ц уругуд	шестнадцать
ц уругуд		большой
ике	еке	жук
пипе	пепе	сверло, бурав
арукул	урукул	
вили ^н нине	вили ^н нини	зрачок.
вили ^н нини		

Ослабление (редукция) гласных и полное выпадение их — явление очень характерное для литературного языка, а также для данного диалекта. Редукции может подвергаться любой безударный гласный основы и аффикса. Но по сравнению с литературным языком в диалекте подвергаются редукции гласные а, и, у, уь в таких словах, которые в литературном языке полногласны. Например:

ч(а)нар ттар	чинар ттар	вид тополя
к л(а)раб	к лараб	кость
ц(у)ц ул	цуц ул	крыса
т(и)ке	тике	кусок
с(у)рар	сурар	могилы, кладбище
су ^р ар		
д(и)де	диде	мать.
диде		

В ряде слов гласный может совсем выпадать. Особенно явственно отпадение переднеязычного и в начале слов:

ви	иви	кровь
еси	иеси	хозяин, владелец
шигь	ишигь	свет, сияние
итим		
тим	итим	мужчина

Нарращение же гласных или явление протезы, наоборот, не характерно и для литературного языка и для гюнейского диалекта. По сравнению с литературным языком в диалекте встречаются лишь единичные случаи наращивания гласных.

чка	чка	место
чака		
асуху ^н	сухун	вонзить, воткнуть
ишез	шез, ишез	плакать.

Явление протезы так же мало распространяется и на заимствованные слова.

ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ СОГЛАСНЫХ

В гюнейском диалекте в основном чередуются те же согласные, что и в литературном языке. Только в отдельных словах при изменении их по падежам и числам начальные глухие согласные чередуются с такими же по месту образования, но звонкими согласными:

тІ и д	к и г
дуйтІвер	
тІветІ — тІветІвер	мухи
кац — каци	
гици	кошка (эргативный падеж).

Интересный случай чередования сонорного вибранта р с восходящими дифтонгами йи и йу наблюдается в слове **ругун** (йигун, йугун) — варить. Эти звуки отдельные исследователи считают остатками классовых показателей в глаголе лезгинского языка.

В диалекте согласные подвергаются ассимиляции в тех же позициях и в тех же формах, что и в литературном языке. В отдельных словах, чаще в заимствованных, имеет место оглушение или озвончение согласных под влиянием соседних глухих или звонких согласных. Например:

шпишка	спичка	спичка
клуб		
крупІ	клуб	клуб
виз		
йивиз	йифиз	ночью
сабрани		
забрани	собрание	собрание.

Как видно из этих примеров, ассимиляция может быть и прогрессивной и регрессивной.

Диссимиляция — явление редко встречающееся в диалекте; она имеет место в отдельных заимствованных словах: **башламишун** — начинать (тюрк.); **ишлемишун** — употреблять, пускать в ход (тюрк.); **дулдулма** — колбаса (тюрк.); **мурдар** нечисть (перс.); **деллек** — брадобрей (араб.). Слова эти в диалекте употребляются с расподобленными согласными ш, р, л: **басламишун**, **ислемишун**, **дулдурма**, **мурдал**, **дерлек** и т. д.

К диссимиляции тесно примыкают случаи так называемой метатезы — перестановки смежных и несмежных звуков в словах. В словах гюнейского диалекта встречается преимущественно метатеза смежных звуков и, как правило, сонорных, гортанных, фрикативных и переднеязычных: **р-м**, **р-н**, **гь-р**.

гь-л, т-ф, гь-в, ш-х и др. Впрочем некоторые слова встречаются и с метатезой и без нее:

хумрав	хурма	
тланур		печь в земле для вы-
тларун	тланур	печки хлеба. Искаж.
		тюркс. тендыр.
гевьер	гегвер	жемчуг
джегьем		
джелгьем	жегьеннем	ад
картуфар		
катруфар	картуфар	картофель
рахшанд	ришханд	насмешка.

В отдельных говорах встречается метатеза, не характерная для диалекта в целом. Так, в магарамкентском говоре (сел. Мугерган) слово **ргана** — сварил как **грана**; в сел. Оружба **шагьмар** — змея (перс. головная змея) как **шамгьар**.

В диалекте нередки случаи замещения отдельных звуков близкими по артикуляции звуками. Явление это наблюдается главным образом между сонантами и переднеязычными щелевыми глухими и звонкими в словах преимущественно заимствованных.

ламус	намус (араб.)	честь, совесть
нянет	лянет (араб.)	проклятие, позор
дулалмиш хьун	дуланмиш хьун (тюрк.)	жить
гьахьнаь		
гьахьмаьаь	гьавиляй	поэтому
гьавилаьаь		
кьушум	кьушун	войско
{ меген		
{ мегем	мегер	разве
{ мегер		
эркен	елкен	парус
забрани	собрание	собрание
Зибир	Сибирь	Сибирь
кушкафтлар	кускафтлар	гиена.
кускафтлар		

Наличие лабиализованных согласных — характерная особенность фонетики лезгинского языка. Лабиализованными могут быть все средненебные (кроме й), все задненебные, а также зубные. Л. И. Жирков считает, что система лабиализованных согласных в лезгинском языке сейчас сохраняется в ослабленном виде и ее нельзя противопоставлять в нем как отдельную систему соответствующим нелабиализованным согласным фонемам¹. В подтверждение своей мысли Л. И. Жирков приводит пример факультативного употребления

в одном и том же слове тIвар — имя лабиализованного и не-лабиализованного тI.

Материалы гюнейского диалекта подтверждают предположение Л. И. Жиркова об ослаблении системы лабиализации в лезгинском языке. По всем говорам этого диалекта обнаруживаются случаи делабиализации определенных звуков в словах по сравнению с литературным языком. В этом отношении особенно выделяется стальский говор гюнейского диалекта. Приведем несколько примеров, характерных для всего диалекта. В разных пунктах они употребляются также факультативно в обеих формах:

тIветI, тIетI	тIветI	муха
сах	свах	коренной зуб
уьлкве	уьлкве	страна
уьлке		
ген гин		
гвен гуьн	гвен гуьн	жаты хлеба
тIал		
тIвал	тIвал	палка, трость
рех		
рваьгь	регьв	мельница
тIвар		
тIар	тIвар	имя.

Коартикуляцией звуков обусловлено и наращение согласных в словах, имеющее место в гюнейском диалекте. Выпадение звуков в определенных фонетических положениях наблюдается как в середине, так и в начале, и в конце слов.

Прежде всего следует отметить выпадение гортанного звонкого щелевого согласного гI (араб. айн) в ряде слов, которые в работе П. К. Услара приведены со звуком гI в начале. Слова эти по диалекту почти утеряли гI (за редким исключением в устах стариков).

Услар		диалект	литер. яз.
гIуьмуьр	— жизнь	{ уьмуьр гIуьмуьр	уьмуьр
гIамле	— дядя по отцу	амле, гIамле	амле.
гIараба	— арба	{ араба гIараба	араба
гIавам	— невежда	{ авам гIавам	авам

Многие из подобных слов встречаются в диалекте и с глухим гортанным щелевым гь в начале. В редких случаях наб

¹ Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка. Даггосиздат, 1941, стр. 14—15.

людается выпадение звука **г** в середине слова: **муг**алим (араб.) учитель и др. В диалекте же в устах пожилых людей наряду с литературной формой употребляется и эта форма.

В наречиях **йикъуз** — днем и **йифиз** — ночью отпал восходящий дифтонг **йи** в начале слова — они звучат как **къуз** или **йкъуз** и **физ** (виз). В ряде слов выпадает или отпадает гортанный шумный фрикативный глухой **гъ**:

диалект	литер. яз.	перевод
алкъа	гьалкъа	петля
паливан	пагьливан	богатырь, акробат.

В отдельных случаях в диалекте могут отпадать сонорный фибрант **р**: **муьхъ** — ржавчина (литературное **муьрхъ**), заднеязычный глухой **къ**: **экъуьн** — ходить, искать (литературное **къекъуьн**), губно-губной звонкий щелевой **в**: **жунга** — бычок (литературное **жунгав**), заднеязычный звонкий щелевой **гъ**: **гъуьлабаь** — змея (литературное **гъуьлягъ**), **саа хьун** — выздороветь, зажить (литературное **сагъ хьун**).

В последних двух словах конечный согласный **гъ** при изменении слова появляется вновь: **гъуьлягъар** — змеи; **сагъарна** — вылечил.

В ряде случаев в диалекте по сравнению с литературными формами имеет место наращение согласных в начале, середине и конце слов. Так, довольно часто нарастает глухой гортанный щелевой **гъ**

гьаламат	аламат	чудо, диво
эгер	эгер	если
гьагера		
эрекь, эраькъ	эрекь	водка
гьерекъ		
гъуьндушкаяр	уьндушкаяр	индейки
гьаштерханар		
гъандушар		
кару	кару	куропатка.
гагьру		

То же самое можно сказать о наращении других звуков, например, носового сонанта **н**, причем слова эти подчиняются общему в диалекте закону назализации:

лаш	лаш	палка
ланш		
къасияр	къайсияр	сорт абрикос.
къенсияр		

В отдельных словах по сравнению с литературными формами нарастает губно-губной звонкий щелевой **в**:

уьрдег	уьрдег	утка
вердег		

хурма
хумрав

хурма

хурма.

Слово **пеленг** — тигр в диалекте почти во всех населенных пунктах произносится как **перленг**; в отдельных населенных пунктах слово **тарлан** — тигр или некий сказочный зверь по аналогии с **пеленг** произносится с заднеязычным звонким смычным г на конце: **тарланг**.

Следует отметить, что и выпадению и наращению подвергаются почти одни и те же звуки. Выпадение и наращение звуков — явления соотносительные: то, что в диалекте мы характеризуем как выпадение, в литературном языке может квалифицироваться как наращение и наоборот.

Морфология

В области морфологии между диалектом и литературным языком встречаются лишь незначительные расхождения. Наблюдаются они только в системе имен и системе глагола.

Способы словообразования в гюнейском диалекте в основном такие же, что и в литературном языке (словосложение, сложение двух или нескольких звуковых комплексов, способ аффиксации). Встречаются лишь отдельные факты, когда в диалекте образуется ряд слов при помощи сложения таких, не имеющих самостоятельного значения звуковых комплексов, как **ну, на, зар, цар, ци, бугъ, шир(ар)** и т. д. Например:

нунушар

нанахар

зарзалар

царцалар

травы, употребляемые в пищу.

цицих

— медведка

бугъубугъ

— овод

сересер

— балкон.

шилешер

Новые понятия передаются и сочетанием двух слов, из которых одно слово существительное, прилагательное или другая часть речи, а второе обязательно существительное. Эти сочетания, однако, нельзя считать простыми словами, хотя они и выступают в роли отдельного слова. Таких существительных в диалекте довольно много (см. в разделе лексика).

Расхождения в способе аффиксации заключаются в том, что отдельные слова диалекта образованы при помощи суффиксов, не имеющих в литературном языке, но которые можно считать вариантами суффиксов последнего. Например: слово **кьеперзан** — волчок, юла в Магарамкенте образовано при помощи суффикса **-зан**, варианта литературного **-бан**. Слово **хурух, хурухта** — объятие, в объятиях, на руках, образовано при помощи суффикса **-ух**, восходящего к падежному аффиксу **-ухъ**.

Слово **гурмилаг** — каменный каток для укатывания плоских земляных крыш, литературное **варданаг**, образовано при помощи суффикса **лаг**, варианта литературного **-наг**. Но эти суффиксы встречаются в диалекте редко и в настоящее время не являются продуктивными.

В склонении имен в гюнейском диалекте имеются некоторые интересные моменты, на которых следует остановиться.

Губно-губной продувной **в**, компонент аффикса местных падежей I серии литературного языка, в диалекте встречается наряду с заднеязычным звонким смычным **г**:

аялриг	аялрив	детям
паливандигаа	пагъливандивай	у богатыря, акробата
заг	зав	мне, ко мне
садагаа	садавай	от одного, у одного
вагди	вавди	к тебе, по направлению к тебе.

Приведем несколько фраз: **Загаа жезмач** — Я больше не в состоянии (делать). **Вини патан квал гва абруг** — Они занимают ту комнату (комнату по ту сторону). **Ттамуг эгеч тежез ава** — К лесу невозможно было подступиться.

В диалекте во многих населенных пунктах имеет место чередование заднеязычного фарингального **хъ**, аффикса местного II и направительного II падежей с заднеязычным глухим щелевым **х**.

Диалект	литер. яз.	перевод
чпих галаз	чпихъ галаз	с собой
инихди	инихъди	по направлению сюда
чахди	чахъди	по направлению к нам.

Пенджерар рекъних элкъурнаваа квалер я — Это дом, в котором окна повернуты к солнцу. **Анлаа къулухди ам атана** — После этого он приходил.

В гюнейском диалекте субстантивированные местоимения, числительные, причастия, а также отдельные существительные в форме множественного числа имеют отличный от литературного языка гласный компонент аффикса эргативного и производных от него падежей. Например:

абри	абру	они (эрг. пад.)
муькуьбриз	муькуьбруз	другим (дат. пад.)
мицибриз	чибрувай	от наших (исходн. I)
чибриваа	члехибрухъ	за большими (эрг. пад.)
члехъибрихъ	ийизвайбру	делающие (эрг. пад.)
ийизваабри	амайбруз	остальным (дат. пад.).
амаабриз		

Собственные имена людей и животных, а также прозвища, клички, окапчивающиеся на согласный звук, в литературном языке входят во второй тип склонения, т. е. эргативный и местный IV падежи имеют одинаковые аффиксы, а в говоре ряд таких имен входят в первый тип склонения, т. е. эргативный и местный IV падежи имеют разные аффиксы. Это же правило распространяется и на отдельные слова, пришедшие из русского языка. Начнем с последних.

Во многих населенных пунктах встречается слово Николай с аффиксом эргатива **-ди** вместо литературного **-йа**: Николади. Из лезгинских имен собственных можно назвать слова:

Диалект	литер. яз.	перевод
Эрзихани	Эрзихана	Эрзихан (эрг. пад.)
Джаруллагъти	Джаруллагъа	Джаруллах (эрг. пад.)
Абдуллагътиз	Абдуллагъаз	Абдулле
Ригъандив	Рейгъанав	к Рейхан (мест. I пад.).

В большинстве говоров гюнейского диалекта (касумкентском, стальском, гатагском) гласным компонентом аффикса местных падежей V серии является звук **аь**, а не литературный **е**. Правда, по своему характеру этот звук по говорам имеет разную степень открытости и глотгизации, но как бы то ни было это не литературное **е**. Все разновидности данного звука мы передаем одним знаком **аь** для облегчения графики.

чпаьл	чпел	на себе
гъилаьл	гъилел	на руке
кIвечаьлди	кIвачелди	ногой.

Идах кIвачаьл акъваздаа кар хъхъанач — Он не был больше в состоянии стоять на ногах. **Зи рикIаьлни аламач** — А я и забыл.

Любопытно отметить следующий зафиксированный нами в гатагском говоре факт, важный с точки зрения исторического развития языка, в частности его падежной системы. В редких случаях в говоре встречаются наречия типа **винизди** — по направлению вверх, **агъузди** — по направлению вниз. Здесь **-ди** является не аффиксом субстантивации, а скорее аффиксом, указывающим на направление действия вниз, вверх и т. д., т. е. падежным аффиксом.

Винизди хъфена алуки — Иди наверх и оденься (в Татарханкенте). **Вун агъузди хъана килига тIун!** — Ты нагнись же вниз и посмотри! (в Юхари-Картас).

Если учесть, что отдельные наречия лезгинского языка еще сохранили живую связь с именами, от которых они произошли, хотя бы в том, что способны изменяться по отдельным падежам, то указанные выше наречия очень похожи на застывшие

формы направительного падежа, которого не хватает в парадигме склонения современного лезгинского языка. Этот направительный падеж, который предположительно должен был образоваться от местного IV падежа со значением в, внутри чего-либо, 19 падеж лезгинского языка, о котором упоминал Елмслев¹.

Однако это остается только предположением, ибо по нескольким примерам не живой нормы языка, а застывших форм наречий трудно сделать определенное заключение по данному вопросу. Этот вопрос требует специального исследования с привлечением данных и по другим диалектам языка.

Правило образования множественного числа имен гласит, что гласный аффикса множественного числа находится в соответствии с корневым гласным слова, т. е. в зависимости от характера корневого гласного односложных слов основного фонда и распределяются в них аффиксы множественного числа: если этот звук заднего ряда (широкий), аффикс **-ар**, если же корневой гласный переднего ряда (узкий), то во множественном числе слово получает аффикс **-ер**.

Правило это нарушается в литературном языке такими исключениями:

къван	— къванер	(камни)
кIвач	— кIвачер	(ноги)
кIвал	— кIвалер	(комнаты, дома)
ккул	— ккулер	(веники)
кул	— кулер	(ветки, гроздь)
ван	— ванер	(звуки)
хвал	— хулер	(канавки, речушки).

Все эти слова в диалекте образуют форму множественного числа точно по правилу, т. е. часть слов при помощи аффикса **-ар**: **ккулар**, **кулар**, **ванар**, **хулар**, а другая часть при помощи аффикса **-ер**, но при этом широкий гласный корня этих слов также меняется на узкий: **къвенер**, **кIвечер**, **кIвелер**.

Итак, в диалекте сильнее чувствуется тенденция к сохранению закона гармонии гласных.

К префиксам **г**, **в**, **р** и др., которые в литературном языке образуют глаголы, выражающие обратное повторяющееся действие, в диалекте прибавляется еще префикс **д-** в слове **дахкурун** — послать, отослать, развестись: **Са вацралаа им дахкурна ида** — Через месяц он развелся с ней (букв. отослал ее) и др.

Формы настоящего времени глагола, образованные от основной или целевой формы знаменательного глагола и вспомогательного глагола **ава** — есть, имеется, глаголы типа:

¹ Hjelmslev La catégorie des cas. II partie (Acta Iutlandica, XI, 2) Aarhus, 1937.

ийизва — делает; **къвезва** — идет; **незва** — ест, а также глаголы прошедшего времени типа: **хъанва** — прошло, случилось, **къачунва** — взял и т. д. по всему диалекту имеют другую форму. Конечный гласный форматива настоящего и прошедшего времени глагола **а** отпадает, а перед конечным согласным основы и согласным компонентом аффикса этих форм звуком **в** вставляется гласный **у**, который несколько редуцируется. Например:

1. **жезув** — получается, становится (литер. **жезва**)
физув — идет (литер. **физва**)
лугъзуув — говорит (литер. **лугъзува**)
иверзуув — зовет (литер. **эверзава**).
2. **хтанув** — пришел, вернулся (литер. **хтанва**)
ацукънуув — сидит (литер. **ацукънава**).

Для усиления или большей акцентуации высказываемого в диалекте иногда употребляются глаголы с дважды или более наращенным аффиксом **-ва** или **-зва**:

- кичлезвазва** — боится (литер. **кичлезва**)
ийизвазва — делает (литер. **ийизва**)
авазвазва — есть, имеется (литер. **ава, авазва**).

В стальском говоре, который является своего рода переходным говором между гюнейским и яркинским диалектами, встречается не характерная для гюнейского диалекта повелительная форма отдельных глаголов. Так, в говоре употребляется повелительное наклонение глагола **акун** — видеть в форме **акур** (литер. **аку**), глагола **джузун** — спрашивать, **джузур** (литер. **жузу**). Последнее слово как диалектизм мы находим и в произведении С. Стальского. Здесь мы наблюдаем появление в этих формах аффикса повелительного наклонения отдельных глаголов **-р**, нехарактерного для литературного языка, и в таких глаголах, которые в литературном языке в повелительном наклонении выступают в форме чистой основы без каких-либо аффиксов данного наклонения. Однако это явление нельзя считать характерным для гюнейского диалекта.

Таким же образом и в аффиксах запретительных форм отдельных глаголов в стальском говоре сонорный вибрант **р** форматив аффикса запретительной формы глагола литературного языка чередуется с полугласным **й**.

лугъумир	лугъумир	не говори
лугъумий		
хквемир	хквемир	не приходи, не возвращайся.
хквемий		

Возможно, что звуки **р** и **й** в данных формах являются остатками некогда существовавших в языке классных показателей. Чередование звуков **р** и **й** мы находим и в некоторых

других формах глагола, так в одной из форм прошедшего времени:

авачир		
авачий	авачир	не было
чидачир		
чидачий	чидачир	не знал
туший		
тушир	тушир	не было, не случилось, не являлось (глагол. связка)

Родственно этому чередование *р* с дифтонгами *йи* и *йу* в глаголе *ругун* (*йигун*, *йугун*) — варить. Это явление также требует более глубокого исследования на материалах других диалектов языка.

Синтаксис

В синтаксисе диалекта почти не наблюдается отклонений от литературного языка. Можно привести лишь единичные случаи в управлении глаголов и в употреблении падежей, отличные от литературного языка.

В диалекте наблюдаются случаи необычного для литературного языка управления отдельных глаголов. Так, по разным говорам можно констатировать следующие факты. Недостаточный глагол *гала* — есть, находиться за чем-либо, управляет местным II падежом имени.

В Магарамкенте находим случаи, когда этот глагол управляет местным III падежом:

Суфрадик фу галани? — В скатерке есть хлеб? (букв. под скатертью хлеб есть ли?).

Хьрак инсан галани? — У печки есть ли кто-либо? (букв. под печкой человек есть ли?).

В Хореле находим: **Эхир ида гададагаа суалар авуна** — Наконец он расспросил юношу (букв. наконец он у юноши вопросы сделал).

Это необычное для литературного языка сочетание глагола с именем в выражении **суалар авун** — делать вопросы вместо **суалар гун** — давать вопросы и падежа объекта — исходного I вместо дательного.

Глагол **гьалтун** — встретить, нуждаться управляет местным V падежом имени со значением на, на поверхности чего-либо. В стальском говоре этот глагол управляет местным II падежом имени:

Идахь гьалтна са къари — Ему повстречалась одна старуха.

По всему диалекту имеет место употребление падежа эргативного в функции орудного дополнения. Как известно, эта функция эргативного падежа в лезгинском литературном языке утеряна и за этим падежом закрепилась функция выражать подлежащее при переходных глаголах.

Идани яда гапурди адани, гъа икI им къена — Этот бил кинжалом и тот, так он и умер.

Ада гъили нуькI къуна — Он рукой поймал птицу.

Джилбарс яна мамади ккулун ттумани — Мама ударила Джилбарса ручкой веника.

Лексика

Словарный состав гюнейского диалекта в основном совпадает со словарным составом литературного языка. Однако, в диалекте имеется ряд слов, отличных от слов литературного языка или совсем отсутствующих в нем. По характеру отличий эти слова можно разделить на четыре группы.

К первой группе (самой обширной) относятся слова, одинаковые по значению с подобными словами литературного языка, но с отклонениями в их звуковом составе. Сюда же можно отнести и различные заимствования из русского, тюркского, персидского, арабского. Из заимствований руссизмы являются наиболее новыми. За счет постоянного притока русских слов диалект обогащается и поэтому их значение для лексики языка велико. В то же время арабо-персидские заимствования не имеют в настоящее время притока в диалект и литературный язык; многие из них, вместе с предметами и понятиями, обозначениями которых они являются, уже вышли или выходят из употребления, т. е. переходят в архаизмы.

Приведем примеры по первой группе слов:

вардз	варз	месяц, луна
маьхт	мефтI	мозг
маст		
ламус	намус	честь, совесть
мурдар		
мурдал	мурдар	змея, гадина
перленг	пеленг	тигр
хшракан	хуьшрекан	паук
къаркъулуг	къаркъулув	летучая мышь
чабарук		
чубарик	чубарук	ласточка
школа	школа	школа
калхуз	колхоз	колхоз.

Во второй группе объединяются слова, совершенно различно называющие один и тот же предмет или понятие в диалекте и в литературном языке, иначе говоря слова разнозвучающие, но с одним значением. В диалекте они могут иметь ряд синонимов.

хук, хурли ^{нк} І, чурчул	чурчул	ящерица
шагъбугъда		
шагъдкъуълер	гъажибугъда	кукуруза
гъажикІа		
гъажибугъда		
кулуяр		
гъу ^н дъушкаяр	у ^н дъушкаяр	индейки
гъаштерханар		
вишнияр		
чІуру пІелияр		
шурван пІинияр	шурван пІинияр	вишня
ала баълияр		
хурухта		
къуджахта	къужахта	на руках (в объятиях)
сару къенет		москиты,
суълуъ тІветІ		мелкая мош-
гъу ^н нуъяр		кара, летя-
хумулар	акъенет	щая на свет.
хумулар		
акъенет		
гурмилаг		
варданаг	варданаг	каток для утрамбовки плоских зем- ляных крыш.
шана		
фена	фена	пошел
шутІ		
тахта бит	шутІ	клоп
цивцих		
хъпрепІ	хъипрепІ	медведка
бугъубугъ		
бувун	бувун	овод
бугъу		
фрччин		низенький
дуърдаягъ	фирччин	столик для разделки теста
руьц		
руьк	руьц	уж.

Нами приведены несколько форм каждого слова в диалекте, которые употребляются по отдельным говорам. Нетрудно

заметить, что литературные слова неизбежно бытуют в каком-либо говоре гюнейского диалекта. Эта особенность диалекта, ставшего основой литературного языка.

Третья группа — слова одинаковые по форме в литературном языке и диалекте, но отличные по значению или имеющие в горах дополнительные значения. Эти слова, означающие в литературном языке одно понятие или явление, а в диалекте другое, можно считать своеобразными омонимами.

Слово	в литер. яз.	в диалекте
пахълахъан	рак	головастик, рак.
пахлахан		
къиф	мышь	лейка, мышь.
хвал	канавка, речушка	еда для собаки, канавка
перем	рубаха	рубаха, платье
муьхъ		
муьрхъ	ржавчина	ржавчина, зола
кифер		косы, однолетнее
кирфер	косы	растение с несъедобн. ягодами и специфическим запахом
экъичун	разливать о (жидкости)	рассыпать.

В говорах диалекта встречается ряд слов, заимствованных из других языков, которые дублируют имеющиеся в диалекте, даже в том же говоре слова родного языка. Так, в касумкентском и особенно в стальском говорах мы обнаружили следующие заимствования, употребляющиеся большей частью стариками, наряду со словами той же семантики родного языка.

давшан	(азерб.)	— заяц
тава	(азерб.)	— сковорода
къенчи	(азерб.)	— ножницы
дуьрдаягъ	(азерб.)	— низенький столик для разделки теста
къирмиз	(азерб.)	— красный
чефтел	(азерб.)	— персик
шефтел		
элег	(азерб.)	— сито
назбариш	(азерб.)	— подушка и т. д.

Эти слова, однако, явно превращаются в архаизмы. Их место занимают слова родного языка.

Четвертая группа слов — это слова, которых нет в лезгинском литературном языке, т. е. слова, характерные именно для диалекта, собственно диалектизмы. Слова эти местные, иногда разные по каждому говору, а то и по отдельному населенно-

му пункту, иногда общие по многим населенным пунктам и даже по всему диалекту. Это названия отдельных съедобных (в частности лекарственных) трав, названия цветов, деревьев, кустов, ягод, фруктов, птиц, насекомых, животных, домашней утвари, одежды, пищи, простых орудий труда и т. д.

а) Названия различных трав и кореньев:

хивецлар, царцалар, зарзалар, нунушар, нанахар, гъгъелар, куда хъчар, джилмаяр.

Биянар — трава со сладкими корнями поедается скотом; **къуш къалмаз** — крупное голубоватое растение с колючками; **ягълу тикен** — колючее растение с мелкими цветами; **сару тикен** — колючее желтоватое растение; **хирен хъач, киккер** — однолетнее растение с белыми цветами, накладывается на раны; **батIра хъач** (букв. гусяная трава) — сорняк, поедаемый домашней птицей; **нинид пеш** (букв. кукольный лист) — вид травы; **шутIра хъач** (букв. клопяная трава) — пахучая трава, разбрасываемая в комнате как средство против клопов; **Килен миччар** (букв. языки ягнят) — вид сорняка.

в) Название ягод и фруктов.

хирен чумалар (букв. кизил рисового поля) — вид съедобных ягод; **калун чумалар** (букв. кизил нивы) — мелкие съедобные ягоды; **ачкарди емишар** (букв. ягоды фазана) — мелкие желтые ягоды типа калины; **тава хурма** — черная хурма; **ветIрияр** (в Магарамкенте) — сорт груш; **пупан аялар** (в селениях Стал) — сорт груш; **шампанискаяр** — сорт черешни.

г) Названия насекомых, птиц, животных, предметов обихода и разные другие слова:

кур мучек — мелкая мошкара; **целанг** — вид водоплавающей птицы; **сакрахан** — птица из семейства совиных; **гьулуьн къуш** — морская птица; **гидир гумбуц, кукунца** — кусок теста, запеченный в печке; **гъилин къуьсуь** (в Оружба) — часть локтевой кости, выше кисти; **япун хъуьцуьган** — совсем маленькая подушечка, думка; **бекье** — маленький кувшинчик; **азнаур** (в стальском говоре) — видный, статный человек; слово по-видимому грузинского происхождения; **хъуьд** (в стальском говоре) — сады, расположенные перед аулом; **рекъьн пепе** (букв. солнечный жук) — черный бархатный жук; **гъажид пепе** (букв. жук Гаджи) — крупный черный усатый жук; **цIахда пепе** — крупный черный жук; **келендар** — крупный жук на высоких лапках; **бев** — ядовитый желтый жук типа скорпионов.

Среди диалектизмов можно выделить подгруппу слов, очень мало употребляемых да и то только пожилыми людьми, слов, переходящих в архаизмы:

дегьек — вид налога в старину; **сихил** — род, тухум; **истил** — мера веса, приблизительно $\frac{2}{3}$ фунта; **тапрак** — ковровая сумка, носили девушки вместо корзин; **фигьил** — клевета,

интрига; ругул аял — ребенок мужского пола; хшунин ку-пар — время вечерней молитвы; гезмеяр — нукеры, служители.

Заключение

Исследование речи населения бывшего Гюнейского участка дало возможность установить характерные черты данного диалекта, его отношение как к литературному языку, так и к другим исследованным диалектам лезгинского языка, и территорию его распространения.

Автор исследования пришел к выводу, что речь населения бывшего Гюнейского участка по целому ряду признаков является самостоятельным диалектом, отличным как от окружающих диалектов, так и от литературного лезгинского языка. Само собой разумеется, что, являясь основой, фундаментом литературного языка, диалект этот не может иметь резких с ним расхождений. Однако известно, что литературный язык, созданный на базе какого-либо диалекта, полностью не совпадает ни с одним диалектом, в том числе и с тем, который лег в его основу. Данное исследование подтверждает это положение в отношении гюнейского диалекта. Гюнейский диалект служит основой литературного языка и в то же время является самостоятельной единицей среди лезгинских диалектов.

Исследование яркинского диалекта, а также имеющиеся предварительные сведения по говору ряда населенных пунктов Курахского района подтверждают мнение о наличии на территории бывшего Кюринского округа трех самостоятельных однотипных диалектов: гюнейского, яркинского и курахского!

Однако на территории бывшего Гюнейского участка границы административного и языкового делений сейчас не совпадают. Речь ряда населенных пунктов, ранее входивших в Гюнейский участок и ныне входящих в районы этой территории, по своим фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям выходит за пределы гюнейского диалекта. Так, речь жителей селений Гильяр и Куйсун, расположенных в центральной части Магарамкентского района, имеет резкие отличия от речи других селений этого района, т. е. от гюнейского диалекта. Говор этих селений приближается к кубинскому диалекту, что дает основание предполагать, что их жители являются переселенцами из Кубинского ханства. Переселенцами из азербайджанских районов, можно полагать, являлись и жители селений Азод-Оглы и частично Оружба, речь которых ассимилировалась лезгинским языком и которые в настоящее время говорят на гюнейском диалекте.

В пунктах, где гюнейский диалект граничит с яркинским, идет полоса говоров, переходных между этими диалектами

(стальский говор гюнейского диалекта, ялцугский говор яркинского диалекта), с большим уклоном в сторону того или иного диалекта. Сердцевиной же гюнейского диалекта следует считать речь населенных пунктов центральных частей Магарамкентского и Касумкентского районов, г. е. магарамкентский и гатагский говоры.

Предварительные границы распространения гюнейского диалекта даны выше. Исследование яркинского диалекта подтвердило правильность проведенного разграничения. Окончательно установить границы данного диалекта представится возможным лишь после исследования всех граничащих с гюнейским диалектов, в частности третьего диалекта, распространенного на территории бывшего Кюринского округа — курахского диалекта.

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ СЕЛЕНИЙ МАНАС-АУЛ И АРКАС

(аварский язык)

Жители селений Манас-аул и Аркас являются переселенцами из Гуниба в окрестности города Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск ДАССР). Они были переселены после взятия царскими войсками в плен Шамиля в 1859 году.

Этим и объясняется, что речь манасаульцев и аркасцев сохранила особенности салтинского говора андалальского диалекта.

Данная статья является частью кандидатской диссертации автора и освещает фонетические особенности речи жителей названных аулов.

Звуковой состав

Своеобразие, наблюдаемое в звуковом составе речи Манас-аула и Аркаса, в основном заключается, с одной стороны, в наличии некоторых звуков, не характерных для чиркеевского и, с другой стороны, в отсутствии некоторых звуков, характерных для чиркеевского (а также для всего северного наречия и аварского литературного) языка.

1. Характеризуя звуковой состав северного наречия, Услар писал относительно абруптивного **пI**: **пI** т. е. **п** с придыханием не встречается в хунзахском наречии, но употребляется анцукцами, которые говорят, напр., **дазда кьапIи** — «их ударь». в.м. **дозда кьабе**¹.

Касаясь того же звука в анцухском диалекте, И. Церцвадзе, отметив неточность, допущенную Усларом при его харак-

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание Аварский язык Тифлис, 1889, стр. 9.

теристике (пI — абруптивный, а не придыхательный), подтверждает пример, данный Усларом, и приводит другие случаи употребления звука пI¹.

В Манас-ауле и Аркасе нам удалось зафиксировать этот звук только лишь в слове **кьапIде** «ударять».

Вторичность пI звука в слове **кьапIде**, как и в других аварских словах, не вызывает сомнения². ПI тут получен из б в результате ассимиляции с кь. (Следует принять во внимание и фактор звукового подражания к звуку удара).

2. Звонкая аффриката дж также не является характерной для звукового состава аварского языка в целом. Однако в ряде случаев он выступает наряду с ж в речи некоторых аварцев. Услар, отмечая это, указывал, что употребление этого звука отдельными личностями связано с желанием показать знание арабского или кумыкского языка³.

Звук дж встречается как в заимствованных, так и в исконно аварских словах. Так, в анцухском он наряду с заимствованными: **джамагIат** — «общество; община», **джуджахI** — «ад», **алджан** — «рай», **гурджиял** — «грузины», **джаваб** — «ответ» и т. д. встречается и в таких чисто аварских словах, как: **джул** — «метла», **джеги** — «еще», «опять», **джану** — «внутри» (хунзахские: **жул, жиги, жани...**)⁴.

В Манас-ауле и Аркасе этот звук выступает как возможный вариант ж. Лица, употребляющие дж, относятся к старшему поколению. Список слов, приведенный выше, можно дополнить такими словами, как: **Анджи-гъала** — старое название города Махач-кала, **гъандже** — «теперь», «сейчас»...

Последнее слово встречается в трех формах: **гъанже, гъандже** и **гъанчче**. Хронологические взаимоотношения этих форм мыслятся так: **гъанже > гъандже > гъанчче**,

3. Наличие увулярной аффрикаты хъ сближает манасаульский и аркасский с чиркеевским и отдаляет его от большинства говоров Андалала. Из андалальских говоров хъ наличествует лишь в речи жителей аулов, объединяемых в салтинском и кегерском говорах, и в речи представителей старшего поколения жителей аула Хиндах (Хоточ-хиндахский говор)⁵.

Примеры на сохранение звука хъ:

хъахIаб	— белый	бахъде	— встать
хъваде	— писать	хъвек	— беркут

¹ И. Церцвадзе. Анцухский диалект аварского языка. См. Изв. Ак. наук Грузинской ССР. Т. II, Тбилиси, 1942, стр. 130–131.

² Там же.

³ Письма П. К. Услара к А. А. Шифнеру. П. Услар. Этнография Кавказа, языкознание. Лакский язык, Тифлис, 1896 г., стр. 23.

⁴ И. Церцвадзе. Анцухский диалект. Стр. 131.

⁵ См. Ш. Микаилов. Андалальские говоры, стр. 252.

нахъа	— потом	нохъо	— пещера
цадахъ	— вместе	хъанч	— крест
бихъде	— рвать	хъасде	— чесать
хъабахъ	— тыква	хъегъде	— кашлять
чухъа	— чоха	хъаба	— горшок
хъарше	— доска	хъабахъ	— гыква
хъиргъу	— ястреб	хъахъилаб	— синий
хъитъ	— утес	хъанца	— крючок
хъухъадиру	— пила	хъамде	— гнать
хъурде	— измельчать	хъирис	— чесотка
бахъде	— отнять	хъетъде	— торчать
рохъо	— зола	хъалтлухъан	— рабочий.

Но следует отметить, что в словах, заимствованных из тюркских языков, в отличие от чиркеевского, вместо хъ выступает, как в других андалальских говорах, гъ:

гъаз	— гусь	гъутан	— зимнее
гъачагъ	— разбойник	гъулъугъ	— служба
гъаравул	— караул	гъундагъ	— приклад
гъабан	— кабан	гъазан	— котел
гъала	— крепость	гъанч	— крест...!
гъалигъан	— кальян		

На этом примере (как и на примере многих других явлений), ясно виден переходный характер манас-аульской (аркаской) речи, характеризующейся чертами как северного наречия, так и южного (в данном случае андалальского диалекта южного наречия).

4. Из четырех специфических латеральных звуков, существующих в северном аварском, в Манас-ауле и Аркасе существует лишь два: глухой геминированный лълъ и смычно-гортанный къ. Исчезли: глухой простой спирант лъ и глухая геминированная аффриката лл.

Манас-аул и Аркас, как видим, и в этом случае (сокращение числа латеральных звуков) примыкают к южному наречию аварского языка.

5. Существует гортанное ' (арабск. гамза). Этот звук выступает как в тех словах, что и в северном аварском (гъу'эр — «легкое»; ваба' — «холера»), так и в качестве рефлекса других звуков:

¹ Сравни: Ш. Микайлов, «Основные фонетико-морфологические особенности чохского говора аварского языка». См.: «Языки Дагестана», Махачкала, 1948, стр. 44. В дальнейших сносках работа будет называться сокращенно: Микайлов Ш. И. «Чохский говор».

Сравни:

чиркеевские
меҕер
ҕад

Манас-аул (Аркас)
ме'ер — гора
'ад — на...

Этот звук в литературном языке не обозначается отдельным знаком.

б. Звук л представлен двумя вариантами: обычным смягченным (выступает в соседстве с переднеязычными гласными и и е) и твердым (выступает в соседстве с гласными а, о, у) ¹.

Проф. Л. И. Жирков определяет аварский л несколько иначе, по его мнению, он «мягче, чем русский твердый л, мягкость л, впрочем средняя между л и лъ» ².

Наблюдается и мягкий вариант вибранта р. Он выступает в конце слов, после гласного и:

микъирь — персик,
миццир — край...

В дальнейшем для обозначения обычных и мягких вариантов звуков названных двух сонорных нами употребляются соответственно по одному знаку л и р.

Звучание других согласных не выявляет больших отклонений от северных норм. Твердые (геминированные) звуки: ццц, чч, цц и т. д. артикулируют не так твердо, как в северном наречии, часто заменяясь простыми (негеминированными) коррелятами.

Гласных, как и в северном наречии, пять: а, е, и, о, у.

Фонетические процессы

Изменения гласных

Отдельного рассмотрения требуют случаи, когда разница в звучании слов связана с изменением гласных, следующих за лабиализованными согласными, или с утерей лабиального элемента перед гласным. В последнем случае гласные могут и не изменяться; однако ради удобства и ввиду очевидной связи этих процессов, мы предпочли рассматривать их вместе.

Слова, в которых происходят процессы, связанные с делабиализацией согласного или гласного звука, удобнее всего

¹ Микаилов Ш. И. «Чохский говор», стр. 42.

² Проф. Л. И. Жирков. «Аварско-русский словарь», Москва, 1936, стр. 149.

³ К чему относился лабиальный элемент, к гласному или согласному, может выясниться в результате экспериментального изучения, теперь же ограничимся лишь сравнением форм.

подразделить на две группы: 1) слова с делабиализованными в чиркеевском и 2) слова с делабиализованными в манас-аульском (аркасском).

К первой группе относятся:

чиркеевск.	манас-аульском (аркасском)	
т ел	т вел	— отрывок
г вализе	г валде	— кипеть
г арч	г варч	— дубина
г ер	г вер	— жердь
куршел	квершел	— власть
г еде	г веде	— расти
гъезе	гъеведе	— загонять скот
гъоркь	гъевекь	— внизу
гъоб	гъваб	— тот...

Как видим, утеря лабиального элемента лишь иногда приводит к изменению гласного звука; гласный как бы поглощает лабиальность, сам лабиализуется: **куршел** вм. **квершел** — «власть» (ср. **квер** «рука»).

Наряду со словами, подобными вышеприведенным, существуют слова (и их больше), не содержащие в манас-аульской (аркасской) форме отдельного лабиального элемента. Вместо чиркеевского комплекса, состоящего из лабиализованного элемента и последующего гласного, мы здесь видим или лабиализованный гласный (а именно **у**) или же другой гласный, а именно **а**; примеры:

чиркеевский	манас-аульск. (аркасск.)	
бахквен	букхан	— точильный камень
бакъваго	букъаго	— сухо
хъвархъине	хъархъеде	— колоть (дрова)
т икъва	укъа	— подкова
шшвант их	шинт их (шант их)	— свирель
кваназе	кунаде	— кушать
къвач а	къуч а	— кожаная сумка
къват иб	къут иб	— на улице
къваг аб	къуг аб	— горький
цвизе	цуде	— толкать...

8. По традиции, которая установилась в результате учета условий существования гласных, тот или иной говор относится к группе «укающих», «окающих» или умеренных. Но такая характеристика говора в целом не всегда возможна без ущерба точности.

Дело в том, что умеренное «уканье» или «оканье» ряда говоров аварского языка в нормах не совпадает с умеренным «уканьем» литературного языка. Манас-аульско-аркасский говор по условиям существования гласных должен быть отнесен к умеренным, именно к тем, которые не совпадают с литературным языком. Об этом свидетельствуют приводимые ниже сравнительные примеры:

В ряде случаев, вместо чиркеевского **о** в Манас-ауле (Ар-касе) выступает **у**.

чиркеевск.	манас-аульск. (аркасск.)	
хл о б	хл у б	— могила
гох л	гух л	— куча
тох	тух	— неожиданно
хл о со	хл у с	— ось
г л урц л ен	г л урц л ен	— мул
ком а к	ку м ак	— помощь
к ь олден	к ь улден	— кольчуга
к ь ок ь аб	к ь ук ь аб	— короткий
к ь очаризе	к ь учарде	— обнимать
бос е н	бус е н	— постель
ро ц ен	ру ц ен	— размер
г ь о'ер	г ь у'ер	— легкое
ода м ан	уда м ан	— старший чабан...

9. Наблюдается и обратное явление: вместо чиркеевского **у** выступает **о**:

чиркеевск.	манас-аульск. (аркасск.)	
дуг ь	дог ь	— зонтик
муг ь	мог ь	— спина
мух ь	мох ь	— черта
т л ут л	т л от л	— муха
рук ь и	рок ь и	— латка
пур ч лун	пор ч лун	— фруктовая косточка.

10. Ряд слов вместо чиркеевского **е** выявляет **и**:

чиркеевск.	манас-аульск. (аркасск.)	
г л ин	г л ен	— ухо
цин г и	цен г и	— потом
жиг и	жег и	— вишня
риг ь ин	рег ь ен	— свадьба (сговор).

11. Из других отдельных случаев следует отметить:

чиркеевск.	манас-аульск. (аркасск.)	
и:у бич л азе	буч л де	— вянуть
г ь асито	г ь усуто	— камин
гиг о	гук о	— кукушка...
е:у шек ь ер	шук ь ур	— горло
о:и х л ор	х л ир	— пруд
о:а доб	даб	— тот.

12. Отдельного рассмотрения требуют случаи, когда разница в огласовке слов наблюдается при образовании различных форм слов.

Так, ряд глаголов с закрытым первым слогом, оканчивающийся в инфинитиве на **-де** (соответствует чиркеевским формантам — **изе** и **ине**), меняет гласный первого слога **е** на **узкий** и при образовании некоторых глагольных форм.

Для наглядности сравним манас-аульские (аркаские) формы инфинитива и будущего времени с формами настоящего и прошедшего времени.

Инфинит.	буд. вр.	наст. вр.	прош. вр.	
бе'тде	бе'тла	бити'на	бита'на	— скиснуть,
бе'ргде	бе'ргла	бирги'на	биргя'на	— победить,
бе'где	бе'гла	биги'на	бига'на	— лечь,
бе'кде	бе'кла	бики'на	бика'на	— разломить, сломать.
бе'цде	бе'цла	бици'на	бица'на	— сочетаться, струиться,
бе'тде	бе'тла	бити'на	бита'на	— рвать, выдергивать,
бе'цде	бе'цла	бици'на	бица'на	— косить,
бе'ч'чде	бе'ч'чла	беч'чи'на	беч'ча'на	— доить,
бе'кде	бе'к'ла	бик'и'на	бик'я'на	— сеять,
бе'лгде	бе'лгла	билги'на	бильгя'на	— варить,
же'мде	же'мла	жими'на	жима'на	— обернуть, завернуть,
гье'де	гье'сла	гьиси'на	гьиса'на	— задумать, собраться,
гье'лде	гье'лла	гьили'на	гьила'на	— рыситься, рысать,
гье'тде	гье'тла	гьити'на	гьита'на	— искривиться,
ме'рхде	ме'рх'ла	мирх'и'на	мирх'я'на	— топтать, давить,
се'мде	се'мла	сими'на	сима'на	— бранить, гневаться.

Аналогичное явление наблюдается у глаголов, содержащих в первом закрытом слоге гласный *о*, который заменяется узким *у*:

инфинитив	буд. вр.	наст. вр.	прош. вр.	
бо'ржде	бо'ржла	буржи'на	буржа'на	—
бо'рчде	бо'рчла	бурчи'на	бурча'на	—
бо'рчде	бо'рчла	бурчи'на	бурча'на	летать, надевать оружие,
бо'рчде	бо'рчла	бурчи'на	бурча'на	—
бо'рчде	бо'рчла	бурчи'на	бурча'на	спастись,
бо'рлълъде	бо'рлълъла	бурлълъи'на	бурлълъа'на	—
бо'сде	бо'сла	буси'на	буса'на	пробить, про- ткнуть,
бо'къде	бо'къла	букьи'на	букья'на	—
бо'рце	бо'рцла	бурци'на	бурца'на	взять, купить, любить,
кьо'тде	кьо'тла	кьути'на	кьута'на	—
			кьута'на	мерять, рубить, резать (дрова).

Замена *е* и *о* в вышеприведенных примерах узкими *и* и *у* следует рассматривать как проявление тенденции сужения неударенного гласного. Как видим, переход *е* > *и* и *о* > *у* происходит здесь в неударном положении, в ударном положении *е* и *о* не изменяются.

13. Перекликается с этим закономерность, которая выявляется при сравнении некоторых манас-аульских (аркаских) и салтинских форм. Показателем родительного падежа у некоторых слов в Манас-ауле (Аркасе) в так наз. «архаическом типе» склонения выступает — *дул*. В салтинском, как правило, в этом случае выступает — *дол*.

манас-аульск. (аркаск.)	салтинск.	
цидул	цидол	— медведя,
чодул	чодол	— лошади,
бидул	бидол	— крови,
сидул	сидол	— башни,
идул	идол	— дрожжей.
кьодул	кьодол	— моста,
кьодул	кьодол	— дня,
лълъурдул	лълъурдол	— рога...

В вышеприведенных примерах гласный компонент форманта безударен. Под ударением в салтинском, как и в манас-аульском (аркаском), выступает *дул*:

жадул — виноградного сока
цурдул — лисы...

На первый взгляд, тут мы имеем обратное положение. В ударенном положении выступает узкий у, а в неударенном о. Но закономерность тут одна: в глаголах типа **кьотиде** — «резать» ударенный гласный не изменяется; то же самое следует сказать и про вариант форманта **-дул||дол**, — в ударенном положении сохранился древний вид этого форманта (**-дул**), в неударенном же он изменяется и лабиальный гласный расширяется. Ниже мы увидим, что расширение гласных в ауслауте происходило в определенных случаях и в манас-аульском (аркасском).

14. В ауслауте слов наблюдается следующее положение: в отличие от ряда «укающих» говоров в Манас-ауле (Аркасе) гласный о в исходе слова не сужается:

буго — есть
росо — село
гласо — снег...

Не сужается, как правило, в исходе слова и гласный е:

босе — возьми,
дие — мне...

Но есть основание предполагать, что в ряде случаев в исходе слова происходило сужение е.

Так, форма повелительного запретительного в Манас-ауле (Аркасе) образуется при помощи **-ге** или **-ги**.

Если этот формант не под ударением, то возможны как формы на **-ге**, так и формы на **-ги**.

кьап|уги! — кьап|уге! — не ударяй!
босуги! — босуге! — не бери!..

Но если на гласный компонент форманта падает ударение, то он будет представлен только в виде **-ги**, в то время как в литературном языке выступает **-ге**:

туги — не плюй! вместо туге!
пуги — не дуй! » пуге!
кьуги — не давай! » кьуге!

Следует полагать, что показателем этой формы в Манас-ауле (Аркасе) везде выступал **-ги** (полученный из **-ге** в результате сужения). Именно **-ги** образует эту форму в большинстве андалальских говоров у всех глаголов¹.

¹ См. Ш. И. Микаилов. Андалальские говоры... Следует тут же отметить, что повелительное обычное образуется и там суффиксом е. (Сужение распространилось на исходное лишь в отрицательных формах, что объясняется, повидимому, тем, что эта форма состоит из большого количества слогов, что способствовало изменению гласного последнего слога).

После переселения из Гуниба, оторвавшись от влияния андалальских говоров, манас-аульцы (аркасцы) начинают возвращаться к исходному положению, «расширяя» и в ауслауте, но в подударном положении и сохраняется и уже не поддается изменению.

15. Ассимиляция гласных характерна для аварского языка вообще, но в южных диалектах она распространена, как известно больше. Еще Шифнер отмечал, в качестве характерной особенности двусложных аварских слов то, что они зачастую выявляют в обоих слогах один и тот же гласный.

Акад. А. С. Чикобава это положение объясняется действием процесса ассимиляции¹.

Многие двусложные слова, согласованные в чиркеевском разными гласными, в Манас-ауле (Аркасе) представлены с одним и тем же гласным в обоих слогах.

Действие ассимиляционного фактора здесь очевидно. Ассимилирующим является ударенный гласный второго слова:

чиркеевск.		манас-аульск. (аркасск.)		
къали	къили	—	барабан	
зани	зини	—	памятник	
глашти	гишти	—	топор	
габур	губер	—	шея	
матлу	мутлу	—	зеркало и другие.	

Особо следует остановиться на случаях ассимиляции гласной основы с гласным форманта в эргативе и косвенных падежах так наз. «архаического типа» склонения. В отличие от северного аварского ассимилирующим здесь наряду с другими гласными может выступать и гласный и форманта:

имен. пад.	эргат. пад.	
гъедо	гъидица	— ворона
кето	китица	— кошка
гъоко	гъикица	— арба
хлюно	хлиница	— яйцо
члорто	члиртица	— тряпка
горо	гирица	— шарик, град
члоло	члилица	— ремешок и многие другие.

Изменения согласных

17. Латеральные звуки и их рефлексy. Число латеральных звуков, как известно, в разных диалектах аварского языка разное. Хунзахский диалект различает четыре латеральных звука: 1) простой придыхательный спирант -лъ 2) его гвердый вариант лълъ 3) придыхательная аффриката лІ 4) абруптивная аффриката къ.

¹ См. ссылку на мнение А. С. Чикобава в труде И. Церцвадзе «Анцухский диалект», стр. 151.

В анцухском диалекте различаются только три латеральных звука; отсутствует простой придыхательный спирант **лъ**, его рефлексом является **т**¹.

В чарском диалекте нет ни одного латерального звука².

В чохском говоре выступает два латеральных звука; отсутствуют простой придыхательный спирант **лъ** и придыхательная аффриката **лʹ**³.

В Манас-ауле и Аркасе та же картина, что и в чохском.

Придыхательная аффриката **лʹ** переходит в твердый придыхательный спирант **лъль**:⁴

чиркеевск.	манас-аульск. (аркасск.)	
лʹамалъи	лъльамали	— жидкость
лʹугʹи	лъльугʹи	— конец
лʹукъизе	лъльукъде	— ранить
лʹар	лъльар	— рог
лʹугъизе	лъльугъде	— входить
лʹулъазе	лъльульъаде	— тереть...

В падежных форматах третьей серии:

салулъль — в песке (Чирк. салулʹ)

гъаралъль — в речке (Чирк. лъаралʹ)

лъльадалъльъан меседил чугʹа — из воды золотую рыбку

бухъуна гъав васас — вытащил этот мальчик.

Вместо простого придыхательного спиранта **лъ**, выступают три рефлекса: **гъ**, **лгъ** и **л**. Как отмечает Ш. Микаилов, в чохском первый встречается в начале слова, второй — в середине и конце и третий — в суффиксе **-ли** < **-лъи**⁵.

В Манас-ауле и Аркасе картина примерно такая же.

В начале слова рефлексом **лъ** выступает **гъ** в таких словах, как:

гъабго	— три	вместо лъабго
гъай-хъвай	— знакомство	» лъай-хъвай
гъар	— речка	» лъар
гъаде	— класть	» лъезе
гъелго	— пешком	» лъелго
гъел	— чехол, ножны	» лъел
гъор	— вид дерева	» лъор...

¹ И. Церцвадзе. Об одном литеральном..., стр. 434.

² Там же.

³ Ш. Микаилов. Чохский говор, стр. 45.

⁴ Ср. Ш. Микаилов. Чохский говор, стр. 45.

⁵ Там же, стр. 44.

Что же касается сложного рефлекса лгь, то нужно отметить, что в ауслaute он не употребляется. В конце слова употребляется только л.

нил	— тихо	ср. чохские: нилгь
мал	— ноготь	малгь
балго	— тайно	балгьго...

Как указывает И. Церцвадзе, латеральный лъ сперва распадается на составные элементы: латеральный л и придыхательный гь (лгь), а затем следует упрощение этого сложного рефлекса ¹.

Манас-аульский (аркаский) в этом упрощении сложного рефлекса пошел дальше чохского, — он упрощает его не только в начале слова (лгь гь), но и в конце слова (лгь > л).

Итак, в середине слова возможны как лгь, так и его упрощенный вид л.

Приведем примеры для первого случая:

налгы	— долг	чирк. нальи
болгьон	— свинья	болььон
болгьо	-- лестница	больо
кIалгьаде	— разговаривать	кIалгьазе
релгьен	— краска	рельен...

В суффиксе абстрактности в Манас-ауле (Аркасе), как и в Чохе, вместо лъ выступает л.

хехли	— быстрота	чирк. хехльи
гIемерли	— множество	гIемерльи
кьокьли	— краткость	кьокьльи...

В ряде случаев, в словах, которые в северном аварском содержат звук тI, в других диалектах (в частности в андалальском) на его месте выступают: л, л' или ' ¹.

Как указывает Ш. Микаилов, в чохском говоре наблюдается следующая закономерность: «если тI в чиркеевском говоре стоит в начале слов, то он в том же положении во многих словах чохского говора выпадает совсем, если же он стоит в середине или в конце слова, то его заменяет сочетание сонорного л с горловым элементом, как бы сохраняющим смычно-гортанную артикуляцию для л» ¹

Как выяснил И. Церцвадзе, рефлексы л, л' и ' являются подобно рефлексам л, лгь и гь, результатом разложения латерального звука (абруптивного варианта латерального лъ).

¹ См. И. Церцвадзе. «Об одном латеральном...», стр. 437.

² Ш. Микаилов. Чохский говор, стр. 45. Следует отметить, что при описании других андалальских говоров Ш. Микаилов выделяет три рефлекса ' , л' и л. Смотри: «Андалальские говоры...», стр. 219.

В северо-аварском его рефлексом является **tI**¹. Тем и объясняется то, что не на месте всякого **tI** выявлялись в других диалектах рефлекса **л**, **л'** и **л''**.

В Манас-ауле и Аркасе рефлексами этого латерального звука являются: в начале слова только **t** или нуль звука, в конце слова **л**, в середине — **л'**; примеры:

ад	— наверху	сравни чирк.	tIad
'имугъ	— шуба		tIимугъ,
'агъур	— шапка		tIагъур
'ехь	— книга		tIехь
е'нчI	— детеныш		tIинчI
'ино	— дно		tIино...

В середине слова:

бел'ер	— голова	чирк.	бетIер
рел'ел	— одежда		ретIел

В конце слова (или основы слова)

бул	— скоба, лук	чирк.	бутI
гIел	— пот		гIетI
нал	— локоть (мера)		натI...

Следует отметить, что наблюдается и начало процесса упрощения сложного рефлекса и в середине слова; так, в Аркасе можно услышать и формы **белел** «голова», **релел** «одежда»...

Заднеязычный глухой спирант **x** в Манас-ауле (Аркасе) может дать два рефлекса: **xI** и **гъ**. Есть и случаи сохранения этого звука.

Замена звука **x** гортанным **xI** является обычным для различных южно-аварских говоров. Ш. Микаилов, рассматривая этот процесс в чохском говоре, отмечал: «В чохском говоре, так же, как и на всем протяжении территории, занимаемой южным наречием, неустойчивым оказывается задне-мягконёбный глухой спирант **x**, который в ряде слов заменяется гортанным звуком **xI**. Число таких слов невелико...»².

И. Церцвадзе, рассматривая этот же процесс в анцухском, обращает внимание на то, что слова, сохраняющие два **x**, как правило, являются заимствованными. А те исконно-аварские слова, которые сохраняют звук **x**, возможно не отражают древнего состояния. Так, в этих словах **x** может быть получено из других звуков, а именно: из **xx** или **хъ** (слова: **хинк||хинкI** «хинкалы», «галушки» и **хенаб** (<хъенаб?))³.

Как указывалось выше, звук **x** заменяется в манас-аульском (аркасском). Этот процесс происходит в тех же словах, что и в чохском и в анцухском.

¹ И. Церцвадзе. «Об одном латеральном...», стр. 437.

² Ш. И Микаилов. Чохский говор..., стр. 47.

³ И. Церцвадзе. Анцухский диалект... 142.

В манас-аульском (аркаском) $x > xI$ (как и в чохском и анцухском) в следующих словах:

манас-аульск. чиркеевское

хIуб	хоб	— могила
хIоно	хоно	— яйцо
хIур	хур	— поле
хIурукъли.	хурукъли	— неурожай (сравни «хурт»)
хIвел	хвел	— смерть,
хIераб	хераб	— старый
бахIде	бахине	— мазать, красить...

Кроме того, $x > гь$ в ряде слов, в которых в чохском и анцухском происходит $x > xI$.

манас-аульск. чиркеевск.

элегь	гIелех	— ресница,
амагь	гIамах	— мест,
нугь	нух	— дорога,
нагь	нах	— масло,
агь	ах	— сад,
нигья	ниха	— овес,
тамагьде	тамахлъизе	— смягчается.

X сохраняется в заимствованных словах:

хабар	— известие,
хаир	— благо,
хатир	— почет,
харж	— расход,
хасийат	— характер,
халича	— коврик,
халкъ	— народ,
хианатли	— измена,
хам	— неприуроченный...

Аварских:

хенаб	— теплый
хисде	— менять
хасел	— осень
хер	— трава...

Слово хахде — «сосать» имеет параллельную форму «гьягьде».

Итак, в Манас-ауле (Аркасе) в отличие от чохского и анцухского существенное значение имеет позиция звука.

Если в чохском и анцухском $x > xI$ как в начале, так и в середине и конце слова, то в Манас-ауле процесс $x > xI$ происходит только в начале и середине слова, в конце же слова x дает гь. «Концом» следует считать в этом случае и конец

основы: тамагъли < тамагъ + ли гъагъде < гъагъ + де. В последнем слове, следует полагать, начальное гъ получено из х вследствие регрессивной ассимиляции: хахде > хагъде > гъагъде.

Переход х > хІ в начале и в середине слова происходит перед гласными а, у, е. У меня нет примеров на х > хІ перед а и и. Чохские рихІи — «жердь» и бахІаде — «лазить» моим информаторам были неизвестны. Поэтому нельзя вывести точного закона о поведении х в любой позиции. Малое количество слов со звуком х мешает этому. Привлекает внимание то, что х > гъ в одном слове нигъа (северное — ниха — «овес») происходит и в середине слова, причем перед гласным а. Но, с другой стороны, в слове хасел и перед а остается без изменения. Возможно тут влиял фактор ударения. В первом случае х следует за ударенным гласным, а во втором предшествует ей: эти два слова не фигурируют среди чохских и анцухских примеров Ш. Микаилова и И. Церцвадзе, хотя они и приводят все свои примеры на замену звука х.

В словах хисде — «менять» и хер — «трава», в которых х остается без изменения, сомнительным является исходность этого звука. Так, хисде в салтинском звучит как хъисде, хер явно происходит от северной формы ххер (хх > х — обычный процесс в Манас-ауле и Аркасе).

Итак, х > гъ в ауслауте; х > хІ в середине и начале слова перед о, у, е; х остается без изменения в заимствованных словах.

Перед гласными и и а положение не совсем ясно.

Теперь трудно установить, оставался ли там х без изменения (как в хасел) или переходил в гъ, как в нигъа. В Манас-ауле (Аркасе) не удалось зафиксировать других слов, где исходный х находился бы перед этими гласными. Окончательную ясность в этот вопрос внесет подробное изучение говоров аварского языка.

19. Наблюдается тенденция замены твердых согласных обычными согласными того же ряда:

ххарибакІ	— хер хъвалебакІ	— луг
ххаризе	— харде	— лазить
ххер	— хер	— трава
ххине	— хенеде	— молотъ
ххвенехх	— хонех	— морда
ххухх	— хух	— барашек
ххолчен	— хвалчен	— меч
цІцІахІилаб	— цІихІилаб	— серый
цІцІибил	— цІибил	— виноград
цІцІикІкІине	— цІцІикІде	— увиливаться
цІцІумур	— цІумур	— звонок
цІцІун	— цІум	— орел

ццунклизе	— цукде	— сосать
ццунццра	— цунцра	— муравей
ццва	— цва	— звезда
ччикларизе	— чикларде	— лизать
ччинтлизе	— чинтде	— раздавать
хъарссезе	— хъасде	— царапаться
ччут	— чут	— ящерица.

Вообще, позиция твердых согласных колеблется, но они все же продолжают существовать, хотя их твердость не так сильна, как в северном аварском.

20. Ассимиляция согласных звуков встречается гораздо реже, чем ассимиляция гласных.

Остановимся на двух случаях ассимиляции согласных при изменении слова.

Вибрант **p** в конце основы при образовании будущего времени, придя в соприкосновение с плавным **л** (компонент форманта **-ла**), подвергается регрессивной ассимиляции. Такая ассимиляция характерна для трехсложных глаголов и не происходит в двусложных (исключение составляют два трехсложных глагола, в которых процесс не происходит).

Инфинитив	Буд. время	
багъарде	багъалла	— будет двигаться
бажарде	бажалла	— сможет
бакларде	баклалла	— соберет...

В трехсложных глаголах **бекерде** — «бежать», **бикъарде** — «пахать» и в двусложных **турде** — «гнить — ползать», **зурде** — «мять» и т. п. ассимиляция не происходит. Впрочем, в Аркасе изредка можно услышать и «бекелла» и «бикъалла».

Что же касается глаголов, основа которых оканчивается на **д**, они в отличие от чохского, не претерпевают в форме будущего времени ассимиляции конечного **д**.

Существительные, оканчивающиеся на **р, т, д**, принимая суффикс абстрактности **-ли**, обычно, как и в чохском (Микаилов Ш. И.), претерпевают ассимиляцию конечного согласного звука с согласным звуком суффикса:

загъилли	загъирли	— ясность,
бахлалли	бахларли	— молодость,
захлмалли	захлматли	— трудность,
халалли	халатли	— длина,
къварилли	къваридли	— зюсть...

21. Привлекают внимание следующие случаи озвончения согласных в говоре

к : г	килиш	гилиш	— палец
	хIаракат	хIарагат	— энергия
кI : г	итаркIю	итарго	— ястреб
г : к	гъалагаб	гъалакаб	— горячий (конь)
г : кк	гиго	гукко	— кукушка
г : кI	тIаждагIаг	— аждагIагI	— штанина
гъ : б	таргъа	— тарба	— сумка
п : б	ПатIимат	— БатIимат	— женское имя
	пахъухъ	— бахъухъ	— мучная халва
б : п	башликъ	— пашлихъ	— башлык,
	башмакъ	— пашмакъ	— башмак
б : м	бакъан	— макъан	— мотив,
	будун	— модон	— мулла
р : л	рекъав	— лекъав	— хромой
	маргъо	— малгъо	— сказка
	ритIучI	— лилбучI	— олень
р : й	рез	— йез	— медь
л : р	лапч	— рач	— паковальня
н : м	кваранаб	— кумараб	— правый
	хIенехI	— хIемехI	— угли
м : н	гъимизе	— гъинше	— улыбаться
ж : й	жакъа	— якъа	— сегодня
з : ж	аздагъо	— аждагъин	— дракон
гI : т	ччутI	— чут	— ящерица
	квартIа	— курта	— молоток
т : д	хIет	— хIед	— сухая горная тра- ва
р : т	рокIкIен	— токIкIен	— иголка
ц : сс	пуруц	— пурусс	— соха
кI : кIкI	кIвахI	— кIкIварIай	— лень
хI : гI	кIвахI	— кIкIварIай	— лень
гI : '	мегIер	— ме'ер	— гора
гI : хI	арбагI	— арбахI	— среда
хI : къ	мухIур	— мукъур	— пепел, зола
къ : хъ	башлик	— пашлихъ	— башлык
хъ : х	чIолорахъа	— чIулурхо	— уздечка
гъ : хъ	гъанцIа	— хъанцIа	— крючок

22. Наблюдается также перестановка звуков:

Чирк.	Манас-аул (Аркас)	
чIолорхъа	чIурухло	— уздечка
кваранаб	кумураб	— правый
можоро	моржо	— жребий

суркIа	сукIра	— чашка
чангит	чандик	— недоуздок
милъиршо	миричло (мирильшо)	— ласточка

при образовании форм:

габур	эрг.	горбоца	— шея
кIамур	эрг.	кIормоца	— свод.

23. М > н перед аффрикатами и спирантами:

амач	анчал	— (мн. ч.)	— лист
емен	енсуца	— (эрг.)	— отец
гамуш	ганшил	— (род. п.)	— буйвол...

М > н в ауслауте слов:

гъазан	— котел
цIун	— орел
цIцIан	— соль
гIорцIен	— мул
къалан	— перо, ручка
чан	— сколько
ццин	— гнев
лъльин	— вода.

Два последних процесса характерны и для северного аварского.

24. Нарращение звука:

хъурцIцI	(<хъуцIцI)	— болото
хъурштIде	(<хъуштIде)	— поскользнуться
агъвал	(<авал)	— часть аула.

25. Утеря звука:

рузмакъо	(<рузманкъо)	— пятница
кунилокъ	(<кунилрокъ)	— столовая, кухня.

Утеря слога:

къеде	(гъегъеде)	— пить
къел	(гъекъел)	— напиток
гъвале	(гъвабеле)	— вот тот...

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РИКВАНИНСКОГО ГОВОРА АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА¹

Звукоизменение

1. Усиление и ослабление согласных звуков в зависимости от фонетических условий.

1. Шумные согласные звуки (фонемы) **ц, цI, ч, чI, кI, с, ш, х** в исходе слова, а также перед шумными согласными и перед верхнеподъемными гласными (перед закрытыми гласными) **и** и **у** усиливаются, а перед гласными **а, о, е** ослабляются.

Примеры на изменение: **с > сс** и **сс > с**

сангар	— завал (ср. аварским «ссангар»);		
заксс	— загс;	джинсс	— вид, лицо;
заксал	— (мн. ч.);	джинсол	— (мн. ч.);
пиримусс	— примус;	маджлисс	— собрание;
пиримусол	— (мн. ч.);	маджлисол	— (мн. ч.);
камисйа	— комиссия;	интирисс	— интерес;
амунисс	— амнистия;	интирисол	— (мн. ч.);
макълатIсс	— магнит;	курсс	— курс; курсол — (мн. ч.);
макълатIсол	— мн. ч. (ср. с аварским «макъратIсс»).		
релсс	— рельс;	чаббасси	— 20 копеек (ср. с аварским (гIа-баси)
реллсол	— (мн. ч.)		
дапресс	— допрос;	савгъат	— подарок (ср. с аварским ссайи-гъаб)

¹ Данная статья является частью диссертации автора. Звуки описываемого говора андийского языка изображаются в этой статье буквенными знаками практического аварского алфавита.

дапросол	— (мн. ч.)		
къисасс	— мечь;	хъинссил	— утес (ср. с аварским «хъинс»);
къисассол	— (мн. ч.);		
кусси	— пуговица;	хъирисол	— чесотка;
кусол	— (мн. ч.); ²		
хасап	— мясная торговля (мн. ч.); (с аварским къас-саб);	хъирисол	— мн. ч. (ср. с аварским хъирис)

и т. д.

Примеры на изменение ч > чч и чч > ч.

бурчч — зеленый лук;	биччин — теневая сторона горы;
бурччил — (мн. ч.);	бичйол — (мн. ч.);
ребл'иччи — годовалая овца;	абччду-абчо — помыть, помой, (сравни с аварским «чуризе»);
хунчч — свояк (ср. с аварским «хвенч»);	ича — кобыла;
хунчол — (мн. ч.);	иччил — (мн. ч.);
гъварруччи — загривок;	лаччин — сокол (ср. с аварским «лачен»);
гъорччу — шишка;	нухт'лачч-нухт'лачи (гонец);
гъорччиол — (мн. ч.);	нухт'лачол — (мн. ч.);
лачч — наковальня (ср. с аварским «рач»)	к'к'лойччин — ящерица;
лаччил — (мн. ч.).	к'к'лойчйиол — (мн. ч.);

Примеры на изменение хх > х и х > хх.

тухх — рассеянный (ср. с аварским туха (в, й, б), тух).
сот'лихх — сотая (часть), сот'лихол — (мн. ч.)
биххду — взять, нести; бихо! — возьми — босе! (авар.)
ч'олххинну — распороть, ч'олхом — распоротый (ср. с аварским ч'алххине) и т. д.
буххду — отнять, бухо! — отними! (авар. бахье!)

Примеры на изменение: щ > ш и ш > щ.

бешду—башоллу — соткать — заставить соткать (многokr. действ.).
ч'лугъешду — ч'лугъешоллу — возгордиться — дать возможность возгордиться (понуд. залог).
гъургъушду—гъургъушолу — разламывать — заставить гаощ — гаошол — буйвол — буйволы.
ток'иш — ток'ишол — осленок — ослята.

бабуц — бабушол — утка, утки.
картуц — картушол — картошка — картошки.
калуц — калушол — калоша, калоши.
мачиц — мачишол — вид горской обуви (ед. мн. ч.)

и т. д.

Примеры на изменение: чІ > чІчІ и чІчІ > чІ

БурчІчина — ячмень (ср. с аварским «пурчІина»);
пиринчІчІ — рис; пиринчІол — (мн. ч.);
ричІчІ — лекарство (ср. с аварским рикІкІ), ричІчІил —
(мн. ч.)
вучІчинчІигу — не приходив (с аварским «вачІинчІого»).

мичІчІ — крапива, мичІчІил — (мн. ч.)
гьорчІчин — годовалая овца (ср. с аварским гІоркІкІен).
гьорчІйол — (мн. ч.);
ничІо — слепень, овод (ср. с аварским «никІкІ»);
гьорчІчІльир — женственность (сравни с аварским чІчІлужу и цІцІулъи) производным из последнего слова, скорее всего, является и слово чІчІлужу — «женщина» (на аварском языке).

къечІчІ — селезенка;
къечІол — (мн. ч.);
чІачІчІ — надоедливый человек (ср. с аварским чІачІавчІол — мн. ч.) мучІ

ручІчІир — плата, долг (ср. с аварским рецІел);
бичІчІиб — проснувшийся (ср. с аварским борчІараб);
кечІчІ — песня;
кечІол — (мн. ч.);
хъачІчІ — грубый (о) гьатІи хъачІчІ жиле? — гІатІ хъач бугищ? (авар.);
хъачІол — (мн. ч.);

Примеры на изменение кІкІ > кІ и кІ > кІкІ

помощникІкІ — помощник;
помощникІол — (мн. ч.)
гъадукІкІ — кожа, овчина;
гъадукІол — (мн. ч.);
гъадукІол — (мн. ч.);
паразникІкІ — праздник;
паразникІол — (мн. ч.);
налбикІкІ — блюдо;
налбикІол — (мн. ч.);
гьинкІкІлу — мышь (ср. с аварским гІункІкІ);
гьинкІол — (мн. ч.);
ххудожникІкІ — художник;
ххудожникІол — (мн. ч.)
гьинкІкІлур — моча (ср. с аварским кІлурщ).

кІкІуІпул — дикая черешня (сравни с аварским «кЮ-кЮли»)

цІцІкІкІуІлЪир — кислота, кислотность (сравни с аварским «цІцІекІлЪи»)

бІкІкІун — угол (ср. с аварским **бокІон**).

кІкІара — арка, свод (ср. с аварским **кІамури**, а в грузинском **кІамара** — «дуга») и т. д.

Примеры на изменение **цІцІ > цІ** и **цІ > цІцІ**.

цІцІудур — умник, умный (сравни с аварским **эЮдорав**);

коцІцІ — веник (ср. с аварским **цІцІилицІцІ**);

коцІол — (мн. ч.);

гъацІа — кузнечик (ср. с аварским **гарцІцІ**);

вуцІцІиде? — наелся? (ср. с аварским **гЮрцІаниш**);

рерцІом — чистый (ср. с аварским **бацІцІад**);

рацІцІиянури — спросить (ср. с аварским **цІеххезе**);

рицІцІду — наполнить (ср. с аварским **цІезе**);

цІцІиркъ — рысь (ср. с аварским **цІиркъ**);

гъалбацІцІ — лев, львица (ср. с аварским **гъалбацІ**);

гъанцІцІ — муравей, **лЪанцІол** — (мн. ч.);

куцІцІцІ — щенок; **купцІол** — (мн. ч.).

Примеры на изменение: **ц > цц** и **цц > ц**

иццики — кис-кис (вызов кошки, кошка) ср. с аварским **ицико**);

Милицц-милицол — милиционер — (мн. ч.) и т. д.

Распространение большинства этих фонетических законов на заимствованные слова свидетельствует о том, что эти законы являются живыми.

II. Сонанты **л, р, м, н** перед верхнеподъемными гласными (или закрытыми гласными) и **и у** усиливаются в основном в незаимствованных словах.

Примеры на изменение **л в лл**

пул — волдырь (ср. с аварским **пул**)

пуллил — (мн. ч.)

къол — вражда (сравни с аварским **къал**)

къоллил — (мн. ч.)

къгъул — дерн, целина;

къгъуллил — (мн. ч.) и т. д.

Примеры на изменение **н > нн** и **н > мм**.

гъин — кровь, (отсюда аварское выражение **гъинал ракІ**)

гъиннил — (мн. ч.).

кин — конопля (ср. с аварским **кун** — нитка);

киммил — (мн. ч.);

вучинну — привести (ср. с аварским **вачине**).

чон — дичь (ср. с аварским — чан); чоммил — (мн. ч.)
кун — баран; куммил — (мн. ч.) (ср. с аварским —
куй||кви)

ццун — орел (ср. с аварским ццун);
ццуммил — (мн. ч.);
цон — соль (сравни с аварским ццан);
цюммил — (мн. ч.) и т. д.

Примеры на изменение: м > мм

тламир -- ссыпание (ср. с аварским — тлами)
тламури — насыпать (ср. с аварским тламизе) и т. д.

III. Ассимиляция согласных звуков

В описываемом говоре сонорный латеральный л подвергается прогрессивной ассимиляции под влиянием предшествующего сонорного носового н; примеры на нл > нн: денло денно — и я; менло менно — и ты; куло кунно — овец; гьайманло гьайманно — и овца; данло данно — и вещь; гьанло гьанно — хлеб; Гьаркъунло гьаркъунно — и засов; бехунло бехунно — и лопатка; хьаманло хьаманно — и кабан и т. д.

Примеры на изменение комплекса «нз» и «нн»

ценну — сохранить (ср. с аварским цунизе)
зунну — усилить темп (ср. с аварским зунизе) и т. д.

Примеры на изменение комплексов: мб > мм, нн > мм,
мз > мм

ссим микъду — разгневаться (ср. с аварским ццим ба-
хъине);

тлаъм микъгъо — стать аппетитным, вкусным (ср. с
аварским тлагтам бачине);

шам мичигулду — обессилиться (терять силу);

ламму — есть, кушать (ср. с аварским ламизе);

чламму — разжевывать (ср. с аварским чламизе);

ккимум — улыбаться (ср. с аварским хьимизе) и т. д.

IV. Назализация гласных звуков (фонем)

Назализация гласных звуков происходит в результате исчезновения носовых сонантов м и н. Это наблюдается, в основном, при образовании формы множественного числа имен существительных на: ан, он, ом, ам.

При этом качественный и количественный состав звука и звуков находится в прямой зависимости от качественного и количественного числа.

А сам механизм «исчезновения» сонантов м и н состоит: во-первых, в слиянии работ резонаторов носовой полости при м и н, с одной стороны, и при л — с другой; во-вторых, в

совпадении (и слиянии) переднеязычных работ, с одной стороны, при **н**, и, с другой, при **л**, когда он следует за **н**; в-третьих, в передаче назальности **м** и **н** (назализация гласных) гласным (**гъайманл** > **гъаймаил**).

Рассмотрим некоторые случаи исчезновения **м** и **н** имен существительных посредством форманта **л**; комплексы звуков **ам**, **ан** конца слова превращаются (переходят) в комплекс звуков **ай**, причем компонент **-а** назализуется:

1. Примеры:

гъайман	— овец;	джайран	— джейран;
гъаймаил	— (мн. ч.);	джайрайл	— (мн. ч.);
хъизан	— семья;	ъалам	— народ, толпа;
хъизайл	— (мн. ч.);	ъалайл	— (мн. ч.);
вытлан	— родина;	маъдан	— ископаемое;
ватлайл	— (мн. ч.);	маъдайл	— (мн. ч.);
тлупан	— непогода;	мизам	— порядок;
тлупайл	— (мн. ч.);	мизайл	— (мн. ч.);
тлаъам	— вкус;	даран	— торговля;
тлаъайл	— (мн. ч.);	дараил	— (мн. ч.) и т. д.

2. При образовании формы множественного числа имен существительных посредством форманта **л** комплекс звуков **он**, **ом** конца слова изменяется в комплекс звуков **ой**, причем **о** назализуется.

Примеры:

воглом	— разговор;	бешон	— постель;
ретлойл	— (мн. ч.);	бешойл	— (мн. ч.);
ссуром	— сафьян;	цлцликон	— изгиб трубы;
ссуройл	— (мн. ч.);	цлцликойл	— (мн. ч.) и т. д.

3. При образовании формы множественного числа имен существительных посредством форманта «дул» с окончаниями **-ам**, **-ан** конечные сонорные исчезают, оставив след в виде назализованного **а**.

Примеры:

челкан'	— домово́й;	ххулиган	— хулиган;
челкадул челкал	(мн. ч.);	ххулигадул	— (мн. ч.);
палулан	— акробат;	кечлехъан	— певец, поэт;
палупадул	— (мн. ч.);	кечлахъадул	— (мн. ч.);
хурихъан	— земледелец;	чларахъан	— акушерка, повиваль- ная бабка;
хурихъадул	— (мн. ч.);	чларахъадул	— (мн. ч.) и т. д.
ахихъан	— садовник;		
ахихъадул	— (мн. ч.).		

4. Форма множественного числа у некоторых существительных образуется посредством форманта **ол**. При этом конечные **м** и **н** слов единств. числа исчезают и гласные **и** и **о** приходят в соприкосновение, образуя гиатус; в результате **и** превращается в **й** (йот).

Примеры:

ххварчин	— лопаточка	ижин	— струг;
	(кухонная)		
ххварчйол	— (мн. ч.);	йжйол	— (мн. ч.);
къелъин	— инструмент;	къгъурццим	— мул;
лъелъйон	— (мн. ч.);	къгъурцйол	— (мн. ч.);
гарапин	— графин;	ригъин	— бракосочетание;
гарапйол	— (мн. ч.);	ригъйол	— (мн. ч.);
гъорччин	— годовалая	ххурххен	— связь;
	овца;		
гъорчйол	— (мн. ч.);	ххурххйол	— (мн. ч.);
магазин	— магазин;	тукен	— магазин;
магазинйол	— (мн. ч.);	тукйол	— (мн. ч.)
ккклойчин	— ящерица;		и т. д.
ккклойчйол	— (мн. ч.);		

При образовании формы множественного числа некоторых существительных посредством форманта **ол** комплекс звуков **ум**, **он**, **ун** конца слов превращается в комплекс «во», назализуя гласный компонент **о**. Заднерядные огубленные гласные **у** и **о** переходят в губногубной согласный звук **в**, теряя качество гласных.

Примеры на переход комплексов **ум**, **он**, **ун** > **во**.

закон	— закон;	пургун	— пургон;
заквол	— (мн. ч.);	цургвол	— (мн. ч.);
техникум	— техникум;	тухум	— тухум, род;
техниквол	— (мн. ч.);	тухвол	— (мн. ч.).

Звукосоответствия ¹

I. Звуковые соответствия в области гласных

Гласному звуку рикванинского говора андийского языка **о** в аварском языке ² соответствует гласный **а** как в корнях слов, так и в грамматических формах.

¹ В этой главе приводятся не только регулярные звуковые соответствия, встречающиеся в большом числе примеров, но также и нерегулярные, даже единичные, принимая во внимание важность такой констатации для будущих исследований.

² При сравнении рикванинского говора андийского языка с аварским, автор имеет в виду северное наречие («болмацц»), а не все его диалекты.

Гласный компонент **о** форманта множественного числа имен существительных рикванинского говора **ол** соответствует гласному компоненту форманта мн. числа аварского языка **ал**.

Примеры:

йеш-б-ол в. йас-ал — девочки, дочери

йоцц-б-ол в. йацц-ал — сестры

бесдал-ол в. бесдал-ал — сироты

мохъ-ол в. михъ-ал — усы

ссунтул-ол в. ххвенхх-ал — лицо, рожа

мигъул-ол в. мугъ-ал — спина

мулъа-л-ол в. малъ-ал — ногти

рокъчул-ол в. рачел-ал — пояс, ремень

кккълурш-ол в. ччорб-ал — мышцы

бакъл-ол в. тлом-ал — кожа, шкура и т. д.

къл в. къл — рот;

гъоб в. гъаб — это;

боцло в. бацл — волк;

бок в. бакъ — кишка;

рокло в. ракл — сердце;

рокъчул в. рачел — пояс, ремень;

мокъ в. макъу — сон;

гъокъу в. анкъ — неделя;

охихъанлъир-ахихъанлъи — садоводство;

чирон в. чиран — сталь и т. д.;

лъобгу — лъабгу — три;

гъоцлогу — в. анцлгу — десять;

лъобласси в. лъаблгин — трехлистник;

рельо в. ральад — море (и почь, а аварском же ночью рельеда);

рохъ в. рахъ — канал, канава;

шоннор в. ссан — межа;

чон в. чан — дичь;

овхх в. ахх — баюканье;

бокъоулъир в. бакъуллъи — середина;

цлон в. цллан — соль;

ворццлом в. ваццладив — чистый;

чъллххинну в. чъллххине — распороть;

гъекъорлъир в. ракъанлъи — основание;

рошо в. рагли — слово;

рокъи в. ракъа — кость;

хо в. гъад — липа.

Два-три слова (шатан в. аварского шото — «носок», б-а-синну в. аварского б-о-рцине — «мерить» и др.) составляют исключение; в них аварскому **о** соответствует рикванинское **а**.

III. Гласный звук **о** также закономерно соответствует гласному аварского языка **а** в составе форманта прошедшего времени глагола. Примеры:

вох-он вм. вах-ана — поднялся;
вотI-он вм. кIалъ-ана — поговорил;
вокI-о вм. рукI-ана — были;
вукъгъ-о вм. вачI-ана — пришел;
бос-он вм. биц-ана — рассказал;
бикI-о¹ вм. букI-ана — был;
рош-он вм. бухъ-ана — привязал;
рих-он вм. рих-ана — ненавидел;
вах-о вм. рагъ-ана — подрались (собаки);
рещ-кI-он вм. рещ-тI-ана — слезать, пребывать и др.

Гласный описываемого говора **о** регулярно соответствует гласному аварского языка **е** в следующих случаях:

I. В форме направительного падежа серий на л'; тI и х:хъ, т. е. первой и второй серии большинства склоняемых слов. Примеры:

Дил'о — (ко) мне; дул'о — (к) тебе; дих-о — ко мне; вместо дитI-е — (ко) мне; дутI-е — (к) тебе; дихъ-е — ко мне; дух-о — к тебе; Тулпарл-о — (к) Тулпару; Салимл'о — (к) Салиму вместо духъ-е — к тебе; ТулпаритI-е — (—»—); СалимитIе — (—»—); Гъев лъобгуло гокIа Булхъ-о-во л'онд вместо Гъев лъабавго чи Болхъ-е ун в-уго — Трое мужчин (говорят) ушли в Ботлих.

ЦIцIундур гьекIа вусоммор, мен, ъадамд босомл'о анчичIигу, гьеллуд жирадосил'о гьалчIом вместо ЦIодорав чи ватани, мун, гIадамаз бицунелъух² (буквально: бицунелтI-е) балагъичIого, (буквально: гIенеккичIого), гьез гьабулелъухъ (буквально: гьабулелтIе) балагъе — Если ты умный человек, то, (дословно, несмотря) не смотри на то, что люди говорят, посмотри, что они делают. Учителъшуд цIолдохъан директор шх-о элта вместо Учителас цIалдохъан директорасухъ-е витIа-на — Учитель направил ученика к директору. Гьегелл-у-д (мн. ч. I-го класса) || гьеггелл-и-д (мн. ч. II, III, IV-V-VI классов) Месседух-о ххучол ччиду-хъ вместо Гьо-з Меседухъ-е

¹ Гласный **о** является основным формантом общего времени глаголов рикванинского говора. В форманте же прошедшего (глазного) времени гласный **о** выступает в ограниченном количестве примеров и он здесь, как нам кажется, иного происхождения, чем в общем времени.

² Следует отметить, что в аварском литературном языке есть заставшие выражения с сериальным показателем «хъ» без форманта направительного падежа **е**, которого надо было бы ожидать. Например, Д-и-хъ балагъизе «на меня смотреть», вместо ожидаемого Д-и-хъ-е балагизе (буквально: «ко мне смотреть») Ду-хъ балагъизе «на тебя смотреть») д-и-хъ гIенеккизе — «слушать меня» (букв: «ко мне слушать») вместо «Ди-хъ-е гIенеккизе» — «слушать ко мне» и т. п.

тлахьал кьолел руго. Они дают книги Меседа. Тетрадол дих-о бохо, ххучол гьеделчх-о элто. вместо Тетрадал дихъ-е рöse, тлахьал гьадалъух-е ритI-е. — Тетради принеси ко мне, (а) книги отправь к ней.

Примеров подобного типа много, но вышеприведенные достаточны для того, чтобы убедиться в том, что гласный риквантинского говора **о** закономерно соответствует гласному аварского языка **е** в формантах направительных падежей **-х-о: -хъ-е** вместо **-л' -о: тI-е**!

2) В составе следующих слов:

гь-о-л'у вм. ме-гь-е-д — грудная часть;

гьан-кьо-чIор вм. кье-чей — жажда;

с-о-р вм. ц-е-р — лисица;

р-е-кьир вм. р-е-кьел — мир;

гь-о-гьу вм. гье-гь — щепень, кампи;

р-о-л'-ал вм. р-е-тI-ел — одежда, платье;

рел-о-л'а вм. релъ-е-да — ночью;

бе-л'-о-ралду вм. тI-е-ренлъизе — похудеть;

л'-о-ркьуду вм. тI-е-кьеze — сделать крышу помещения, покрыть подвал крышей.

3). В форманте повелительного склонения ед. числа.

Примеры:

тIалаб жй-о вм. тIалаб гьаб-е — позаботьтесь;

бич-о-н! вм. бач-е — приведи;

Мен бекъ-о! вм. дуца бекъ-е — ты вспаши;

бос-о-н! вм. биц-е — скажи;

¹ Переднеязычный глухой смычногортанный звук «тI» закономерно соответствует (в группе аваро-андийских общих слов) риквантинскому смычногортанному переднеязычнолатеральному сонанту «л»; во-вторых, в риквантинском говоре различаются две серии местных падежей: 1) одна (с сериальным показателем л) показывает горизонтальное положение предмета в пространстве и соответствует аварскому сер. показателю тI, а 2) другая (^{0/н}) с сериальным показателем чI(у) показывает вертикальное положение предмета в пространстве и соответствует аварскому сер. показателю д. Например: л'о, л'а, л'акку соответствуют аварским тI-е, тI-а, тI-а-са и функционально и по материальному их происхождению. В-третьих, во многих словах аварского языка, а также в риквантинском местный падеж с сериальным показателем чI(у) нельзя употреблять вместо местного падежа с сериальным л, что свидетельствует об их самостоятельных (разноименных) назначениях в падежной системе; примеры: кьенно-чIу тIамсса бигъольид вм. кьада-да тIамса бигъун буго — Ковер висит на стене Гьуми-л, а щекиб рещтIон — хIобо-тIа хIинчIчI рещтI-ана, Гьумил-чIу гьанкIо жай — хIобода магI чIвана — на (макушку столба) столб села птичка. Гвоздикъ вбили на (в) столб и т. п.

дих-о бох-о! вм. дих-е рос-е! — принеси ко мне!
 бу-къ-о вм. къ-от-е — порежь!
 бу-х-о! вм. ба-хъ-е — отними!
 къир-о! вм. къунц-е — отрежь!
 бах-о вм. бах-е — помажь!
 берч-о вм. беч-е — подай!
 т-ам-о вм. т-ам-е — насыпай!
 буш-о вм. бох-о — побели!
 ч-еркъакъ-о вм. бикъбикъ-е — расчлени!
 бас-о-н! вм. борц-е — померь!
 абч-о вм. чур-е — помой!
 бош-о-м вм. борч-е — застегни!
 вох-о-ом вм. хах-е — покорми, пососи (молоко)!
 гурун-о вм. гур-е — скатывай!
 гир-о вм. гир-е — покатись!
 лам-о вм. лам-е — поешь!

И, наоборот, в нескольких словах как исключение рикванинский гласный е соответствует аварскому о, например: ш-ен — семя, зернышко; б-е-рка — змея; л'е-к'ульир — излишность; хь-о-н (семя), лен; б-о-рохь (змея); т-о-к'л'и — излишность и т. д.; м-е-хмох вм. м-о-хмох — курдюк.

В следующих словах рикванинский гласный у регулярно соответствует аварскому о, например: чуххт-у вм. чоххт-о — горский женский головной убор; сун вм. сон — вчера; ц-ц-уку вм. ц-ц-око — шкура; гьаркъун вм. къо-но-увула; б-у-ц-ц-ир вм. б-о-ц-ц-и — скот, имущество и т. д. игь-у-р вм. х-о-р — озеро; бокъ-у вм. гьоркъ-о — среди, между; щ-у-р вм. чч-о-бо-ри — мышца.

В некоторых заимствованных из русского языка словах рикванинцы произносят у вместо о: инспект-у-р — инспектор; кондукт-у-р — кондуктор; деректур — директор и т. п.

В следующих словах рикванинский гласный и переднего ряда и соответствует аварскому е: лач-и-н вм. лач-е-н — сокол; н-и-ха вм. н-е-ха — овес; и-и-нг-и-л вм. ч-е-нг-е-л — деревянная тарелка, горшок; гиргил вм. герелу — каточек; аблълъ-и-нлъир — релъел-е-нлъи — сходство; гь-и-н-ц-о вм. гь-е-ц-о — камень; т-и-нну вм. т-е-зе — лить; ц-ц-и-к'к'урла вм. ц-ц-е-к'к'атун — съедобный кислый лист; ч-ч-и-т-и-р вм. ч-ч-е-д-е-р-аб — узкий; рац-ц-и-нну вм. ц-е-ххезе — спросить.

К ним примыкает заимствованное из русского языка слово «мел», которое звучит в речи рикванинцев как «мил». Слово «лълъ-е-н» вм. «лълъ-и-н» — вода составляет исключение из правила «и:е».

В нескольких словах рикванинский гласный и соответствует аварскому а. Например:

м-и-ргъ-ил в.м. **м-аргъ-а-л** — пуговичка;

ч-и-рон в.м. **ч-а-ран** — сталь;

м-и-хх в.м. **м-а-хх** — железная подставка, трехножка;

м-и-ццц в.м. **м-а-ццц** — язык;

н-и-кку в.м. **н-а-кку** — мелкая солома;

з-и-нгал в.м. **з-а-нга(л)**

м-и-цццу в.м. **м-а-ццц** — язычок огня;

биш-и-н в.м. **ш-а-р** — определенный сорт молока;

къ-и-ралъиб **гьокла** в.м. **лукъ-а-рав** **чи** — раненый человек;

н-и-ко в.м. **н-а-ку** — колено;

б-и-л в.м. **б-а-л** (в речи ахальчинцев и др.) — гора;

жил-и в.м. **жилл-а** — червячки.

Встречаются слова, в которых в рикванинском произносятся гласный звук у, а в аварском же и. Например: **т-у-мар** в.м. **т-и-мар** — тренировка (уход за лошадей); **гъ-у-зи** в.м. **гъ-и-з** — грязь; такая же замена налицо в таких инфинитивах, как: **'ургъ-у-ду** в.м. **ургъизе** — вздохнуть; **вачч-у-нну** в.м. **вачч-и-зе** — таскать; **'ургъ-у-нну** в.м. **ургъ-и-зе** — думать; **ш-уб** в.м. **лъль-и-кI** — хорош (о, ий).

В составе инфинитивного форманта рикванинский гласный в большинстве случаев соответствует аварскому гласному е.

Примеры:

хъалл-у в.м. **бихъиз-е** — разорвать;

буххид-у в.м. **баккиз-е** — расти, появиться;

бекъд-у в.м. **бекъиз-е** — вспахать;

гъунчлорийд-у в.м. **чларазабиз-е** — заставить проположить;

буххд-у в.м. **бухъиз-е** — копать;

бежд-у в.м. **бежиз-е** — жарить;

члержд-у в.м. **бикъиз-е** — раздвоить, разделить;

бекъойд-у в.м. **бикъиза-биз-е** — заставить делить;

хханн-у в.м. **хъваз-е||бецизе** (**хъандероял** от «хъвазе» **хъавандеро**) — косить;

лъальганну в.м. **лълъаз-е** — орошать;

'ургъунн-у в.м. **ургъиз-е** — думать;

ваччунн-у в.м. **ваччиз-е** — таскать;

'урхъунн-у в.м. **урхъиз-е** — тосковать;

хъварду в.м. **хъвазе** — писать.

Наблюдается и обратное соответствие рикванинского е аварскому у:

тI-е-нтIа в.м. **тI-у-тI** — муха;

б-е-ча в.м. **м-у-ч** — просо;

рокъч-у-л в.м. рач-е-л — пояс, ремень;
 къгъ-у-л в.м. гI-е-ри — дерн; торф;
 гъ-у-ргъ-у-шду в.м. гъ-е-н-е-з-е — рассыпаться;
 цI-е-нн-у в.м. цI-у-низ-е — сохранить рикванинский гласный е соответствует аварскому гласному у.

В нескольких словах, которых у меня мало еще под рукой, рикванинский гласный и соответствует аварскому гласному у. Например:

м-и-гъул в.м. м-у-г — спина;
 м-и-хи в.м. н-у-хи — (квасул нухи) — шерсть;
 м-и-къгъ-ор в.м. м-у-чари — лекарственная трава;
 рел'-и-л)лI в.м. тI-у-л — печать;
 кI-и-кIим в.м. кI-у-чI (и «хьил») — помет;
 гъ-и-инкIкIу-гI-у-нкIкI — мышь, крыса;
 ч-и-лил в.м. мачI-у (рак-ул) — навоз; кизяк; (ч-и-лал-лилI къен);
 къур-и в.м. къур-у — скала;
 м-и-къ в.м. н-у-х — дорога.

В слове б-о-сияну в.м. б-и-цине — рассказать рикванинский о соответствует аварскому и.

В следующих словах в рикванинском мы имеем гласный а, а в аварском же языке у: бещ-а-лъир в.м. щ-у-лалъи — крепость, укрепление; абж-а-р в.м. ж-у-бай — сложение.

В словах: кIкI-е-лу в.м. кIкI-а-батI — глина; къегъ-е-рцIцI в.м. къ-а-нцIа — сыворотка (къанцIа риди, родол къанцIа) рикванинский е соответствует аварскому гласному а.

Гласный рикванинского говора а соответствует гласному аварского языка е не только в таких словах, как: гъ-а-жу в.м. гъ-е-ж (срв. с родительным падеж. авар. языка гъ-а-жалзул (и в косв. основе) — рука, предплечье; м-а-гъ-а-р — нос (срв. магIарзу(л)къали в аварском); рош-а-н в.м. рохъ-е-н веревочка, толстая нитка для завязывания мешков, тесемочка; г-е-ллолу в.м. гъабугъинабизе — заставить помутиться; з-а-р цIцI-е-р — лед; (но: авр-е-г в.м. авараг — пророк), но и в составе форманта наречия образа действия. Например: Ден ун-содах||д решлъикку гьонор къечIо гьаллихъ-а хъуролъи в.м. Дица оцоца гъаб чIалу рохъоса хIаллихъ-е (Срв. хIаллица) бехъерхъана. Я быком это бревно из лесу еле-еле потащил. То же самое мы имеем в таких формах глагола, как: босо-нохъ-а в.м. бицанихъ-е — по рассказу, как говорят (рассказывают) и т. п.

II. Звуковые соответствия согласных.

Лабиялизованным согласным аварского языка в рикванинском говоре соответствуют делабиализованные. Иначе говоря, аварские лабиялизованные согласные в рикванинском дела-

биализованы. Лабиальность в последнем перешла на гласный компонент слога. Примеры.

I. **кI-у-гьал** в.м. **кI-ва-хIал** лентяй; **гьинкIкI-у-р** в.м. **кI-ва-рщ** — моча; **бекъ-у-р** в.м. **бакъ-ва-й** — твердость, сухость; **чинк-у-л** — **чинк-ва** — зеленая скорлупа ореха; **сс-у-н(н)у** — **сс-ва-н-ххи-зе** — дремать; **у-ххтиру** в.м. **ва-ххтиро**; **к-у-ртIа** в.м. **к-ва-ртIа** — молоточек, но сравни аварское **тарщикI-у** с рикванинским «**тащикI-ва**» — пахучая трава; **кьгъ-у-дилду** в.м. **гъ-ва-рилъгизе** — углубиться.

II. **х-у-нчч** в.м. **х-ве-нч** — муж сестры; женщины; **къ-у-рру** в.м. **къ-ве-ркъ** — лягушка; **г-у-рдо** в.м. **г-ве-рде||горде** — рубашка; **к-у-'энду** в.м. **к-ве-гIенлъгизе** — стать удобным.

III. **т-у-ду** в.м. **т-ви-зе** — расплюнуть; **бищ-у-нну** в.м. **сс-ви-не** — потухнуть; **вук-у-нну** в.м. **у-ви-не** — поесть, сравни аварские **к-ве-н** — еда, **к-в-ана** — кушал); **бусс-у-ду** в.м. **чч-ви-зе** — помакнуть;

IV. **Рек-о-ллу** в.м. **бакъ-ва-зе** — высохнуть; **бакI-о-л** в.м. **бакI-вали** — желудок; **хх-о-мму-хъ-ва-низе** — дремать, храпеть; **хх-о-л** в.м. **хх-ве-л** — притворство, вид (сделать вид — хол жиду); **к-о-ршел** в.м. **к-ве-ршел** — владычество; **гъ-о-ллъир-гъ-ве-л** — клевета; **с-о-рду** в.м. **сс-ве-ризе** — повернуться, покрутиться.

2. Пример на изменение о в ви

цI-о-м-м-у в.м. **цIцI-ви-зе** — сосать.

Согласный звук рикванинского говора **д** закономерно соответствует согласному аварского языка **з** в следующих случаях:

Соответствия **д:з**. В составе инфинитивного форманта: **беж-д-у** в.м. **бежи-зе** — жарить; **'э-э-щ-д-у** в.м. **'э-э-ди-зе** — экать — и-икать; **'э-э-д-у** в.м. **'э-э-з-е** (форма однократного действия); **жи-къ-д-у** в.м. **й(в, б, р) о-къ-и-зе** — любить; **гьум(лъ)-д-у** в.м. **'унлъи-зе** — подтвердить, стать фактом; **'учузил-д-у** в.м. **'учузлъи-зе** — подешеветь; **бекку-д-у** в.м. **ххутIи-зе** — остаться; **'угьу-д-у** в.м. **'угьи-зе** — вздохнуть; **бухх-д-у** в.м. **бакки-зе** — появиться, показаться; **ккалу||тихх-д-у** в.м. **ххе-зе** в.м. продевать; **абчч-д-у** в.м. **чури-зе** — помыть, помыться и т. д.

2. Подобное же соответствие (**д:з**) наблюдается в формантах таких слов, как: **ла-д-и** в.м. **лу-з-и** — на четвертый день; **хур-д-ул** в.м. **хур-з-ал** — пахотные участки; **хур-д-ах** в.м. **хур-з-абах** — в пахотных участках.

Соответствия **д:н**

1. Согласный рикванинского говора анд. языка **д** соответствует аварскому **н** в форманте группы деепричастий. В рикванинском форма деепричастия и заглазного времени глагола

совпадают; формантом у них является **д**, а в аварском же языке деепричастие является лишь только составным членом описательного заглазного времени глагола; аварские примеры приводятся без вспомогательного глагола:

букку-д в. кку-н — (говорят, что) попало, — попов;
бекъ-у-д в. бакъ-ва-н — высохнув;
беш-и-д в. барсс-у-н — пожарив;
басрал-и-д в. басралъ-у-н — износившись;
бухх-и-д в. бакк-у-н — появившись;
гир-и-д в. гир-у-н — покотившись;
тур-и-д в. тур-у-н — сгнив;
борл-и-д в. борл-у-н — пробив;
бук-о-д в. бук-у-н — побыв;
кким-м-и-д в. ххим-у-н — улыбнувшись;
биц-и-д в. ц-у-н — наполнив, заполнив;
цен-н-и-д в. цун-у-н — сохранив;
к-ва-нч-о-д в. к-у-нч-у-н — осветившись;
беч-о-д в. к-юч-о-н — забыв;
гьанкъоч-о-д в. къеч-о-н — жаждавшись.

2. Соответствия д:н

В составе форманта некоторых инфинитивов: вул-д-у в. лугъ-ин-е — образовать, происходить, входить; бик-д-у в. бук-ин-е — быть; беч-д-у в. к-юч-е — забыть; бац-д-у в. бац-ин-е — стереть, привязать, чистить; белъ-д-у в. белъ-ин-е — варить, покрасить; бухх-д-у в. бахъ-е — вставать; бур-д-у в. боржи-н-е — лететь; бищ-д-у в. бусси-н-е — вернуться, повернуться; гьур-д-у в. гъи-н-е — сыпаться; гьузит-д-у в. гъезе-н-е — грязнеть; к-к-ур-д-у в. т-он-к-ин-е — очищаться; вол-д-у в. вил-ин-е — ходить, идти; ихохъ-д-у в. ххи-н-е — молотъ (от рикванинского ихоб в. гьобо (х:гь) — мельница); хъирисаху-д-у в. хъороси-не — выветриваться; макъ-ххи-н-е в. мокърикъ-д-у — дремать, хотеть спать; бикъ-д-у в. къи-н-е — иссякать, обессилиться; абль-лъи-н-д-у в. релъ-лъи-н-е — уподобиться, быть похожим; реч-ий-д-у в. роччи-н-е — стать пасмурным, дожидаться и т. д.

Обратные случаи соответствий рикванинскому **н** соответствует аварское **д** в следующих словах: н-у-с-о (I кл.) д-ур-ц — зять (срв. н-у-с-а в. нус — невеста); къе-н в. къе-д — стена составляет как бы исключение из правила д:н.

Соответствия н:з

Согласный рикванинского говора **н** соответствует аварскому звуку **з** в составе форманта инфинитива. Примеры: бич-ч-у-н-н-у в. бич-ч-и-з-е — понимать; рац-ц-и-н-н-у в. ц-с-ххе-зе — спросить; зуру-н-н-у в. зури-з-е — помнить; безду-н-

ч-н-у в.м. **беэди-з-е** — поласкать; **це-н-н-у** в.м. **цлүни-зе** — охранять, сохранить; **со-у-н-н-у** в.м. **со-ва-нххи-з-е** — дремать; **зун-н-у**¹ в.м. **зун-и-з-е** — ускорить темп; **хъав-н-н-у** в.м. **хъами-з-е** — браниться; **'урхъу-н-н** в.м. **'урхъи-з-е** — соскучиться; **'ургъу-н-н-у** в.м. **'ургъи-з-е** — подумать; **баччу-н-н-у** в.м. **баччи-з-е** — потаскать; **хха-н-ну** в.м. **хъвазе** (откуда происходит «хъандиро») — покосить; **лъалъа-н-н-у** в.м. **лъалъа-з-е** — орошать; **щиркъун-н-и** в.м. **ссункъи-з-е** — ныть; **члугъу-н-ну** в.м. **члүхли-з-е** — гордиться.

Соответствия м:з

Рикванинский м регулярно соответствует аварскому з в том же форманте многих инфинитивов. Примеры: **кким-м-у** в.м. **хъим-и-з-е** — улыбнуться; **гъум-м-у** в.м. **ун(м)-лъи-з-е** — стать фактом, подтвердиться; **тлам-м-у** в.м. **тлам-и-з-е** — вылупиться (о цветке), насыпать (**цлцлар тламу** в.м. **цлцлар тла-мизе**); **тли-н-н-у** в.м. **тлез-е** — налить, сорвать; **тла-м-м-у** (микъади) в.м. **тловитли-з-е** (нухда) — провожать; **ххом-м-у** в.м. **хъ-ва-ни-з-е** — дремать; **цлцл-м-м-у** в.м. **зинкккк-и-з-е** — общипать; **пищтли-з-е** — освистать, посвистнуть; **цл-о-м-м-у** в.м. **цлцл-ви-зе** || **цлцл-ун-хл-и-з-е** — поцеловать; **тла-м-м-у** (л'ом) в.м. **тлекъе-з-е** || **тла-м-и-з-е** — базе — постелить, сделать крышу, покрыть стены дома крышей; **чла-м-м-у** в.м. **чла-м-м-из-е** — пожевать; **ла-м-м-у** в.м. **ла-м-и-з-е** — облизать, есть (кашу); **ги-а-м-м-у** в.м. **хъ-а-з-е** — посеять.

Соответствия л:з

Согласный звук описываемого говора анд. языка л регулярно соответствует аварскому согласному з в составе форманта инфинитива следующих слов:

гел-л-у в.м. **гъа-л-и-з-е** — быть лохматым;
хъ-а-л-л-лу в.м. **бихъи-з-е** — разорвать, потрескать;
ро-х-ода-л-л-у в.м. **ра-с-анд-и-з-е** — поиграть;
бу-хх-и-л-л-у в.м. **ба-кк-и-з-е** — появиться, порости;
бихх-ол-л-у в.м. **бихх-и-з-аб-и-з-е** — заставить, разрушить, заставить растеряться;
рекъ-ол-л-у в.м. **рекъ-езаб-и-з-е** — заставить установить;
клур-ол-л-у в.м. **тлнкк-кли-заб-и-з-е** — заставить капнуть;
боркъ-изаб-и-з-е в.м. **букъ-ол-л-у** — заставить растопить (печку).

Расхождения состава согласных звуков в форманте инфинитива, т. е. наличие в рикванинском фонетических разновид-

¹ Утеря и или другого гласного перед формантом зе, видимо, является причиной, вызвавшей полную ассимиляцию з (нз, нн). Это положение относится и к другим подобным изменениям з, д, в, н, л, м, но не к такому типу изменениям, как в инфинитиве **баччу-н-н-у** — потаскать, где мы имеем дело с удвоением н перед у.

ностей д||м, л, н, соответствующие аварскому з, объясняются результатом воздействия закона полной регрессивной ассимиляции, о чем идет речь выше. Что же касается согласно д аварского языка, то он в рамках северных и южных говоров аварского языка тоже соответствует (северо-аварский з соответствует (закономерно) южно-аварскому д как в составе инфинитивного форманта ¹, так и во многих словах. Это общеизвестно в литературе, поэтому примеров не привожу.

В одних рикванинских словах мы имеем согласный звук д там, где в аварском наличествует согласный т: мугь-д-ан в м. бугь-т-ан||бу-т-ан — клевета; д-ункунну в м. т-ункизе — потолкнуть. В других же рикванинских словах имеется согласный тl вместо аварского д: чаргьи-тl в м. чаргь-е-д-у — сорока; т-ойл-л-д-а — десна; чlчlн-тl-ир в м. чlчle-д-ер(аб) — узкий;

В глаголе бур-д-о в м. бор-ж-уна — летает вместо аварского ж в рикванинском представлен согласный д.

В некоторых словах мы находим звукосоответствие между рикванинским смычно-гортанным латеральным сонантом л' и аварским смычно-гортанным глухим латеральным согласным кь, который наличествует в некоторых формах того же рикванинского говора. В сказанном нас убеждают следующие примеры: л'-енссиб в м. кь-енссер — бровь; жи-кь-ду в м. рокь-и-зе — полюбить форма повелительного наклонения жи-л'-иб полюби — ро-кь-е.

В рикванинских формах слов звук кь:л': моко-кь-ду — голодать, моко-л'-о (пов. накл.); ден ххуча ра-кь-до — я читаю книгу (общее время); ден ххуча ра-л'-и — я прочитал книгу. Воклу-кь-ду — заплакать, воклу-л'-иб — (повел. накл.), воклу-л'-оллу — заставить плакать; жи-л'-иб — возлюбленный(ая), суло-кь-ду — постесняться, сулол'о (общее время). В формах рикванинского говора анд. языка вопрос об изменении кь в л' объясняется позиционной обусловленностью: кь перед гласными изменяется в л', как видно в вышеприведенных формах, а перед согласными же нет.

В следующих словах, там, где в аварском представлен гl, в рикванинском мы имеем л' л'арба в м. гl-арпа — клещ; кьгьул-л'-а в м. кьул-гl-а — источник с навесом; л'-е-л'-ол-л'ьду в м. гl-а-гl-илъизе — расширяться.

Звук л' представлен, кроме того, в таких рикванинских словах, как: л'-ерчол — туча, ри-л'-ол||эххил-миччил — темно-синяя земля; л'авр — грудь, л'анну — отсыреть, рел'-и —

¹ Фонетическое соответствие северо-аварского з южно-аварскому д специально доказано в статье А. С. Чикобава, а форманты де и не отнесены, к сожалению, к разным началам (по происхождению) «Диалектические вариации инфинитива в аварском языке», см. стр. 69—96 Известия Ин-та языка и матер. культуры им. акад. Н. Я. Марра, т. I, Тбилиси, 1937.

охапка, бул'-инну в.м. 'ине — идти (ццлер бул'-инну в.м. ццлар ине, ккезе), го-л'-у в.м. мегьетI||д — грудная часть лошади.

Рикванинский согласный звук л закономерно соответствует аварскому согласному тI в следующих случаях: 1) в составе форманта местного падежа с сериальным тI (а не д); 2) в составе многих слов. Перечислим примеры в такой последовательности:

1. В составе форманта местного падежа с л': ди-л'-а — на меня; ду-л'-а — на тебя; л'-ом-л'-а — на крыше; рей-л'-а в.м. рагь-тI-а — на веранде, дворе, вне дома; билл'-а — на горе.

Примеров больше не даю, потому что их так много, что перечислить все нет возможности.

2. В составе слов: л'-ел'-а тI-у-тI — таз (большого размера для размещения различных блюд, кушаний) на свадьбе, праздниках, а слово «муха» (по аварски тоже тIутI) в рикванинском звучит как гIелтIа; гын-л'-ал в.м. гIин-тI-и — шиповник; бе-л'-ора в.м. тI-еран — тонко, тонкий; л'-ал'-а в.м. тI-алъел — крышка; ро-л'-ол в.м. ретI-ел — одежда; л'-ора в.м. тI-ор — колос; л'-екIу ццлер рикIоллу в.м. тI-окI ццлар рекIинабизе — заставить давать (говорить) кличку; л'-ирду в.м. тI-уркIизе — вздрогнуть; л'акьгъара в.м. тI-агъур — папаха; л'-ом в.м. тI-ех, л'омл'а — на крыше, л'окчу в.м. тI-окъо — веранда нижнего этажа (навес) для скота; л'есседусси в.м. тI-оцебесеб — первый. Зафиксированы также нами слова, в которых в аварском представлен тI, а в рикванинском только гортанная смычка (гамза) ʔ||': Ми-ʔ-ар в.м. бе-тI-ер — голова и ццIун-ʔ-а — ццIун-тI-а.

В нижеследующих словах рикванинский согласный звук ¹кьгь регулярно соответствует аварскому увулярному смычно-гортанному согласному кь: кьгь — агIида — кь-айда — способ, образ действия; кьгь — улл'а кь улгIа — источник с давлением; кьгь-илба-кьирбал — компас; напа-кьгь-а напа-кь-а — алименты; кьгь-адарльи в.м. кь-адарльи — удобство, скудость, нищета духа; кьгь-вакьу в.м. кь-валакь — подмышкой; в подмышке; Кьгь-ади в.м. кь-ади — Кади; Кьгь-урман в.м. Кь-урбан — Курбан; па-кьгь-ир в.м. па-кь-ир — пакир.

II. Рикванинский согласный кьгь соответствует аварским хь и гь в следующих словах: кьгь-у-дилду в.м. гь-ва-гь-варильи-зе — углубиться; цIекIа кьгь-ой в.м. килищ хь-вай — прикоснись пальцем; го-кьгь-илл'ьду в.м. гьугьльизе — оглохнуть. Переход кь в кьгь имеется и в самом рикванинском

¹ Описание этого (отсутствующего в аварском) звука, изображаемого нами через «кьгь», я даю пока опираясь на свой слуховой анализ (без инструментального исследования). По-моему, звук кьгь увулярная звонкая аффриката и, по этому признаку, отличается от увулярных звуков хь, гь, кь и от гI, к которым он близок.

говоре в разных формах одного и того же слова, обусловленный позиционностью:

I. Перед согласными **къ** не переходит в **къгъ**, а перед гласными иногда переходит. Например: **гъакъду** — видеть, **гъакъгъод** — говорят, что увидел и т. д.

В некоторых словах рикванинского говора мы имеем согласный **г** там, где в аварском представлен **гъ**. Во-первых, наличие звука **гъ** в составе вопросительной частицы **гъо** (**иб-гъо?** — **шиб?** — что?) объясняется, по-моему, соответствием рикванинского **гъ** аварскому **г**, который является результатом изменения звука **г** в звук **гъ**, в данном случае, перед гласным **о**, т. е. в звукоослабляющей позиции для многих согласных рикванинского говора. Во-вторых, возможность изменения **г** в **гъ** подтверждается соответствием, которое является результатом причины возможности звукоперехода рикванинского **г** в аварский **гъ** и, наоборот, рикванинского **гъ** в аварский **г**. Например: в словах **гъе-г-еб** в.м. **гъа-гъ-аб** — тот, что внизу от говорящего, **г-еллолу** — **гъ-абугъ-инабизе** — заставить помутиться; **г-окъгъиллъду** в.м. **гъ-агъль-изе** — оглохнуть; **г-урду** в.м. **гъ-ине** — посыпаться в рикванинском мы находим **г**, а в аварском же **гъ**. Что касается звукосоответствия рикванинского **гъ** аварскому **г** в вопросительных частицах, то тут мы опираемся на вероятность изменения аварского согласного **г** в рикванинский согласный звук «**гъ**», учитывая еще то, что частица **го** и в аварском языке употребляется в качестве вопросительной так же, как в рикванинском вопросительная частица **гъо**. Например: **'ин-гъо?** — что, да?; в слове **гъ-ацла** в.м. **г-арацл** — узелок, рикванинский **гъ** соответствует аварскому **г**. Сравни с аварским **ун-го?** **шиб-гъабизе-го?** в.м. **иб жиду** — **гъо?** — да? точно? Что делать? Эти формы встречаются особенно в диалогической речи и соответствуют русским частицам **да?** и **точно?** и т. п.

Следует тут же отметить то, что в рикванинском основной вопросительной частицей является **гъо** (<**го**) наряду с частицей **лъо**, а в аварском же языке в соответствующих местах употребляется, в основном, частица **щ**, **иб-гъо** в.м. **щ-иб** — что? и т. п.

В некоторых словах, таких, как: **гъ-уркъуннир** — **къ-уркъи** — побежденность; **ру-къ-и** в.м. **лу-гъ-ур** — настилка наличествует соответствие звуков **гъ** и **къ** или наоборот **къ** и **гъ**.

Рикванинский согласный звук **къгъ** закономерно соответствует аварскому согласно **г** во многих словах и в составе некоторых формантов.

Примеры: в сравнительном послелогое **къгъ-а** в.м. **г**-ан: **Лал'и къг-а бечедир**, **лъер къг-а л'ебг**ли рошо в.м. **Лал** г-ан **чег**лараб, **члор г**-ан, **бит**лараб **раг**ли — Как сажа черное, как стрела прямое слово. **Амир-къгъ-а тлулу гьек**ла ссу. в.м. **Памир**

гI-ан квешав чи **гьчIо** — Как Амир плохого человека нет (нет такого плохого человека, как Амир). **Гьил'а-кьгь-ондIнну гIаде-гI-ангьизабизе** — заставить сделать высоким, заставить подняться высоко. **Кьгь-ул** **вм. гI-уру, гI-ери** — дерн, целина; **Мо-кьгь-о** **вм. ма-гI-у** — слеза, оплакивание, причитание; **Кьгь-урицIим** **вм. гI-орцIен** — мул; **ву-кьгь-ум** **вм. гI-урав(й)** — взрослый (ая). **Кьгь-абльир** ширина; **кь-о-ре-кьгь-о** **вм. кь-ва-ре-гI-ел** — нужда, дело, потребность; **ре-кьгь-ор** **вм. ра-гI-и** — фураж; **цIон-кьгь-онльир** **вм. цIцI-гI/xI-аллгьи** — соленость; **би-кьгь** — унулхъ дильу **гьоб бензин** **вм. гI-езе-хьин (буго)** дие **гьаб бензин** — хватит (наверно) мне этот бензин; **бикьгь-унссур** **вм. гI-унгугI** — недостаток, недостача; **кьгь-абльду** **вм. гI-еблгьизе** — расти вширь; **би-кьгь-унну** **вм. гI-езе** — быть достаточным.

Аварскому согласному **гI** в рикванинском закономерно соответствует смычно-гортанный звук (гортанная смычка гамза). Как в начале, так и в середине таких слов, как: **ь-эде-ь-унну** **вм. гI-е-де-гI-изе** — поторопиться; **ь-едерль-ир** **вм. гI-едерлгьи** — быстрота, проворность; **ь-эри** **вм. гI-ери** — торф; **ь-анзи** **вм. гI-азу** — снег; **ь-анххвара** **вм. гI-аххвара** — суслик; **в-анжи** **вм. гI-уж** — знак отличия, делаемый на теле животных или на ухе; **ь-алам** **вм. гI-алам** — толпа; **ь-аджа'иб** **вм. гI-ажа'иб** — странно, странный; **ь-аба** **вм. гI-аба** — плащ; **ь-анта гьекIа** **вм. гI-антав чи** — рассеянный человек; **ь-олохь-ан** **вм. гI-олохьан** — молодой (ая).

II. **гIа-ь-ам** **вм. гIа-гI-ам** — вкус, еда; **ччу-ь-а-ччу-гI-а** — рыба; **хал'-аги** **вм. хал-гI-ат, халат**; **сса-ь-ат** **вм. сса-гI-ат** — часы, час; **ма-в-дан** **вм. ма-гI-дан** — руда и т. п.

В довольно большом количестве слов рикванинский неусиленный глоточный согласный звук **гь** закономерно соответствует аварскому усиленному глоточному звуку **xI**. Тут же надо отметить то, что в рикванинском нет идентичного аварскому **xI** звука, но он входит в него через руки учащихся и звучит как **гь, xI, гьxIла** в основном перед **и** и **у** и в собственных именах **XIгьажи** — Гаджи, **НухIгь** — Ной и т. п., но он пока не является фонемой для рикванинского говора. Примеры: **гь-аким** **вм. xI-аким** — начальник; **и-гь-ур** **вм. xI-ар** — озеро; **жа-гь-да** **вм. жа-xI-да** — вражда, зависть; **го-гь** **вм. го-xI** — холм, бугорок; **гь-енц** **вм. xI-инц** — вяло, медленно; **гь-ал** — **вм. XI-ал** — состояние дух. Таких примеров очень много, поэтому невозможно дать здесь всех примеров, почему мы ограничиваемся типовыми примерами. В следующих словах в рикванинском мы имеем согласный звук **гь** вместо аварского **гI**: **гь-онно** **вм. гI-онно** — щека; **гь-анарокьи** **вм. гI-ондокь** — ласка; **гь-инкIкIу** **вм. гI-ункIкI** — мышь; **би-гь-олгу** **вм. гI-омерал** — много; **мигь-угу** **вм. гI-емерго** — много, **би-гь-улльду** **вм. гI-емерлгьизе** — приумножиться, стать много; **гь-орчIчIин** —

вм. **гI-оркIкIен** — годовалая овца; **гь-иму** вм. **гI-ебу** — шило; на это звукосоответствие у меня нет больше примеров.

В слове **гь-арчIчIолI** (**л-арчIчIобули**) — **лъ-ар-арI** равнина вообще (к примеру **бакъва** (**раб**) **лъарагI** в речи ахалчинцев и прикаспийская в частности, в рикванинском имеем согласный **гь**, а в аварском же **лъ**).

В слове мельница **и-х-об** — откуда; **хх-ине**, **хх-инкI** вм. **гь-обо** в рикванинском наличествует придыхательный увулярный согласного **х**, а в аварском же — **гь**. Вполне возможно, что слово **ххин-кI** вм. **ххинкк** — галушка и глагол **хх-ине** вм. **иххохъду** «молоть» происходят от слова «**ихоб**» и из последнего происходит слово мука, **ххараб** — молотый. Изменение **х** и **гь** налицо и в слове **бе-х-ун** вм. **бу-гь-ун** — лопатка, ложка. Причиной изменения **х** в **хх** является утеря **и** в начале слова. Эта же причина, может быть, способствовала последующему изменению **х** в **гь**.

В формах слова **гь-иркъухарид** вм. **гь-оркъеххун** — по направлению вниз рикванинский согласный **гь** соответствует аварскому **гь**, **гь-икъукку** вм. **гь-оркъан** — из-под.

В слове **ъ-айкал** — амулет вм. **гь-айкар** в рикванинском налицо **ъ** (гамза), а в аварском же — **гь**.

В слове **натухI** (сорт халвы) — **натIу-хх** в рикванинском вместо аварского согласного **хI** представлен **хх**.

Слово болото в рикванинском отличается от аварского наличием неизмененного согласного **лълъ**, где в аварском наличествует измененный согласный **хь**: **лълъ-енцIцIу** вм. **хь-уцIцI**, **лълъенчIур** вм. **хьуцIцIучIороло** — перепелка (болотная). Надо полагать также, что слова **лълъин** — вода (сравни с сиухским **хьим||н** — вода) и **хьиндалал** те, которые живут по берегам рек (воды) происходят, скорее всего, от **лълъин** — вода.

Слово дерево — **къ-гIур** в рикванинском отличается от аварского **гь-ветI** главным образом наличием согласного **къ** вместо аварского **гь**.

Рикванинское слово заставить разделить — **би-къ-ойду** отличается от аварского **бикь-изе** наличием **къ** вместо аварского **къ**.

Наличием согласного **къ** вместо аварского **хI** отличается рикванинское слово позвать — **ва-къ-ду** от аварского **ахьизе**.

Слово заяц — **къ-анкIара** отличается от аварского **гI-анкI** наличием согласного **къ** вместо аварского **гI**.

Трудно пока сказать, что во что изменился, но слово **къи-х-ом** — спящий отличается от аварского **къи-ж-арав** наличием **х** вместо аварского **ж**.

В слове **бечIе-д-ир** вм. **чIе-гI-ер** — черный, черно в рикванинском наличествует **д**, а в аварском же — **гI**.

В послелогe **чI-ало** в.м. **гI-оло** — из-за, ради того, чтобы в рикванинском представлен смычно-гортанный согласный **чI** вместо аварского **гI**, но трудно пока сказать, что во что изменился. Например. **Виставка гьакъдулхъ чI-ало вукъгъо де.** в.м. **Выставка бихъизе гI-оло вачлана дун.** А пришел ради того, чтобы видеть выставку.

Слово **браслет** — **кор-къ-ин** в.м. **кур-хъ-ин** в рикванинском отличается от аварского наличием согласно **къ** вместо аварского **хъ**.

В следующих словах в рикванинском наличествует согласный **хъ** вместо аварского **хх** и, наоборот, в аварском имеется **хъ** вместо рикванинского **хх**, **бу-хх-ду** в.м. **ба-хъ-изе** — отнять, вытащить; **баращ-хъ-им бара-хх-щарав** — скупой; **бе-хх-ударател** в.м. **на-хърател** — запас; **хх-атир-хъ-атир** — уважение; **хх-азина** в.м. **хъ-азина** — клад; **хх-анжар** в.м. **хъ-ан жар** — кинжал; **хъ-еллу** в.м. **хха-чазе** — исцарапать; **хх-анну** в.м. **хъ-вазе** — покосить (косогорку серпом) **ххер хъвазе (хъандироялъ)**.

В следующих рикванинских словах представлен придыхательный, увулярный согласный звук **х** вместо аварского увулярного звонкого **гъ**: **ва-х-об гьекIа** в.м. **ва-гъ-арав чи** — подравшийся человек; **х-у-х-уду** в.м. **гъ-у-гъ-азе** — греметь (о громе); **х-уцIцIу** в.м. **гъ-ецI** — клещи; имеется пример в рикванинском, где вместо аварского согласного **х** выступает **гъ**: **са-гъ гьекIа** в.м. **сах-ав чи** — здоровый человек (физически и духовно). В следующих словах: **гъ-урма** в.м. **хх-урма** — хурма; **гъ-урумсах** в.м. **хъ-урумсахъ** — негодяй в рикванинском наличествует **гъ** вместо аварского **хх** в первом и **хъ** во втором примерах. К нашему удивлению, в слове война вместо аварского **гъ** в рикванинском имеется **хъ** имеется **хъ ра-гъ** в.м. **ре-хъ-ур** — война по сравнению с **ва-х-об** — подравшийся. В слове поломал — **би-хъ-ин** в.м. **б-к-ана** мы находим **хъ** вместо аварского **к**. В рикванинском слове: **ба-хх-инну** в.м. **бу-къ-изе** — зашить, имеется **хх** вместо аварского **къ** и в форме **ба-х-он** — зашил **хх** дает **х**, но этот последний обусловлен позиционным нахождением **хх** (перед **о**).

В слове **ми-къ** в.м. **ну-х** — дорога в рикванинском мы наблюдаем **къ** вместо аварского **х**, а в слове **х-асап** в.м. **къ-а-ссаб** — мясоторговля (мясничество), вместо аварского **къ** представлен **х**. В словах: **къ-урча** в.м. **к-урак** — курага и **къ-ав-катIа-ри** — чуб вместо аварского **к** в рикванинском имеется **къ**.

В словах: **кк-аллу||ти-хх-жу** в.м. **хх-езе** — продеть; **бе-кк-уду** в.м. **хх-утIел** — остаток, вместо аварского **хх** наличествует в рикванинском **кк**, а в слове же **бу-хх-иб** в.м. **ба-кк-араб** появившийся рикванинский **хх** соответствует аварскому **кк**. В слове улыбнуться — **кк-имму** в.м. **хъ-имзе** рикванинский **кк** соответствует аварскому **хъ**, а в слове же **генте-кк** в.м. **талта-хъ** — неряшливый, слабый вместо аварского **хх** мы имеем **кк**.

Рикванинский согласный **г** соответствует аварскому **кI** в следующих словах: **ссанди-г-и** в м. **ссанду-кI** — сундук; **дон-г-ил** в м. **донкI** (слово записано мною в Чиркее) — яма; **тван-г** в м. **туман-кI** — винтовка, а в словах же **г-еду** в м. кошка и **ба-г-уду** в м. **ри-кIкI-ине** — посчитать в первом случае вместо аварского **к** имеем **г** и во втором — вместо аварского **кIкI** имеем опять **г**. Так что здесь представлено звукосоответствие в рамках заднеязычного ряда согласных, расходясь в основном в звонкости и глухости.

Если в рикванинском вместо аварского **tI** представлен **д** в словах **чан-ж-д-и** в м. **гIа-ц-tI-и** — топор; **муц-д-ук** в м. **моц-tI-окI** — мундштук, то в словах: **лагь-д-у** в м. **лахI-г-у** место, куда закладывают (помещают) тело покойника; **г-е-д-у** в м. **к-е-г-у** — кошка вместо аварского **т** наличествует **д**. В слове **ж-ухъа** в м. **ч-ухъа** — черкеска, шинель вместо аварского **ч** налицо **ж**, а в слове же **ъа-ж-дагъу** в м. **ъа-з-дагъу** «дракон» вместо аварского **з** представлен **ж**.

В нижеследующих словах рикванинский согласный звук **ш** (и позиционно **щ**) закономерно соответствует аварскому звуку **хъ** и в одном слове с **х**. **Ш-ен** в м. **хъ-он** — семя, лен, зернышко; **ш-арду** в м. **хъ-азе** — посеять; **ми-ш-у** в м. **му-хъ** — налог, сбор, оплата; **ш-ив** в м. **ра-хъ** — молоко; **ре-ш-у** в м. **ро-хъ** — лес; **ре-ша** в м. **ра-х-и** — жердь; **бу-щ-ду** в м. **бо-хъ-зе** — побелить, намазать, а повелительное наклонение звучит как **бу-шо** в м. **бо-хъ-е** — побели, намажь! **ро-ш-ан** в м. **ро-хъ-ен** — тесемочка, веревочка для завязывания мешков; **бо-ш-инно** в м. **ру-хъ-уна** — завязывают от бошинну рухъине (**ш:хъ**). На это звукосоответствие больше примеров у меня нет.

В слове **бок-исиб** рикванинский согласный **с** соответствует аварскому **хъ**: **и-с-иб** в м. **хъ-иб-ил** — бок, **ис-бол** в м. **хъ-аб-бал** — бока.

Рикванинский придыхательный согласный звук **ш** регулярно соответствует аварскому придыхательному согласному **с** (и иногда **сс**) в следующих словах: **бе-ш-онугу** в м. **ну-с-го** — сто; **бе-ш-он** в м. **бо-сен** — носящий (т. е. то, что носит с одного места на другое, гнездо, постель); **йе-ш-и** в м. **йа-с** — девочка, дочка; **во-ш-о** в м. **тва-с** — сын, мальчик; **ву-ш-оллу** в м. **ина-визе** — заставить развлекаться, заставить поворачиваться; **ре-ш-ин** в м. **с-он** — год (в рикванинском небо — **решо**, а слово **зув** — день восходит, видимо, к аварскому «зоб» — «небо»); **бе-щ-ду** в м. **бе-сс-изве** — соткать; **щур-къунни** в м. **се-ункъизе** — нить.

В словах: **ву-с-ом гескIа** в м. **ва-т-арав чи** — найденный человек рикванинский придыхательный согласный **с** соответствует аварскому **т**.

В следующих заимствованных из русского языка словах: **ц-игарет** — сигареты риквишцы произносят **ц** вместо русского

с, а в слове **с-юртюк** вм. **ц-илтук** вместо русского согласного с тоже произносят **ц**.

Рикванинский придыхательный согласный звук **с** закономерно соответствует аварскому придыхательному звуку **ц** в следующих словах: **ку-с-и** вм. **ку-ц** — лицо, вид, образ; морда; **къай-с-орду** вм. **къй(и) цадах** — тот, у кого вещи вместе, спутник, партнер, товарищ (слово: **цахдах цо+да+хъ** по всей видимости, восходит к совместному падежу (к творительному падежу); **ба-с-инн-у** вм. **бор-ц-ине** — отмерить, измерить; **рошо бо-с-инну** вм. **рагIи би-ц-ине** — слово сказать; **с-еб** вм. **ц-о** — один; **с-ол-ц-а** — зуб; **с-ор** вм. **ц-ер** — лиса, лисица; **с-йо-ц-и** — медведь; **'ун-с-о** вм. **о-ц** — бык. На это звукосоответствие у меня больше примеров нет.

В словах: **сс-еккуб**=(**цц-ебе-ккараб**)=**цц-удунаб**=ранний; **ру-сс** вм. **ро-цц** — зад; **сс-им** вм. **ццим** — гнев; **сс-е-д-у** вм. **цц-е-б-е** — впереди рикванинский непридыхательный согласный **сс** соответствует аварскому непридыхательному **цц**, а слово **цц-ула** вм. **ри-сскIи** — глотка соответствием рикванинского **цц** аварскому **сс** составляет исключение из звукосоответствия **сс:цц**.

В слове **бе-щ-айду** вм. **ба-ц-изе** затыкать в рикванинском наличествует **щ**, а в аварском же **ц**.

В слове **би-ш-и** вм. **би-цц-атаб** — толстый рикванинский согласный **ш** соответствует аварскому **цц**.

Рикванинский согласный **щ** соответствует аварскому **чч** в слове **щ-у-рду** вм. **чч-оборлъизе** — укрепиться, подкрепиться.

Согласный звук рикванинского говора анд. языка **ш** соответствует аварскому **ч** в слове **бо-ш-инну** вм. **бор-ч-ине** застегнуть, а в слове **бе-чч-ду** вм. **кIо-ч-ене** — забыть, **бе-ч-од** (говорят, что «забыл» рикванинский согласный **чч (ч)** соответствует аварскому **ч**.

В русском слове **семе-ч-ко** вм. **ссими-щ-кI** рикванинцы произносят **щ**, а в слове же **ящ-ик** вм. **йа-ш-ка** вместо русского звука **щ** произносят **ш**.

Если в словах: **гъор-чIчI-ин** вм. **гIор-кIкI-ен** — годовалая овца; (**гъацIа**) **ри-чIчI**=(**цIцIороса**)**ри-кIкI** вместо аварского **кIкI** в рикванинском мы имеем **чIчI**, то в словах **чI-егу** вм. **кI-иго** — дно; **ни-чI-о** вм. **ни-кIкI** — слепень; мы имеем в первом примере соответствие рикванинского **чI** аварскому **кI**, а во втором же примере **чI** вместо аварского **кIкI**.

В слове **ру-чIчI-ир** вм. **рецI-ел** — возмещение долга, в рикванинском наличествует **чIчI**, а в аварском же **цI**.

В слове «маленький» — **ми-тI-и**||**ми-чI-и** вм. **гъи-тI-и-н(аб)** вместо аварского **тI** представлены **тI**||**чI**.

В рикванинском в слове **бо-тI-илду** вм. **бе-цI-лъизе**||**бе-цц-лътзе** — потемнеть, ослепнуть вместо аварских **цI** и **цц** мы имеем **тI**.

В слове ящерица — **ккк-ой-чч-ин** вм. **кь-ин-чч** в рикванинском представлен **ккк** вместо аварского согласного **кь**.

Рикванинский согласный **ч** соответствует аварскому **ч** в слове **гьанкьо-ч-ор** вм. **кье-ч-ей** — «жажда».

В следующих словах: **рельльги** вм. **релл (+гил)** — «палочка»; **льль-улъир** вм. **л-амалги** — «жидкость»; **льль-сей мисиди** вм. **л-амамесед** — «ртуть» рикванинский непридыхательный латеральный щелевой глухой согласный **льль** соответствует аварской несмычно-гортанной глухой латеральной аффрикате **лл**, что объясняется ныне исторически, а в прошлом, возможно, позиционной обусловленностью.

Вместо аварского согласного **т** в рикванинском представлен **лъ** в слове **т-амах** вм. **лъ-ахиб** — «листок»; **лъахбол** вм. **тлам(а)хал** — «листки».

В слове хороший и хорошо — **ш-уб** вм. **льль-икк** (ср. с чеченским **д-икк** — «хорош(ий)» рикванинский **ш** соответствует аварскому **льль**.

Все сказанное о рикванинско-аварских звукосоответствиях можно изложить в виде следующей таблицы. Определение нерегулярное и регулярное звукосоответствия мы употребляем условно: если примеров меньше двух, то нерегулярный, если больше, то регулярный.

Звукосоответствие

№№ п-п.	Звук рикванинского говора андийского языка	Соответствует регулярно или нерегулярно	Звук аварского языка	Количество примеров
---------	--	---	----------------------	---------------------

Гласные

1.	о	регулярно	а	93
2.	о	регулярно	е	40
3.	е	регулярно	о	4
4.	у	регулярно	о	10
5.	и	регулярно	е	9
6.	и	регулярно	а	11
7.	у	регулярно	и	6
8.	и	нерегулярно	о	2
9.	у	нерегулярно	а	2
10.	у	регулярно	е	15
11.	е	регулярно	у	6
12.	и	регулярно	у	9
13.	а	нерегулярно	у	2
14.	е	нерегулярно	а	2
15.	а	регулярно	а	7

№№ п-п.	Звук рик- ванинского говора андийского языка	Соответствует регу- лярно или нерегулярно	Звуку аварского языка	Количество примеров
------------	--	--	-----------------------------	------------------------

Согласные

1.	д	регулярно	д	18
2.	д	регулярно	н	33
3.	н	нерегулярно	д	2
4.	н	регулярно	з	15
5.	м	регулярно	з	13
6.	л	регулярно	з	9
7.	д	нерегулярно	ж	1
8.	л'	регулярно	кь	3
9.	л'	регулярно	гІ	3
10.	л'	регулярно	тІ	18
11.	ь '	нерегулярно	тІ	2
12.	кьгь	регулярно	кь	9
13.	кьгь	нерегулярно	гь	2
14.	кьгь	нерегулярно	хь	1
15.	г	регулярно	гь	4
16.	гь	регулярно	г	3
17.	гь	нерегулярно	кь	1
18.	кь	нерегулярно	кь	1
19.	кьгь	регулярно	гІ	15
20.	ь	регулярно	гІ	15
21.	гь	регулярно	хІ	6
22.	гь	регулярно	гІ	6
23.	гь	нерегулярно	ль	1
24.	х	нерегулярно	гь	2
25.	гь	нерегулярно	гь	1
26.	ь	нерегулярно	гь	1
27.	хх	нерегулярно	хІ	1
28.	льль	нерегулярно	хь	2
29.	кь	нерегулярно	гь	1
30.	кь	нерегулярно	кь	1
31.	кь	нерегулярно	гІ	1
32.	х	нерегулярно	ж	1
33.	д	нерегулярно	гІ	1
34.	чІ	нерегулярно	гІ	1
35.	кь	нерегулярно	хь	1
36.	хь	регулярно	хх	8
37.	х	регулярно	гь	3
38.	гь	нерегулярно	х	1
39.	гь	нерегулярно	хь	1
40.	гь	нерегулярно	хь	1
41.	х/хь	нерегулярно	гь	1
42.	хь	нерегулярно	к	1
43.	хх/х	нерегулярно	кь	1
44.	кь	нерегулярно	кь	х
45.	х	нерегулярно	кь	1
46.	кь	нерегулярно	к	2
47.	кк	регулярно	хх	3
48.	хх	нерегулярно	кк	1
49.	кк	нерегулярно	хь	1
50.	кк	регулярно	хь	1

№№ п.п.	Звук рикванинского говора андийского языка	Соответствует регулярно или нерегулярно	Звуку аварского языка	Количество примеров
51.	г	регулярно	кI	3
52.	г	нерегулярно	к	2
53.	г	нерегулярно	кIкI	1
54.	д	нерегулярно	тI	2
55.	д	нерегулярно	т	2
56.	ж	нерегулярно	ч	1
57.	ж	нерегулярно	з	1
58.	щ/щ	регулярно	хь	9
59.	с	нерегулярно	хь	1
60.	щ/щ	регулярно	с/сс	8
61.	с	нерегулярно	т	1
62.	ц	нерегулярно	с	2
63.	с	регулярно	ц	8
64.	сс	нерегулярно	цц	4
65.	цц	нерегулярно	сс	1
66.	щ	нерегулярно	ц	1
67.	ш	нерегулярно	цц	1
68.	щ	нерегулярно	чч	1
69.	ш	нерегулярно	ч	1
70.	чч ч	нерегулярно	ч	1
71.	щ	нерегулярно	ч	1
72.	щ	нерегулярно	ш	1
73.	чIчI	нерегулярно	кIкI	2
74.	чI	нерегулярно	кI	1
75.	чI	нерегулярно	кIкI	1
76.	чIчI	нерегулярно	цI	1
77.	чI чI	нерегулярно	тI	1
78.	тI	нерегулярно	цI цц	1
79.	кIкI	нерегулярно	кь	1
80.	чI	нерегулярно	ч	1
81.	лълъ	регулярно	лI	3
82.	чI	нерегулярно	лъ	1
83.	ш	нерегулярно	лълъ	1

Делабиализация лабиальных гласных или изменение «у» в «ва», «ве», «ви» и «о» в «ва», «ве» и «ви».

1.	у	регулярно	ва	8
2.	у	регулярно	ве	5
3.	у	регулярно	ви	4
4.	о	регулярно	ва	3
5.	о	регулярно	ве	3

Звуковой состав если не всех, то многих сравниваемых слов рикванинского говора андийского языка и аварского языка приводит нас к предположению о том, что и в аварском языке (исторически), видимо, действовал закон усиления (удвоения) и ослабления согласных звуков. Этот закон мог иметь место в некоторых из следующих фонетических позициях: усиление согласных звуков: 1. перед гласными звуками и, у.

2. Перед согласными звуками (к примеру: «ра-с», «ра-сс+ги» — волос, **росо-россте** — село — к селу, на село, с перед согласным изменился в **сс** и т. п.) и **з** в абсолютном исходе слова. К примеру **гараццц** — «узелок» (ср. с рикв. **гъа-цц-а**); ослабление согласных звуков перед гласными звуками **а, о, е** к примеру: **цц-еххезе** — спросить (сравни с рикв. **ра-ццц-инну**) и т. п.

Надо отметить и то, что я не мог прийти к окончательному выводу в отношении усиления и ослабления сонантов **м, л, р, н**, но судя по их положению в интервокальном положении они усиливаются перед звуками **и, у**. Но остается непонятным, удваиваются ли они везде в интервокальном положении и перед гласными **а, о, е**. Без экспериментального исследования это трудно доказать.

Если непридыхательные согласные звуки (фонемы) в современном рикванинском говоре анд. языка в большинстве слов обусловлены позиционными находениями и, если эти звуки в северо-аварских говорах исторически были реальны в определенных позициях, как ныне в рикванинском и, если в южно-аварских говорах вообще нет непридыхательных согласных звуков (фонем), то из всего этого вытекает следующий вывод: возникновение закона усиления и ослабления согласных звуков в северном диалекте аварского языка восходит к периоду обособления южного диалекта от северного. Следовательно, к тому же периоду, возможно, восходит и обособление анд. языка, сперва в диалекты, а потом в язык.

СОГРАТЛИНСКИЙ ГОВОР ЮЖНОГО НАРЕЧИЯ АВАРСКОГО ЯЗЫКА¹

Фонетические особенности

Звуковой состав

§ 1. В составе согласных звуков согратлинского говора в сравнении с таковым северного наречия отсутствуют глухие аффрикаты латеральная **лп** и увулярная **хъ**.

Следует отметить существование краткого латерального глухого **лъ**. Эта особенность его отличает от других андалальских говоров, в которых нет латерального **лъ**. Существует также губно-губной смычногортанный **пп**.

Состав гласных звуков идентичен с северным наречием.

Звуковые соответствия

§ 2. Латеральной глухой аффрикate **лп** соответствует латеральный глухой долгий **лэ**²; вместо **лар** — «рог», **лутл** — «лин» и др. употребляются **лзар**, **лзутл**.

§ 3. Увулярной глухой аффрикate **хъ** соответствует увулярный глухой спирant **х**; вместо **хъат** — «ладонь», **хъвек** — «орел», **хъарши** — «доска», **хъухъазе** — «пилить» и др. употребляют **хат**, **хверк**, **херше**, **хухаде**.

Последовательность такого соответствия в некоторых случаях нарушается, например: лабиализованному **хъв**- в слове **хавалхъине** — «расколоть» соответствует заднеязычный глухой смычный делабиализованный **к**-; кроме того, заднеязычный спирant **-хъ-** перешел в увулярный спирant **х**: **калхде**.

§ 4. Заднеязычному увулярному краткому глухому **х** литературного языка соответствует фарингальный глухой **хп**: вместо **хур** — «пашня», **хоно** — «яйцо», **нух** — «дорога», **хераб** — «старый» и др. употребляют **хпур**, **хпано**, **нухп**, **хпераб**.

¹ Согратлинский говор является одним из десяти говоров андалальского диалекта южного наречия. Его исследованием автор занимался в 1949 и 1952 годах.

² Курсивом набраны буквы, означающие долгие звуки.

§ 5. Переднеязычному смычногортанному **тI** в начале слов соответствует ларингальный смычный ' (гамза); в середине слов его соответствием является сочетание сонорного латерального **л** и ларингального ' (**л'**): произносят 'ино — «дно», 'охI — «потолок», 'ад — «наверху», 'уцибе — «сперва», бел'эр — «голова», рел'эл — «одежда», бал'а — «отдельно», 'амач — «лист» вместо тино, тлох, тлад, тлоцебе, бетлер, ретел, батла, тламач; вм. тlor — «колос» — 'оро.

В слове тIабакI — «большой таз» в Согратле соответствием **тI** является **кI** кIабакI.

§ 6. Звуковые соответствия гласных заключаются в следующем:

а) Гласному переднего ряда **-и-** в корнях некоторых слов соответствует **-е-**: хенлѣде — «стать теплее», бехѣде «видеть», гIен — «ухо», жеги «еще», киса-керего — «отовсюду» вм. хинлѣIZE, бихѣIZE, гIин, жиги, киса-кирего.

В слове хоб — «могила» вместо **-о-** действует **-е-**: хлеб, а в слове хlor — «озеро» — **-и-**: хIир.

В местоименных прилагательных литературного языка гьадаб, гьагьаб, гьальаб — «то (что далеко впереди, что далеко внизу, что далеко вверху)» вместо корневого **-а-** в Согратле бытует **-и-**: гьидаб, гьигьаб, гьильаб.

В указательных местоимениях доб, гьоб, льоб — «то (что впереди, что внизу, что вверху)» вместо корневого **-о-** в Согратле существует **-а-**: даб, гьаб, лаб.

В местоименных наречиях (места) доба, гьоба, льоба — «там (впереди, внизу, наверху)» вместо **-о-**, существующего в литературном языке, в Согратле бытует **-у-**: дуба, гьуба, льуба.

Звук **-у-** вместо **-о-** выступает также в словах борохь — «змея», роцен — «мерка», рохьен — «веревка», которые в Согратле звучат: бурухь, рухьен, руцен.

В конце двусложных слов с ударением на первом слоге, в конце которых существует редуцированный звук заднего ряда, в Согратле бытует **-о-**: гIазо — «снег», гIанкло «курица» и др. То же наблюдается и в арабских заимствованиях: гIадло — «дисциплина», гIакьло — «ум», зулмо — «насилие», гIумро — «жизнь» и т. д.

Известно, что в корнях ряда глаголов и существительных в большинстве южно-аварских говоров вместо гласного заднего ряда **-у-**, существующего в литературном языке, наличен **-о-** (**бокьде** — «жить» вм. **букьIZE**). В согратлинском говоре в этих словах бытует **-у-**: бугьде — «холодеть», букьде — «шить».

Звуковые процессы

§ 7. Прогрессивная ассимиляция согласных наблюдается в следующих случаях.

а) Переднеязычный звонкий **-д-** подвергается ассимиляции под влиянием предшествующего глухого **-т-**, вследствие чего получается усиленный **-т-**. Такое сочетание встречается в форме долженствовательного наклонения глаголов: **лѹте** — «бежать», **бате** — «найтись» и др. вместо ожидаемых **лѹтде**, **батде**.

Такая ассимиляция, но в несколько усложненной форме, происходит и в тех глаголах, корни которых оканчиваются на смычногортанный **-тІ-**. Сначала под влиянием **-д-** (компонент формата **-де**) предшествующий ему **-тІ-** теряет смычногортанную артикуляцию, затем происходит ассимиляция **-д-**: **лѹте** — «кроить», **бите** — «отправить», **хуте** — «остаться» и т. д. вместо ожидаемого **лѹтІде**, **битІде**, **хутІде**, **лѹтала** — «бежит», **батала** — «обнаруживается», **лѹтала** — «кроит», **битала** — «отправляет», **хутала** — «остаётся» вместо ожидаемых **лѹтІдала**, **битІдала**, **хутІдала**.

б) Большинство учащательных глаголов имеют основу с звонким **-д** в конце. Когда к таким корням присоединяется форматив долженствовательного наклонения **-де** или форматив настоящего времени глагола **-дала** и причастия настоящего времени **-дала(б)**, то попавшие в смежное положение два **-д-** дают долгий **-д-**: **гудеде** — «разговаривать» (от **гудед-де**), **гудедала** — «разговаривает» (от **гудед-дала**); **тункеде** — «толкаться» (от **тункед-де**), **тункедала** — «толкается» (от **тункед-дала**); **ахлуде** — «кричать» (от **ахлуд-де**), **ахлудала** — «кричит» (от **ахлуд-дала**); **ругладе** — «пихать» (от **руглад-де**), **ругладала** — «пихает» (от **руглад-дала**); **хьвегеледе** — «махать» (от **хьвегед-де**), **хьвегеледала** — «махает» (от **хьвегед-дала**) и т. д.

Отрицательная форма настоящего времени имеет другой форматив — без **-д-** (**-анаро**), поэтому корневой **-д-**, находясь в единственном числе, имеет краткую артикуляцию: **ахлуданаро** — «не кричит», **гудеданаро** — «не разговаривает» и т. д.

в) В будущем времени от глагола **бакьде** — «хотеть» в смежной позиции оказываются латеральная аффриката **-кь-** и сонорный латеральный **-л-**: **бакьла**. Звук **-л-**, подвергнувшись ассимиляции, усиливает артикуляцию **кь**: **бакья**.

§ 8. Прогрессивно-репрессивная ассимиляция согласных встречается:

а) В смежных словах, если первое из них оканчивается сонорным **-н** и в начале второго губной звонкий **б-**. Чаще всего такое сочетание слов получается в сложных глаголах, состоящих из деепричастия прошедшего времени и глагола связки. В таких сочетаниях конечный **-н** первого слова влияет на начальный **б-** второго слова, который превращается в сонорный **м-**, затем последний уподобляет себе предшествующий **-н**: исходная форма — **буклун буго** — «был»; первая ступень звукового процесса — **буклун муго**, вторая ступень —

буклумуго; байбихьумуго — «начал», байбихьумуклана — «начинал»; гьидин амуго (<абун буго) — «так сказал».

б) Прогрессивно-регрессивной ассимиляции подвергается сочетание переднеязычного звонкого -д- и переднеязычного смычногортанного шипящего -чл-; такое стечение получается в отрицательной форме учащательного глагола прошедшего времени. Процесс этот имеет следующие ступени: под воздействием звонкого -д- шипящий чл теряет смычногортанную артикуляцию; затем глухой ч, получившийся вследствие этого, ассимилирует предшествующий -д- и сам обретает долготу: ахлүчо — «не кричал» (<ахлүдчлө); кьвегьечлө — «не стрелял» (<кьвегьедчлө); хьвегьечо — «не махал» (<хьвегьедчлө); чурбачо — «не купался» (<чурбадчлө).

То же происходит и в глаголах, корни которых оканчиваются на глухой -т: бачо — «не нашел» (<батчлө); льүчо — «не бежал» (<льүтчлө) и т. д.

§ 9. Регрессивная ассимиляция согласных наблюдается в следующих случаях:

а) Под влиянием переднеязычных -д и -л- начальный заднеязычный г- слов **годеклан** — «завалинка» и **гилавка** — «фунт» превращается в переднеязычный д-: **додеклан**, **дилавка**.

б) Стечение заднеязычного смычногортанного кл и заднеязычного звонкого г (-клг-) дает долгий -г-. Такой комплекс получается при присоединении частиц и союзов -го, -гун (-гин), -ги к словам с -кл в конце корня: **льиго** — «хорошо» (<льиклго); **баго** — «тяжело» (<баклго); **багун** — «со стулом» (<баклгун), **баги** — «и стул» (<баклги) и т. д.

Регрессивной ассимиляции подвергается переднеязычный -т- в глаголе будущего времени **батла** — «найдется» под влиянием последующего -л-, вследствие чего возникает новый звук — латеральный долгий ль: **балъа**.

§ 10. Чередование сонорных м, н носит спорадический характер. В определенных словах одних говоров, как правило, слог закрывает сонорный губной -м, а в других — сонорный носовой -н. В последних случаях -н переходит в м, если при изменении слова он попадает в начало слога. В сограглинском говоре такой переход наблюдается не во всех случаях. Мало того, в конце слога ряда слов вместо -н слышится -м: **кукам** — «слива», 'им — «съедобная трава», 'умхал — «шубы», льим — «вода», гьамсинуб — «в сундуке», чам? — «Сколько?», но ...чан — «дичь, тур», тлүм — «орёл», (в записях встречается и цлун) **тлүглүм** — «вкус», **члүмчлал** — «ноги», **хизим** — «мешок». Но в следующих словах слог закрывает -н: **чаран** — «сталь», **даран** — «торговля», **кьалан** — «карандаш». При изменении последних трех слов -н вследствие внутренней флексии занимает в слоге начальную позицию

и тогда переходит в м: кьалмил — «карандаша», кьалмал — «карандаши», чармил — «стали», дармил — «торговли». Таким образом, чередование м и н в определенных словах носит спорадический характер, и в конце определенных слов вместо сонорного носового -н выступает сонорный губной -м.

§ 11. Озвончение глухих согласных в начале слов широко распространено в согратлинском говоре. Оно происходит не как система, встречаются лишь единичные случаи, но со многими гласными. Ниже приводятся почти все случаи озвончения, встреченные в записях: /

а) вместо увулярного глухого хь- в слове литер. языка хьиргьу — «ястреб-перепелятник» употребляется заднеязычный звонкий г-: гиргьу. Характерно, что эта форма встречается в песенном фольклоре, в то время как в живой речи бытует хиргьу. Последнее видимо является результатом заимствования из соседних говоров, в которых вместо хь употребляют х.

Озвончение хь происходит и в слове хьачлаб, которое в говоре звучит гарчлаб — «твердый, грубый (о волосе)», но и в этом слове вместо г- могут употребить х- (хачлаб), если оно выступает в качестве определения других существительных (а не «волоса»).

Первый и второй случай замещения хь- звонким г- и существование параллельного употребления в особых условиях звука х свидетельствует о том, что г- в этом положении в говоре возник в результате заимствования указанных слов из других диалектов, вероятно из северных. Слово хьиргьу — «ястреб» само является заимствованием в аварском языке, но в Согратль оно проникло позже, иначе нельзя объяснить соответствия хь: г, тогда как закономерным соответствием хь там является х.

б) Звонкий г вместо глухого к мы наблюдаем еще в словах литературного языка килиш — «палец», квезе — «поймать», кезе — «случиться», который в говоре звучит гилиш, гвезе, геде.

О сохранении к в слове кето — «кот» следует сказать потому, что он в ряде южных говоров озвончается.

в) Вместо переднеязычной свистящей глухой долгой аффрикаты ц в начале слов в Согратле выступает свистящий звонкий з: зим — «зло» вместо цин, зебе — «впереди» вместо цебе, зоногюл — «троюродный брат» вместо цунарла; зибаса зебелъ — «все впереди» вместо цебеса цебе.

г) Вместо переднеязычной шипящей долгой аффрикаты ч в слове чути — «съедобная трава» бытует переднеязычный шипящий звонкий ж: жути. А в единственном слове чугла — «рыба» существует шипящая звонкая аффриката дж: джугла.

д) В слове йургъан — «одеяло» среднеязычному звонкому

й — соответствует переднеязычный звонкий шипящий ж: жур-гъан. И наоборот, в слове литературного языка жакъа — «сегодня» звуку ж- соответствует й-: йакъа.

е) Наречие гъанже — «теперь» в согратлинском говоре встречается в трех вариантах: гъиндже' (со звонкой аффрикатой дж), гъинже' (с шипящим звонким ж), гъинче' (с шипящей глухой аффрикатой ч). В отличие от литературного языка здесь ударение падает на второй слог.

ж) В слове сахаб — «здоровый» вместо заднеязычного краткого глухого х бытует заднеязычный звонкий гъ: сагъаб.

з) Озвончение губно-губного глухого п- наблюдается в начале слов пуруц — «соха», парчи — «кувшин», которые в говоре звучат буруц, барчи, и, наоборот, в слове башлихъ звонкий б- оглушается; он звучит: пишлихъ, а в слове багли — «черешня» б превратился в м-: магли.

§ 12. Спирантизация заднеязычного смычного к происходит в слове кватлизе — «опоздать», которое в говоре звучит хвалльде.

§ 13. Монофтонгизация дифтонгов и других комплексов со звуком -й- наблюдается в следующих случаях.

а) Комплекс -айа-, который чаще всего встречается в прилагательных, в согратлинском говоре подвергается стяжению и превращается в ударенное -а-:

чистый	бац/аб	бац/айаб	бац/адаб
длинный	халаб	халайаб	халатаб
толстый	бицаб	бицайаб	бицатаб
легкий	бигъаб	багъайаб	бигъадаб
узкий	къураб	къурайаб	къваридаб и т. д.

Однако надо отметить, что исходной является не форма с комплексом -айа-, а с -ада- или -ата-. Это подтверждается тем, что большинство наречий, из которых образуются эти прилагательные, имеют в конце -т или -д: халат — «длинно», къварид — «узко», бигъад — «легко»; от них образовались халатаб, къваридаб, бигъадаб. В одних говорах -т- переходит в -д- в таких прилагательных как халатаб и произносят его халадаб, в других -д- переходит в -й- и произносят халайаб, къурийаб, бигъайаб и, наконец, в Согратле в результате стяжения они превратились в халаб, къураб и т. д.

б) Стяжению подвергаются и комплексы -ийе-, -ийа-; первый из них в литературном языке встречается в качестве формата дат. падежа: эсийе, элзийе, эзийе и др. Второй встречается в таких словах как кийалго — «вдвоем», нусийалдацо — «сто один». Эти комплексы в результате стяжения дают -е ударенное: эсе', элзе', эзе'.

Слово хлайван — «скотина» в Согратле звучит хлаван.

§ 14. Выпадение согласных наблюдается в смежных словах; если в конце первого слова и в начале второго встречаются согласные с одинаковой артикуляцией, то один из них выпадает, вернее первый выпадает и оба слова сливаются, например: **шубакI** — «что за место» (<шуб бакI); **бахIарамехалъ** — «когда был молод» (<бахIараб мехалъ); **шварамехалъ** — «когда пришел» (<швараб мехалъ) и т. д.

В местоименном наречии **шубуде** — «зачем?», образованном из вопросительного местоимения **шуб** — «что» и глагола **гъабуде** — «делать», выпал слог **гъа-** и один из пришедших в соприкосновении губных **б**. То же самое происходит и в каузативных формах глагола, который образуется посредством присоединения к основному глаголу вспомогательного — **гъабуде**: **хIалтабуде** — «заставить работать».

§ 15. Палатализация сонорного **н** зафиксирована в форматах глагола настоящего времени в одних андалальских говорах в положительной и отрицательной формах, в других — только в отрицательной форме. В согратлинском же говоре патализуются компоненты **н** и **л** формата отрицательной формы глагола будущего времени **-л'аро** и **-н'аро** в том случае, если в корне имеется гласный переднего ряда **и**. Характерно, что в общеаварском языке **л** смягчается, если рядом с ним находится любой из гласных переднего ряда, а в Согратле он (**л**) смягчается только в указанном выше положении глагола, независимо от гласного, который примыкает к нему. Приведем примеры палатализации **л'** и **н'** в отрицательных глаголах будущего времени:

Положительная форма

квенла — поем
къела — выпью
велъена — придет
вегъла — придет
бехъла — увидит
реклена — сядет (верхом)

Отрицательная форма

квин'аро — не поем
къил'аро — не выпью
вилъин'аро — не придет
вигъл'аро — не придет
бихъл'аро — не увидит
реклинл'аро — не сядет.

В положительной форме будущего времени в Согратле **л** твердый, если даже рядом с ним находится гласный переднего ряда.

§ 16. Выпадение ларингального **гъ** и фарингального **гI** и слогов **гъи-** и **гъо-** зафиксировано в следующих словах: **аб**, **эб** — «этот», **унд** «там», **эresi** — «ложь», **аниб** — «здесь» вместо **гъаб**, **гъеб**, **гъунд**, **гъереси**, **гъаниб**; **гIинаб** — «маленький», **къороб** — «в середине» вместо **гъитIинаб**, **гъоркъоб**; **меэр** — «гора» вместо **мегIер**.

Нарращение фарингального **гI** наблюдается в начале слов: **газарго** — «тысяча» (употребляют и литературную форму **азарго**), **гIинкъого** — «сорок», **глаждагъа** — «дракон», **гIину-**

хат — «ладонь» вместо азарго, ункъого, аздагъо, инухат (в других андалальских говорах, не в литературном языке, в котором говорят огъохъат).

§ 17. В согратлинском говоре наблюдается лабиализация согласных в тех словах, в которых нет ее в литературном языке, и, наоборот, наблюдается делабиализация согласных там, где они лабиализованы в литературном языке. Ниже приводим примеры лабиализации: **къвани** — «плоский камень», **гъвал** — «коса (жен)», **гъверкъ** — «рукоять», **тъведе** — «отрывать», **гъвари** — «целина», **гъведе** — «расти», **гъваб** — «тот» (чаще встречается форма **гъаб**).

Наблюдаются случаи лабиализации в процессе изменения имен по падежам: **къваль** — «днем» вместо **къойаль**, т. е. в этом говоре происходит обычное для него стяжение комплекса **-ойа-**.

Делабиализуются согласные в следующих словах литературного языка: **къурали** — «горе», **букъаде** — «сохнуть», **къучла** — «бурдюк», **куртла** — «молоток», **кунаде** — «обедать» вм. **къварилъи**, **бакъвазе**, **къвачла**, **квартла**, **кваназе**.

В числе лабиализующихся согласных (первые примеры) мы видим **тв** и **гв**, которые в литературном языке вообще не лабиализуются.

§ 18. Чередование гласных переднего ряда **е-и** и заднего ряда **о-у** чаще всего наблюдается в глагольных корнях и местоимениях. Дело в том, что корни некоторых форм ряда глаголов огласованы ударенными **-е-** или **-о-**; при изменении этих форм ударение перемещается на второй или третий слог и тогда корневой **-е-** редуцируется и переходит в **-и-**, **-о-**, **-у-**; например, в положительной форме будущего времени ряда глаголов ударенный корневой слог огласован через **-е-**, в отрицательной же форме ударение перемещается на предпоследний слог (компонент форматива) и вместе с перемещением ударения **-е-** превращается в **-и-**:

е под ударением
(полож. ф. б. врем.)

ударение перемещается на
второй слог, поэтому **е**
превращается в **и**.

кве'нла	— съест	квина'ро
къе'ла	— выпьет	къила'ро
вегъла	— придёт	вигъла'ро
велъе'на	— придёт	вилъина'ро
э'на	— отправится	ина'ро
рек'ена	— сядет	рек'инла'ро
ге'ла	— случится	гила'ро
гве'ла	— поймает	гвила'ро
гьерде'ла	— будет просить	гъирдла'ро
гуде'ла	— будет говорить	гудила'ро

кьвегьела	— будет стрелять	кьвигьла'ро
кьепе'ла	— будет драться	кьипла'ро
хьвег'ела	— будет махать	хьвег'ила'ро
тунке'ла	— будет толкаться	тункила'ро
шве'ла	— достанется	швила'ро.

Примеры из других частей речи: **бер** — «глаз», **бе'рал** — «глаза» (им. п. мн. ч.), **бирзу'л** — «глаза» (род. п. ед. ч.), **эб** — «тот», **ису'л** — «его», **илъу'л** — «её», **исда** — «на нем» и т. д.

Примеры на чередование **о-у**:

о под ударением

ударение переходит на второй слог, поэтому **о** превращается в **у**

ко'ндала	— ест	куна'ро	— не ест
ко'ндалаб	— съедобный	куна'раб	— не съедобный
шо'дала	— получает	шуна'ро	— не получает.

Примеров на чередование **о-у** мало вследствие того, что в говоре, как сказано выше, мало глаголов, в исходной форме которых существует **о**, в то время как в других андалальских говорах бытует целая группа их.

§ 19. Дистанционная регрессивная ассимиляция гласных распространена в согратлинском говоре так же, как и в других андалальских говорах. В основном такая ассимиляция происходит вследствие воздействия гласного компонента формативов на предшествующий безударный гласный. Примеры из глаголов:

бача'мо	— «отпустив»,	бече'ла	— «отпустит»,
белъе'нде	— «итти»,	балъа'на	— «пошел»,
балъа'!	— «иди!»,	болъо'нуги	— «не ходи»,
рекле'нде	— «сесть вер- хом»,	ракла'!	— «садись!»,
рокло'нуги!	— «не садись!»,	ракла'на	— «сел»,
рекле'нчло	— «не сел».		

Из приведенных примеров видно, что первый гласный компонент словоизменяющего аффикса, находящийся под ударением, воздействует на безударный корневой гласный и уподобляет его себе. В литературном языке в данных глагольных формах этого не происходит; здесь корневой безударный гласный сохраняется без изменения во всех формах. Приведем параллельные примеры: **бича'н**, **бичала**, **билъи'не**, **билъана**, **билъа'!**, **билзунге!**, **реклине**, **рекла'!**, **реклу'нге!**, **ре'клана**, **ре'клинчло**.

В наибольшей степени такая ассимиляция происходит в существительных при изменении их по падежам и при обра-

зовании множественного числа. Примеры, в которых ассимилирующим выступает **-а-**.

В говоре		им. п. мн. ч.		В литер. яз.	
им. п. ед. ч.					
столб	— хлуби	хлаба'л	хлуба'л		
обувь	— хьит	хьата'л	хьита'л		
палочка	— глучл	глачла'л	глучла'л		
стог	— глари	глара'л	глара'л	(в им. п. ед. ч. глари)	
каток	— мигъир	магъра'л	михи'рал		
дубина	— хлус	хласа'л	хлу'сал		
жердь	— рихли	рахла'л	раха'л	(в им. п. ед. ч. рахи)	
воробей	— хлинчл	хланчла'л	хланчли'		
губ	— гожо	гажа'л	гажа'л		
ноша	— чихъир	чахъра'л	в лит. нет		
зуб	— глус	гласа'л	глуса'л		
мерка	— къили	къала'л	къала'л	(в им. п. ед. ч. къали)	
топор	— глижди	глажда'л	глаштла'л	(в им. п. ед. ч. глашти)	и др.

Сравнительный анализ примеров показывает, что в некоторых случаях ассимилированная форма говора совпадает с литературной, иначе говоря, такая ассимиляция происходит и в литературном языке, но в меньшей мере.

Ассимиляция наблюдается и в исходных формах (им. п. ед. ч.) говора; первый безударный корневой гласный сам по себе есть результат ассимиляции: **глари'** — «стог», **рихли'** — «жердь», **къили'** — «мерка», **глижди'** — «топор»; под влиянием второго ударенного корневого гласного первый гласный ассимилировался, в то время как в литературном языке они диссимилированы: **глари**, **рахи**, **къали**, **глашти**.

Характерно, что если в именительном падеже множественного числа ассимилирующим выступает **-а-**, то в основе косвенных падежей тех же слов корневой гласный превращается в **-о-**, ибо гласным ударенным компонентом формативов косвенных падежей в единственном числе этих слов является **-о-**. В этом случае совпадений с литературным языком больше. Это и понятно: в последнем в наибольшей степени распространена репрессивная ассимиляция гласных заднего ряда **-о-**. Приведем те же примеры в родительном падеже единственного числа, в котором выражена основа всех косвенных падежей: **къолол** — «мерки», **гло'лол** — «стога», **рох'лол** — «жерди», **глас'лол** — «зубы», **чохъро'л** — «ноши», **гожо'л** — «клыка», **гloch'лол** — «палочки», **хлус'лол** — «дубины», **хлубо'л** — «столба»,

гюждо'л — «топора», **могъро'л** — «катка». Большинство этих слов и в литературном языке звучит так же.

Корневой гласный переднего ряда **-и-** вопросительного и относительного наречия **ки'глан** — «сколько» подвергается ассимиляции так же, как в вышеприведенных примерах, вследствие того, что ударение в согратлинском говоре падает на второй слог, в то время как в литературном оно находится на первом слоге: **каг'ла'н**.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Имя существительное

§ 20. Образование множественного числа в согратлинском говоре имеет некоторые отличительные особенности, заключающиеся в следующем:

а) Как известно, в аварском языке есть существительные с окаменелыми классными показателями мужчин и женщин. Это такие парные слова, как: **вац** — «брат», **йац** — «сестра», **вакьад** — «свёкор», **йакьад** — «свекровь», **вас** — «сын», **йас** — «дочь», **вацг'лал** — «двоюродный брат», **йацг'лал** — «двоюродная сестра». Эти слова в литературном языке образуют множественное число путем прибавления к концу форматива множественности, сохраняя начальный классный показатель. В сущности и в согратлинском говоре обстоит так же, но слова **вацг'лал** и **йацг'лал**, как исключения, образуют множественное число не только путем присоединения форматива, но и путем смены начального классного показателя на показатель множественности; вместо **вацг'лалзаби** — «двоюродные братья», **йацг'лалзаби** — «двоюродные сестры», в Согратле говорят — **рацг'лалзаби**.

В литературном языке звук **р** в ряде случаев выступает в качестве окаменелого классного показателя, в других случаях он является показателем существительного, образованного от слов с продуктивными классными показателями вначале (**рухьен** — «веревка» от **бухьине** — «связывать», **рахен** — «брод» от **бахине** — «перейти» и др.).

Суждение это мы привели к тому, что в языке есть случаи, когда начальные звуки **б, в, й, р** (не показатели классов) ряда заимствованных слов воспринимаются говорящими как исконные слова с классными показателями, что дает повод менять эти звуки по говорам как классные показатели. Например, в Согратле слово **бошгъап** — «тарелка» произносится **рошгъап**. В сел. Каранай (сев. наречие) это слово звучит **йошгъап**.

б) Показатели множественности, в основном идентичные в Согратле и литературном языке, не всегда употребляются для тех слов, для которых эти показатели используются в последнем. Приведем сравнительные примеры:

В говоре

В литер. яз.

ру'къаби	— я'рма	рукъл
къаг'рал	— ягнята (в Шитлиб — къуг'рул)	къаги
'анч'ал	— детёныши (в Шитлиб — 'инч'ил)	танчи
ганк'ал	— куры	ганк'лаби
бохал	— ноги	бухдул
руцаби	— газыри	руцалаби
у'жби	— шаровары	тажал
ханч'а'л	— птица	ханчи
чулби	— бревна	чаллаби
лалчаби	— пояса	рачалаби
къоби	— дни	къоял
жинаби	— джины	жинал.

в) Вместо одного из формативов литер. языка -дул в Согратле бытует -дил: лъурдил — «рога», гундил — «уши», гъуц'дил — «щипцы» вм. лъурдул, гундул, гъуц'дул.

г) Множественное число имен г'иял — «овцы», г'лачи — «коровы» в литературном языке и в говоре совпадает, но отличается ударением, которое в первом падает на второй слог, а во втором — на первый. Наоборот, в существительном во множественном числе гарбал «шеи», в литературном языке ударение падает на первый слог, а в Согратле — на второй.

д) В ряде случаев согратлинский говор изменяет основу слова при образовании множественного числа, в то время как в литературном языке она сохраняется. Изменение основы сопряжено с звуковым процессом (см. § 19). Примеры:

В говоре

В литер. яз.

ед. ч.		мн. ч.	мн. ч.
лъут'и	— клин	лъат'ал	лъут'ал
хьит	— обувь	хьатал	хьитал
х'луби	— столб	х'лабал	х'лубал
г'луч'и	— палочка	г'лач'ал	г'луч'ал
х'лус	— дубина	х'ласал	х'лусал
г'лус	— зуб	г'ласал	г'лусал
г'лала	— кобыла	г'лулал	г'лалул и др.

§ 21. Склонение имен существительных имеет следующие отличительные особенности.

Эргативный падеж отличается тем, что для имен II грамматического класса, а также для одного имени мужского класса эмен — «отец» и для одного имени женского класса лъади — «жепа» в архаическом склонении он употребляет форматив -алъа- вместо литературного ца. Примеры в эргативном падеже:

бурхъилъа ¹	— змеєю	бурхъица ¹
хорколъа	— орлом	хъокоца
цудулъа	— орлом	цудуца
цудулъа	— орлом	цудуца
гъотлолъа	— деревом	гъотлоца
хилкилъа	— петухом	хилкица
чолъа	— лошадыю	чоца
гъвелъа	— собакою	гъойца
ганкилъа	— зайцем	ганкица
цилъа	— медведем	цица
гыкилъа	— арбою	гъакица
гъидилъа	— вороною	гъадица
царалъа	— лисою	цараца
эмсулъа	— отцом	инсуца
лъадулъа	— женою	лъадуца и т. д.

Форматив **-лъа** употребляется больше в Согратле, чем **-ца** в литературном языке. Это видно хотя бы из того, что существительные, склоняющиеся в литературном языке преимущественно по живому склонению, в Согратле изменяются по архаическому посредством того же формата **-лъа**: **ганкилъа** — «курицей», **къукъалъа** — «группой, отрядом», **хиналъа** — «хною», **гъалбацилъа** — «львом» вм. **ганкилъяль**, **къукъаяль**, **хинаяль**, **гъалбацалъ**.

В редких случаях встречается и форматив **-д**, который выступает вместо формата живого склонения литературного языка **-аль**: **кверзуд** — «рукою» вместо **квераль**, **кирад** — «извозом» вместо **кирааль**.

Форматив **-лъа** вм. **-ца** употребляется также в мужских и женских собственных именах:

АхИмадилъа	— Ахмедом	АхИмадица
Ризванилъа	— Ризваном	Ризваница
Димнатилъа	— Димнат	Димнатица
Зайнабилъа (жен.)	— Зайнаб	Зайнабица
БатИматилъа	— Патимат	БатИматица
Гашатилъа	— Айшат	Гашатица и др.

Существительные, выражающие временные понятия (**къо** — «день», **заман** — «время», **сордо** — «ночь» и др.) в литературном, изменяясь по падежам по живому склонению, имеют формативы **-аль** (эрг. п.), **-алье** и т. д.: **къойаль**, **заманаль**, **сордойаль**. В говоре к нему добавляется дополнительный аффикс **-ил**: **къойальил**, **заманальил**, **сордойальил**. Параллельно употребляются и формы литературного языка.

¹ Буквы **лъ** и **ц** в словах, приведенных в столбцах на этой и следующей страницах, означают долгие звуки.

В ряде слов, как и в литературном языке, согратлинский говор употребляет в качестве показателя родительного падежа форматив -дул. Слова, обозначающие части тела, в некоторых андалальских говорах также имеют форматив -дул: квердул — «руки», гиндул — «уха» и т. д. В согратлинском говоре в отличие от других говоров, так же, как и в литературном языке, показателем родительного падежа для этих слов выступает -зул: кверзул, гинзул, берзул, калзул; как исключение керен — «грудь», имеет форматив -дул: карандул — «грудь».

§ 22. Отличительными чертами обладают местные падежи первой и пятой серии.

Местный, направительный и исходный падежи I серии для архаического склонения имеют формативы -алъа, -алъе, -алъаса; спорадически, хотя и редко, употребляются и литературные формы -алда, -алде, -алдаса. Приведем примеры в форме местного падежа (покою):

В говоре		В литер. яз.
бакIалъа	— на месте	бакIалда
диваналъа	— на суде	диваналда
кутакалъа	— силою (букв. на силе)	кутакалда
ракIалъа	— в сердце	ракIалда
къагIидаялъа	— способом (букв. на способе)	къагIидаялда
жоялъа	— на вещи	жоялда
халкъалъа	— на народе	халкъалда
мехалъа	— на времени (во время)	мехалда
авлахалъа	— в степи	авлахъалда
дуниялалъа	— на свете	дуниялалда
пайтоналъа	— на фаэтоне	пайтоналда и т. д.

При склонении имен женского класса наряду с формативами -алъа, -алъе, -алъаса могут выступать другие — полные звуковые варианты: -алъда, -алъде, -алъдаса: йасалъда — «на дочери» и йасалъа, эбелалъда — «на матери» и эбелалда, йацалъда — «на сестре» и йацалъа.

В архаическом склонении употребляются те же формативы, что и в литературном языке -да, -де, -даса. В определенных словах, для которых северное наречие (в литературном языке они не употребляются) сохранило архаичные формы -тIа, -тIе, -тIаса, в Согратле бытуют -ла, -ле, -ласа: рагъла — «во дворе», нухIла — «в дороге», гъажала — «на плече», вм. рагътIа, нухтIа, гъажалтIа. Приведенное расхождение является результатом соответствия звука тI литературного языка согратлинскому л.

Отличаются также местные падежи 5 серии, в которых вместо формативов литературного языка -ниб, -нибе, -ниса(н)

употребляют **-нуб, -нубе, -нуса(н)**. Примеры приводятся в падеже покоя:

В согратлинском говоре

гъамсинуб	— сундуке
сокIронуб	— в чашке
цугърунуб	— в закроме (для зерна)
габунуб	— на шее
гвандинуб	— в яме
кIитIунуб	— в закроме (для муки)
хъигинуб	— в котле
къолонуб	— в мерке
лъоронуб	— за пазухой
чохъонуб	— в животе

В литер. яз.

гъансиниб
суркIиниб
цагъриниб
горбониб или горбода
гвандиниб
в литер. нет
хъагиниб
къолониб
лъороб
чохъониб и т. д.

В согратлинском говоре местные падежи 5 серии употребляются больше, чем в литературном языке, в котором вместо них бытуют и другие падежи или местные падежи I серии с послелогоми; в этом отношении наиболее употребительны падежи с формативом **-алъуб**:

В говоре

можникIалъуб	— в бумажник
пастIаналъуб	— в огороде
диваналъуб	— в суде
туснакъалъуб	— в тюрьме
дудекIаналъуб	— в годекане

В литер. яз.

бумажникIалда жаниб
пастIаниб
диваналда
туснахъалда
годекIаниб и др.

Вместо **ракъалда** (м. п. I серии) или **ракъуль** (м. п. 3 серии) употребительна форма **ракъунуб** (м. п. 5 серии) — «в земле». Вместо **кIалтIа** — «у порога» — **кIалтIунуб**.

Вместо **гординиса** — «из окна» говорят **гурдиса**; вместо **росоль** (м. п. 3 серии) — **росноб** (м. п. 5 серии), вместо **бусада** или **бусниб** — «в постели» говорят **бустIиб**.

Наряду с формой **рагъла** — «во дворе», **нухIла** — «в дороге», **рагIала** — «на краю», бытующих вместо литературных **рагътIа**, **нухIтIа**, **рагIалда** (см. выше), встречается употребление формы **рагълав**, **нухIлав**, **нухIлаве**, **рагIалайе** с тем же значением. Здесь к формативу местного падежа I серии присоединен форматив 5 серии, выраженный классным показателем.

От существительного **'ом** — «крыша», казалось бы, местный падеж должен образоваться по I серии (на **-да** или **-ла**), на самом же деле он образован по 5 серии: **'омор хIинчI буго** — «на крыше птица»; эта форма употребляется и для направи-

тельного падежа, т. е. в конце показателя последнего (-е) нет. Исходный падеж — **оморса**.

Другие местные падежи (2, 3, 4 серий) отличий не имеют.

§ 23. Склонение имен существительных во множ. числе имеет одну особенность, характерную и для других андалальских говоров, заключающуюся в том, что первым гласным компонентом формативов косвенных падежей вместо -у- или -а-, существующих в литературном языке, в Согратле бытует -и-. Примеры приводятся в эргативном падеже:

В говоре		В литер. яз.
лзурдиз	— рогами	лзурдуз
члулбиз	— бревнами	члулбуз
гучбиз	— суками	гужбуз
рагъухабиз	— бойцами	рагъухъабаз
гъубиз	— собаками	гъабзаз
улкабиз	— странами	улкабаз.

§ 24. Имена прилагательные имеют следующую сокращенную форму, возникшую вследствие процесса стяжения (см. § 13): **бац/аб** — «чистый», **бицаб** — «толстый», **халаб** — «длинный», **бигъаб** — «легкий», **къараб** — «жирный», **къураб** — «узкий» и т. д. вместо литературных **бац/адаб**, **бица-таб**, **къарияб**, **бигъадаб** (или **бигъаяб**), **къарияб**, **къваридаб**. Форматив в говоре и литературном языке (-аб) собственно один и тот же. Но при образовании прилагательных от наречий в говоре суффиксы последних исчезают под воздействием фонетического процесса (§ 13).

§ 25. Числительные, кроме звуковых отличий, о которых говорилось выше (**глинкього** — «сорок», **нуселда** — (м. п. от **нусго** — «сто»), **глазарго** — «тысяча» вместо **ункього**, **нусиялда**, **азарго**), имеют еще одну особенность, заключающуюся в том, что в местном падеже 1 серии выступает тот же форматив, что и в существительных: **гьебералъа цо** — «тридцать один», **кликъвалъа лъабго** — «сорок три» вместо **лъебералда цо**, **кликъоялда лъабго**.

Собирательное числительное **клиийалго** — «двое или вдвоем» в Согратле звучит **кIалго**.

§ 26. Местоимения имеют следующие особенности. Возвратное местоимение **жив** — «сам» (I гр. класс) в говоре звучит **жув**; во II гр. классе оно встречается и в литературной форме **жий**, а также в форме **жуй**; дательный падеж — **жунуй** — «самой» вместо **жиндий(е)**; родительный падеж — **жунул** — «самого» вместо **жиндир**.

Личные местоимения 1 и 2 лица в эргативном падеже имеют форматив -лъа вместо -ца: **дилъа** — «много», **дулъа** — «тобою», **нежелъа** — «нами» (эксклюзив), **нелъелъа** — «нами» (инклюзив), **нужелъа** — «вами».

Вопросительные местоимения в эргативном падеже имеют показатель **-д**: *лэид*, *сунд* вм. *лэица*, *сунца*.

В дательном падеже указательных местоимений вместо **-ийе** выступает **-е** в результате стяжения.

Местные падежи I серии для II и III гр. классов имеют форматив **-лъа**, наряду с ним употребляется и **-лъда**: *илъда* или *илъа* (*гылъа*, *гылъда*); в I гр. классе — *иса* или *исда* (*гьиса*, *гьисда*), *даса*, *дасда*; также во множ. числе — *даза*.

Глагол

§ 27. Долженствовательное наклонение в основном выражено формативом **-де**, как и в большинстве андалальских говоров. Но чтобы определить соответствия форм долженствовательного наклонения, их следует подразделить на следующие группы:

а) формативу **-изе** литературного языка (северного наречия) в Согратле соответствует **-де**: *босде* — «брать», *бахъде* — «отнимать», *букъде* — «шить», *кьунциде* — «резать», *класде* — «прыгнуть», *глуркъде* — «проглотить» вместо *босизе*, *бахъизе*, *букъизе*, *кьунцизе*, *кланцизе*, *глуркъизе*. Следующие глаголы относятся к этой же группе, но в них форматив **-де** звучит как *те* вследствие регрессивной ассимиляции (см. § 7) *кьоте* — «резать», *бате* — «найтись», *лэуте* — «бежать».

б) Все учащательные глаголы в согратлинском говоре имеют корень, оканчивающийся на звук **-д-**, в то время как в литературном языке на этот звук оканчиваются лишь некоторые корни учащательных глаголов. Поэтому присоединение к нему форматива **-де** при образовании долженствовательного наклонения возникает форматив с долгим **-д-**: *ахлуде* — «кричать», *чурбаде* — «купаться», *ругладе* — «тискать», *кьепледе* — «драться», *тункеде* — «толкаться», *хьендеде* — «пререкаться» и др. вместо литературных *ахлудезе*, *чурдезе*, *ругларизе*, *кьабезе*, *тенкезе*, *хьандезе*.

в) Формативам литературного языка **-езе**, **-азе**, **-узе** соответствует **-еде**, **-аде**, **-уде**: *гиведе* — «расти», *кьеде* — «пить», *чледе* — «стать», *шведе* — «достичь» вместо *глезе*, *гьекъезе*, *члезе*; в эту же группу входит несколько глаголов, имеющих в литературном языке формативы **-изе**, **-азе**, **-ине**: *бел'эде* — «умереть» вместо *билизе* — «потеряться»; *рел'эде* — «одевать» вместо *ретлине* в том же значении, *бичеде* — «отпустить» вместо *бочазе* в том же значении.

Примеры на **-аде**: *хваде* — «писать», *члваде* — «убивать», *лъаде* — «знать», *кьаде* — «жать» вместо *хъвазе*, *члвазе*, *лъазе*, *кьазе*.

Примеры на **-уде**: *пуде* — «дуть», *чуде* — «мокать», *худе* — «хлепать», вместо *пузе*, *чузе*, *хузе*; последние в некоторых се-

верных говорах лабиализуют начальные согласные с огласовкой на -и-: пвизе, чвизе, хвизе.

г) Формативу -ине соответствует -енде: квенде — «есть, кушать», энде — «итти», рекленде — «сесть (верхом)» вместо квине, ине, реклине. При этом следует отметить, что в последнем примере ударение в литературной форме падает на первый слог, а в Согратле — на второй.

§ 28. Форма прошедшего времени согратлинского говора полностью совпадает с формой прошедшего времени литературного языка. Отрицательная форма образуется путем прибавления к корню глагола форматива отрицания -чло так же, как в литературном языке и в других андалальских говорах.

§ 29. Настоящее время в согратлинском говоре имеет форматив -дала, резко отличающийся как от форматива других андалальских говоров, так и литературного языка, причем этот форматив является единым для всех глаголов, за исключением одного: к глаголу кьеде — «пить» прибавляется не обычный для говора -дала, а -дула: кьодула. Форматив присоединяется к корню глагола. Примеры:

В говоре		В литер. яз.
гьардала	— просит	гьярула
бачадала	— отпускает	бичала
кIалъадала	— говорит	кIалъала
годада	— следует	кола
шодада	— достигает	шола
пудала	— дует	пула
ахIдала	— зовёт	ахIула
чIвадала	— убивает	чIвала
къадала	— жмёт	къала
чIирхдала	— порет	чIвалхула
букъдала	— шьет	букъула
лъутала	— бежит	лъутула
лъутала	— кроит	лъутIула
битала	— отправляет	битIула
кьитала	— спит	кьижула и др.

Последние четыре глагола также имеют форматив -дала: долгий -т-, который мы видим в них, есть результат прогрессивной ассимиляции корневым -т-, или -тI- компонента формата -д-. Ударение сохраняется на первом слоге как и в литературном языке.

Следует отметить особенность одной группы глаголов, в которой при образовании настоящего времени посредством присоединения указанного выше форматива происходит флексия корня. Так, глаголы, имеющие в долженствовательном наклонении формативы -еде, -енде: квенде—«есть», белъенде—

«итти», **рекленде** — «сесть (верхом)», **энде** — «итти» шведе — «достичь», **геде** — «случиться» и т. д. в положительной форме настоящего времени меняют корень, говоря конкретнее, вместо **-е-** в корне появляется **-о-**: **вольондала** — «ходит», **идёт», роклондала** — «садися (верхом)», **кондала** — «ест», **ондала** — (или **ундала**) — «отправляется», **годала** — «случается», **шодала** — «достигает».

Отрицательная форма настоящего времени обычно во всех говорах аварского языка образуется путем прибавления к положительной форме показателя отрицания **-ро**. Согратлинский говор в этом отношении является исключением: эту форму глагола там образуют так же, как в других андалальских говорах посредством формативов **-анаро**, а также **-унаро**, **-инаро**; первый наиболее распространенный. Итак, в положительной форме настоящее время имеет особый форматив, а по отрицательной форме оно сближается с другими андалальскими говорами. Еще одной характерной особенностью этой формы является то, что ударение в ней падает всегда на предпоследний слог, в то время как в других говорах оно на этот слог падает в определенной группе глаголов. Примеры:

В говоре

ана'ро — не отправляется
кунана'ро — не ест
къана'ро — не жмет
ч'вана'ро — не убивает
лъана'ро — не знает
рак'лана'ро — не садится
 (верхом)

валъана'ро — не идёт
тункедана'ро — не толкается
хъвег'едана'ро — не машет
къеп'едана'ро — не дерется
ах'лудана'ро — не кричит
чурбадана'ро — не купается
букъана'ро — не пьет
гъарана'ро — не просит

В литер. яз.

уна'ро
квана'ларо
къала'ро
ч'вала'ро
лъала'ро
рек'лу'ларо

вилъу'наро
тенко'ларо
хъваг'ло'лар
къабо'ларо
ах'ло'ларо
чурду'ларо
букъу'ларо
гъару'ларо и др.

Выше приведены примеры с наиболее распространенным формативом **-анаро**; некоторые глаголы, которые в корне имеют гласные переднего ряда **-е-** или **-и-**, в отрицании присоединяют форматив **-инаро**:

кыт'ина'ро — не спит
бигъина'ро — нельзя
вишт'ина'ро — не слезает
бит'ина'ро — не отправляет

кыжу'ларо
бегу'ларо
решт'лу'ларо
бит'лу'ларо

Глаголы, имеющие в начале корня лабиализованный согласный или гласный заднего ряда **-у-**, отрицательную форму

настоящего времени образуют посредством прибавления к корню форматава **-унаро**:

гунаро — не держит (от гведе)	куларо
шунаро — не достигает (от шведе)	шуларо
пунаро — не дует (от пуде)	пуларо .

§ 30. Будущее время образуется путем прибавления к корню глагола форматава **-ла**; для отрицательной же формы употребляется форматив **-ларо**. Характерным в глаголе будущего времени является палатализация компонента **-л'-** и **-н'-** отрицательного форматава, если корень огласован через гласный переднего ряда **-и-**. Обычно в корне положительной формы имеется гласный **-е-**, который переходит в отрицательном глаголе в **-и-** вследствие перемещения ударения с первого на второй слог (подробнее об этом см. § 15).

ве'гла — придет	ви'гла'ро — не придет
бе'х'ла — увидит	би'х'ла'ро — не увидит
шве'ла — достигнет	шви'ла'ро — не достигнет
вел'е'на — пойдет	вил'ина'ро — не пойдет
к'е'ла — выпьет	к'ила'ро — не выпьет
кве'нла — съест	кви'на'ро — не съест
ве'шт'ла — слезет	вишт'ла'ро — не слезет
рекле'на — сядет (верхом)	рекли'на'ро — не слезет
ге'ла — случится	ги'ла'ро — не случится
гве'ла — поймает	гви'ла'ро — не поймает
гьерде'ла — будет просить	гьирдла'ро — не будет просить.

Другие группы глаголов образуют будущее время так же, но в них согласный компонент отрицательного форматава не палатализуется. Еще одной характерной чертой для отрицательной формы является то, что ударение всегда падает на предпоследний слог так же, как в отрицательной форме настоящего времени. На предпоследний слог оно падает и в литературном языке, но не всегда. Если в составе отрицательного глагола литературного языка больше трех слогов, то ударение падает на второй слог, а в согратлинском говоре и в этом случае оно падает на предпоследний. Примеры:

В говоре	В литер. яз.
вишт'ла'ро — не слезет	решт'и'наро
чубала'ро — не купается	чурде'ларо
хьиндила'ро — не будет ругаться	хьанде'ларо
тункила'ро — не будет толкаться	тунки'ларо и т. д.

§ 31. Условное наклонение. Для выражения ирреального условного наклонения вместо литературного форматава **-ани** употребляют **-л'зуни**: **бук'ларабл'зуни** — «если бы был» **вм.**

букларабани. Обычное условное наклонение по форме совпадает с литературным.

§ 32. Повелительное наклонение образуется так же, как в литературном языке, за исключением следующих глаголов: в литературном языке эта форма от глагола **гъабизе** — «делать» будет **гъабе**, т. е. формативом является **-е**, как и во многих других глаголах (**ахле** — «зови», **баче** — «веди» и т. д.), а в согратлинском говоре оно образуется при помощи форматива **-уй: гъубуй!**

Повелительное от **ине** — «отправиться» в литературном языке — **а!** — «иди!», а в Согратле оно образуется путем прибавления частицы **-ги: аги!**

Колебания в форме повелительного наклонения наблюдаются в глаголах на **-енде**: **энде** — «отправляться», **квенде** — «есть, кушать», **рекенде** — «сесть», **бельенде** — «итти», повелительное: **аги!** вм. **а!**, **квене!** вместо **кун!**, **ракла!** (ударение на втором слоге) вместо **ре'кла!** (ударение на первом слоге), **балза!** вместо **билза!** Вместо **бичай!** — «пусти!» употребляют **бече!**

От **бигде** — «прийти» повелительное не образуется, а пользуется формой литературного языка **бачле!** — «приди!», образующейся от глагола **бачлине** — «притти»; последний соответствует согратлинскому **бигде**. Однако в литературном языке в конце повелительного не **-е**, а **-а**.

§ 33. Закрепительная форма имеет форматив **-ги** вм. литературного **-ге**, который обычно присоединяется к положительной форме. Однако и здесь глаголы на **-енде** отличаются тем, что они помимо форматива **-нуги** вместо литературного **-унге** еще флектируют корень: **кунуги!** — «не ешь» вместо **кунге!**, **унуги!** — «не отправляйся!» вместо **унге!**, **вольонуги!** — «не ходи!» вместо **вилзунге!**, **роклонуги!** — «не садись» вместо **реклунге!**

В литературном языке в положительной и отрицательной формах корень сохраняется без изменения, а в Согратле в отрицательной форме корень, как говорилось выше, изменяет состав гласных. По-видимому, это есть результат регрессивной дистанционной ассимиляции.

§ 34. Вопросительное наклонение обычно имеет усеченный показатель **-и** вместо литературного **-иш**: **эмен вегъарави?** — «Отец приехал?» **Вац вегъарави?** — «Брат отрезвился?» **Баццин гуриби даб?** — «Не волк ли это?» **Вегъли, вигъла'ри?** — «Придет или не придет?» **Бехьдили мун?!** — «Вот видишь?!» **Эмен рукъов вугови?** — «Дома ли отец?» **Оц хъабал ахиде инари?** — «Не пойдешь ли погнать быка вон?» **Дуе гларац ишварави?** — «Ты деньги получил? Вопросительным словам приведенных фраз в литературном соответствуют: **вачлара-**

виш? Гуребиш? Вачлиниш, вачлиналиш? Бихулиш? Вугевиш? Инариш? Шварабиш?

В согратлинском говоре существует особая частица **-я**, присоединяемая к вопросительным словам для усиления выразительности; она соответствует русской частице «ведь» («ведь правда?!») или «разве». Приведем несколько строк из песни народного певца — согратлинца Маркул Магомы, записанной в Согратле:

Габур бицат бугъие нуж чуччлия?!

«Смягчились ведь вы перед толстошеим быком?!»

Большевикал ивезе руклин рагчлия?!

«Разве не слышали, что должны притти большевики?!»

§ 35. Глагол, выражающий намерение, образуется путем прибавления к форме долженствовательного наклонения показателя **-хана(б)** вместо литературного **-хъин** или **-хъине(б)** (причастная форма). Как видим, согратлинская форма является звуковым вариантом литературной.

§ 36. Причастие прошедшего времени имеет те же формативы, что и в литературном языке. Отличается отрицательная форма, в которой выступает единый форматив **-чла(б)** вместо литературного **-чле(б)**: **губучлаб** — «несделанный», **хлалтлчлаб** — «не работавший» вместо **гъабичлеб**, **хлалтличлеб**.

§ 37. Причастие настоящего времени образуется путем присоединения к глаголу настоящего времени показателя классов и множественного числа: **къодалал жал** — «напитки, букв.: вещи, которых пьют», **цла бакдала(б) бакл** — «место, где разводят огонь», **годала(б) буклумугу** — «следовало» и др. вместо литературных **гъекъолел жал**, **цла бакулеб бакл**, **колеб буклун бугу**.

Иногда употребляется для образования причастия настоящего времени форматив **-дияб**: **бал'альдияб къоалъ** — «в день разлуки» вместо **батлалъулеб къоалъ**.

Отрицательная форма образуется путем прибавления к глагольной форме показателя **-аб** вместо конечного **-о**; в литературном языке вместо **-аб** для этой формы существует **-еб**: **бигинараб кини?** — «почему нельзя?» вместо **бегулареб кини?** **шуде баханараб?** — «почему не снимаешь?» вместо **шае бахулареб?**

Следует отметить, что ударение, падающее в глагольной форме настоящего времени, сохраняется там же и в причастной форме.

§ 38. Причастие будущего времени образуется путем прибавления классного показателя к концу глагола будущего времени.

Отрицательная форма имеет форматив **-ра(б)** вместо литературного **-ре(б)** так же, как в форме настоящего времени.

§ 39. Деепричастие прошедшего времени от большинства глаголов образуется путем прибавления к корню глагола форматива **-умо** вместо литературного **-ун**:

В говоре

класумо	— прыгнув
байбихьумо	— начав
бакларумо	— собрав
хладурльумо	— приготовившись
льутумо	— убежав
ц/ик/умо	— увеличившись

В литер. яз.

кланцлун
байбихьун
бакларун
хладурльун
льутун
ц/ик/ун и т. д.

Приведенная выше деепричастная форма образуется от глаголов, имеющих в долженствовательном наклонении литературного языка форматив **-изе**, который соответствует согратлинскому **-де**.

Деепричастие прошедшего времени от глаголов на **-енде**, **-еде**, **-оде**, образуется путем присоединения к корню форматива **-омо**; в трехсложных глаголах на **-еде** вместо **-омо** может иногда выступать и **-умо**.

В говоре

омо	— уйдя (от энде)
рокьомо и рукьумо	— согласившись (от рекьеде)
комо	— съев (от квенде)
гомo	— случившись (от геде)
шомo	— достигнув (от шведе)
ч/омo	— став (от чледе)
гьомo	— осыпавшись (от гьенде)
тлогьомo	— процветав (от тлогьоде)
рол'омo	— одев (от рел'эде)

В литер. яз.

ун
рекьон
кун
кун
шун
ч/ун
гьун
тлегьан
ретлун.

В деепричастии от двусложных глаголов на **-еде**, а также от глаголов на **-уде** формативом выступает **-умо**:

гумo	— поймав (от гведе)	кун
кьумo	— отдав (от кьеде)	кьун
льумo	— положив (от льеде)	льун
пумo	— продув (от пуде)	пун.

Форматив **-амo** выступает в глаголах на **-аде**: **хвамо** — «написав», **к'альямо** — «проговорив».

Отрицательная форма деепричастия прошедшего времени имеет идентичный с литературным языком форматив **-члого**, который присоединяется к корню глагола: **абчлого** — «не сказав», **кьечлого** «не отдав» и др.

Деепричастие настоящего времени образуется путем прибавления к глаголу настоящего времени частицы **-го**; для образования отрицательной формы прибавляется **-рого**: **гъубудалаго** — «делая», **бехьдалаго** — «видя».

В согратлинском говоре существуют формы деепричастия прошедшего и настоящего времен, встречающиеся в некоторых южных говорах. Оба они образуются путем присоединения к причастию соответствующего времени формата **-но**; примеры приводятся параллельно на деепричастие прошедшего и настоящего времен: **дун глорцларавно вегьла** — «я приду насытившись», **дун глорцдалано вегьана** — «я пришел, насыщаясь, т. е. в то время, когда насыщался, но не насытился». **Дун класаравно класана давги** — «Он прыгнул после того, как прыгнул я, буквально я прыгнувши прыгнул он», **дун класдалано дав балагъумо вуклана** — «он смотрел в то время, когда я прыгал, буквально: я прыгал, он смотрел». **Дун хвадалано мун шуб гъабудала вукларав?** — «что ты делал в то время, когда я писал?», **дилъа хваравно дулъа почалье рехе!** — «как только я напишу, ты отпусти в почту!» **шварано** — «в тот момент, когда достиг», **вельено** — «в тот момент, когда шел», **куналано** — «в тот момент, когда обедал», **вагъалано** — «в тот момент, когда уходил», **хлалталано** — «в тот момент, когда работал».

§ 40. Наречия в говоре имеют весьма незначительные морфологические отличия от наречий литературного языка. Отличия заключаются в том, что показателем направительного падежа наречий места выступает сугубый форматив **-ель**; первый из них **-е** является обычным показателем направительного падежа, **-ль** — показатель местного падежа 3 серии; примеры: **дубель** — «туда» вм. **добе**; **зибаса зебель** — «раньше»; **нахель баче чу** — «назад веди лошадь»; **зебель баче чу** — «вперед веди лошадь».

Характерна лексико-семантическая особенность согратлинских наречий **зебе** и **зиба**. Первое из них употребляется для передачи абстрактного — временного понятия «раньше»; это понятие выражают и описательно: **зебе заманаль** — буквально — «раньше временем». Конкретное местное значение **зебе** имеет в тех случаях, когда оно выступает в качестве дополнения при глаголах, выражающих движение: **рукъуб зебе баче чу** — «веди лошадь к дому». Второй вариант — **зиба** — употребляется исключительно для выражения конкретного понятия и выступает в качестве послелога: **устолалъа зиба** — «впереди стола», **рукъалъа зиба** — «впереди дома».

Форма **зиба** находится в местном падеже «покоя», это наречие типа **дуба (гъуба, лъуба)** — «там». Об этом говорит еще то, что исходный падеж образуется не от направительного

падежа, как в литературном (цебе — цебеса), а от падежа покоя (зиба — зибаса), т. е. так же, как от наречий дуба, гьуба, льуба—дубаса, гьубаса, льубаса.

Наречие **тлоцебе** — «перво-наперво» в Согратле имеет форму 'уцибе. В нем по звуковому закону согратлинского говора начальный ' (гамза) является соответствием смычно-гортанного **тл**. Оно образовано из двух наречий: **тлад** ('ад) — «наверху» и **цебе** (зебе) — «впереди», но в Согратле, опять же по закону этого говора, долгая свистящая аффриката **ц**, попав в середину слова, сохранилась.

Наречие **гьанже** — «теперь» является наиболее неустойчивым в своем звуковом составе; в записях встречаются формы **гьиндже'**, **гьинче'**, **гьинже'** и **гьандже**. Единственное характерное для андалальских говоров, что сохраняется на втором слоге, когда в литературном оно падает на первый слог.

Слово 'омор — «на крыше» следует отнести к наречиям. Его соответствием в северном наречии являются формы **тлохда**, **тлохтла**. Основанием для отнесения его к наречиям служит, во-первых, то, что оно кроме приведенной выше формы местного падежа покоя (оно выражает понятие и направительного падежа «на крышу»), имеет и другую форму — форму исходного падежа **оморса** — «с крыши»; во-вторых, вместо изменяющегося классного показателя, обычного для таких наречий, в его конце появляется так называемый окаменевший классный показатель.

Значительное число наречий отличается звуковым составом, а некоторые наречные передаются другими словами, характерными для андалальских говоров. Примеры наречий, имеющих отклонения в звуковом составе:

В говоре

жуну'б — внутри
зебе — впереди
ушун или **ушан** — самый
кагла'н — сколько
шуде — зачем
гьидба' — там (впереди)
гьигьба' — там (внизу)
гьилба' — там (вверху)
це'нги — потом
же'ги — еще
гьунд или **унд** — там (поблизости)
кьороб — в середине
йакья — сегодня

В литер. яз.

жа'ниб
цебе
бишун
киглан
шае
гья'даба
гья'гьяба
гья'ляба
цинги'
жиги'
гьениб
гьоркьоб
жакья.

Понятие **хехго** — «быстро» передается словом **долгого**, понятие **асклоб** — «рядом» — **удах**; вместо **гьоркь** — «внизу» употребляют **ахакь**.

§ 41. Частицы и послелогии характеризуются следующими особенностями.

а) Суффиксом косвенного вопроса в говоре бытует **-ни** вместо литературного **-али**: **бице лъид бицарабни!** — «говори, кто сказал!» вместо **бице, лъица бицарабали**; **шу бугабни лъаларо** — «что есть, не знаю» вместо **шиб бугебали лъаларо**.

К **-ни** может прибавляться усилительная частица **-цин** как в говоре, так и в литературном языке: **шуб жоницин лъачло** — «не узнал даже, что такое» вместо **шиб жоялицин лъачло**.

б) Частица, выражающая сравнение **-гланаб** в Согратле звучит как **гландаб**: **гыркгландаб мугь** — «зерно с орех» вместо **цулакьогланаб**.

в) Союз **-гун** в говоре имеет форму **-гимо**; в некоторых южных говорах он звучит **-гин**. В конце его **-мо** выступает там, где и деепричастия прошедшего времени имеют в конце **-мо**, **-н** бытует в тех говорах, в которых и деепричастия прошедшего времени имеют в конце **-н**: **далъулгимо дир иш гьечло** — «с нею у меня нет дела» вместо **долъулгун дир иш гьечло**.

г) Вместо аффикса **-дал**, выражающего одну из форм деепричастия прошедшего времени, в Согратле выступает **-нигини**: **бехьинигини** вместо **бихьидал** или **бихьигун** — «когда увидел».

д) Цитатная частица **-ин**, **-йин** и др. в Согратле выражена одной формой **-мо**, возникшей вследствие трансформации деепричастия прошедшего времени **амо** (от глагола **абде** — «сказать»); компонент **а-**, попадая в смежное положение с конечным гласным слова, редуцируется или вовсе выпадает.

е) Частица **-ани**, употребляющаяся в протезисе ирреально-го условного предложения, в Согратле имеет соответствие **-лъуни**: **гарац буклараблъуни дун дилъа чу босилаан** — «если бы были деньги, я бы купил лошадь» вм. **гарац букларабани дица чу босилаан**.

ж) В согратлинском говоре существует частица, которая выражает предупреждение об опасности или оберегает. Частица эта **-лой**; в некоторых южных говорах она существует в виде **-ло**, в Гоноде **-ларо**. Она присоединяется к основе будущего времени глагола; примеры: **васав, гюдов гел'ой** (л' — палатализован), **чла!** — «Мальчик, упадешь, берегись!». **Глеч кунуги, чехь унтил'ой!** — «Не ешь яблока, а то живот заболит!». **Нахеглан ц/ай, гюдов рехул'ой!** — «Отойди назад, а то упадешь (вниз)!». **Шапил'ой** — «упадешь», **бекил'ой** — «поломается», **тункил'ой** — «стукнешься», **кьвагьил'ой** — «выстрелит», **бихил'ой** — «разрушится», **чвал'ой** — «убьёт», **чинтл'ой** — «раздавят».

Примеры переведены русскими глаголами в будущем времени, но дело в том, что аварская форма содержит понятие не только будущего времени, но и предупреждения об угрожающей опасности. Этот оттенок удастся передать на русском языке только описательно.

Лексика

§ 42. Сократлинская лексика в отличие от литературной характеризуется в основном особенностями, которые можно разделить на следующие четыре группы.

а) Основной группой слов, отличных от слов литературного языка, является та, которая расходится в звуковом составе (подробно о звуковых отличиях в составе слов см. в главе о фонетике). Приведем несколько параллельных примеров из сократлинского говора и литературного языка.

В говоре

'амух или 'умух — шуба
 'агъур или 'угъур — шапка
 генкъ — петля дверная
 гиргъу или хиргъу — ястреб
 къолонилъарагI — $\frac{1}{3}$ мерки
 рехеб — вьюнок
 хурмав — хурма
 болон — молотильная доска
 белъенде — итти
 бал'а — отдельно
 гIверкъ — ручка
 гъвал — коса (женская)
 гIинухат — ладонь
 къуна — запор деревянный
 къвани — плоский камень
 канцIи — свет
 чIирхде — распороть
 ца — ригъин — свадьба
 чурбаде — купаться
 гIецIеп — камень

В литер. яз. //

тIимугъ
 тIагъур
 некъ
 хъиргъу
 къолонилъа
 рехъен
 хурма
 долен
 билъине
 батIа
 гIоркъ
 гъал
 огъохъат
 къоно
 къоно
 канлъи
 чIвалхине
 ригъин — ца
 чурдезе
 гъецIю и т. д.

б) Встречается ряд случаев, когда одни и те же понятия в говоре и в литературном языке выражены разными словами:

В говоре

гIункъ — носок, чулок
 хизим — мешок (в Чохе — хесен)
 ниъо — веник
 хIисоло (лак) — ножницы
 хъил — овечий навоз
 гермес — лыча

В литер. яз.

гIинди или швата
 хъап
 цIилипI
 къуцIмах
 гъий
 гIисинпихъ

х1а1гаролъ — кукуруза
беркал — пирог сырной
ч1вараб жо — слив. масло
шумеш — нос
гуршеде — устать
хьи бахде — отдохнуть
когъел — перчатка
швам — озеро, пруд (В Шит-
либ — х1ир)

кунта — рубаха
'ом — шкура, крыша
партисо (лак) — ковер
муцакъахбал — весы
х1алагъоло — фасоль
рухтел — стерня
расад — тень
генчел — ветка
эпел — крышка
нол'о — шиповник
г1исакъукъуна — гриб
рель — кнут
боркъон — ручка сохи
кулум (рус. — колун) — кирка
бухаро — дымоходная труба
къенчо — ящерица
бехцо — козлёнок
бох1де — кончиться
бегъенде — уйти, отправиться
бегъде — притти
айгъурлъизе — беситься
шинк1де — скрыться
жухде — дернуть
купар — кизяк, приготовленный
на земле и разрезанный
на квадр. куски.

чат1и — кизяк, приготовленный
путем лепки на стену;
форма — круглая.

гудеде — говорить
к1ич1 — халва без сладости
ц1ильде — пьянеть
гъумаде — плесневеть

в) Слова, которым нет в литературном языке соответствий
т1унк1де — клевать
хьи — одноэтажная полочка
ригъил гъабуде — экономить

ц1оросаролъ
ц1урачед
к1ама или шарил нах
мег1ер
сваказе
свак чучизе
квердахел
х1ор

горде
т1ох
халича
ц1адераби
баг1аргъоло
квох
раг1ад
г1анкъел
т1алъел
г1инт1и
шайт1абазул т1агъур
ц1ал
дакан
бег1ераб газа
к1уйдул т1ала
чут1
бурут1
лъуг1изе
ине
бач1ине
цулгизе
т1ерхъине
турк1изе
т1инци

рак

гаргадизе
махъухъ
мехтизе
калазе.

ригьил — экономия (от бигьде — «притти»)
 кIала — полка
 кIичI — халва
 лъириц — клык животного
 гIисавехь — клык человека
 дигIивгIив — название одной из птиц
 шенкIет — название одной из птиц
 кIалукI — выемка для воротника
 чархлакIул — один из местных видов замка
 рухьналъокI — один из местных видов замка
 гIелечI — зародыш пчелы
 гьесел — сота
 кIутI — маленький сноп
 мала — лопаточка штукатурки
 гъурт — мифическое существо (хъарт — баба-яга?)
 гьор — паз в тополе (для топорщика).

г) Слова, звучащие одинаково, но с разными или близкими значениями:

В говоре

Знач. в литер. яз.

базде — стирать	побить
хитI — река и половодье	обрыв
чвахи — водопад	течение
цIилицI или тIимитI — маленький веничек	веник
къвал — рукав шубы	рукав (всякий)
квелъ — кисть (винограда)	повод (уздечки)
гIор — река и речка	река
бугъун — ложка и дер. лопата	дер. лопата
бел'эде — умереть	потеряться (близе)
гъанкIде — подняться	копать
чапде — разбрызнуть	упасть
хасел — хлеб (зерновой)	зима
сино — клей; край ногтя, покры- тый кожей; десна;	клей
бохде — подняться; взлететь	подняться (бахъине) и т. д.

§ 43. Топонимика. В Согратле записаны следующие названия мест: **Ицухиринуб** (раньше, как свидетельствуют старики, это место называлось — **Ицумил хиринуб**, т. е. хиринуб, принадлежащий **Ицуми** (собств. имя); **МалъахIариб** (ранее называлось **болъонил хIир**, т. е. свиной пруд); **ГIобонуб** (гIубучI — название травы); **МахIилъадах**; **Болъикъ**; **Чину хита** (<Чину хитIа; хитI — «обрыв»; раньше будто бы назывался **чанихитI**; **чан** — «тур» — «турий обрыв»).

§ 44. В Согратле встречаются неарабские (муж.) собственные имена следующего характера: **Хазам, Низар, Назар, Хача, КъабахI, къукIарав, Къебсд, ГIорто, Талан, Итарав, Ханчу, Чура, ЧутIаIав, Маркъу, ГIабаш, ГIабашилав, Гъуш, Хачалав, Хурш, Хуршилав, Гермес, ГIали-Гъули, Гъули-ГIали, Чупалав, МухIуч, МахIач, Бахъулав, ГIортоби, ЧегIерав, Чухилав, Загъралав, Алигалав, Галав, ГъарагIав, Ицум, Хвелав, Махулав, Дангули, Дугърич.**

Вывод: согратлинский говор является одним из характерных говоров андалальского диалекта южного наречия аварского языка.

ДОКУМЕНТЫ*

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

* Публикуемые документы подготовил к печати младш. научный сотрудник Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, кандидат исторических наук Кичев М. И.

№ 1

ПРОКЛАМАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ К ТРУДЯЩИМСЯ ГОРЦАМ С ПРИЗЫВОМ К БОРЬБЕ ПРОТИВ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ ДЕНИКИНА

9 апреля 1919 г. *

Горцы!

Смертельная опасность грозит завоеваниям революции, нашим очагам, нашим аулам. Контрреволюция вновь поднимает свою змеиную голову. Вновь пределы нашего края подвергаются вторжению и нашествию контрреволюционных банд. Уже дважды было раздавлено черное восстание Бичерахова и его сподвижников и не успело еще трудовое население республики вернуться к мирной творческой работе, как вновь надвигается гроза.

Советские красные войска решили, наконец, проложить дорогу на Кавказ, теснят контрреволюционные банды, осевшие на Дону и Кубани. Деникин и Краснов, под страхом быть схваченными железным кольцом геройских рабоче-крестьянских армий, отступают под натиском превосходящих сил Советской России и ищут выхода в пределах нашей республики. Они знают, что им не устоять, они знают, что их хозяйничанье уже вызывает народное негодование на Дону и Кубани. Там уже готовы подняться трудовые массы против насильников — генералов и их разбойничьих банд. В своей безрассудной дерзости вожди контрреволюции хотят внести убийства и разрушения в наш край.

Горцы, республика в опасности. Враг стоит у ворот. Он уже вторгся с севера в пределы Терской советской республики. Вместе с наступающими контрреволюционными бандами идут убийства и разрушения, кабала и рабство, насилие и издевательство, голод и смерть. Сплошной кровавый ужас — вот что, горцы, несут нам банды Деникина и Краснова. Они хотят

* Дата опубликования.

поставить на место свободы трудящихся и самоопределения народов прежний гнёт, прежний застенки, прежних жандармов и прежнюю полицию. Они хотят восстановить господство помещиков и богачей. Они несут нам яд национальной розни и человеконенавистничество. Они воскресят былой гнёт и припущенное положение, в которое горцы были поставлены при самодержавии. Они предадут нас и наши земли иностранным английским и американским и другим вампирам капиталистам, чтобы те высасывали соки из тела и души трудового населения нашего края.

Деникины и красновы через голову советской Терской республики протягивают окровавленные руки английским генералам томсонам, к той мировой контрреволюции, которая вьёт себе теплое золотое гнездо в несчастном Закавказье.

Горцы, настал момент, когда от каждого горца требуется участие в активной защите пределов республики, в активной защите завоеваний революции.

Все, кому дорога свобода, кому дорого самоопределение народов, кто стоит за Советскую власть, за право трудящихся — все к оружию.

К оружию, горцы, революция в опасности!

Газета «Азербайджан», 9 апреля 1919 г. № 73.

№ 2

ПИСЬМО УЛУВИА БУЙНАКСКОГО Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ О ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ГОРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1 мая 1919 г.

Товарищи из Терского Народного Совета — Бутырин, Буле, Орджоникидзе и другие! Кто из вас остался жив? Я в Петровске, Киров в Астрахани. От нашего общего имени и по поручению Реввоенсовета XI армии сообщаем вам: Петровск и Шура — накануне Советской власти. Нам совершенно необходимо знать точное положение вещей в нашем крае. Где фронт казаков? Правда ли, что Владикавказ занят ингушами? Во всяком случае держитесь, сколько возможно. Мы послали к вам в апреле месяце гонцов, дошли ли они до вас? С подателем пошлите точные сведения. До нас доходят слухи о взятии Владикавказа советскими частями и многие другие. Если это так, то мы несказанно рады, если слухи остаются только слухами, сообщаем вам, что как только мы выступим и займем

Шуру и Петровск, то тотчас же двинем наши силы к вам на помощь. Силы у нас солидные. Помощь наша в самое ближайшее время будет реальной.

Председатель Дагестанского Областного
Комитета РКП(б) У. Буйнакский

Копия машинописная. ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 3, л. 22.

№ 3

СТАТЬЯ тов. МИКОЯНА А. И. О ХАРАКТЕРЕ И ДВИЖУЩИХ СИЛАХ ВОССТАНИЯ ГОРЦЕВ НА КАВКАЗЕ

14 ноября 1919 г. *

Характер и движущие силы восстания горцев на Кавказе

Горские трудящиеся массы, как более отсталые, были далеки от политической жизни при царском режиме, и Февральская революция ничего не изменила в их жизни, совершенно не коснулась их и не могла втянуть их в атмосферу политической борьбы.

Первое время, в дни корниловского наступления, они («дикие дивизии» горцев) даже сыграли определенно контрреволюционную роль, явившись слепым орудием в руках реставраторов монархии.

Однако, с развитием Октябрьской революции и с укреплением Советской власти на Северном Кавказе широкие трудящиеся массы горцев-ингушей, чеченцев, осетин, дагестанцев и др. не только были втянуты в революционную борьбу, но получив возможность не на словах, а на деле узнать Советскую власть, проверить ее и сравнить со всеми предшествовавшими властями, политически прозрели, сознали свои интересы и определенно примкнули к Советской власти и грудью стали на защиту ее от нападения белогвардейских банд.

Угнетенные трудящиеся массы горцев при Советской власти впервые только почувствовали себя свободными гражданами России наравне с русскими и другими народами. Впервые они получили возможность избавиться от невыносимого гнёта казачьего произвола и при помощи Советской власти вернуть себе земли, отнятые царизмом у них и переданные казакам.

Вначале настолько недостаточно сознавали характер движущейся генеральской контрреволюции, что вопрос о существовании Советской власти еще не являлся для них вопросом существования, еще не был вопросом жизни и смерти. Однако, хотя последовавшее за тем падение Советской власти

* Дата опубликования.

являлось несчастьем для горцев, хотя они понимали, что при Деникине им будет несравненно хуже, однако, положение им казалось не настолько плохим, чтобы нельзя было терпеть до поры до времени пока вернется Красная Армия и восстановится Советская власть. Поэтому на борьбу с «добровольческими» бандами сначала они не отдали всего того, что могли, не напрягли всех своих сил для защиты Советской власти и этим самым облегчили падение ее на Северном Кавказе.

Как всегда, усиление коммунистического настроения в полупролетарских и крестьянских массах было вызвано поучительными «предметными» уроками наших противников.

Если Советская власть втянула горские трудящиеся массы в революционную борьбу, то неслыханные зверства и насилия генеральских опричников и казачьих «молодцов», разорительные контрибуции и невыносимые тяжкие поборы бросили их в бездну гражданской войны.

Деникин же в первые же дни достаточно ярко показал свою дьявольскую физиономию без всяких замаскировок. Его достойный соратник, кровавый усмиритель и палач революции в Персии, бравый генерал Ляхов сжигал и уничтожал дотла сколько мог аулы, не щадя расстреливал всех попавших мужчин, женщин, детей и стариков, в этом вопросе последовательно придерживаясь принципа безусловного равенства для всех. Так, в январе и феврале были стерты с лица земли десятки ингушских и чеченских аулов. В апреле и потом в июле в Дагестане и в Ингушетии то же самое было повторено для большего эффекта. Внушив страх и «уважение» к власти этим путем, деникинцы назначили маленьких царьков для каждого горского народа «правителей» Дагестана, Чечни, Ингушетии и Осетии, составили из офицеров и всяких контрреволюционеров горцев карательные отряды, наложили на горцев невыносимо тяжелую контрибуцию, уплата которой повлекла бы за собой полное разорение и без того небогатого горского населения, а беднота не могла дать и половины требуемого.

Для примера укажу размер контрибуции, наложенной на ингушей в июле. Контрибуция заключалась в том, что каждый двор должен был дать винтовку с 200 патронами, револьвер «наган» с 50 патронами, 25 пудов кукурузы и 2000 рублей николаевских денег; каждые два двора к тому же должны были дать лошадь с седлом, одну крупную рогатую скотину и четыре барана, причем почти все боеспособное население мобилизовать для борьбы против Советской власти.

Чувствуя своё устойчивое положение на советском фронте, Деникин своё требование об уплате контрибуции и выдаче горских полков подкрепил угрозой, что в случае неисполнения в назначенный срок всё будет взыскано в двойном размере.

После всего этого вопрос о той или другой власти в России стал вопросом жизни и смерти горской бедноты. Усвоив основательно «предметный» урок, данный им помещичье-буржуазной контрреволюцией, набрав силы и выполнив необходимую подготовительную работу (и при этом не имея политических партий, газет и интеллигентных сил) трудящиеся массы горцев, спаянные единодушием и твердой решимостью биться с наглым врагом, на своих съездах постановили ничего не давать Деникину и начать с ним борьбу не на жизнь, а на смерть. Свободолюбивые орлы кавказских гор поднялись на священную борьбу за свою свободу против генеральской черной реакции. Больше трёх месяцев как широкие массы всех горских народов охвачены пожаром всеобщего восстания.

Для нашей партии и Советской власти очень важно и необходимо выяснить характер движения горцев, ибо только после этого можно установить и выявить правильное отношение к движению горцев и их настоящему восстанию.

Во всем движении горцев и особенно в их последнем восстании ярко проглядывают элементы социальной дифференциации бедноты от имущих классов. Восстание сплошь и рядом дает множество ярких признаков, ясно оттеняющих не национальный, а социальный характер восстания, как один из величайших порывов борьбы горской бедноты с Деникиным и его агентами и наемными опричниками из горской среды. Если при продвижении деникинских банд на Кавказ горская беднота со скрежетом зубным оказывала явное или скрытое противодействие, то имущие слои горцев, бывшие чиновники, офицеры и кулаки не только всемерно помогали деникинцам укрепиться в горах, но и просили, умоляли их поставить свои гарнизоны в крупных аулах для защиты их имущества; поступали на службу к палачу «своего» народа, занимая посты «правителей» («заместников» Деникина), начальников округов, старшин, составляли отряды для расправы с беднотой. Все свое черное дело угнетения и обирания народа Деникин проводил через руки горских контрреволюционеров, действуя за их спиной. Безграничная ненависть бедноты к своим поработителям, таким образом, распространилась не только на русских деникинцев, но и на «своих» горцев контрреволюционеров.

Как только дагестанцы решили не давать мобилизованных полков Деникину, а направить их против него, они сказали:

«Прежде чем начать войну с внешним врагом, необходимо заранее очистить свой дом от изменников и предателей». Действительно, из агентов Деникина, старшин, начальников, офицеров и проч. уцелели только те немногие, которым заблаговременно удалось скрыться от народного гнева.

А в Ингушетии поступили более решительно и жестоко, расправившись с продавшимися Деникину горцами. Они смели с лица земли, не оставив следа, те четыре села, где жили четыре фамилии: гудиевы, мальсаговы, куриевы и ужаховы, которые вопреки постановлениям народных съездов всех ингушей и независимо от них образовали полки и дали их Деникину на борьбу с Советской властью.

В горах среди горцев еще остались русские красноармейцы. Немало пошло и добровольцев на помощь восставшему народу. Горцы — мусульмане не только давали приют, но с распростертыми объятьями принимали русских большевиков, относясь к ним с особой любовью и признательностью, идя с ними рука об руку в бой с русскими генералами и офицерами. Незнакомым с горским бытом это покажется неважной деталью, но кто знал ненависть горцев к русским со времени покорения их царскими войсками, тот поймет, какой грандиозный переворот произошел в жизни и психологии горских народов.

Положение, в котором очутились горцы, дало им возможность правильно понять характер своего движения и искать сопутствующих союзников. Они обратились не к азербайджанскому, мусульманскому, не к буржуазно-помещичьему правительству, а к комитету большевиков, прося помощи и желая знать, скоро ли вернутся большевики и Красная Армия.

Восставшие трудящиеся массы горцев, решив победить или умереть, повернулись спиной к буржуазно-лакейским правительствам своих единоверцев и социал-предателей.

Красные партизаны Кавказских гор протянули свою братскую руку Красной Рабоче-Крестьянской Армии и они не отступят, пока не разобьют контрреволюционную стену, воздвигнутую черносотенными бандами между горскими народами и социалистической Россией.

А. Микоян

Газета «Правда» 14 ноября 1919 г. № 255.

№ 4

ОБРАЩЕНИЕ Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ И С. М. КИРОВА К НАРОДАМ ДАГЕСТАНА С ПРИВЕТСТВИЕМ ПО СЛУЧАЮ ПОБЕДЫ НАД ДЕНИКИНЫМ

Не ранее 1 апреля 1920 года. *

От имени победоносной Красной Армии мы приветствуем вас, гордые сыны славного Дагестана. Тяжелые цепи, которыми вас сковали враги трудового народа, разбиты навсегда

* Датируется по содержанию документа.

и Советская Россия никогда не забудет той героической борьбы, которую вы в течение долгих месяцев вынесли на своих изможденных плечах.

Советская Россия всегда помнила, что в ее тяжелой борьбе с угнетателями трудящихся масс она имеет верных и твердых союзников гордого Дагестана и всего Северного Кавказа. И вот теперь мы сжимаем друг другу руку и празднуем нашу общую победу. Наши враги уничтожены, остатки их еще прячутся кое-где в глубоких ущельях и далеких аулах, но и там мы совместно с вами скоро найдем их. Теперь, чтобы закрепить нашу торжественную победу, нам нужно создать твердую революционную власть, как на Северном Кавказе, так и в Дагестане. Лучшие люди из нашей среды, честные борцы за дело трудового народа должны стать во главе этой власти.

Задача Советской власти, прежде всего, помочь населению Дагестана, пострадавшему от деникинцев, восстановить свои родные жилища. Враги Советской власти не перестают распространять о ней гнусную ложь, будто бы Советская власть уничтожает религию (шариат и т. д.). Помните, дагестанцы, что Советская власть и её Красная Армия идут только за тем, чтобы освободить угнетенные народности от порабощения кем бы то ни было.

Советская власть предоставит вашим народам полную возможность самоопределяться.

Поздравляем вас, гордые сыны Дагестана, с очищением вашего края от деникинцев. Мы заявляем, что все ваше оружие должно остаться при вас, дабы мы могли окончательно сокрушить всех наших * врагов, врагов трудового народа.

Свободна отныне Советская Россия от всех врагов. Уничтожены враги Советской власти на Северном Кавказе и в Дагестане.

Да здравствует победоносная Красная Армия!

Да здравствует свободный Дагестан и его самоотверженные борцы за дело революции.

* В тексте «ваших».

Да здравствует Советская Россия, освобождающая угнетенные народы!

Член Революционного Военного Совета Фронта
и председатель Северо-Кавказского ревкома

Г. К. Орджоникидзе

Член Революционного Военного Совета
XI Армии и член Северо-Кавказского ревкома

С. М. Киров

Газета «Правда» № 172 от 24 июня 1935 года.

№ 5

ТЕЛЕГРАММА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ В. И. ЛЕНИНУ О ПОВЕДЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

2 апреля 1920 года

Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополя, Черноморья, Терской и Дагестанской областей стало совершившимся фактом. Осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы, балкарцы проникнуты полным сознанием могущественности Советской власти и безграничным доверием к ней. Революционное настроение масс во многих местах достигает такого напряжения, что ещё задолго до прихода к ним Красной Армии население по собственной инициативе сбрасывает власть белых, избирает ревкомы, всегда состоящие исключительно из одних коммунистов. Владикавказ, Грозный, Дербент изгнали белогвардейцев, создав свои повстанческие ревкомы ранее прихода Красной Армии. Старые работники выходят из подполья и руководят повстанческим движением. Население жаждет прибытия представителей центральной Советской власти, требуя распоряжений и инструкций от центра и только центра. Командующему повстанческими войсками Гикало вручен орден Красного Знамени. Повстанческий отряд, великолепно дисциплинированная войсковая часть, влился в регулярную армию, представлен к ордену Красного Знамени. В Черноморье все время действовал организованный повстанческий

отряд во главе с революционным советом из старых наших партийных товарищей. С отрядом поступлено на общих основаниях.

Председатель Северо-Кавказского Ревкома

Г. К. Орджоникидзе

Газета «Правда» № 74 от 4 апреля 1920 г.

№ 6

ТЕЛЕГРАММА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ, ЗАПРАШИВАЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОМИТЕТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА О НУЖДАХ ГОРЦЕВ И МЕРАХ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ИХ УДОВОЛЕТВОРЕНИЯ

7 сентября 1920 г.

Согласно предложению Наркомнаца, товарища Сталина прошу в срочном порядке ответить на следующие вопросы: первый, — экономическое и политическое положение горцев, второй, — какие меры необходимы для улучшения жизни горцев.

Ответ направить мне для передачи товарищу Сталину, за подписью фамилий товарищей, принявших участие в обсуждении и разрешении поставленных вопросов.

Орджоникидзе

Газета «Дагестанская правда» № 250 от 28 октября 1936 г.

№ 7

**РЕЗОЛЮЦИЯ СЪЕЗДА БЕДНОТЫ ДАГЕСТАНА
В ЛЕВАШАХ ****

9 октября 1920 года ***

«Горская беднота Красного Дагестана собралась в числе 1000 делегатов на Чрезвычайном Съезде на высотах Красного Дагестана в с. Леваша, в связи с вторжением в Дагестан и в с. Леваша из Грузии контрреволюционных шаек лже-имама Гоцинского, Алиханова и др. бандитов.

* Настоящая телеграмма была отправлена из города Ростова н/Д во Владикавказ, Грозный, Нальчик, Темир-Хан-Шуру, а копия — И. В. Сталину.

** Съезд бедноты Дагестана состоялся 9 октября 1920 г. в сел. Леваша.

*** Датируется по содержанию документа.

Заслушав доклад члена Реввоенсовета Кавказского фронта т. Орджоникидзе, горская беднота во всеуслышание заявляет: В результате трехлетней гражданской войны против представителей панисламизма, как лже-имам Гоцинский, против агентов пантюркизма, представителей мифического «горского правительства» в лице Коцева, Джабагиева и др., — против наймитов мирового империализма полковника Алиханова и генерала Халилова и атаманов добровольческих шаек, дагестанская беднота освободила, наконец, совместно с Красной Армией, пострадавший край от ига черных и белых контрреволюционеров и восстановила Советскую власть в Красном Дагестане. Но упомянутые бандиты и злейшие враги народа — гоцинские, алихановы, халиловы и др., спасаясь от грозной карающей руки дагестанской бедноты, нашли гостеприимство у правительства Грузии, где эти палачи и кровопийцы на средства Врангеля и под крылышком грузинского правительства, при прямом участии и поддержке со стороны последнего деньгами, снаряжением и людьми, организовали самозванное горское правительство, которое взяло на себя руководство разбойничьими бандами, вторглись в пределы Дагестана в Анцухо-Капучинский и Дидоевский участки. Дагестанская беднота раздавит пресмыкающуюся гадину, снова пытающуюся захватить нашу территорию, как она уже не раз громила белые и черные банды в течение трех лет.

Доводя до Вашего сведения об этом просим Вас * поставить на вид грузинскому правительству недопустимость дальнейшего пребывания в Грузии руководителей и организаторов контрреволюционных шаек в лице так называемого горского правительства и других наймитов Деникина и Врангеля и потребовать от грузинского правительства немедленно же положить конец дальнейшим преступным авантюрам против Красного Дагестана и вторжения в Красный Дагестан разбойничьих банд, организующихся на территории Грузии...».

Рукописный фонд ИИЯЛ, д. № 2053, л. 220—221.

№ 8

РЕЧЬ Г. К ОРДЖОНИКИДЗЕ НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ СЪЕЗДЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

13 ноября 1920 года

Сегодняшний день войдет в историю Дагестана как один из великих дней. Прошлой осенью, когда Деникин подходил

* Имеется в виду Народный Комиссар по делам национальностей И. В. Сталин.

к Москве, мы знали, что в далеких горах Дагестана есть наши друзья, сражающиеся против Деникина, и потому тогда русские рабочие и крестьяне ни на секунду не сомневались, что в горах Дагестана они встретят своих братьев. Ни русская Красная Армия, ни партизаны не забудут той встречи, которую мы оказали, когда они вошли в Темир-Хан-Шуру. Эта братская встреча останется навсегда в сердцах дагестанцев и в сердцах русских рабочих и крестьян.

Когда в Москве были получены известия, что в Дагестане восстания, что появились Гоцинский, Алиханов, которым оказывают помощь грузинские меньшевики, мы знали, что Красный Дагестан, ведущий долгую революционную борьбу, оправдывает себя. Мы сказали: настал момент испытания Дагестана. Гоцинский не будет желанным гостем для народов Дагестана.

Наши ожидания оправдались. Красные партизаны Дагестана вместе с нашими товарищами красноармейцами выгонят Гоцинского не сегодня-завтра туда, откуда он пришел.

Совет Народных Комиссаров, облеченный доверием миллионов рабочих и крестьян, прислал нас сюда, чтобы узнать, верно ли здесь проводят предписания Советской власти, которые направлены на помощь всем трудящимся и в том числе на благо горских народов.

Я хотел бы приветствовать и поздравить с началом новой эры Дагестан.

Сегодня товарищ Сталин объявил автономию Дагестана, этим доказывается братская дружба и доверие русского народа.

Отныне от вас зависит устроить свою жизнь. Советская Дагестанская республика дает вам полную возможность успешного развития. Теперь вы держите в своих руках судьбу народов Дагестана.

Объявление Дагестана автономной республикой не отделяет его от России, не отдает его англичанам и другим врагам трудящихся, наоборот, оно скрепляет связь с Советской Федерацией, с братскими русским и азербайджанским народами.

Это не будет предательская горская республика, предавшая, как это было при Коцеве и Чермоеве, дагестанские народы англичанам или, как это было при генерале Халилове, — деникинцам.

Да здравствует Советская Россия!

Да здравствует Дагестанская социалистическая республика!

Г. К. Орджоникидзе — Избранные статьи и речи.

Т. I. 1910—1936 г. Госиздат Москва, 1956 г., стр. 134—135.

Опубликовано и в газете «Советский Дагестан» № 76 от 17 ноября 1920 г.

№ 9

РЕЗОЛЮЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СЪЕЗДА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПО ПОВОДУ ОБЪЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИИ ДАГЕСТАНА

13 ноября 1920 г. *

Происходящий в Темир-Хан-Шуре съезд народов Красного Дагестана 13 ноября, выслушав декларацию Наркомнаца товарища Сталина об автономии Советской Дагестанской республики, выражает свой глубокий восторг и полное удовлетворение этому высокому доверию, выраженному рабоче-крестьянской Россией дагестанскому народу этим великим историческим актом.

Съезд заявляет, что потоками пролитой крови в борьбе с врагами свободы революции союз с трудовыми народами Советской России вырастает в вечные мощные неразрывные узы братства и взаимной солидарности на весь долгий путь борьбы и победоносного творчества новой жизни.

Да здравствует штаб мировой революции III-й Коммунистический Интернационал!

Да здравствует великий Союз Советских республик России!

Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2053, л. 237.

Машинописная копия *.

№ 10

ТЕЛЕГРАММА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ДАГЕСТАНСКОГО РЕВКОМА С И. ГАБИЕВУ И ВОЕННОМУ КОМИССАРУ 32 ДИВИЗИИ ПОЛЕШКО ПО ПОВОДУ ПЕРЕБРОСКИ ХЛЕБА В ГОРЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЕЙ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН ХЛЕБОМ

25 января 1921 г.

Немедленно сообщить, что сделано по переброске хлеба в горы и по обеспечению семей красных партизан.

Орджоникидзе

Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1449, л. 25.

Машинописная копия.

* Датируется по содержанию документа.

ПРИКАЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА ТЕРСКО-ДАГЕСТАНСКОЙ ГРУППЫ ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ БЛАГОДАРНОСТИ ВСЕМ ЧАСТЯМ ТЕРСКО-ДАГЕСТАНСКОЙ ГРУППЫ В СВЯЗИ С РАЗГРОМОМ АНТИСОВЕТСКОГО МЯТЕЖА ГОЦИНСКОГО И О ПОВЕДЕНИИ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ В ДАГЕСТАНЕ И ЧЕЧНЕ

15 марта 1921 года.

«Приказ по войскам Терско-Дагестанской группы 15 марта 1921 г. г. Петровск-Порт:

Геройскими усилиями доблестных частей Терско-Дагестанской группы контрреволюционное восстание в Чечне и Дагестане раздавлено и ликвидировано *. Кровавые виновники восстания, идейные его руководители и организаторы, сброшенные дагестанской и чеченской беднотой, скрылись в глухих дебрях Салатавии и Дагестана, избегнув, таким образом, заслуженного наказания за бесчисленные преступления и несчастья, которые пришлось перенести обманутой ими бедноте Дагестана и Чечни. Ценой обильных жертв Красной Армии, ценой обильных потоков крови скромных незаметных героев красноармейцев, темные дагестанские и чеченские массы избавлены от кабалы белогвардейского офицерства и обмана лживых тунеядцев шейхов и мулл. Тяжкие лишения перенесли геройские части Красной Армии, участвовавшие в ликвидации Терско-Дагестанского восстания. Преодолевая все препятствия, шли к цели, ломая на пути ожесточенное сопротивление обманутых дагестанцев и чеченцев **. Доблестные части Красной Армии доказали всем контрреволюционерам Чечни и Дагестана безуспешность и бесполезность их затей, направленных к свержению Советской власти и уничтожению Красной Армии.

Революционный военный совет Терско-Дагестанской армии глубоко ценит героизм, проявленный всеми частями Терско-Дагестанской группы и от имени революции объявляет сердечную благодарность всему красноармейскому, комиссарскому и командному составу. Однако, для закрепления успеха Красной Армии Реввоенсовет приказывает строго учесть все исторические, бытовые и политические стороны жизни горцев, строго согласовав с ними поведение наших частей в занимаемых районах Дагестана и Чечни, дабы убедить горскую бедноту в мирных намерениях Красной Армии, армии, являющей-

* Имеется в виду антисоветский мятеж Гоцинского в 1920—1921 гг.

** В тексте «дагестанских чеченцев» (К. М.).

ся другом и могучей защитницей бедноты. Развить политграмоту, поставить главнейшей задачей ее — установление прочных дружеских взаимоотношений армии с населением. Реввоенсовет армии уверен, что командиры и комиссары частей проявят личную инициативу и находчивость и заслужат любовь и уважение горской бедноты.

Прошу прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах».

Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2053, л. 254—255.

Машинописная копия.

Опубликовано в газете «Правда Грузии» № 13, 17 марта 1921 г.

№ 12

ТЕЛЕГРАММА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ ДАГЕСТАНСКОМУ РЕВКОМУ С ПОЗДРАВЛЕНИЕМ ТРУДЯЩИХСЯ ДАГЕСТАНА, КРАСНЫХ ПАРТИЗАН И КРАСНОЙ АРМИИ В СВЯЗИ С РАЗГРОМом АНТИСОВЕТСКОГО МЯТЕЖА ГОЦИНСКОГО

20 марта 1921 г.

Примите мой братский привет и передайте его горской бедноте Дагестана, славным красным партизанам и непобедимой героической Красной Армии — гордости Рабоче-Крестьянской России. Поздравляю вас с полным разгромом белогвардейских банд, наемников Антанты и холуев международной буржуазии грузинских меньшевиков, правительство которых позорно под прикрытием французских миссионеров бежало в Константинополь.

Да здравствует Автономная Республика Дагестана!

Да здравствует героическая Красная Армия!

Орджоникидзе

Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1449, л. 30.

Машинописная копия.

Газета «Правда Грузии» № 17, 17 марта 1921 года.

№ 13

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЦИК О НАГРАЖДЕНИИ ДАГЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

12 февраля 1923 года

**Российская Социалистическая Федеративная Советская
Республика. Всероссийский Центральный Исполнительный
Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских
и Казачьих Депутатов**

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов награждает Дагестанскую Социалистическую Республику орденом Трудового Красного Знамени — высшим знаком отличия, установленным для выдающихся работников на фронте труда, как признание их заслуг перед трудящимися и революцией и в ознаменование самоотверженного упорного труда, широкого и смелого почина, мощного организационного размаха, неусыпного рвения, блестящей плодотворной деятельности, направленной на восстановление и развитие народного хозяйства республики.

Трудовой подвиг Дагестанской С. С. Респ[ублики] выразился в том, что в течение 3-х месяцев по собственному почину прорыли канал длиною в пятьдесят верст.

Награждая в лице Дагестанской С. С. Р. настойчивость, энергию и ревностное исполнение долга, рабоче-крестьянское правительство ставит деятельность эту в пример другим работникам на обширном поприще народного хозяйства республики, дабы ряды сознательных, самоотверженных борцов за великое дело укрепления и развития коммунистического строя ширились и множились с каждым днем.

Председатель ВЦИК М. Калинин 12/II-1923 год № 7

(Грамота и орден хранятся в Верховном Совете ДАССР).

ГРАМОТА ВЦИК О НАГРАЖДЕНИИ КОЛЛЕКТИВА РАБОЧИХ ФАБРИКИ им III ИНТЕРНАЦИОНАЛА ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

16 мая 1923 года

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов.

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов награждает рабочих фабрики «III Интернационала» орденом Трудового Красного Знамени. Высшим знаком отличия, установленным для выдающихся работников на фронте труда, как признание их заслуг перед трудящимися и революцией, и в ознаменование самоотверженного, упорного труда, широкого и смелого почина, мощного организационного размаха, неусыпного рвения, блестящей плодотворной деятельности, направленной на восстановление и развитие народного хозяйства республики.

Трудовой подвиг рабочих фабрики «III Интернационала» выразился в том, что напряженной работой они достигли высокой производительности труда.

Награждая в лице рабочих фабрики «III Интернационала» настойчивость, энергию и ревностное исполнение долга, рабоче-крестьянское правительство ставит деятельность эту в пример другим работникам на обширном поприще народного хозяйства республики, дабы ряды сознательных самоотверженных борцов за великое дело укрепления и развития коммунистического строя ширились и множились с каждым днем.

Председатель ВЦИК

М. Калинин

Секретарь ВЦИК

Сапронов

Фотокопии.

№ 15

**СООБЩЕНИЕ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ ДАГЕСТАН» ОБ
ОБЪЯВЛЕНИИ БЛАГОДАРНОСТИ РВС РЕСПУБЛИКИ,
ОСОБО ОТЛИЧИВШИМСЯ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ
В ДАГЕСТАНЕ АУЛАМ, УЧАСТКАМ И ПАРТИЗАНСКИМ
ОТРЯДАМ ДАГЕСТАНА**

26 мая 1923 г. *

Приказом Революционного Военного Совета Республики по личному составу армии, от 26 мая с. г., за № 76, за храбрость и геройство, проявленные при подавлении контрреволюционного восстания в Дагестане в 1920—1921 г. г., объявлена благодарность: Чохской ком[мунистической] ячейке и аулу Телетль Гунибского округа; Цудахарской ком[мунистической] ячейке, аулу Мекеге, Урахи и отряду Богатырева Даргинского округа; Ахвахскому участку, аулам Хунзах, Унцукуль и Хариколо Аварского округа и аулам Дургели, Губдену, Чиркею и Кумторкале Буйнакского округа.

Газета «Красный Дагестан» № 139 от 25 июня 1923 г.

№ 16

**СООБЩЕНИЕ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ ДАГЕСТАН»
О НАГРАЖДЕНИИ ВЦИК ГРАМОТОЙ ОСОБО
ОТЛИЧИВШИХСЯ В БОЯХ ЗА СОВЕТСКИЙ ДАГЕСТАН
ПАРТИЙНЫХ ЯЧЕЕК, УЧАСТКОВ,
ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ ДАГЕСТАНА**

9 апреля 1924 г. **

Выданы грамоты:

1. Чохской [коммунистической] ячейке, 2. Цудахарской коммунистической] ячейке, 3. Отряду Богатырева, 4. Ахвахскому участку, 5. Селение Унчукатль Кази-Кумухского округа, 6. Хунзах Аварского округа, 7. Дургели Буйнакского округа.

* Дата составления.

** Дата опубликования.

8. Селение Кадар Буйнакского округа. 9. Селение Унцукуль Аварского округа. 10. Селение Хариколо Аварского округа, 11. Селение Кахиб Гунибского округа, 12. Селение Телетль Гунибского округа, 13. [Селение] Чиркей Буйнакского округа и 14. [Селение] Кумторкала Буйнакского округа.

Газета «Красный Дагестан» № 79 от 9 апреля 1924 г.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИСТОРИЯ

	Стр.
Д. Васильев. Героическая оборона Кизляра в 1918 году.	5
М. Кичев. Разгром антисоветского мятежа в Дагестане в 1920—1921 гг.	21
А. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан.	54
А. Тамай. Восстание 1711—1722 гг. в Азербайджане.	77
А. Омаров. М. М. Ковалевский как исследователь обычного права народов Дагестана.	90
Р. Г. Маршаев. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII—нач. XIX вв.	100
М. С. Саидов. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах Дагестана.	122

АРХЕОЛОГИЯ

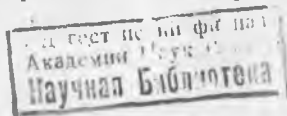
В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. (Предварительное сообщение).	135
В. И. Каневец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году.	157

ЛИТЕРАТУРА

Р. Юсуфов. Проблема национальной самобытности литературы в эстетике Белинского (40-е годы).	171
---	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

У. А. Мейланова. Краткая характеристика гюнейского диалекта лезгинского языка.	213
З. Джапаридзе. Некоторые фонетические особенности речи селений Манас-аул и Аркас.	244
Я. Сулейманов. Некоторые фонетические особенности рикванинского говора андийского языка.	262
Ш. И. Микаилов. Согратлинский говор южного наречия аварского языка.	290
ДОКУМЕНТЫ	322

С03384 Сдано в набор — 1 VM—1957 г. Подписано к печати — 27/IX—1957 г. Формат — 60×92/16. Объем — 21,25 п. л. Тираж — 1000. Цена — 12 руб. 75 к. Заказ № 1277

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
60	2-я снизу	morgenländischen	morgenländischen
64	2-я снизу	J. Klaproth, F.	J. Klaproth
74	1-я снизу	B. Auszüge	B. Dorn. Auszüge
75	24-я сверху	Наждаром	Намдаром
75	4-я снизу	Melanges asiatique	Melanges asiatiques